

Императоры Византии

С.Б. Дашков

Предисловие автора

Предисловие автора

Моим родителям –
Дашкову Борису Николаевичу и
Воробьевой Наталье Сергеевне –
посвящаю я эту книгу

Я написал эту книгу не в последнюю очередь из-за того, что, при наличии в России серьезной школы византиноведов, публикации, освещающие историю и культуру «второго Рима» (или отдельные их аспекты и периоды), носят в основном академический характер и предназначены, как правило, для историков, культуроведов и других профессионалов-гуманитариев. Популярных работ на русском языке, призванных ознакомить с этим уникальным явлением цивилизации широкую читательскую аудиторию, очень мало; более того, такие книги издавались давно, а значит, приобрести их сейчас проблема. «Императоры Византии» адресована тем читателям, для которых история – сфера непрофессионального интереса. В этой работе нет каких-либо оригинальных теорий, призванных совершить переворот в медиевистике. Она собирательная: переработав достаточно большой объем литературы, я постарался сгруппировать как можно больше сведений исторического характера об этой великой христианской державе и ее правителях и изложить всю информацию в сжатом виде, но, по возможности, живым языком. При этом я стремился не только донести до читателя факты или цитаты из трудов историков, но и создать образы того или иного правителя, эпохи и Византии в целом.

Книгу предваряет «Введение», дающее общее представление о Византийской империи, истории ее столицы Константинополя и об императорской власти в Византии. Последний раздел книги («Эпилог» и глава «Софья Палеолог») уже, в общем, о Руси, что и указано в названии раздела.

Основная же часть состоит из нескольких десятков глав, каждая из которых посвящена одному старшему императору (в редких случаях – нескольким), официально правившему в столице (Константинополе или Никее). Для младших соправителей, а также самостоятельно не правивших жен императоров, за несколькими исключениями (Михаил IX Палеолог, Пульхерия, Афинаида-Евдокия и Феодора), отдельных глав нет. Нет отдельных глав и для узурпаторов, не захвативших столицу. Кроме «императорских», имеются две дополнительные главы: «Помощники Юстиниана» и «Патриарх Михаил Кируларий и раскол церквей». Исключения обусловлены особой ролью этих людей в истории.

Я не старался выстраивать все главы по какой-либо жесткой схеме, и основное влияние на их объем и содержание оказало количество исходной информации. Поэтому одни главы получились обширными и подробными, другие – нет. В случае цитирования (из работ современных ученых, а также из переводов на русский язык трудов византийских и других средневековых авторов) после каждой цитаты дается номер источника по списку литературы (с. 360 – 365) и страница. В отдельных случаях в текст цитат внесены незначительные стилистические изменения.

Для удобства пользования книга снабжена картами, именным указателем и словарем-гlossарием. Последний содержит несколько больше специальных слов, нежели встречается в тексте. Следует заметить, что при попытке дать краткое определение сложным терминам (например, ересям или отдельным направлениям христианского учения и т.п.) достигнутый результат не всегда может претендовать на исчерпывающую точность (к сожалению, краткость -сестра не только таланта, но и упрощения).

Транслитерация византийских имен исторических лиц, географических названий и специальных терминов в основном произведена по Рейхлиновой системе. Однако там, где чтение Рейхлина не соответствует общепринятой традиции, оставлена система Эразма. Главным образом это касается западных имен и слов, пришедших из латинского языка («Галла

Плацидия» вместо «Галла Плакидия», «Олибрий» вместо «Оливрий», «патрицианский» вместо «патрикианский» и т.д.). Кроме того, везде, где это было возможно, я предпочел традиционное прочтение восточных имен и терминов («Омар» вместо «Умар», «эмир» вместо «амир», «каган» вместо «хакан», «Бахрам» вместо «Вараран» и т.п.). Это следует учитывать при работе с именным указателем и словарем-гlossарием. Что касается спорных датировок, то в большинстве случаев для важнейших дат (рождение и смерть самодержцев, их восшествие на трон и т.п.) предпочтение отдавалось указанным в «Oxford Dictionary of Byzantium», вышедшем под редакцией А.П.Каждана в 1991 г. В книге имеются изображения почти всех императоров ¹ – на монетах ², современных и близких по времени мозаиках, фресках, иконах, книжных миниатюрах и т.п. Конечно же, вопрос о том, влияние чего в них сильнее – портретного сходства с реальным человеком или же канона парадных изображений абстрактного правителя, а то и просто умения художника, – в каждом случае решается историками и искусствоведами по-разному. Данная проблема в книге не затрагивалась (как и вообще вопросы искусствоведения), но следует обратить внимание читателя на ее наличие. Кроме того, поскольку эта работа не преследует целей нумизматического анализа, все изображения монет даны в произвольном масштабе.

Мне бы очень хотелось поблагодарить редактора В. Казарова, художника М.Я. Турбовского, кандидата исторических наук доцента Б.С. Кагановича, сделавшего замечания еще по первоначальному тексту, Е.В. Монахову и Э.О. Шиманскую, взявших на себя труд по верстке рукописи, Е.В.Дашкову, которая стала не только первым читателем и редактором книги, но и автором реконструкции гербов на форзаце, а также Е.Ю. Гончарова. Особую благодарность я хотел бы выразить доктору исторических наук А.А.Чекаловой, чьи замечания помогли устранить ряд недостатков книги, а благожелательный отзыв о данной работе немало способствовал ее изданию.

Введение

В начале 395 г. последний император объединенной Римской империи – Цезарь Флавий Феодосий Август, отправился из Рима в Константинополь. «Прибыв в Медиолан, он заболел и послал за сыном своим, Гонорием, которого увидевши, почувствовал себя лучше. Затем смотрел конское ристание, но после сделалось ему хуже и, не имея сил посетить вечером зрелище, приказал сыну заменить его и в следующую ночь почил о Господе, семидесяти лет отроду ³, оставив после себя царями двух сынов – старшего, Аркадия, на Востоке, а Гонория – на Западе» – так повествует о смерти Феодосия I Великого византийский летописец Феофан [82, с. 58].

Отныне Римская империя фактически навсегда была разделена на две части – Западную и Восточную. Западная империя, ослабленная и угасающая, просуществовала еще восемьдесят один год, изнемогая под ударами соседних варварских племен. В 476 г. варвар Одоакр, предводитель германских наемников, составлявших в конце V столетия основную боевую силу Запада, потребовал от императора Ромула (а точнее, от его отца, военачальника Ореста, фактически управлявшего государством) треть Италии для поселения своих воинов. Император отказался удовлетворить это требование, в ответ наемники подняли мятеж, провозгласив Одоакра «конунгом» (т. е. князем) Италии. Орест погиб, а 23 августа Ромул был низложен.

Императорская власть, уже давно являвшаяся на Западе просто фикцией, не прельщала Одоакра, и он ее не принял. Последний западноримский император, подросток Ромул, умер в конце семидесятых годов в Неаполе, на бывшей вилле Лукулла, где он находился на положении узника. Одоакр отправил корону и пурпурную мантию – знаки императорского достоинства – в Константинополь императору Зинону, формально подчинившись ему во избежание конфликтов с Востоком. «Как Солнце одно на небе, так и на Земле должен быть один император» – было начертано в послании

константинопольскому монарху. Зинону ничего не оставалось делать, как узаконить свершившийся переворот, и он даровал Одоакру титул патриция.

История посмеялась над «Римом первым» – основанный Ромулом Великим город был окончательно раздавлен варварством в правление второго и последнего Ромула, получившего у современников презрительную кличку Августул – за ничтожество ⁴.

«Рим второй» – Восточноримская империя, или Византия, продержался еще без малого тысячу лет, во многом действительно переняв эстафету античного Рима и создав на стыке Запада и Востока свою, оригинальную государственность и культуру, удивительным образом сочетавшую в себе черты высокомерного греко-римского рационализма и варварской восточной деспотии... Итак, Византия – название государства, сложившегося на восточных землях великой Римской империи в IV – V вв. и просуществовавшего до середины XV столетия. Следует знать, что термин «Византия» (равно как и «Восточноримская» и «Западноримская» империи) условный и введен в обиход западными историками позднейших времен. Официально Римская империя всегда оставалась единой, граждане Византии всегда считали себя преемниками римлян, свою страну они называли Империей ромеев («римлян» по-гречески), а столицу – Новым Римом. Согласно классическому определению, Византия – это «органический синтез трех компонентов – антично-эллинистических традиций, римской государственной теории и христианства» [146, с. 98].

Экономическое и культурное обособление востока Римской империи от запада началось в III–IV вв. и окончательно завершилось лишь в V столетии, в связи с чем нельзя назвать точную «дату рождения» Византии. Традиционно ее историю ведут от времени императора Константина I и основания им на левом берегу пролива Босфор второй столицы империи. Иногда «точку отсчета» полагают иной, например:

- начало раздельного управления империей при Диоклетиане (конец III в.);
- империя времен Констанция II и превращение Константинополя в полноправную столицу (середина IV в.);
- разделение империи в 395 г.;
- упадок и гибель Западной империи (середина V в. – 476 г.);
- правление императора Юстиниана I (середина VI в.);
- эпоха после войн Ираклия I с персами и арабами (середина VII в.).

В 284 г. нашей эры престолом Римской империи овладел иллириец Диокл, принявший тронное имя Диоклетиана (284 – 305). Ему удалось обуздать кризис, терзавший обширное государство с середины III в., и фактически спасти империю от полного распада, проведя реформы основных сфер жизни страны.

Однако мероприятия Диоклетиана не привели к окончательному улучшению. Ко времени вступления в 306 г. на трон Константина, позднее прозванного Великим, держава римлян вступила в очередную полосу упадка. Система диоклетиановой тетрархии (когда государством управляли два старших императора с титулами августов и два младших – цезари) не оправдала себя. Правители не ладили друг с другом, огромная империя в который раз стала ареной разорительных гражданских войн. К началу двадцатых годов IV столетия Константину удалось победить соперников и остаться единодержавным властелином. Финансово-экономические и административные мероприятия Константина позволили стабилизировать положение государства, по крайней мере, до конца IV в.

Тот Рим, эпохи домината, не был похож на Рим первых августов или великих Антонинов, и не последнюю роль в этом сыграло изменение экономических факторов античного общества.

К концу II в. нашей эры победоносные войны Рима с окружающими державами в основном завершились. Масштаб завоеваний резко сократился, а вместе с тем начал

иссякать и приток рабов, составлявших основную производительную силу общества. Вкупе с малой эффективностью рабского труда это привело к постепенному вовлечению в процесс производства все большей и большей массы беднейших свободных граждан, особенно на востоке империи, где мелкое землевладение и ремесленное производство было традиционным. Кроме того, все большее распространение получил обычай наделять рабов собственностью (пекулием) и сдавать им в аренду обрабатываемую землю и предметы труда. Постепенно социальный статус таких рабов начал приближаться к статусу свободных крестьян-арендаторов (колонов) и ремесленников. В начале III в. римское общество разделилось на два сословия - «достойных», *honestiores*, и «смирненных», *humiliores*. К IV в. в состав первого ⁵ вошли потомки сенаторов, всадников, куриалов, а во второе, наряду с плебеями, – колоны, вольноотпущенники, а затем все чаще и рабы. Постепенно колонам и их потомкам было запрещено покидать свои земли (в V в. их перестали даже набирать в армию), подобным же образом признавалась наследственная и принадлежность к ремесленным коллегиям и городским куриям.

В сфере идеологической основным событием тех лет стало принятие империей христианства. 30 апреля 311 г. август Галерий издал в Никомидии эдикт, разрешивший населению исповедовать «заблуждения христианства». Спустя два года августы Константин I и Лициний опубликовали аналогичный эдикт в Медиолане, а в 325 г. Константин I, не приняв еще крещения, председательствует на Никейском соборе христианских епископов. Вскоре новый эдикт Константина о веротерпимости разрешил исповедовать уже «заблуждения язычества». После краткой и безуспешной попытки Юлиана II Отступника реанимировать язычество стало ясно, что оно исчерпало себя. В 381 г. христианство было провозглашено государственной религией империи. Это стало концом античной культуры.

Все большую и большую роль в жизни страны (в основном на западе) начинают играть варвары-германцы. Уже с середины

IV в. большая часть армии Запада и значительная – Востока комплектовалась не из римских свободных граждан, а из варваров-федератов, подчинявшихся римским властям до поры до времени. В 377 г. среди вестготских федератов Мизии вспыхнуло восстание. В августе 378 г. в битве при Адрианополе восточноримское войско потерпело от вестготов сокрушительное поражение, в бою погиб император Валент II.

Августом Востока стал военачальник Феодосий. Титул августа даровал ему император Запада Грациан. Через некоторое время Грациан пал под мечами взбунтовавшихся солдат, и Феодосий Великий, взяв в соправители малолетнего брата Грациана, Валентиниана II, остался фактически самодержцем. Феодосий сумел усмирить вестготов, отразить набеги других варваров и победить в тяжелых гражданских войнах с узурпаторами. Однако после смерти Феодосия в государстве произошел раскол. Дело вовсе не в разделе власти между Аркадием и Гонорием – подобное было привычным, – а в том, что с той поры Запад и Восток, давно осознававшие свое экономическое и культурное различие, стали стремительно отдаляться друг от друга. Их отношения стали напоминать (при формальном сохранении единства) отношения враждующих государств. Так началась Византия.

По завещанию Феодосия Великого к Византии после 395 г. отошли наиболее развитые территории: Балканы, владения Рима в Малой Азии, Месопотамии, Армении, Южном Крыму, Египет, Сирия, Палестина и часть Северной Африки. С начала V в. под власть ее императоров окончательно попали Иллирик и Далмация. Империя была многоэтнической, но ядро ее населения составляли греки, греческий и был ее основным (а с конца VI в. и государственным) языком. Отстояв свои владения от нашествия варваров в V в., Византия выжила и просуществовала, непрерывно изменяясь, более тысячи лет, оставшись уникальным явлением евразийской цивилизации.

В данной книге основная часть повествования начинается с императора Аркадия (об императорах Востока до

Аркадия и Запада от Гонория до Ромула Августа читатель может узнать из [234]).

К концу V в. все земли Западной Римской империи вошли в состав варварских королевств, большинство которых, правда, признавало номинальное владычество императоров в Константинополе⁶. Византия сумела справиться как с внешними варварами, так и с состоявшими на ее службе. Избежав варварского завоевания, Восток сохранил себя и свою культуру. Упадок, постигший Запад, не стал участью Византии. По-прежнему процветали ремесла и торговля, на высоком уровне оставалось сельское хозяйство. К середине VI в. Византия смогла предпринять попытку взять реванш у варварского мира. В правление императора Юстиниана Великого ромеи отвоевали бывшие свои владения в Италии, Африке и частично в Испании. Но тяжелые войны надорвали силы империи. В конце столетия многие из этих земель были снова утрачены. В западных районах Византии (в Иллирике и Фракии) начали оседать славянские племена, в Италии – лангобарды. Хозяйство страны пришло в упадок, участились мятежи. В 602 г. к власти пришел узурпатор Фока. Через восемь лет его правления империя оказалась на краю гибели. Ромеи не смогли удержать власть в наиболее экономически ценных районах -Сирии, Палестине и Египте, которые были отторгнуты персами. Свергнувший ненавистного всем Фоку Ираклий (610) сумел улучшить положение, но ненадолго. На истощенную внешними и внутренними войнами державу обрушились арабы на юге и востоке, славяне и авары – на западе. Ценой невероятных усилий империя сохранила самостоятельность, хотя ее рубежи сильно сократились. Так завершился первый период истории Византии – период становления. Дальнейшая ее история представляет собой непрерывную летопись выживания. Форпост христианства, Византия встречала всех завоевателей, рвавшихся в Европу с востока. «... Если принять во внимание тот факт, что империя лежала как раз на пути всех народных передвижений и первая принимала на себя удары могучих восточных варваров, то придется удивляться тому, сколько она отразила нашествий, как

хорошо умела пользоваться силами врагов [по принципу «разделяй и властвуй». – С. Д.] и как она продержалась в течение целого тысячелетия. Велика была та культура и много мощи таила в себе она, если породила такую гигантскую силу сопротивления!» [245, т. X, с. 116 – 117].

С середины VII столетия в плане административного устройства Византия начала отходить от принципов римской диоклетиановой системы, основанной на разделении военной, гражданской и судебной власти. Это было связано с началом становления фемного строя. Со временем вся территория империи была разделена на новые административные единицы – фемы. Во главе каждой фемы стоял стратиг, который осуществлял гражданское управление и командовал фемным войском. Основой армии стали крестьяне-стратиоты, получавшие от государства землю на условии несения воинской службы. При этом сохранилась главная особенность Византии, всегда отличавшая ее от стран христианской Европы, – централизованное управление государством и сильная императорская власть. Вопрос о генезисе фемного строя сложен, скорее всего, первые нововведения относятся к правлению императора Ираклия I, а окончательное оформление произошло в середине и конце VIII в., при императорах Сирийской (Исаврийской) династии.

К этому времени относится некоторый упадок культуры, связанный, во-первых, с непрекращавшимися тяжелыми войнами, а во-вторых, с движением иконоборчества (см. «Лев III» и «Константин V»). Однако уже при последних императорах Аморийской династии (820 – 867) Феофиле и Михаиле III наступил период общего социально-экономического и культурного улучшения.

При императорах Македонской династии (867 – 1028) Византия достигает своего второго расцвета.

С начала X в. намечаются первые признаки распада фемного строя. Все больше стратиотов разоряется, их земли попадают в руки крупных землевладельцев – динатов. Репрессивные меры, принимаемые императорами против динатов в X – начале XI в., не принесли ожидаемых плодов. В

середине XI в. империя снова попала в полосу сильнейшего кризиса. Государство сотрясали мятежи, трон империи переходил от узурпатора к узурпатору, ее территория сократилась. В 1071 г. в битве при Манцикерте (в Армении) ромеи потерпели сильнейшее поражение от турок-сельджуков; тогда же норманны захватили остатки италийских владений Константинополя. Лишь с приходом к власти новой династии Комнинов (1081 – 1185) наступила относительная стабилизация.

К концу XII столетия потенциал реформ Комнинов иссяк. Империя пыталась удержать за собой позицию мировой державы, но теперь – впервые! - страны Запада начинают явно превосходить ее по уровню развития. Вековая империя становится не в состоянии конкурировать с феодализмом западного типа. В 1204 г. Константинополь был взят штурмом католическими рыцарями – участниками IV крестового похода. Однако Византия не погибла. Оправившись от удара, она сумела возродиться на уцелевших от латинского завоевания малоазиатских землях. В 1261 г. Константинополь и Фракия были возвращены под власть империи Михаилом VIII Палеологом – основателем последней ее династии. Но история Византии Палеологов – это история агонии страны. Окруженная врагами со всех сторон, ослабленная гражданскими войнами, Византия гибнет. 29 мая 1453 г. войска турецкого султана Мехмеда II овладели Константинополем. Спустя пять – десять лет под властью турок-османов оказались остатки ее земель. Византии не стало.

Византия существенно отличалась от современных ей государств христианской Западной Европы. Например, общий для западноевропейского средневековья термин «феодализм» к Византии может быть применен лишь с большими оговорками, да и то – только к поздней. Подобие института вассально-ленных отношений, основанного на собственности частных лиц на землю и зависимости от господина обрабатывавших ее крестьян, отчетливо появляется в империи лишь со времен Комнинов. Ромейское общество более ранней поры, эпохи расцвета (VIII – X столетий), больше похоже на, скажем, Египет Птолемеев, где государство занимало главенствующие позиции

в экономике. В связи с этим тогдашней Византии была присуща невиданная для Запада вертикальная подвижность общества. «Благородство» ромея определялось не происхождением, а в большей степени личными качествами. Наследственная аристократия, конечно, была, но принадлежность к ней не определяла целиком будущей карьеры. Сын булочника мог стать логофетом или наместником провинции, а потомок высших сановников кончить свои дни евнухом или простым писцом – и никого это не удивляло.

Начиная с Комнинов влияние аристократии усиливается, но основанная на сословном «праве крови» иерархичная структура стран Запада в Византии не прижилась - во всяком случае, в полном ее объеме (см., например, [139]).

В плане культурном империю отличало еще большее своеобразие. Будучи христианской страной, Византия никогда не забывала антично-эллинистических традиций. Разветвленный бюрократический аппарат требовал массы грамотных людей, что обусловило невиданный размах светского образования. В те годы, когда Запад пребывал в невежестве, ромеи зачитывались древними классиками литературы, спорили о философии Платона и Аристотеля. В Константинополе с 425 г. существовал университет, работали первоклассные по тому времени больницы. Архитектура и математика, естественные науки и философия – все это сохранялось благодаря высокому уровню материального производства, традициям и уважительному отношению к учености. Купцы империи плавали в Индию и на Цейлон, достигали Малаккского полуострова и Китая. Греческие врачи не только комментировали Гиппократ и Галена, но и успешно привносили новое в античное наследие.

Немалую роль в культуре империи играла церковь. Но в отличие от католичества, православная церковь никогда не была воинствующей, а распространение православия среди славян Восточной Европы и на Руси привело к возникновению дочерних культур этих стран и складыванию особых отношений между государствами – своего рода «содружества» (см. [240]).

Ситуация изменилась в конце XII столетия. С того времени уровень Запада, как уже говорилось выше, начал превосходить византийский прежде всего в плане материальном. А в плане духовном постепенно исчезла альтернатива «цивилизация Византии – варварство Запада»: «латинский» мир обрел свою развитую культуру. Справедливости ради отмечу, что это относится далеко не ко всем представителям западного мира – явившиеся на Восток нечистоплотные, грубые и невежественные европейские рыцари служили тому иллюстрацией; именно поэтому, контактируя в основном с крестоносцами, просвещенные ромеи долгое время (XII – XV вв.) отказывали Западу в праве считаться цивилизованным миром. Правда, сравнивать «уровни развития культуры» всегда было занятием в общем сложным, а главное, бесперспективным, хотя люди (как правило, с позиций собственного этно-, конфессио- и т. д.-центризма) *это делали, делают и делать не перестанут. Лично я не вижу надежного и беспристрастного критерия понятия «культурный уровень». Пример: если оценивать с точки зрения художника качество византийских монет VI -VIII вв., то между этими произведениями искусства, слитого с мастерством, и бесформенными кусочками металла с изображениями типа «точка, точка, два крючочка» – монетами Ласкарисов и Палеологов – пропасть, упадок налицо. Однако говорить на этом основании об отсутствии художников в поздней Византии нельзя – просто они стали другими и творили иное (достаточно упомянуть фрески монастыря Хоры). У центральноамериканских индейцев XV – XVI вв. не было прирученных лошадей и колесных повозок, а приношение людей в жертву практиковалось – но кто осмелится назвать варварскими общества, погибшие под огнем аркебузирова Кортеса? Сейчас – едва ли, но вот в XV – XVI вв. право испанцев уничтожать «диких» ацтеков мало кто оспаривал. С другой стороны, у каждого из нас есть своя мера, и навряд ли мы усомнимся, кого из предков считать культурнее – кроманьонца с дубиной или Аристотеля. Главное, наверное, другое – своеобразие. А с этой точки зрения Византия никогда

не теряла своей культуры. Ни при Юстиниане, ни при Ангелах, ни при Палеологах, хотя это эпохи разные. Правда, если культура ромеев в VI в. могла идти вослед пыльным легионерам Велисария, то через тысячу лет этого пути уже не было.

Но и в XV в. Византия продолжала оказывать свое духовное влияние на мир, причем не только православный – европейский Ренессанс не в последнюю очередь обязан своим появлением идеям, шедшим с греческого Востока. И такое «ненасильственное» проникновение стократ ценнее. А кто знает (все равно ни подтвердить, ни опровергнуть данное предположение нельзя), быть может, мы восхищаемся идеями Канта или Декарта лишь «благодаря» солдатам Балдуина Фландрского и Мехмеда II, ибо кто исчислит гениев, неродившихся в дважды разгромленном Константинополе, и кто знает, сколько книг погибло под равнодушными сапогами паладинов Христа и Аллаха!

Византийские императоры

В республиканском Риме «император» – звание, которым солдаты награждали полководца за выдающиеся заслуги. Первые властелины Рима – Гай Юлий Цезарь и Гай Юлий Цезарь Октавиан Август его имели, но официальным их титулом был «принцепс сената» – первый в сенате (отсюда и название эпохи первых императоров – принципат). Позже титул императора давался каждому принцепсу и заменил его.

Принцепс не был царем. Римлянам первых веков нашей эры была чужда идея рабского повиновения властелину (на практике, конечно, случалось иначе – при таких владыках, как Калигула, Нерон или Коммод). Иметь царя (*rex* – латыни и *вабилеус* по-гречески) они считали уделом варваров. Со временем идеалы Республики ушли в небытие. Аврелиан (270 – 275) окончательно включил в свою официальную титулатуру слово *dominus* – господин. Настала эпоха домината, сменившего принципат. Но только в Византии идея императорской власти обрела самую зрелую форму. Как Бог суть высшее всего мира, так и император возглавляет царствие земное. Власть императора, стоявшего на вершине земной империи, организованной по подобию иерархии «небесной», священна и богохранима.

Но царь (титул василевса ромеев официально принял в 629 г. Ираклий I, хотя народ стал называть так своих владык много ранее), не соблюдавший «законов божеских и человеческих», считался тираном, и это могло служить оправданием попыток его свержения. В моменты кризисов такие смены власти становились привычными, и императором мог стать любой гражданин державы (принцип наследственной власти оформился лишь в Византии последних столетий), потому на троне мог оказаться как достойный, так и недостойный человек. По последнему поводу горестно сетовал Никита Хониат, историк, переживший разгром своей родины крестоносцами: «Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуди и еще жевали во рту понтийскую свинину

[дельфинье мясо, пищу бедняков. – С. Д.], а теперь совершенно открыто изъясляли свои виды и претензии на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыдные глаза, и употребляли в качестве сватов, или лучше [говорить] сводников, продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов... О знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, – кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Каких неистово буйных любовников у тебя не было? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?» [59, т. II, с. 210].

Кто бы ни занимал престол, этикет византийского двора не знал себе равных по торжественности и сложности ⁷. Местом пребывания императора и его семьи был, как правило, Большой императорский дворец – комплекс зданий в центре Константинополя. Во времена последних Комнинов Большой дворец обветшал, и василевсы переехали во Влахернский.

Любой выход государя строго регламентировался правилами. Каждая церемония с участием императора была расписана до мельчайших подробностей. И конечно, с великой торжественностью обставлялось вступление на трон нового царя.

Сам обряд провозглашения с течением веков не оставался неизменным. В ранней Византии коронация носила светский характер, официально императора ромеев избирал синклит, но решающую роль играло при этом войско. Церемония коронации совершалась в окружении отборных частей, кандидата в императоры поднимали на большом щите и показывали солдатам. При этом на голову провозглашаемого возлагалась шейная цепь офицера-кампидуктора (*torques*). Раздавались выкрики: «Такой-то, ты побеждаешь (*tu vincas*)!» Новый император раздавал солдатам донатив – денежный подарок.

С 457 г. в коронации начал принимать участие константинопольский патриарх (см. «Лев I»). Позже участие церкви в коронации стало более активным. Церемония

поднятия на щите отошла на второй план (по мнению Г. Острогорского [187], с VIII в. вообще исчезла). Ритуал провозглашения усложнился и стал начинаться в палатах Большого дворца. После нескольких переодеваний и приветствий придворных и членов синклита кандидат входил в митаторий – пристройку к храму св. Софии, где облачался в парадные одежды: дивитисий (род туники) и цицакий (разновидность плаща – хламиды). Затем он вступал в храм, проходил к солее, молился и вступал на амвон. Патриарх читал молитву над пурпурной хламидой и надевал ее на императора. Затем из алтаря выносили венец, и патриарх возлагал его на голову новоиспеченного василевса. После этого начинались славословия «димов» – представителей народа. Император сходил с амвона, возвращался в митаторий и принимал там поклонение членов синклита.

С XII столетия вновь возродился обычай поднимать кандидата на щит, и в чин поставления на трон добавилось миропомазание⁸. Но смысл первого обряда изменился. Кандидата поднимали на щите уже не солдаты, а патриарх и высшие светские сановники⁹. Затем император шел в св.Софию и участвовал в богослужении. После молитвы патриарх крестообразно мазал голову василевса миром и провозглашал: «Свят!»; этот возглас трижды повторяли иереи и представители народа. Затем диакон вносил венец, патриарх надевал его на императора и раздавались крики «Достоин!». К воцарившемуся императору подходил мастер с образцами мрамора и предлагал ему выбрать материал для гроба – в напоминание того, что и правитель богохранимой Империи ромеев тоже смертен.

Несколько иначе было обставлено провозглашение «младшего» императора-соправителя (бумвабилеус). Тогда корону и хламиду возлагал старший император – принимая, правда, их из рук патриарха.

Важная роль церкви в ритуале коронации была не случайной, а диктовалась особыми отношениями светской и духовной власти Империи ромеев.

Еще во времена языческого Рима император имел звание верховного жреца – pontifex maximus. Эта традиция сохранилась и в православной Византии. Василевсы почитались как дефенсоры или экдики (защитники, попечители) церкви, носили титул афиос – «святой», могли участвовать в службе, наравне со священнослужителями имели право входить в алтарь. Они решали вопросы веры на соборах; волей императора из предложенных епископами кандидатов (обычно трех) избирался константинопольский патриарх.

В плане политическом идеалом отношений царя ромеев и православной церкви, в основном сложившимся к середине VI в. и продержавшимся до падения империи, была симфония – «согласие». Симфония заключалась в признании равноправия и сотрудничества светской и духовной властей. «Если епископ оказывает повиновение распоряжениям императора, то не как епископ, власть которого, как епископа, проистекала бы от императорской власти, а как подданный, как член государства, обязанный оказывать повиновение Богом поставленной над ним предержащей власти; равным образом, когда и император подчиняется определениям священников, то не потому, что он носит титул священника и его императорская власть проистекает от их власти, а потому, что они священники Божии, служители открытой Богом веры, следовательно – как член церкви, ищущий, подобно прочим людям, своего спасения в духовном царстве Божиим» [151, с. 20]. В предисловии к одной из своих новелл император Юстиниан I писал: «Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара – священство и царство; то [первое] заботится об угождении Богу, а это [второе] – о прочих предметах человеческих. Оба же, проистекая из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому нет важнейшей заботы для государей, как благоустроение священства, которое, со своей стороны, служит им молитвой о них Богу. Когда и церковь со всех сторон благоустроена, и государственное управление движется твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу, то возникает добрый и благотворный союз

церкви и государства, столь вожделенный для человечества» [151, с. 24].

Византия не знала такой ожесточенной борьбы государей и церкви за власть, какая царила на католическом Западе на протяжении почти всего средневековья. Однако если император нарушал требования симфонии и давал тем самым повод обвинять себя в неправославии, это могло послужить идеологическим знаменем его противникам, «ибо царство и церковь находятся в теснейшем союзе, и ... невозможно отделить их друг от друга. Тех только царей отвергают христиане, которые были еретиками, неистовствовали против церкви и вводили развращающие догматы, чуждые апостольского и отеческого учения» (патриарх Антоний IV, [182, с. 304]).

Провозглашение симфонии официальной доктриной вовсе не означало неперемного осуществления этого идеала на практике. Бывали императоры, всецело подчинявшие себе церковь (Юстиниан Великий, Василий II), и бывали такие патриархи, которые считали себя вправе руководить императорами (Николай Мистик, Михаил Кируларий).

Со временем блеск империи угас, но авторитет ее церкви среди православных оставался непререкаемым, и императоры Византии, пусть номинально, считались их повелителями. В конце XIV в. патриарх Антоний IV писал великому князю московскому Василию Дмитриевичу: «Хотя по Божьему попущению неверные и стеснили власть царя и пределы империи, однако же и до сего дня царь поставляется церковью по тому же самому чину и с тени же молитвами [как и прежде], и до сего дня он помазуется великим миром и поставляется царем и автократом всех ромеев, т. е. христиан» [151, с. 6].

Константинополь

Столицей империи почти все время ее существования, за исключением периода с 1204 по 1261 г., был Константинополь – один из крупнейших городов античности и раннего средневековья. Для большинства византийцев (да и иноземцев) империя – это в первую очередь Константинополь, город был ее символом, такой же святыней, как императорская власть или православная церковь¹⁰. Город имеет древнюю историю, но под другим названием – Византии.

В 658 г. до н.э. жители греческих Мегар, следуя велению дельфийского оракула, основали на западном берегу пролива Босфор свою колонию – Византий. Город, построенный на пересечении торговых путей с Запада на Восток, быстро разбогател и приобрел известность и славу.

В 515 г. до н.э. персидский царь Дарий захватил Византий и сделал его своей крепостью. После битвы при Платеях (26 сентября 479 г. до н.э.), когда греки разбили персидского полководца Мардония, персы навсегда оставили город.

Византий принимал самое активное участие в греческой политике. Византийцы были союзниками афинян в Пелопоннесской войне, по причине чего город подвергался неоднократным осадам спартанцев.

Существуя по соседству с могущественными державами античности, Византий все-таки умудрялся сохранять относительную автономию, умело играя на внешнеполитических интересах окружающих государств. Когда восточное Средиземноморье стало привлекать внимание растущего Рима, город безоговорочно стал на его сторону и поддерживал – сначала Республику, а затем и Империю – в войнах с Филиппом V Македонским, Селевкидами, царями Пергама, Парфии и Понта. Номинально свободу город потерял при Веспасиане, включившем Византий в состав владений Рима, но и тут сохранил за собой немало привилегий.

Под властью принцепсов Византий (главный город римской провинции Европа) пережил период расцвета. Но в конце II в.

этому пришел конец: поддержка Песценния Нигера, кандидата на трон империи (по уровню этой поддержки можно судить о благосостоянии полиса – он выставил Песценнию 500 триер!), обошлась городу слишком дорого. Победивший в междуусобице Септимий Север взял Византий после трехлетней осады и, мстя жителям, разрушил его стены. Город не смог оправиться от такого удара, захирел и более ста лет влачил жалкое существование. Однако другая гражданская война принесла Византию куда больше, чем он потерял в первой: император Константин, сын Констанция Хлора, во время долгих сражений с армией августа Лициния обратил внимание на удивительно выгодное с экономической и стратегической точек зрения расположение Византии и принял решение построить здесь второй Рим – новую столицу державы.

Замысел этот Константин начал реализовывать почти сразу после победы над Лицинием. Строительство началось в 324 г., и, по преданию, Константин Великий лично начертил на земле копьем границу городских стен -померий. 11 мая 330 г. Новый Рим освятили христианские епископы и языческие жрецы. Новый город, куда Константин переселил множество жителей других районов империи, быстро приобрел невиданный ранее блеск. Константинополь, «город Константина» (название «Новый Рим» употреблялось реже ¹¹), стал центром восточных провинций. Сын Константина I, Констанций II, повелел собирать здесь сенат этих провинций и избирать второго консула.

В эпоху Византийской империи город имел мировую известность. Не случайно с даты падения Константинополя многие историки отсчитывают конец средних веков.

Город не потерял важного значения и при османах. Истанбол или Стамбул (от искаженного греческого «ис тин болин» – к городу, в город) несколько веков существенно влиял на всю систему европейской дипломатии.

Сегодня Стамбул – крупный промышленный и культурный центр Турции.

Византия. Рим второй

Аркадий

(ок. 377 – 408, имп. с 383, до 395 – с отцом)

Флавий Аркадий, старший сын Феодосия Великого, родился примерно за год до того, как Феодосий стал августом. «Малого роста, сухощавый, слабосильный, – писал об Аркадии историк Филосторгий, – он имел смуглый цвет лица; вялость его души обличал характер его речи и свойство глаз, которые смыкались сонливо и болезненно» [84, с. 409, цит. по 144, т. I].

На момент смерти отца восемнадцатилетний Аркадий находился в Константинополе, формально – занимаясь делами Востока (Феодосий объявил его соправителем с титулом августа 16 января 383 г.). На самом же деле политику столичного двора определял временщик галл Руфин (он занимал должность префекта претория Востока), искусному руководству которого юный наследник, а затем и государь подчинялся беспрекословно. С гневом вспоминал о Руфине историк V в. Евнапий: «Вокруг него вилась огромная толпа льстецов, а льстецы были из тех людей, которые вчера или третьего дня выбежали из лавочки, чистили отхожие места или мыли пол. Теперь они носили красивые хламиды с золотыми застежками и имели на пальцах печати, оправленные в золото» [17, с. 51].

На Западе роль наставника при одиннадцатилетнем Гонории, о серьезном участии которого в управлении государством не могло идти и речи, играл германец Стилихон. Между двумя могущественными варварами не только не существовало взаимопонимания, но, напротив, царила непримиримая вражда, что пагубно отразилось на делах как Востока, так и Запада: отношения между Константинополем и Римом в короткий срок стали довольно прохладными, а затем и почти враждебными.

Предметом окончательной ссоры послужила область Восточный Иллирик, ранее находившаяся под властью Рима, но при разделе империи в силу ряда причин отданная Феодосием Аркадию. Западное правительство стало требовать Иллирик

обратно, Аркадий, действовавший под диктовку Руфина, не уступил и сам, в свою очередь, заявил о необходимости вывести оттуда римские отряды, подчинявшиеся Стилихону. Тот, от имени Гонория, отказался это сделать, и тогда Аркадий потребовал вернуть назад восточные легионы, незадолго до кончины Феодосия переброшенные на Дунай. На это Стилихон ответил, что он их вернет, когда позволят обстоятельства, и даже сам прибудет в Константинополь для объяснений. Как раз в это время расстроились планы Руфина выдать за Аркадия свою дочь и таким образом породниться с императором ¹² – в результате придворной интриги Аркадий женился во время отлучки Руфина из столицы на красавице Евдоксии (дочери франка Баутона, военачальника на римской службе).

Согласно версии историка Созомена, раздосадованный таким поворотом событий Руфин пошел на предательство интересов государства. Желая укрепить свой пошатнувшийся авторитет, он вступил в переговоры с Аларихом, вождем вестготов, которые после поражения римлян при Адрианополе (378) беспрепятственно хозяйничали во Фракии. Аларих, непримиримый враг римлян, имевший в своем распоряжении огромную армию, поддержал планы императорского фаворита и осенью 395 г. подступил к стенам Константинополя. Город был совершенно не готов к нападению, двор охватила паника. Руфин, разыгрывая комедию, лично отправился в лагерь готов и якобы убедил их города не трогать. Варвары сняли осаду, «спаситель» был обласкан августом. Аларих же вместо того, чтобы возвратиться во Фракию, повернул свои полчища на Грецию и принялся опустошать ее земли, в том числе и те, за которые велся спор с двором Гонория. На помощь подоспел Стилихон – в течение года он нанес захватчикам ряд поражений, а в конце концов окружил их и заставил сдаться. Тут вмешался Аркадий, довольно резко потребовав пощадить Алариха как «друга римлян» и законного правителя Иллирика, что и было сделано.

Отношения Западной и Восточной империй ухудшились настолько, что, когда Аларих снова вторгся во владения

Гонория (402 – 403), Константинополь не оказал Риму никакой помощи, предоставив Стилихону отбиваться самостоятельно. В 406 г. тот же Стилихон разбил у Флоренции двухсоттысячную армию остготов и кельтов без поддержки Востока.

Исход же интриг Руфина против соперника оказался печальным для него самого: 27 ноября 395 г. во время церемонии встречи легионов, возвращавшихся из Италии, он был убит буквально на глазах у императора солдатами военачальника Гайны – сторонника Стилихона.

Новым фаворитом августа стал бывший раб евнух Евтропий. Еще Аммиан Марцеллин писал о нравах евнухов позднего Рима: «Всегда безжалостные и жестокие, лишенные всяких кровных связей, они испытывают чувство привязанности к одному лишь богатству, как к самому дорогому их сердцу детищу» [234, с. 276]. Характеристика эта полностью подходила Евтропию, чья ненасытная жадность вызывала ропот не только приближенных Аркадия, но и народа. Летом 399 г. в столице вспыхнул мятеж, Евтропий был отстранен и вскоре убит.

Однако беспорядки не прекращались, и на этот раз их зачинщиком стал Гайна. Варвар вестготского происхождения, он при помощи своих соплеменников попытался организовать переворот и захватить Константинополь. Против варваров ополчились городские жители, в результате нескольких дней боев готы были изгнаны из столицы 12 июля 400 г. Одну из арианских церквей, где собрались искавшие убежища варвары с семьями, озверевшие горожане сожгли вместе со всеми, кто там находился. Гайна бежал во Фракийский Херсонес и продолжил мятеж, который год спустя был подавлен, а голова зачинщика прислана в подарок императору. Наученный горьким опытом Аркадий около 400 г. завел себе отряд личной стражи из отборных воинов, назвав их «аркадийцами».

При Аркадии скончался константинопольский патриарх Нектарий и август назначил на его место известного проповедника и богослова, одного из ярчайших людей V столетия, Иоанна Златоуста. Новый патриарх был человеком строгих нравов, что пришлось не по вкусу многим жителям

столицы, любителям зрелищ и иных развлечений. С царствующим двором он держал себя независимо, а порою открыто порицал его порядки, что привело к частым конфликтам главы восточной церкви с правительством. Между сторонниками и противниками патриарха нередко происходили настоящие бои. Поводом к очень сильным волнениям послужил факт установки статуи императрицы Евдоксии у церкви св. Ирины. Эпарх города устроил по этому поводу празднество с песнопениями и плясками, которое Златоуст осудил. Разгневанная толпа начала буйствовать, во время драк церковь была подожжена и дотла сгорела вместе с прилегавшими домами.

Вообще, история Византии, особенно ранней, богата волнениями именно на религиозной почве. К началу V в. Константинополь насчитывал от трехсот до пятисот тысяч жителей, и почти половина из них были христиане. Различия в направлениях веры, недовольство существующими порядками, религиозная нетерпимость и борьба на этом фоне столичных политических группировок приводили к тому, что богословские разногласия часто выливались в настоящие побоища, результатами которых пользовались демагоги, всегда умевшие извлекать выгоду из настроений толпы, и вору, под шумок охотно грабившие дома богатых горожан, а случалось, и храмы.

Сам Аркадий относился к вопросам религии довольно равнодушно. Показательны в этом смысле слова, приписываемые ему автором жизнеописания св. Порфирия Газского: «Я знаю, что это языческий город[Газа в Палестине – С.Д], но он добросовестен в уплате налогов, много внося в казну. Если мы внезапно нагоним на них [жителей Газы] страх, то они обратятся в бегство и мы потеряем большие средства... мы прижмем их понемногу, отнимая у приверженцев идолов их звания и другие официальные и политические должности, прикажем запереть их храмы и никогда не служить [в них]. Стесненные во всем лишениями, они сразу признают истину, но не следует [в погоне за ней. – С.Д.] наносить удары, тяжелые для подданных» [3, с. 20].

Зато императрица Евдоксия, в отличие от инертного Аркадия правительница энергичная и решительная, активно вмешивалась в подобные распри. В 405 г. она до такой степени рассорила приверженцев к тому времени низложенного и сосланного Иоанна Златоуста и его противника александрийского епископа Феофила, что спровоцировала крупные беспорядки.

При Аркадии, несмотря на изгнание германцев в 400 г., происходила, хотя и в гораздо меньшей степени, нежели на Западе, дальнейшая варваризация армии и управленческого аппарата. По поводу этого процесса философ Синесий, будущий епископ Птолемаиды ¹³, в своей записке «Об императорской власти», адресованной Аркадию (незадолго до побоища 12 июля 400 г.), писал: «Прежде всего надо устранить иноземцев от всех начальственных должностей и лишить их сенаторских званий, так как то, что в древности у римлян казалось и было почетным, сделалось благодаря им позором... Государю надлежит очистить от них войска, как кучу пшеницы, из которой мы отделяем мякину и все то, что, произрастая, вредит настоящему зерну...» [77, с. 351, прим. по 106, с. 98]. По представлениям римлянина, не утратившего былых идеалов, – а такие были еще в начале V в., особенно среди образованной части населения империй – недопустимо, чтобы воинов, «одетых в тоги», вели полководцы, более привыкшие носить звериные шкуры, а начальниками в общественной жизни были бы братья тех, кто прислуживает римлянам в кухнях и на улицах носит за ними раскладные стульчики для отдыха.

Из построек, связанных с именем Аркадия, известны его форум и колонна. В результате землетрясения в VIII столетии стоявшая на ней серебряная статуя императора упала, а шестиметровый остаток колонны с рельефами сохранился до нашего времени.

Весной 408 г. Аркадий заболел и 1 мая умер, оставив регентом малолетнему сыну Феодосию II префекта претория Анфимия. Вскоре у Феодосия нашелся еще один опекун – персидский шах Йездигерд II, объявивший себя таковым, что породило легенду о якобы имевшем место подобном

распоряжении самого Аркадия. Агафий Миринейский по этому поводу замечает: «Это известие передается из древности потомкам главным образом устным путем и до настоящего времени [около 580 г. – С.Д.] популярно у людей ученых и у народа. В письменном виде я его не нахожу ни в книгах историков, ни у тех, кто, в частности, писал о смерти Аркадия, за исключением Прокопия Ритора [Прокопия Кесарийского. – С.Д.] [7, с. 131]. Возникновению такого слуха в немалой степени способствовало то, что при Йездигерде II на римско-персидской границе царил мир.

После смерти Аркадия с остатками веротерпимости было покончено. Уже 15 ноября 408 г. от имени Феодосия II и Гонория вышел эдикт, согласно которому оставшееся у языческих храмов небольшое имущество было конфисковано, а сами здания предписывалось использовать как «общественные сооружения».

Скульптурные портреты Аркадия имеются в музеях Берлина и Стамбула.

Феодосий II Младший

(401 – 450, имп. с 402, до 408 – с отцом)

Единственный сын Аркадия и Евдоксии Феодосий родился в Константинополе 10 апреля 401 г. Примерно через год Аркадий объявил его соправителем, так что после смерти императора семилетний мальчик беспрепятственно унаследовал отцовскую власть. До 414 г. державой практически самостоятельно правил регент Анфимий.

Начало и середина V в. стали временем мощнейших потрясений для римлян, особенно для Западной империи. Со всех концов света, словно хищные птицы к телу умирающего зверя, устремились на наследие Цезаря, Августа и Траяна орды варваров, начался самый значительный этап Великого переселения народов.

Грозные соседи римлян, нанеся им ряд поражений еще в предыдущем столетии, стремительно развивали свой успех. В 406 г. вандалы, аланы и свевы прорвали неприступный ранее лимес в районе Могонциакума (Майнца) и за несколько лет прошли до западных, областей Испании. С северо-востока угрожали вестготы, совершавшие периодические набеги и крупные походы, один из которых в 410 г. закончился взятием Рима. Население Британии, откуда в 408 г. были выведены легионы, безуспешно пыталось сдержать натиск сначала кельтов, а потом саксов, ютов и фризгов, теряя одну часть острова за другой и отступая на запад, к побережью Ирландского моря. Западную империю сотрясали мятежи и междуусобные войны.

Пользуясь ее тяжелым положением, вандалы, к 428 г. овладев приморскими городами Восточной Испании, в 429 г. высадились в Африке у Тингиса (Танжера) и через шесть лет уже контролировали территорию от Карфагена и Гиппон-Регия до Гибралтарского пролива. И хотя римлянам иногда удавалось наносить врагам ощутимые поражения, ситуация все-таки уходила из-под их контроля.

Положение Восточной империи было несколько лучше: более богатая и менее пострадавшая от войн, имевшая жизнеспособный хозяйственный уклад, она сопротивлялась варварам много успешнее благодаря талантам полководцев и дипломатическим усилиям временщиков при дворе Феодосия II, который сначала по молодости, а затем по собственному слабоволию не оказывал большого влияния на судьбы страны.

Энергичный и умелый Анфимий в 412 г. отразил натиск гуннов и приступил к сооружению новых укреплений разросшейся со времен Константина Великого столицы. Сначала была построена мощная и длинная стена, шедшая от Мраморного моря к бухте Золотой Рог. Впоследствии, в 40-х гг. V в., после землетрясения, префект города Кир не ограничился починкой пострадавших участков, возвел еще одну линию и приказал выкопать ров (оставшийся незакрытым стеной болотистый участок у Влахернского дворца был защищен в 625 г.). Девяносто две грозные башни, значительные высота и толщина стен, глубокий ров и обилие боевых машин надолго обеспечили безопасность Константинополя.

4 июля 414 г. 16-летняя сестра Феодосия II, Пульхерия, была провозглашена августой. Будучи старше брата всего на два года, она тем не менее имела на него очень большое влияние и во многом обусловила благополучие как государства, так и самого императора. Благодаря ее заботам Феодосий II получил блестящее образование. Он знал греческий и латинский языки, математику, астрономию, историю, рисовал, писал красками и даже сам иллюстрировал переписанные им книги, а за красивый почерк получил прозвище «Каллиграф». Он много читал, часто по ночам, при свете им самим сконструированной особой лампы. Созомен, обращаясь к августу во введении к своей «Церковной истории», хвалил «его интерес к писателям – разумеется, христианским: «А награждаешь ты сочинителей и своими суждениями, и рукоплесканиями, и золотыми изображениями, и выставкой их статуй, и дарами, и разнообразными почестями» [79].

Император был весьма благочестив, любил распевать церковные гимны и однажды на ипподроме устроил вместо ожидавшихся зрителями ристаний грандиозный молебен, которым лично дирижировал. «Никто не видел его разгневанным. Некто из ближних спросил его: почему ты никогда не наказываешь смертью человека, тебя оскорбившего? – «О, если бы, – отвечал тот, – возможно было мне и умерших возвратить к жизни... Не великое и не трудное дело убить человека, но раскаявшись, воскресить умершего не может никто, кроме Бога» (Сократ, [80, с. 398]).

Из традиционных развлечений Феодосий II предпочитал охоту, к военным упражнениям страсти не проявлял, хотя физически был крепок.

Обладавший незаурядными способностями и наделенный несомненными душевными достоинствами, Феодосий тем не менее вошел в историю как безвольный и посредственный правитель, во всем подчинявшийся приближенным – сначала сестре, затем жене, а после 441 г. и почти до самой смерти – любимцу евнуху Хрисафию. «Феодосий был государь легковёрный, всяким ветром носимый, оттого часто подписывал бумаги, вовсе не читавши их. Между прочим, премудрая Пульхерия раз предложила ему бумагу об отдаче ей в рабство супруги его, Евдокии, которую он не глядя и подписал, за что потом она [Пульхерия. – С.Д.] укоряла его» (Феоф., [82, с. 80]).

В правление этого императора государству пришлось много и с различным успехом воевать. В 420 – 422 гг. полководцы Феодосия отразили в Месопотамии натиск армий персидского шахиншаха Бахрама V, сменившего Йездигерда II. Годом позже в Равенне скончался от водянки Гонорий, власть над Западноримской империей узурпировал самозванец Иоанн, и Константинополь выслал против него войска. К 425 г. с Иоанном было покончено, а на равеннский ¹⁴ престол под давлением Востока вступил Валентиниан III с матерью, Галлой Плацидией, приходившейся Феодосию II теткой по отцу.

Ослабленные схватками соперничавших западных полководцев Аэция и Бонифация Испания и Африка к 435 г. стали добычей предводителя вандалов Гизериха. После ряда

безуспешных попыток отразить натиск завоевателя западное правительство было вынуждено признать его власть на захваченных территориях. Феодосий II решил вмешаться, но поход восточноримских легионов, предпринятый около 443 г., окончился неудачно и никак не изменил создавшегося положения.

Главным же событием той эпохи стали нашествия гуннов. Отношения Запада и Востока с племенами этих кочевников, чьи владения охватывали огромное пространство Средней Европы – от Волги до Рейна, – складывались по-разному. В 379 г. гунны следом за вестготами вторглись во владения Константинополя и опустошили Мизию. С тех пор набеги гуннов стали на Востоке привычным делом, и от них приходилось либо отбиваться оружием, либо (что происходило чаще) откупаться. На Западе же гуннские наемники-федераты составляли ощутимую часть армии, и правительство Равенны часто использовало их для подавления мятежей франков, бургундов или галльских крестьян-багаудов.

Положение изменилось с 433 г., когда державу гуннов возглавил Атила, прозванный христианскими писателями «бичом Божьим». Усилившись после разгрома в 436 г. королевства бургундов, Атила в 441 г. двинулся во Фракию и Иллирик, трижды нанеся поражение посланным против него войскам империй, и занял множество городов, в том числе Ниш, Сирмий и Виминаций. Через два года, преодолев сопротивление восточноримских полководцев, он стал угрожать самой столице Востока. Враг взял уже фракийские Филиппополь и Аркадиополь, при дворе решили не рисковать и откупились от Атилы золотом, дав колоссальную сумму в 6000 либр и пообещав ежегодно выплачивать еще семьсот. Позже, в 448 г., в лагерь кочевников отправилось посольство во главе со знатным вельможей Максиминем. Оно имело двоякую цель: во-первых, решить вопрос о многочисленных перебежчиках минувшей войны, а во-вторых, попробовать подкупить кого-нибудь из окружения Атилы и отравить вождя гуннов. Об этой второй, тайной задаче, порученной кому-то из членов посольства Феодосием

II и его доверенным лицом евнухом Хрисафием, по-видимому, ни Максимин, ни его помощник писатель Приск Панийский не знали, в отличие от самого Аттилы. Тому удалось разведать козни ромеев еще до подхода посольства к лагерю. Разгневанный, он устроил послам весьма неласковый прием, на приветствие Максимиана угрожающе ответив: «Пусть с римлянами будет то, чего они- мне желают» [222, с. 37]. Правда, в конце концов грозный царь варваров сменил гнев на милость, а в Константинополь отправил сына подкупленного византийцами знатного гунна Вигилы с пустым кошельком из-под золота на шее, наказав предъявить его императору и Хрисафию с вопросом, не узнают ли они этот предмет.

Письменные свидетельства Приска, непосредственного свидетеля тех событий, весьма ценны. Сохранились описания стоянки варваров, самого Аттилы – рыжебородого, с темной кожей, маленькими глазами и огромной головой на непропорционально широком и коротком теле, разноплеменной толпы его воинства. Интересна встреча, которая произошла у Приска в лагере гуннов. Один из варваров подошел к нему и неожиданно заговорил по-гречески. Изумленный Приск узнал, что незнакомец – ромей, попавший к гуннам в плен и затем получивший свободу. Перебежчик стал расхваливать порядки Аттилы и поносить римско-константинопольские, обвиняя императоров и придворных в жадности, лени, жестокости, небрежении интересами государства, взимании высоких налогов. Приску ничего не оставалось делать, как привести в оправдание разумные законы и славные деяния предков. «Да, – согласился его оппонент, – законы хороши и римское государство прекрасно устроено, но начальники вредят ему, ибо они непохожи на древних» [231, т. I, с. 181].

Действительно, разница между декларированным положением римского гражданина, «владыки мира», и реальным состоянием дел в V в. была громадной. Тяжесть налогов, произвол властей, частые беспрепятственные вторжения врагов, одним словом – упадок, приводили к тому,

что крестьяне или даже горожане бросали свои земли, дома и либо разбойничали, либо, покинув пределы державы, вливались в ряды варваров. Сам Приск пишет: «У людей даже блистательного состояния побоями вымогали деньги... так, что люди, издавна богатые, выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло ромеев после этой войны [441– 443 г. – *С.Д.*], что многие из них уморили себя голодом или прекратили свою жизнь, надев петлю на шею» [193, с. 120].

Кроме тяжелых войн государство потрясали религиозные раздоры. В 428 г. император пригласил в Константинополь занять кафедру патриарха знаменитого проповедника Нестория, родом перса, настоятеля одного из антиохийских монастырей. Несторий отстаивал положение о разделении божественной и человеческой сущностей во Христе, чем резко настроил против себя патриарха александрийского Кирилла ¹⁵. Кирилл добился от Феодосия II созыва для осуждения взглядов Нестория Вселенского собора, который состоялся в 431 г. в Эфесе. Несторий был низложен и отправлен обратно в Сирию.

Другая серьезная ссора вспыхнула через пятнадцать лет между теологом Евсевием и константинопольским патриархом Флавианом с одной стороны и ересиархом монофиситов Евтихием – с другой. Добившись осуждения последнего на поместном соборе 448 г. в столице, Евсевий и Флавиан торжествовали недолго – по инициативе и под председательством александрийского патриарха Диоскура, большого приятеля императорского фаворита Хрисафия, в Эфесе собрался Вселенский собор 449 г., восстановивший Евтихия и осудивший Флавиана и Евсевия. За атмосферу грубого нажима и откровенного террора со стороны Диоскура этот собор впоследствии получил наименование «разбойничьего». Победа монофиситов, однако, была непрочной: Халкидонский собор 451 г. подверг их окончательному осуждению.

Сам Феодосий II, в отличие от отца, делами церкви интересовался весьма живо – активно преследовал язычников (по его приказу, в 426 г. была сожжена эллинская святыня –

Олимпия), часто вмешивался в полемику иерархов. В 448 г. против книг философа-неоплатоника Порфирия он издал эдикт, тон и направленность которого надолго определили приемы христианских теологов в борьбе с инакомыслящими: «Императоры Феодосий и Валентиниан Августы – префекту претория Хормизду. Предписываем все, что Порфирий [или кто-либо другой], гонимый собственным безумием, написал против благочестивой веры христианской, где бы оно ни было обнаружено, предать огню. Ибо мы хотим, чтобы всяческие произведения, вызывающие гнев Божий и оскверняющие душу, не достигали даже слуха людей» [74, с. 349].

Примерно в 441 г. Феодосий II заподозрил свою супругу Евдокию в измене с Павлином, другом и военачальником императора. Существует романтическое предание, согласно которому однажды августу поднесли невиданных размеров фригийское яблоко. Тот подарил его горячо любимой жене, а она послала его Павлину в знак расположения. Павлин решил сделать приятное императору и отдал яблоко ему. Разгневанный муж явился к Евдокии и потребовал предъявить свой подарок. Та ответила, что съела его и, по настоянию Феодосия, поклялась в том вечным спасением, после чего он показал жене злосчастное «яблоко раздора». Последовала неприятная сцена, и августа навсегда лишилась расположения супруга. Было ли все на самом деле так или это сочинено позднее, неясно, но Павлин действительно был сослан и погиб в ссылке, а Евдокия в 442 г. навсегда удалась в изгнание. Вместе с ней потерял влияние при дворе и епарх Кир.

Новым фаворитом императора стал евнух Хрисафий. Первым делом он начал оттеснять от власти людей, которые могли по своим деловым качествам составить ему конкуренцию. Именно из-за происков евнуха пострадал Кир: после того как толпа на ипподроме за восстановление стен рукоплескала епарху, крича: «Константин построил, Кир восстановил!», Хрисафий обратил внимание императора на то, что народ не упоминает в славословиях имени самого августа. Евнух убедил Феодосия II, что это неспроста. Император, недолго думая, обвинил египтянина Кира в язычестве (выбрав первый

попавшийся предлог для кары), конфисковал имущество и распорядился постричь в монахи, потом, правда, смиростивился и позволил рукоположить в епископы одного из фригийских городов.

Около 446 г. взбунтовался некий Иоанн Вандал, однако полководцы Ардавурий и Арсес разбили его войска, а самого захватили в плен. Император намеревался оставить мятежнику жизнь, но Хрисафий подстроил убийство пленника прямо во дворце. Судя по всему, евнух пользовался неограниченным влиянием, но в 450 г. и он был сослан – по обвинению в симпатиях ко взглядам осужденного Флавиана.

Сложная атмосфера политической нестабильности не только в верхах, но и по всей империи пробуждала силы, доселе дремавшие. Как раз с середины V столетия цирковые партии народа – димы – из спортивных становятся политическими. К 445 г. относится самое раннее известие о кровопролитиях, учиненных враждующими группировками димов в столице.

С именем Феодосия связаны два крайне важных события византийской истории – открытие первой государственной высшей школы и выход в свет «Кодекса Феодосия».

Первый факт примечателен тем, что до этого образование было исключительно либо частным, либо муниципальным, но никак не государственным, хотя учителей в школах утверждал император (соответствующий закон был принят при Юлиане Отступнике). В 425 г. Феодосий издал указ, согласно которому в одном из общественных зданий столицы открылся Аудиториум – по сути дела первый средневековый университет. В штате его значился тридцать один преподаватель: пять риторов и десять грамматиков греческих, три ритора и десять грамматиков латинских, два юриста и один философ. Все они были чиновниками, т.е. получали жалованье из императорской казны, а после двадцати восьми лет беспорочной службы – отставку с сохранением пенсии, звания комита первой степени и титулом спектабиля. Однако им запрещалось обучать кого-либо в других местах, и вместе с тем другие преподаватели под страхом сурового наказания и высылки из столицы не имели права

открывать там свои школы. Обучение допускалось только в частных домах и для отдельных учеников. Таким образом, кроме древнего центра наук – Академии в Афинах – появился еще один в Константинополе, правда несколько иной направленности (в Академии изучали прежде всего философию). Кроме того, в отличие от вольных философов, профессора Феодосия обязаны были верить в Христа. Не исключено, что к открытию этого университета императора подтолкнула его просвещенная супруга.

Упомянутый же выше «Кодекс Феодосия» продолжил существовавшие ранее кодексы Григориана и Гермогениана (названные по именам составителей), первый из которых содержал указы от Адриана до Диоклетиана, а второй – с конца III в. до 60-х гг. IV в. «Кодекс Феодосия» не только оказал определяющее влияние на ранневизантийское право, но, в отличие от предыдущих, дошел до нас и стал ценным историческим документом эпохи.

К лету 450 г. грозный Атила собрал колоссальную армию на римских границах, готовя вторжение, но Феодосию II уже не пришлось беспокоиться об обороне: 27 июля он упал на охоте с коня, а на следующий день скончался от полученного ушиба.

При Феодосии Младшем во время сильного пожара в одном из дворцов Константинополя сгорела вывезенная из разгромленной Олимпии деревянная, покрытая пластинками золота и слоновой кости статуя Зевса работы Фидия – одно из «семи чудес света».

Статуя Феодосия II хранится в Лувре.

Афинаида-Евдокия

(конец 90-х IV в. – 460, августа с 423, факт. – до 442)

Афинаида, в крещении Евдокия, была дочерью афинского софиста Леонтия. В 421 г. она осталась практически без средств к существованию, так как Леонтий умер, все состояние завещав ее братьям, а ей оставив лишь сто золотых, на том основании, что «ее от всех забот избавит счастливый случай, удача -какой не выпадало на долю ни одной женщине» [120, т. I, с. 27]. Тогда Афинаида, привыкшая к обеспеченной жизни, отправилась в Константинополь, к своей тетке, вхожей во дворец. Та устроила племяннице аудиенцию у Пульхерии. Красивая и образованная, Афинаида произвела на августу сильнейшее впечатление, и последняя решила сделать ее супругой брата. Император, увидев Афинаиду, влюбился без памяти. Вскоре ее крестил сам патриарх Аттик. Препятствий для брака не было, и 7 июня 421 г. Евдокия стала женой Феодосия II. Через год императрица родила дочь Лицинию Евдоксию, ставшую впоследствии женой Валентиниана III. 2 января 423 г. Феодосий II объявил жену августой.

Образование Афинаида-Евдокия имела блестящее, к тому же она осталась в памяти потомков как талантливая поэтесса, сочинившая множество произведений как на героические (стихи о победах римлян над персами), так и на религиозные темы – стихотворные переложения некоторых книг Ветхого Завета, отрывков Евангелий, известную даже в позднем средневековье поэму о св. Киприане (см. [1]).

В 438 г. августа Евдокия отправилась паломницей в Иерусалим. Посетив по дороге сирийскую Антиохию, она пожертвовала городу большие средства на ремонт стен и общественных сооружений, за что благодарные жители воздвигли ей статую.

Случившаяся в 441 г. история с Павлином лишила Евдокию благосклонности царственного супруга. Опальная императрица сама покинула Константинополь и отправилась в Иерусалим, где и прожила остаток жизни. По слухам, через некоторое время

двух местных клириков обвинили в конкубинате с ней и казнили. В отместку Евдокия сумела подослать убийц к автору доносов, одному столичному сановнику.

Умерла Евдокия тихо, 20 октября 460 г. и была похоронена в базилике св. Стефана, которую при жизни построила на свои средства. Перед смертью она горько жаловалась духовнику, что в связи с Павлином невиновна и пала жертвой злой клеветы.

Пульхерия

(399 – 453, августа с 414)

Старшая сестра Феодосия II в период с 414 до конца двадцатых годов реально правила империей, имея неограниченное влияние на брата. В 414 г. она, после провозглашения ее августой, вместе с двумя сестрами – Мариной и Аркадией дала обет девственности. Монашеская аскеза была своеобразной «модой» тех лет, но Пульхерия действительно являлась женщиной крайне строгих правил, фанатично религиозной и властной. Обладая гибким умом и твердостью воли, она крепко держала в руках нити управления двором, который, по характеристике современников, более походил на монастырь. Не случайно именно под бдительную опеку Пульхерии выслали в 434 г. из Равенны уличенную в любовной связи с одним красавцем придворным сестру Валентиниана III, Юсту Грату Гонорию.

Крайняя преданность Христовой церкви вынудила августу не производить расследования и не наказывать виновных, когда в 415 г. толпа александрийских христиан, заподозрив в колдовстве, убила математика Ипатию.

Что касается ее правления, то историк Евнапий (язычник) порицал августу за царившую в это время продажность чиновничества, такую, что власть над целыми областями и народами открыто становилась предметом купли-продажи.

После женитьбы Феодосия II двум августам при дворе стало тесно. Со временем влияние Евдокии (Афинаида приняла это имя при крещении) стало решающим, а около 439 г. она вынудила Пульхерию удалиться из дворца в изгнание.

После падения Евдокии Пульхерия вернулась обратно и возглавила партию противников Хрисафия. Когда Феодосия II умер, предусмотрительная императрица постаралась скрыть смерть брата и тайно подготовила избрание на трон сенатора Маркиана, за которого вскоре вышла замуж

при условии, что он отнесется к ее обету девственности «с уважением».

В июле 453 г. Флавия Пульхерия Августа умерла, завещав большую часть своего имущества бедным.

Маркиан (Марциан)

(ок. 390 – 457, имп. с 450)

Влиятельный константинопольский сенатор Маркиан когда-то начал свою карьеру простым воином, отличившись в боях с персами. Ему покровительствовали самые знаменитые восточноримские полководцы той поры, готы Ардавурий и его сын Аспар, тем более что некоторое время он был их единоверцем-арианином. На войне с вандалами Маркиан попал в плен, но вскоре Гизерих отпустил его на свободу.

После смерти Феодосия II Пульхерия и Аспар возвели его на трон как наиболее подходящего человека – неглупого, опытного и решительного.

До наших дней в итальянском городе Барлетто сохранилась бронзовая статуя императора, его лицо поражает суровой красотой ¹⁶.

Став императором (коронация 25 августа 450 г.), Флавий Маркиан первым делом выпустил указ о сложении недоимок казне за десять лет, возвратил сосланных при Феодосии II и приказал умертвить ненавистного Хрисафия, чем сразу расположил к себе многих. Человек сурового нрава, Маркиан с неудовольствием наблюдал порядки константинопольского двора и кое-что попытался изменить, например запретил продажу должностей. Интриганам и бездельникам, коими изобилдовал дворец, при нем жилось несладко. При всех своих достоинствах Маркиан был необразован и почти не умел писать.

В самом начале правления новый властитель оказался втянутым в неприятную и чреватую опасностями историю: томившаяся на полусвободном положении августа Гонория, страстно желая воли и власти, через одного из своих евнухов умудрилась послать Атилле дорогие подарки и перстень, предлагая ему себя в жены. Таким образом у предводителя гуннов появилась возможность в случае заключения брака законным путем претендовать на оба императорских престола, ибо Гонория приходилась внучкой Феодосию Великому (ее мать Галла Плацидия была сестрой Аркадия и Гонория). Атилла,

ждавший только предлога для открытого конфликта, согласился и отправил Маркиану угрожающее послание, требуя Гонорию, с которой якобы давно сосватан, а также причитавшиеся ему по договору с Феодосием II деньги. Император немедленно выслал Гонорию из Константинополя в Равенну, относительно же дани наглому варвару ответил достойно и остроумно: «Золото у меня для друзей, для врагов – железо» [244 ,т. XVIII, с. 652]. Атилла, рассудив, что расправиться с Маркианом он еще успеет, повел свою полумиллионную орду в Галлию, но в грандиозной битве на Каталаунских полях (в Шампани) западноримский полководец Флавий Аэций, «последний великий римлянин», нанес ему страшное поражение.

Атилла собрался с силами и в следующем, 452 году вновь двинулся за Альпы – на Рим. Теперь Маркиан послал на Запад свои войска. Опасаясь вспыхнувшей в Италии эпидемии чумы более, чем римских легионов, Атилла отступил, а через год неожиданно умер в Паннонии. После смерти вождя держава гуннов распалась, и они более не представляли серьезной опасности.

Так как споры между монофиситами и ортодоксальными христианами не прекращались, 17 мая 451 г. император издал указ о проведении Вселенского собора в Никее. Однако затем местом проведения был выбран малоазиатский город Халкидон, где собор и начался 8 октября того же года. 25 октября его заседание торжественно посетили август с супругой. Папа Лев I Великий горел желанием расправиться с монофиситами. Это ему удалось, но авторитету римского епископа был нанесен чувствительный удар: под давлением Маркиана собор признал константинопольского патриарха вторым после главы Римской церкви, несмотря на протесты папского легата епископа Лютеция. Борьба за авторитет в церкви между Константинополем и Римом становилась все более и более явной.

Монофиситство было осуждено как ересь. 7 февраля 452 г. император издал эдикт по поводу решений Халкидонского собора: «Теперь нет места для вражды, ибо только безбожник

может думать, что после приговора столь многих епископов осталось еще что-нибудь для решения собственного ума. Никто, какого бы звания и состояния он ни был, не смеет заводить о вере публичные споры. Если клирик будет обвинен в публичных спорах о вере [и это будет доказано. – С.Д.], то извергается из духовного сана, если военный лишается звания, всем частным лицам угрожает изгнание из столицы и предание суду» [231, т. I, с. 277].

Недовольные жители Александрии, бывшей оплотом монофиситства, стали угрожать столице голодом, так как основные поставки хлеба шли из Египта. Император быстро сориентировался и приказал направлять все караваны с зерном по Нилу в Пелусий, а оттуда – в Константинополь. Голод начался в самой Александрии, что позволило властям быстро подавить беспорядки.

Постановления Халкидонского собора всколыхнули не только Египет: некий палестинский монах Феодосий взбунтовал местных жителей и монахов, утверждая, что собор навязал церкви ересь несторианства.

Недовольный популярностью среди римлян Аэция, завистливый и слабоумный Валентиниан III организовал его убийство прямо у себя на аудиенции. Это случилось в 454 г., и с того момента падение Западноримской империи стало стремительным и неотвратимым. Военачальник Аэция, свев Рицимер, убил Валентиниана III, и на престол вступил сенатор Петроний Максим, один из организаторов переворота. Вдова прежнего императора Евдоксия, насильно выданная замуж за Петрония, призвала Гизериха вмешаться в римские дела. Флот Гизериха в 455 г. захватил Рим, и в течение двух недель вандалы грабили и разрушали город, который так и не смог после этого оправиться. Петрония Максима, пытавшегося сбежать из Рима, жители поймали и побили камнями. После ухода вандалов императором Запада стал галл Авит. Маркиан признал его, но через год некоронованный властитель Италии Рицимер поднял мятеж, Авит был низложен и казнен. К этому времени отношения между могущественным Аспаром и самостоятельным Маркианом ухудшились, а 25

января 457 г. император, давно чувствовавший себя неважно, умер. Подозревали, что Аспар отравил его. Если это так, то Маркиан стал первым из длинной череды византийских монархов, павших жертвой заговора.

В целом правление Маркиана было удачным для империи – он уменьшил налоги, укротил произвол чиновников, государство не тревожили внешние враги. 'Это были времена, по благодати царя истинно золотые», – несколько столетий спустя напишет летописец Феофан [82, с. 85].

Лев I Макелла

(ок. 400 – 474, имп. с 457)

После смерти Маркиана династический вопрос встал особенно остро: прямых потомков Феодосия Великого по мужской линии не осталось, опороченная августа Евдокия доживала свои дни в Иерусалиме, а ее дочь Евдоксия, вдова Валентиниана и Петрония Максима, со своими дочерьми томила в плену у вандалов. Самым значительным человеком в Константинополе был тогда военачальник патрикий Аспар, но его шансы получить империю были невелики, так как он был арианин и варвар. Приняв активное участие в возведении на престол Маркиана, а затем, видимо, и в его устранении, этот могущественный человек не пожелал выпускать из рук бразды правления и после смерти Маркиана незамедлительно провел на трон свою очередную креатуру – фракийского трибуна Льва.

Император Лев I, родом откуда-то из Фракии, по слухам, в молодости был мясником, и в столице будто бы долгое время желавшим показывали лавочку, в которой тот торговал мясом вместе со своей женой Вериней. Благодаря этому обстоятельству, а также своей жестокости, Лев I, кроме официального наименования историками – Великий, получил в народе прозвище Мясник.

Чтобы придать больше законности процедуре передачи власти (7 февраля 457 г.) в руки человека достаточно низкого звания, был найден весьма оригинальный выход: диадему на нового василевса возложил с присущей случаю пышностью константинопольский патриарх Анатолий. Лев стал первым императором, которого глава церкви венчал на царство. Этот обряд стал затем обязательным не только в Константинополе, но и во всем христианском мире.

Взойдя на трон, Лев I не пожелал терпеть главенство своего вчерашнего покровителя и постепенно стал оттеснять от власти Аспара и его родственников. В 464 г. магистром армий Востока (т.е. малоазиатских провинций, Сирии и Египта) стал давно состоявший на службе у римлян вождь горного племени

исавров Трасикодисса ¹⁷, Василиск же, брат императрицы – магистром Фракии. Спустя четыре года Лев I выдал свою дочь Ариадну, ранее обещанную сыну Аспара Ардавурию Младшему, за упомянутого Трасикодиссу (который стал зваться Зинон), даровав ему впридачу титул начальника императорской гвардии. Терявший влияние Аспар со временем вступил на путь оппозиции императору, отнимавшему у варваров-германцев их важные посты и звания. Из этого противостояния победителем вышел василевс: вконец рассорившийся с ним Аспар и сыновья последнего Ардавурий и Патрикий были казнены в конце 471 г., несмотря на то, что Ардавурий в 469 г. был объявлен кесарем. Возмущенные готы подняли мятеж и под руководством Теодориха, сына Триара, осадили Константинополь. Однако быстро подошедшие с войсками к столице Василиск и Зинон отбили нападение. По-видимому, как и в 400 г., последовала мощная «чистка» высшего офицерства и чиновников. В результате принятых мер опасность захвата власти стоящими на службе империи влиятельными германцами (то, от чего так страдал и впоследствии погиб Рим) Львом I была значительно уменьшена.

Возможно, что именно после кровавой истории с Аспаром и его сыновьями кличка Макелла – «мясник, убийца» – стала окончательной спутницей этого императора, официальная титулатура которого была, как всегда, пышной: «Благочестивый Христолюбивый Богонареченный Триумфатор и Август Лев» или «Самодержец Цезарь Лев Благочестивый Победитель Триумфатор, Всегда Чтимый Август» [33, с. 79 – 82].

Второй отличительной чертой Льва, кроме жестокости, была ненасытная алчность. Император широко использовал старый прием – с помощью доносчиков против состоятельных лиц выдвигались обвинения об участии их в заговорах против государства, людей казнили или ссылали, а имуществом осужденных обогащался фиск (императорская казна).

Лев не мог похвастать глубоким образованием, но к ученым людям относился с уважением. Приказав выдать денежную награду философу Евлогию, василевс, в ответ на упреки какого-то евнуха, что-де следовало бы это золото издержать на

солдат, воскликнул: «Дай Бог, чтобы в мое время жалование воинов было даваемо ученым!» (Малх, [17, с. 234]).

В 467 г. восточному двору удалось оказать давление на Рицимера, и римским императором стал константинопольский полководец грек Прокопий Анфимий (Антемий). Немедленно воспользовавшийся этим обстоятельством Лев I организовал последнюю в истории крупную экспедицию армии и флота обеих империй – против королевства вандалов.

Из Далмации на Сардинию отплыла западноримская эскадра адмирала Марцеллиана, византийцы послали по суше многочисленную армию во главе с Ираклием, сыном консула Флора, и затем отправили огромный (более 1100 кораблей) флот под началом Василиска. Известный своим корыстолюбием и упрямством шурином императора был назначен на этот пост по настоятельной рекомендации Аспара. Расчетливый германец в любом случае надеялся на политический выигрыш: при неудачном исходе войны положение императора становилось бы менее прочным, а в случае победы над вандалами возрастал авторитет не только Льва I, но и Василиска, человека неумного и безмерно желавшего царствовать, на чем можно было бы сыграть.

Вначале дела пошли неплохо – Марцеллиан овладел Сардинией, а Ираклий, выйдя из Египта, нанес в районе Триполи крупное поражение силам Гизериха и двинулся на Карфаген, столицу державы вандалов. Туда же подоспел и Василиск, одержавший ряд побед на море. Но здесь фортуна изменила римлянам: Василиск, блокировав Карфаген с моря, не стал его штурмовать, а согласился на предложенное Гизерихом пятисуточное перемирие. Тот же, не теряя времени, распорядился начинить множество своих кораблей горючими материалами, и в одну из темных ночей этого перемирия союзный римский флот, не ожидавший нападения, был атакован брандерами и почти полностью сожжен. Вот как описал это побоище Прокопий Кесарийский: «...зажженные суда, приближаясь, сообщали им [кораблям римлян. – С.Д.] пламя и гибели вместе с ними. Огонь распространялся; римский флот был в ужасном смятении; крики людей вторили гулу

ветра и треску пламени. Воины и матросы, все вместе, воодушевляли друг друга, отталкивая от себя баграми зажигательные суда неприятеля и свои корабли, которые погибали среди ужасного неустройства. Тут наступили и вандалы, которые пускали стрелы, топили и грабили римлян, бегущих с оружием в руках. В этом бедствии явили отличную твердость духа многие римляне» [70, с. 62]. Затем вандалы расправились с войском Ираклия и столь удачно начавшийся для союзников поход, в котором принимало участие до 100 000 человек, завершился полным их разгромом. Рассчитывая на слабое сопротивление византийцев после понесенного ими урона, активизировали свои набеги на Фракию гунны. Однако империя сумела быстро оправиться, и к началу 70-х гг. гунны оказались разбиты и изгнаны с Балкан.

В 472 г. был убит Прокопий Анфимий, годом позже от чумы в Риме умерли Рицимер и император Аниций Олибрий. Власть захватил Глицерий, вскоре свергнутый далматинцем Непотом. Западноримская империя доживала, по сути дела, последние месяцы. Именно на это тревожное время и пришлась смерть Льва I – император скончался 18 января 474 г., оставив наследником власти своего малолетнего внука Льва II.

Историк конца V в. Малх Филадельфиец охарактеризовал Льва I следующим образом: «Римский царь Лев Макелла был счастливейшим из бывших до него царей. Он был грозен как подвластным, так и самим варварам, до которых дошел слух о нем; такова слава, которую он оставил в массе людей. Но я не думаю, чтоб это было счастье – похищать имения у подвластных, вечно содержать доносчиков по этому предмету, в случае недостатка других доносчиков быть самому обвинителем, собирать золото со всех концов земли и копить его у себя, лишая города прежнего их благосостояния они уже неспособны вносить те налоги, которые прежде платили» [17, с. 233 234].

Лев II и Зинов

Лев II

(ок. 467 – 474, имп. с 473)

Лев II, сын Зинона и Ариадны, родился в столице в 467 или 468 г. 18 ноября 473 г. дед объявил его своим соправителем. Вскоре после кончины Льва Макеллы, 9 февраля 474 г., во время торжеств на ипподроме семилетний император «передал» венец своему отцу, а спустя еще девять месяцев заболел и умер. Людская молва упорно называла Зинона отравителем сына.

Зион (Зенон)

(? – 491, имп. с 474, в 475 – 477 вне столицы)

Зиону Исаврянину досталось одно из самых беспокойных и наполненных различными, как внутренними, так и внешними, неприятностями царствований V столетия. Губительный кризис, во власти которого оказались обе империи, привел к пропасти Запад: через два года после воцарения Зиона, 23 августа 476 г., был низложен последний западноримский император Ромул Августул. Совершивший это Одоакр, предводитель германских наемников, по смерти Ромула в 480 г. отослал императорские регалии – корону и пурпурную мантию – на раздираемый внутренними смутами Восток, сопроводив это печальное свидетельство былого величия Рима словами: «Как солнце одно на небе, так и на земле должен быть лишь один император». Зиону ничего не оставалось делать, как дать узурпатору титул патриция римлян – способ, к которому не раз прибегали впоследствии константинопольские монархи для придания видимой легитимности власти тех, кто поторопился взять ее в свои руки. Болезнь одряхления, убившая Рим Первый, коснулась и Второго: непомерные налоги, произвол государственного аппарата, со своими обязанностями справлявшегося плохо, продажность армии и полководцев приводили страну к постоянным мятежам и гражданским войнам. Преемникам Зиона пришлось бороться с распадом крутыми мерами, а сам Зион удержался у власти в силу просто невероятного везения. Трудно поверить, но, по утверждению историков (в частности, Малха и Евагрия Схоластика), этот император был мало достоин занимать престол. «Зион не имел от природы той жестокости, которая была у Льва. Гнев его не был неумолим и не оставался в нем навсегда... Он был честолюбив, действовал только из-за славы, чтобы дивились ему, больше напоказ, чем для пользы. Он не был опытен в делах, не имел тех познаний, при которых можно управлять царством. К корысти [Зион] не так был падок, как Лев, не

выдумывал на богачей небывалых преступлений, однако же и он не был выше этой страсти» (Малх, [17, с. 233]).

Вождь союзного римлянам малоазийского племени исавров Зион (до 468 г. – Трасикодисса, см. «Лев I») появился в столице около 447 г., в канун войны с гуннами приведя в Константинополь сильный отряд федератов. В 464 г. Лев I, противопоставлявший старой варварской знати германцев новую, исаврийскую, назначил его военачальником малоазийских войск, затем – комитом экскувитов, в 469 г. – консулом, а после смещения в 470 г. Василиска с должности начальника фракийских войск поручил ему и этот пост, однако, несмотря на заслуги Зиона перед самодержцем и родство, все же не завещал ему власть над империей.

Вступив-таки на престол, новый император заключил мирный договор с вандалами и, успокоенный, увлекся распутными оргиями и пьянством. «С самого начала [он] предался приманкам сластолюбия до того, что ничем не воздерживался от постыдного и незаконного, но так сроднился с этим, что совершать пороки скрытно и без свидетелей считал делом низким, а явно и как бы на глазах – делом царским и приличным только самодержцу» (Евагрий, [33, с. 125]).

Воспользовавшись таким легкомыслием августа, Верина, вдова Льва I, и, независимо, ее брат Василиск подняли мятеж. В ночь на 9 января 475 г. Зиону и Ариадне удалось бежать, прихватив с собою казну, в исаврийскую крепость Вару, куда стали стекаться верные императору войска, а Василиск воцарился в Константинополе.

Война Зиона с узурпатором длилась более года. Мало-помалу, действуя угрозами, лестью и подкупом, Зион переманил на свою сторону полководцев, братьев Илла и Трокунда, посланных самозванцем к Вару, а также начальника фракийских войск Армата – уже под стенами Константинополя, куда тот подошел для решающего сражения с армией законного императора. В августе 476 г. Зион вступил в Константинополь – столица не оборонялась, жители открыто его приветствовали.

Армат условием предательства Василиска поставил предоставление ему должности главнокомандующего всеми вооруженными силами империи, а своему сыну – титул кесаря. Зинов дал слово это сделать, но обещание выполнил с присущим ему коварством: вскоре Армата приказал убить, а новоиспеченного кесаря постричь в монахи.

В благодарность за помощь в борьбе против Василиска император даровал титул *magister militum* предводителю остготов Теодориху, сыну Тудимира, будущему повелителю Италии.

Усугубляя бедствия страны, 21 сентября 477 г. сильнейшее землетрясение разрушило многие города, в том числе и столицу. Еще не были восстановлены пострадавшие здания, как вновь появилась угроза трону: в 479 г. восстал Маркиан, сын римского императора Прокопия Анфимия и муж второй дочери Льва I и Верины, Леонтии. Зинов бежал из горевшего дворца, братья Маркиана, Ромул и Прокопий, в кровопролитном сражении одержали победу над императорскими войсками. Однако магистру Иллу удалось в ночь после битвы подкупить многих начальников Маркиана, часть отрядов изменила самозванцу, на следующий день он был наголову разбит, затем схвачен, пострижен в монахи и заточен в крепость вместе с женою.

Годом позже Илл рекомендовал Зинону избавиться от Верины. Вдовствующую августу сослали в Халкидон, к Маркиану и Леонтии. Оттуда Верина стала писать жалобные письма Ариадне, прося повлиять на василевса и помочь ей выйти на свободу. Ариадна начала хлопотать за мать перед мужем, но Илл, с которым по этому поводу посоветовался Зинов, был категорически против и упрекнул императрицу в желании видеть другого императора вместо мужа, намекая на бесчисленные козни Верины. Ариадна сочла это высказывание оскорбительным и опасным. Она наняла убийцу, но попытка зарезать неугодного сановника не удалась: телохранитель закрыл собой магистра, и меч лишь отрубил Иллу правое ухо. Зинов сразу же заявил о своей непричастности к этому делу, но Илл, не желая разделить участь Аспара, спешно отправился в

Антиохию, якобы на отдых, прихватив с собою друга, патрикия Леонтия Сирийца, и в конце 480 г. взбунтовал сирийские легионы и федератов. Спустя несколько месяцев ему удалось освободить Верину, бывшие враги примирились, а в киликийском Тарсе Леонтий Сириец был провозглашен императором. Верина развила бурную деятельность, до самой смерти (483) рассылая по городам империи манифесты с требованием признать нового властителя.

В 482 г. пламя восстания перекинулось на Египет, где основная часть верующих склонялась к монофиситству. Зинон, пытаясь привлечь их на свою сторону, совершил шаг, который обернулся для страны долгими и неприятными последствиями, – выпустил «Декрет о единстве», или «Энотикон» («Henotikon»). Имевший целью устранение религиозных разногласий, 'Энотикон» сводился к тому, чтобы христиане придерживались единства в отношении трех первых вселенских соборов и запрещал дальнейшие споры и догматические дефиниции. Иными словами, император признал несущественными решения Эфесского II и Халкидонского соборов. Папа Феликс III ¹⁸ осудил «Декрет» и отлучил от церкви константинопольского патриарха Акакия. Последующие патриархи, поддерживая осуждение «Энотикона», тем не менее отказывались исключать имя Акакия из поминальных списков (диптихов), а исключали оттуда имена пап. Эта так называемая «схизма Акакия» длилась около тридцати пяти лет и была прекращена лишь в правление императора Юстина I. «Энотикон» так и не выполнил возложенной на него миссии, вызвав недовольство как ортодоксальных христиан, так и монофиситов. От мирного решения проблем веры пришлось отказаться и укреплять власть оружием.

27 июня 484 г. узурпатор Леонтий вступил в сирийскую Антиохию. Положение складывалось серьезное, и Зинон послал против мятежников армию под началом Иоанна Скифа и упомянутого магистра Теодориха, сына Тудимира, бывшего консулом того года. Войска Илла и Леонтия были разбиты, а сами они бежали. Иоанн осадил остатки мятежников в малоазиатской крепости Папурии, Теодорих же с частью войск

двинулся к столице, но внезапно принялся бесчинствовать, захватывая по пути города и даже угрожая взять Константинополь.

Отчаявшийся Зинон выставил на Феодосиевы стены последние резервы, однако Теодорих не предпринимал в отношении города активных действий, понимая, что овладеть такой первоклассной крепостью, как Константинополь, путем штурма, не имея осадных машин, силами одних готских федератов, нельзя. К 487 г. императору с помощью сестры Теодориха, посланной для переговоров к мятежному консуляру, удалось убедить его отправиться в поход на Италию. Этим достигались две цели: во-первых, воинственные и опасные союзники – остготы – уходили из пределов Византии, а во-вторых, они шли сражаться с Одоакром, которого в Константинополе считали совершенно недостойным римского владычества, в отличие от Теодориха, долгое время (с 461 г.) жившего при дворе, получившего соответствующее воспитание и достигшего высокого положения магистра и консула. Так в 488 г. начался поход остготов на Рим. Тогда же сдался Папурий, Илл и Леонтий были убиты, а их головы, насаженные на пики, под шумные возгласы народа носили на ипподроме в дни ристаний.

Расправившись с мятежниками, Зинон дал волю своей свирепости. Последние три года его правления сопровождались неслыханным террором. Даже неосторожное слово, произнесенное в адрес василевса, могло стать причиной доноса и казни. Зинон, например, приказал умертвить епарха столицы, который как-то в кругу друзей вздумал порицать не отличавшегося благочестием августа, однако епарх смог бежать. Многих осудили и по обвинению в сочувствии Леонтию.

Грабеж состоятельных лиц принял самые обширные размеры. Фаворит императора Севастиан без тени смущения обирал подданных, играя на подозрительности и жадности своего патрона: «Севастиан всем торговал, как на рынке... не позволял, чтобы при дворе что-либо делалось не за деньги... ни одно дело не производилось без взятки» (Малх, [17, с. 233]).

Неизвестно, сколько бы длилось подобное тягостное положение, но 9 апреля 491 г. Зинон скончался в эпилептическом припадке. Согласно поздней версии, мертвецки пьяного Зинова выдали за покойника и похоронили, хотя и слышали его крики ¹⁹ [121, т. I, с. 209].

Василиск

(? – 477, имп. 475 – 476)

После разгрома экспедиции против вандалов (см. «Лев I») столицу взбудоражили слухи, что Василиск был подкуплен Гизерихом и намеренно проиграл кампанию. Неудавшемуся флотоводцу, трусливо бежавшему с поля боя, пришлось искать убежища у алтаря церкви св. Софии. Лишь через несколько дней императрице Верине удалось выхлопотать у разгневанного Льва прощение брату.

По запискам Малха, Василиск был «ума тяжелого и легко предавался обманщикам... Жадность его к деньгам была чрезмерная. Он не брезговал принимать их и от таких лиц, которые отправляют самые низкие ремесла. [Когда же он стал императором. – С.Д.] взыскание налогов заставило всех проливать слезы» [17, с. 237].

В 474 г. Верина, недовольная действиями Зинона, решила отстранить его от власти и отдать престол своему ставленнику, некоему человеку по имени Патрикий. Она подготовила мятеж, август Зинон бежал, но воспользоваться плодами переворота ей не пришлось: Василиск, подошедший с фракийскими войсками к столице, был при активной поддержке влиятельных константинопольских монофиситов провозглашен императором на поле Евдома – излюбленном месте парадов и торжеств. Патрикий вскоре был лишен жизни, а Верина, опасаясь брата, спешно покинула город и уехала на Восток.

9 января 475 г. Флавий Василиск организовал свою официальную коронацию, сын узурпатора Марк был объявлен соправителем-кесарем, а жена Зинодия – августой. Затем последовал эдикт, которым новоиспеченный властитель отверг решения Халкидонского собора. Навряд ли последнее мероприятие принесло ему популярность в столице, большая часть жителей которой склонялась к ортодоксии.

Василиск был человек свирепый и некультурный, и по мере его правления недовольство узурпатором усиливалось, тем более что к стенам Константинополя подходил, разбивая или

переманивая на свою сторону посланные Василиском отряды, законный император Зинон. Поводом для открытого бунта послужила неуклюжая попытка самозванца изгнать из столицы патриарха Акакия. Дело получило широкую огласку, на защиту патриарха поднялся простой народ и константинопольские монахи, коих в городе было великое множество. В ходе ожесточенных схваток на улицах кто-то поджег библиотеку, хранившую около ста двадцати тысяч свитков – библиотека сгорела дотла. В огне погибли известные скульптуры древних мастеров – Венера Книд-ская, Гера из Самоса и Афина из Линда.

Когда войска Зинова подошли к воротам, жители с радостью их впустили. Василиск с женой и детьми укрылся в церкви и согласился выйти лишь после обещания победителя не проливать их крови. Зинон свое слово сдержал: незадачливый узурпатор был в 476 г. вместе с семьей уморен голодом в каппадокийской крепости Кукузе – без кровопролития.

Анастасий I Дикор

(430 – 518, имп. с 491)

Когда Зинон умер, императрица Ариадна в сопровождении высших придворных отправилась на ипподром и обратилась с речью к народу. Августа пообещала собрать сенат и военных для избрания нового государя. Так как из детей Зинона в живых уже никого не было ²⁰, законным претендентом на трон оказался брат покойного Лонгин, человек злой, грубый и невожатанный. Ни армия, ни сенат такого правителя не пожелали, и Ариадна, чья рекомендация августы была решающей, предложила сделать императором дворцового силенциария Анастасия. Происходил он из Диррахия (в Иллирике), был широко образован, славился разумом, добропорядочным поведением и пользовался благосклонностью императрицы. Однако сделанному выбору воспротивилась, поддерживая Лонгина, партия возвысившихся при Зиноне исавров. Обстановка в Константинополе накалилась до предела, и когда 11 апреля 491 г. Анастасия на ипподроме провозглашали императором, пришлось даже слегка нарушить установленную церемонию венчания на престол. Сначала Анастасий, в расшитом золотом стихаре, подпоясанный и в красных императорских туфлях-кампагиях, был поднят на щите и показан народу и войску. При этом кампидуктор ланциариев, согласно традиции, возложил ему на голову вместо короны (которая надевалась только вместе с императорской хламидой) свою цепь. И лишь слышав шумные крики одобрения не только солдат, но и народа, и таким образом окончательно убедившись в поддержке гражданами нового василевса, патриарх возложил на него хламиду и венец. Анастасий был вторично предъявлен зрителям уже в полном облачении, символизировавшем свершение официальной коронации. Люди, крича со своих скамей, желали августу многих лет и оставаться в пурпуре таким же высоконравственным человеком, каким его знали в частной жизни.

Вскоре Ариадна вышла замуж за нового императора, сохранившего вдобавок ко всем своим достоинствам и внешнюю привлекательность – был он высокого роста, черноволосый с проседью и красивыми чертами лица. Глаза у него были разного цвета – черного и голубого, что и послужило основанием прозвищу Дикор («разные глаза» по-гречески).

Вступив на престол, Анастасий немедленно объявил, что основанием веры считает решения Халкидонского собора, хотя сам не скрывал симпатии к монофиситству. Лонгин стал раздувать среди жителей столицы вражду; между приверженцами Анастасия и исаврийской партии начались жестокие схватки, в результате которых сгорели ипподром и лучшая часть города. В общей сложности эти распри, усугубляемые взаимной неприязнью монофиситов и ортодоксальных христиан, длились несколько лет (так называемая «плебейская война»), и бывало, даже статуи царствующей четы таскались на веревках по константинопольским улицам.

Император, крайне недовольный кознями исаврийской знати, приказал схватить Лонгина и постричь его в монахи, а всех его сторонников выслал из столицы (493). В ответ исавры восстали. Против них выступил Иоанн Скиф и одержал над ними ряд побед, после чего уцелевшие бунтовщики бежали в горы Исаурии. Там мятежники скрывались до 496 г., когда Иоанну Скифу удалось захватить предводителей восстания, обезглавить их и по обычаю послать головы в подарок василевсу.

Со времен Анастасия появляются сообщения о первых набегах авар, славян и болгар (название «болгары» носило одно из гуннских племен) на земли империи. В 493 г. полководец Юлиан в ночном сражении «был поражен скифским [возможно, имеются в виду славяне. – С.Д.] жезлом» [231, т. I, с. 398]. В 499 г. «геты» (болгары) уничтожили во Фракии пятнадцатитысячный отряд ромеев, Фракия осталась без защиты, и в 502 г. болгары разграбили ее снова, а пятнадцать лет спустя дошли до Македонии и Эпира. Непокойно было и в

южных владениях, где с конца V в. начались разорительные походы арабов.

5 марта 493 г. Теодорих овладел Равенной, попавшего в плен Одоакра казнили через десять дней. Готы провозгласили Теодориха конунгом (правителем) Италии, так и не дождавшись согласия Константинополя на этот шаг (посольство римского сената было по этому вопросу послано еще к Зинону). Анастасий признал Теодориха и выслал ему императорские регалии только к 497 г. Сам Теодорих был приверженцем политики сотрудничества с Востоком, номинально признавая главенство Константинополя: «Наше королевство есть ваше [византийское. – С.Д.] подобие, форма прекрасного образца... Да будет всегда мысль о единой Римской империи...» [201, т. I, с. 366] – писал он Анастасию около 508 г. Это было необходимо мудрому Теодориху, ибо в Италии времен остготской державы старое римское население, сенат и пришлый король находились в состоянии непрекращающейся политической борьбы. Ариане-готы оказались очень заинтересованы в поддержке Византии, поскольку и Зинон, и Анастасий по вопросам веры конфликтовали с римской церковью, верхи которой формировались из рядов аристократии.

В 502 г. персидский шах Кавад потребовал от Анастасия денежной дани. Император насмешливо ответил, что если шаху хочется занять денег, пусть шлет расписку. Кавад в ответ двинул войска в Армению и быстро захватил Феодосиополь (Эрзерум). Затем персы подступили к важной крепости Амиде и начали ее осаду. Цитадель оказала нешуточное сопротивление – ее защитники по ночам через подкопы уносили землю из-под возводимых персами насыпей, делали вылазки и отражали многочисленные приступы неприятеля. Камнеметы византийцев наносили огромный урон персидским войскам, началась зима и персы уже готовы были отступить, как вдруг однажды ночью пала одна из главных крепостных башен, которую защищали монахи. После этого Амиде была обречена, однако еще несколько дней жители города и гарнизон мужественно дрались на улицах. Заняв-таки Амиду, персы

вынесли из крепости несколько десятков тысяч трупов – ромеев и своих.

Героическая оборона Амиды надолго задержала продвижение неприятеля в глубь страны и позволила византийцам собраться с силами. Весной 503 г. войско под началом Ареовинда, сына Дагалайфа, разбило персов, но к лету командиры этого войска перессорились, и персы снова стали наносить поражения ромеям. Анастасий, быстро и правильно оценив обстановку, сменил руководство армией. Новым главнокомандующим стал патрикий Келер, военные действия пошли успешнее, и к 506 г. разгромленный Кавад согласился на семилетнее перемирие.

По окончании войны император произвел детальный ее разбор, итогом которого стало возведение Анастасиополя (Дары) – мощной крепости на персидской границе. За считанные месяцы были построены не только стены и водопроводы, но и цистерны для воды, общественные здания – даже бани и церкви.

Внутренняя политика Анастасия была весьма деятельной и сопровождалась крупными и дальновидными реформами.

Важнейшим событием стала отмена в 497 – 498 гг. ненавистного всем хрисаргира – существовавшего с 314 г. налога золотом и серебром, взимавшегося раз в пять лет с граждан, занятых торговлей и ремеслом, и превратившегося к концу V столетия в подлинный тормоз экономики. На деле этим налогом облагалось любое имущество, вплоть до осла и собаки. Еще оратор Ливаний, обращаясь к Феодосию Великому, указывал на вред хрисаргира: «Скажем о том зле, которое превзошло все прочие беды. Это – непосильная подать в золоте и серебре, вызывающая трепет с приближением грозного пятилетия. Название этому источнику дохода дано благовидное, якобы подать взимается с торговцев, но так как эти самые торговцы морем ускользают от подати, то гибнут те люди, которым их ремесло едва дает возможность прокормиться. Даже штопальщик обуви не избегает этой подати. Я не раз видел, как, подняв к небесам свой резак, сапожники клялись,

что только на него вся надежда. Но даже это не избавляет их от сборщиков, которые приходят к ним, лают и чуть ли не кусаются. При таких условиях, государь, учащаются случаи перехода в кабалу, лишаются свободного состояния дети, продаваемые отцами не для того, чтобы полученные за них деньги пошли в кубышку, но чтобы на их глазах эти деньги перешли в длань настойчивого сборщика налога» [49, с.160, пит. по 234, с.310] .

Церковный историк Евагрий рассказывает замечательную историю об отмене хрисаргира. По его словам, Анастасий сначала велел сжечь все учетные книги, в которых на протяжении многих лет фиксировалось облагаемое этим налогом имущество каждого (!) гражданина. Чиновники, кормившиеся от сбора, утаили часть документов, надеясь на скорое возрождение хрисаргира. Тогда император призвал их во дворец, во всеуслышание объявил об отмене своего решения и поручил им отыскать и принести все документы, имеющие какое-либо касательство к процедуре сбора, якобы для восстановления учетных книг. Обрадованные мытари к названному дню выполнили приказ, Анастасий же распорядился принесенное предать огню, а пепел развеять по ветру. Узнав об упразднении хрисаргира, жители империи ликовали несколько дней. Для пополнения денежной казны Анастасий ввел другой налог монетой – хрисотелию, которым облагалась только земельная собственность, а взимавшуюся до того натуральную подать с землевладельцев и поставки рекрутов ликвидировал.

В 498 г. была проведена денежная реформа, к серебряным и золотым монетам добавилась медная.

Около 500 г. вышел указ о том, что после тридцати лет использования арендатором казенного земельного участка этот надел переходит в собственность обрабатывающего.

В 501 г. император особым эдиктом запретил продажу государственных должностей.

Результатом нововведений Анастасия явилось то, что ко времени смерти государя казной были накоплены огромные средства – 320 000 фунтов золота, и это несмотря на обширную строительную деятельность!

Хотя положение империи в целом было при Анастасии неплохим, в государстве вспыхивали разного рода мятежи и волнения.

Около 501 г. во время состязаний на ипподроме случилась потасовка, в ходе которой погиб внебрачный сын Анастасия. Разгневанный император приказал казнить многих ее участников. В 508 г. начался очередной бунт в Александрии, на этот раз – сторонников ортодоксального патриарха Македония II. Через три года на столичном ипподроме толпа ортодоксов скандировала лозунг: «Другого императора ромеям!» Терпение Анастасия лопнуло, особо рьяных приверженцев Македония он или пересажал, или изгнал из столицы, а самого патриарха сместил. В ноябре 512 г., используя в качестве формального предлога для недовольства небольшое изменение слов в одном из церковных гимнов, жители Константинополя начали крупный мятеж, который престарелому василевсу едва удалось предотвратить без особого кровопролития. Анастасий вышел «на конское ристалище без короны и послал глашатая объявить [собравшемуся там] народу, что он готов сложить с себя верховную власть, но всем невозможно принять ее – множества она не терпит, и что после него только один будет правителем государства» [33, с. 190]. Толпа, видя императора столь миролюбиво настроенным, вняла его разумным доводам, успокоилась и разошлась.

Но самым крупным восстанием против василевса стало восстание Вита-лиана, подавленное с большим трудом и не до конца. В 513 г. императорский полководец Виталиан объявил себя защитником православной веры и выступил против монофисита Анастасия. Император был вынужден скрываться в предместьях близ Влахерн (северо-восточный квартал Константинополя), опасаясь сторонников Виталиана в городе. Тот же, заручившись поддержкой болгар и славян, возмутил федератов придунайских областей, которые потребовали увеличения жалованья. Начальник фракийских войск Ипатий, племянник августа, отказался это сделать, федераты восстали, и Ипатию пришлось бежать. В 514 г. мятежники уже контролировали Мизию, Скифию и Фракию, а затем подступили

к стенам Константинополя. В городе на стенах домов были во множестве развешены кресты и прокламации, убеждавшие жителей в православии императора.

Виталиан условием перемирия поставил восстановление низложенного Македония II и созыв нового Вселенского собора. Анастасий долго медлил с ответом, тем временем подкупая командиров Виталиана. Наконец император согласился с требованиями восставших и Виталиан срочно отвел разложенные императорским золотом войска.

Василевс начал явно демонстрировать нежелание выполнять условия договора, одновременно собирая силы для дальнейшей борьбы. В ответ на упреки в обмане он хладнокровно заметил, что правитель в случае нужды вправе нарушить любую клятву.

Против Виталиана отправился с огромной армией полководец Кирилл, однако в самом начале похода он был заколот в собственном шатре подкупленными врагом стражниками. На место Кирилла заступил Ипатий, и вскоре его восьмидесятитысячное войско оказалось разгромлено, а сам он попал в плен. Авторитет императора пал настолько, что посланных с выкупом за Ипатия чиновников люди Виталиана обобрали и избили. Последний принял от войск императорский титул и вторично подошел к столице, угрожая штурмом с суши и моря.

Анастасий снова запросил мира. Заключив еще одно соглашение, он сам же перемирие вероломно нарушил, двинув на корабли Виталиана флот. В морском бою (515) Виталиан был разбит и скрылся, а остатки его армий присягнули императору.

Примечательно, что возведенная десятью годами ранее в сорока километрах от столицы так называемая Длинная стена, шедшая на 420 стадий (80 км) от Мраморного моря близ Оливрии до Черного моря близ Дергона, не смогла послужить городу защитой.

За свое монофиситство Анастасий у некоторых историков и хронистов получил прозвище Нечестивый, но деятельность этого далеко не ординарного человека вряд ли заслуживает столь резко негативной оценки. Во всяком случае,

несмотря на явную беспринципность императора-утилитариста в политике, его нельзя обвинить в жестокости ²¹, небрежении к государственным делам или неумении управлять державой.

Анастасий скончался 8 или 9 июля 518 г., ночью, во время страшной грозы, что дало повод православным летописцам утверждать впоследствии, будто Бог за грехи покарал императора, убив молнией.

Юстин I

(ок. 450 – 527, имп. с 518)

Сын бедных иллирийских крестьян, Юстин пришел в Константинополь босым, с котомкой за плечами, искать в столице счастья. Службу он начал простым солдатом при Маркиане, а при Анастасии в исаврийской войне и войне с Виталианом состоял уже на командных должностях. К моменту смерти Анастасия Юстин занимал высокий пост комита экскувитов, начальника императорских телохранителей. Хороший военный, он не имел никакого образования, а потому отличался невежеством, отсутствием красноречия и невоспитанностью.

Так как у покойного Анастасия были племянники, то они вполне могли претендовать на трон, однако влиятельный при дворе евнух Амантий решил сделать императором своего ставленника, некоего Феокрита. Амантий передал Юстину крупную сумму денег для раздачи экскувитам, чтобы переманить последних на свою сторону. Юстин же раздал золото от своего имени, ничего не упоминая о поручении Амантия, а так как человек он был, несмотря на достаточно преклонный возраст, популярный у простого народа и армии в силу происхождения и личных качеств, те провозгласили его императором.

Среди дворцовой знати некоторые влиятельные лица также поддержали кандидатуру комита, и 10 июля 518 г. Юстин был коронован. Так правителем ромеев стал, по словам Феофана, «царь благочестивый, строгий и многоопытный муж, начавший служить с простого воина и возвысившийся до сенатора... и был во всем любезен, как пламенный любитель православной веры и муж, опытный в деле военном» [82, с. 129]. Рассказывали, что незадолго до смерти Анастасию был сон, в котором император увидел, что после него престол достанется тому, кто с утра первым войдет к нему с докладом. Этим человеком и оказался комит экскувитов, так что когда однажды на приеме Юстин, обходя императора, нечаянно наступил ему

на край хламиды, тот обернулся и с улыбкой спросил: «Ну что ты спешишь!»

Дабы избавить себя от неприятностей, новый император велел казнить Амантия и Феокрита.

Он разрешил сосланным при Анастасии вернуться в столицу, а мятежный Виталиан, как сторонник православия, был обласкан, получив титул *magister militum*, и в 520 г. стал консулом (вскоре он погиб в результате покушения).

Юстин I решительно повернул религиозную политику государства к ортодоксии. В отличие от Зинона и Анастасия I, он взял курс на примирение с папством, конфликт с которым («схизма Акакия») не прекращался 35 лет. Император приказал сместить около полусотни сирийских епископов-монофиситов и воздвиг гонения на приверженцев всех еретических направлений христианства. Папа Хормизд и восточноримский монарх вскоре действительно примирились. Это не на шутку встревожило Теодориха, который, подозревая римлян в политической измене, развязал против старой знати террор, причем среди прочих погиб один из образованнейших людей того времени, философ-неоплатоник Боэций, консуляр и магистр оффиций остготского короля. Отношения Равенны с Византией ухудшались, несмотря на дипломатические реверансы Юстина I: около 519 г. он сделал консулом внука Теодориха Аталариха и усыновил его.

В 521 г. возобновилась персидская война. Двумя годами позже от Персии отошла Лазика (область Западной Грузии), и ее правитель, приняв христианство, нашел помощь у Юстина I.

Около 525 г. Византия пострадала от сильнейшего землетрясения, почти полностью погибли многие города, в том числе один из самых крупных центров Востока, Антиохия-на-Оронте. Император выделил немалые средства на их восстановление.

В Константинополе в течение нескольких лет вспыхивали ожесточенные схватки между цирковыми партиями. Префект города «успокаивал» население, проводя публичные казни.

Будучи человеком достаточно далеким от наук, даже полуграмотным (рассказывали, что он так и не научился

писать, и для наложения резолюций на подаваемые документы ему изготовили табличку с прорезанными в ней буквами *legi* – «прочел», по которой тот водил пером), Юстин прекрасно понимал необходимость широкого образования для государственного деятеля и постарался дать его племяннику Юстиниану (своих детей у него не было).

В начале апреля 527 г. Юстин I тяжело заболел и потому назначил Юстиниана соправителем с титулом августа. Фактически последний управлял державой при престарелом дяде уже давно, и Прокопий в «Тайной истории» даже уподобляет Юстина ослу, который во всем слушается погонщика, довольствуясь возможностью самостоятельно лишь махать ушами. 1 августа 527 г. император умер, оставив преемником Юстиниана.

Юстиниан I Великий

(482 или 483 – 565, имп. с 527)

Император Флавий Петр Савватий Юстиниан остался одной из самых крупных, известных и, как ни парадоксально, загадочных фигур всей византийской истории. Описания, а тем более оценки его характера, жизни, деяний зачастую крайне противоречивы и могут служить пищей для самых безудержных фантазий. Но, как бы то ни было, по масштабам свершений другого такого императора Византия не знала, и прозвище Великий Юстиниан получил абсолютно заслуженно.

Он родился в 482 или 483 г. в Иллирике (Прокопий называет местом его рождения Таурисий близ Бедриан) и происходил из крестьянской семьи. Уже в позднем средневековье возникла легенда о том, что Юстиниан якобы имел славянское происхождение и носил имя Управда. Когда дядя его, Юстин, возвысился при Анастасии Дикоре, он приблизил к себе племянника и сумел дать ему разностороннее образование. Способный от природы, Юстиниан мало-помалу стал приобретать при дворе известное влияние. В 521 г. он удостоился звания консула, дав по этому случаю великолепные зрелища народу.

В последние годы правления Юстина I «Юстиниан, еще не возведенный на престол, управлял государством при жизни дяди своего ... который еще царствовал, но был очень стар и неспособен к делам государственным» (Пр.Кес., [70, с. 83]). 1 апреля (по другим источникам – 4 апреля) 527 г. Юстиниан был объявлен августом, а после смерти Юстина I остался самодержавным правителем Византийской империи.

Был он невысокого роста, белолицый и считался красивым, несмотря на некоторую склонность к полноте, ранние залысины на лбу и седину. Дошедшие до нас изображения на монетах и мозаиках церквей Равенны (св. Виталия и св. Аполлинария; кроме того, в Венеции, в соборе св. Марка, имеется его статуя из порфира) вполне соответствуют этому описанию. Что же касается нрава и поступков Юстиниана, то

характеристики их у историков и хронистов самые противоположные, от панегирических до откровенно злобных.

По различным свидетельствам, император, или, как стали чаще писать со времен Юстиниана, автократор (самодержец) представлял собой «необычайное сочетание глупости и низости... [был] человек коварный и нерешительный... полон иронии и притворства, лжив, скрытен и двуличен, умел не показывать своего гнева, в совершенстве владел искусством проливать слезы не только под влиянием радости или печали, но в нужные моменты по мере необходимости. Лгал он всегда, и не только случайно, но дав торжественнейшие записи и клятвы при заключении договоров и при этом даже по отношению к своим же подданным» (Пр.Кес., [73, с. 299]). Тот же Прокопий, однако, пишет, что Юстиниан был «одарен быстрым и изобретательным умом, неутомимый в исполнении своих намерений» [70, с. 88]. Подводя же некий итог его свершениям, Прокопий в своем труде «О постройках Юстиниана» высказывается просто восторженно: «В наше время явился император Юстиниан, который, приняв власть над государством, потрясаемом [волнениями] и доведенным до позорной слабости, увеличил его размеры и привел его в блестящее состояние, изгнав из него насильовавших его варваров. Император с величайшим искусством сумел промыслить себе целые новые государства. В самом деле, целый ряд областей, бывших уже чужими для римской державы, он подчинил своей власти и выстроил бесчисленное множество городов, не бывших ранее.

Найдя веру в Бога нетвердой и принужденной идти путем различных вероисповеданий, стерев с лица земли все пути, ведущие к этим колебаниям, он добился того, чтобы она стояла теперь на одном твердом основании истинного исповедания. Кроме того, поняв, что законы не должны быть неясными вследствие ненужной их многочисленности и, явно друг другу противореча, друг друга уничтожать, император, очистив их от массы ненужной и вредной болтовни, с великой твердостью преодолевая их взаимное расхождение, сохранил правильные законы. Сам, по собственному побуждению простив вины

злоумышляющим против него, нуждающихся в средствах для жизни преисполнив до пресыщения богатством и тем преодолев унижительную для них злосчастную судьбу, добился того, что в империи воцарилась радость жизни» [72, с. 207].

«Император Юстиниан обычно прощал ошибки своим прегрешившим начальникам» (Пр.Кес., [71]), но: «ухо его... всегда было отверзто клевете» (Зонара, [123, с. 120]). Он жаловал доносителей и по их проискам мог ввергнуть в опалу ближайших своих придворных. При этом император, как никто другой, разбирался в людях и умел обзаводиться великолепными помощниками.

В характере Юстиниана удивительным образом сочетались самые неуживающиеся свойства человеческой натуры: решительный правитель, он, случилось, вел себя как откровенный трус; ему доступны были как алчность и мелочная скарედность, так и безграничная щедрость; мстительный и беспощадный, он мог казаться и быть великодушным, особенно если это умножало его славу; обладая неутомимой энергией для воплощения своих грандиозных замыслов, он тем не менее был способен внезапно отчаиваться и «опускать руки» или, напротив, упрямо доводить до конца явно ненужные начинания.

Юстиниан обладал феноменальной работоспособностью, умом и являлся талантливейшим организатором. При всем этом он нередко подпадал под чужое влияние, в первую очередь жены, императрицы Феодоры – человека отнюдь не менее замечательного.

Император отличался хорошим здоровьем (ок. 543 г. он смог перенести такую страшную болезнь, как чума!) и отменной выносливостью. Спал он мало, по ночам занимаясь всевозможными государственными делами, за что получил от современников прозвище «бессонного государя». Пищу принимал зачастую самую неприхотливую, никогда не предавался неумеренному обжорству или пьянству. К роскоши Юстиниан также был весьма безразличен, но, отлично понимая значение внешнего для престижа государства, не жалел для этого средств: убранство столичных

дворцов и зданий и великолепие приемов приводили в изумление не только варварских послов и царей, но и искушенных римлян. Причем здесь василевс знал и меру: когда в 557 г. многие города оказались разрушены землетрясением, он незамедлительно отменил пышные дворцовые обеды и подарки, дававшиеся императором столичной знати, а сэкономленные немалые деньги отправил пострадавшим.

Юстиниан прославился честолубием и завидным упорством в возвеличивании себя и самого титула императора ромеев. Объявив самодержца «исапостолом», т.е. «равным апостолам», он поставил его выше народа, государства и даже церкви, узаконив недосыгаемость монарха ни для людского, ни для церковного суда. Христианский император не мог, разумеется, обожествить себя, поэтому «исапостол» оказался очень удобной категорией, высшей доступной человеку ступенью. И если до Юстиниана придворные патрицианского достоинства по римскому обычаю при приветствии целовали императора в грудь, а прочие опускались на одно колено, то с этих пор все без исключения были обязаны повергаться ниц перед ним, восседающим под золотым куполом на богато украшенном троне. Потомки гордых римлян окончательно усвоили рабские церемонии варварского Востока...

К началу правления Юстиниана империя имела своими соседями: на западе – фактически независимые королевства вандалов и остготов, на востоке – сасанидский Иран, с севера – болгар, славян, авар, антов, а на юге – кочевые арабские племена. За тридцать восемь лет правления Юстиниан воевал с ними всеми и, не принимая личного участия ни в одном из сражений или походов, завершил эти войны достаточно успешно.

528 г. (год второго консульства Юстиниана, по случаю чего 1 января были даны невиданные ранее по великолепию консульские зрелища) начался неудачно. Византийцы, бывшие в состоянии войны с Персией уже несколько лет, проиграли большое сражение у Миндоны, и, хотя императорский военачальник Петр сумел улучшить положение, посольство с

просьбой о мире завершилось ничем. В марте того же года в Сирию вторглись значительные силы арабов, но их быстро удалось выпроводить обратно. В довершение ко всем несчастьям 29 ноября землетрясение в который раз повредило Антиохию-на-Оронте.

К 530 г. византийцы потеснили иранские войска, одержав над ними крупную победу при Даре. Год спустя пятнадцатитысячная армия персов, перешедшая границу, была отброшена назад, а на престоле Ктесифона умершего шаха Кавада сменил его сын Хосров (Хозрой) I Ануширван – не только воинственный, но и мудрый правитель. В 532 г. с персами было заключено бессрочное перемирие (так называемый «вечный мир»), и Юстиниан сделал первый шаг к реставрации единой державы от Кавказа до Гибралтарского пролива: воспользовавшись как предлогом тем, что власть в Карфагене еще в 531 г. захватил, свергнув и убив дружественного ромеям Хильдерика, узурпатор Гелимер, император начал готовиться к войне с королевством вандалов. «Об одном умоляем мы святую и славную Деву Марию, – заявил Юстиниан, – чтобы по ходатайству ее удостоил Господь меня, своего последнего раба, воссоединить с Римской империей все, что от нее отторгнуто и довести до конца [этот. – С.Д.] высочайший долг наш» [231, т. I, с. 428]. И хотя большинство сената, возглавляемое одним из ближайших советников василевса – префектом претория Иоанном Каппадокийцем, памятуя о неудачном походе при Льве I, высказывалось решительно против этой затеи, 22 июня 533 г. на шестистах кораблях пятнадцатитысячное войско под командованием отозванного с восточных границ Велисария (см.) вышло в Средиземное море. В сентябре византийцы высадились на африканский берег, осенью и зимой 533 – 534 гг. под Дециумом и Трикамаром Гелимер был разбит, а в марте 534 г. сдался Велисарии. Потери среди войск и мирного населения вандалов были огромны. Прокопий сообщает, что «сколько народа погибло в Африке, я не знаю, но думаю, что погибли мириады мириад» [231, т. I, с. 431]. «Проезжая по ней [Ливии. – С.Д.], трудно и удивительно было встретить там хотя бы одного

человека» [73, с. 324]. Велисарий по возвращении справил триумф, а Юстиниан стал торжественно именоваться Африканским и Вандальским.

В Италии со смертью малолетнего внука Теодориха Великого, Аталариха (534), прекратилось регентство его матери, дочери короля Амаласунты. Племянник Теодориха, Теодат, сверг и заточил королеву в тюрьму. Византийцы всячески провоцировали новоиспеченного государя остготов и добились своего – пользовавшаяся формальным покровительством Константинополя Амаласунта погибла, а заносчивое поведение Теодата стало поводом для объявления остготам войны.

Летом 535 г. две небольшие, но великолепно обученные и оснащенные армии вторглись в пределы остготской державы: Мунд захватил Далмацию, а Велисарий – Сицилию. С запада Италии грозили подкупленные византийским золотом франки. Устрашенный Теодат начал было переговоры о мире и, не рассчитывая на успех, соглашался уже отречься от престола, но в конце года Мунд погиб в стычке, а Велисарий спешно отплыл в Африку на подавление солдатского мятежа. Теодат, осмелев, заключил под стражу императорского посла Петра. Однако зимой 536 г. византийцы поправили свое положение в Далмации, и тогда же на Сицилию вернулся Велисарий, располагавший там семью с половиной тысячами федератов и четырехтысячной личной дружиной.

Осенью ромеи перешли в наступление, в середине ноября они штурмом взяли Неаполь. Нерешительность и трусость Теодата послужили причиной переворота – король был убит, а на его место готы избрали бывшего солдата Витигиса. Тем временем армия Велисария, не встречая сопротивления, подошла к Риму, жители которого, особенно старая аристократия, открыто радовались освобождению из-под власти варваров. В ночь с 9 на 10 декабря 536 г. через одни ворота Рим покидал готский гарнизон, а в другие входили византийцы. Попытки Витигиса отбить город назад, несмотря на более чем десятикратное превосходство в силах, оказались неудачными. Преодолев сопротивление остготской армии, в конце 539 г. Велисарий осадил Равенну, а следующей весной столица

державы остготов пала. Готы предложили Велисария быть их королем, но полководец отказался. Подозрительный Юстиниан, несмотря на отказ, спешно отозвал его в Константинополь и, не разрешив даже справить триумф, отправил сражаться с персами. Сам василевс принял титул Готский. Королем же остготов стал в 541 г. одаренный правитель и мужественный воин Тотила. Ему удалось собрать разбитые дружины и организовать умелое сопротивление немногочисленным и плохо обеспеченным отрядам Юстиниана. За пять последующих лет византийцы лишились в Италии почти всех своих завоеваний. Тотила успешно применял особую тактику -разрушал все захваченные крепости, дабы они не могли послужить в будущем опорой врагу, и тем самым принуждал ромеев к сражениям вне укреплений, чего они не могли делать в силу своей малочисленности. Опальный Велисарий в 545 г. снова прибыл на Апеннины, но уже без денег и войск, практически на верную смерть. Остатки его армий не смогли пробиться на помощь осажденному Риму, и 17 декабря 546 г. Тотила занял и разграбил Вечный Город. Вскоре готы сами ушли оттуда (не сумев, однако, разрушить его мощных стен), и Рим вновь подпал под власть Юстиниана, но ненадолго.

Обескровленная византийская армия, не получавшая ни подкреплений, ни денег, ни продовольствия и фуража, стала поддерживать свое существование грабежом мирного населения. Это, как и восстановление суровых по отношению к простому народу римских законов на территории Италии, привело к массовому бегству рабов и колонов, которые непрерывно пополняли войско Тотилы. К 550 г. он вновь овладел Римом и Сицилией, а под контролем Константинополя остались лишь четыре города – Равенна, Анкона, Кротон и Отранте. Юстиниан назначил на место Велисария своего двоюродного брата Германа, снабдив его значительными силами, но этот решительный и не менее прославленный полководец неожиданно умер в Фессало-нике, так и не успев вступить в должность. Тогда Юстиниан направил в Италию невиданную по численности армию (более тридцати тысяч

человек), во главе которой стоял императорский евнух армянин Нарсес, «человек острого ума и более энергичный, чем это свойственно евнухам» (Пр.Кес., [71, с. 205]).

В 552 г. Нарсес высадился на полуострове, и в июне этого года в битве при Тагинах войско Тотилы было разгромлено, сам он пал от руки своего же придворного, а окровавленные одежды короля Нарсес отослал в столицу. Остатки готов вместе с преемником Тотилы, Тейей, отошли к Везувию, где во втором сражении были окончательно уничтожены. В 554 г. Нарсес одержал победу над семидесятитысячной ордой вторгшихся франков и аллеманов. В основном боевые действия на территории Италии завершились, а готы, ушедшие в Рецию и Норик, были покорены десять лет спустя. В 554 г. Юстиниан издал «Прагматическую санкцию», отменявшую все нововведения Тотилы – земля возвращалась прежним хозяевам, равно как и освобожденные королем рабы и колоны.

Примерно тогда же патриций Либерий отвоевал у вандалов юго-восток Испании с городами Кордубой, Картаго-Новой и Малагой.

Мечта Юстиниана о воссоединении Римской империи исполнилась. Но Италия была разорена, по дорогам истерзанных войною областей бродили разбойники, а пять раз (в 536, 546, 547, 550, 552 гг.) переходивший из рук в руки Рим обезлюдел, и резиденцией наместника Италии стала Равенна.

На востоке с переменным успехом шла (с 540 г.) тяжелая война с Хосровом, то прекращавшаяся перемириями (545, 551, 555), то разгоравшаяся снова. Окончательно персидские войны завершились только к 561–562 гг. миром на пятьдесят лет. По условиям этого мира Юстиниан обязался выплачивать персам 400 либр золота в год, те же ушли из Лазики. Ромеи оставили себе завоеванные Южный Крым и закавказские берега Черного моря, но в течение этой войны под покровительство Ирана перешли другие кавказские области – Абхазия, Сванетия, Мизимания. После более чем тридцатилетнего конфликта оба государства оказались ослабленными, не получив практически никаких преимуществ.

Тревожающим фактором оставались славяне и гунны. «С того времени как Юстиниан принял власть над римской державой, гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями нестерпимые вещи» (Пр.Кес., [73, с. 25]). В 530 г. Мунд успешно отразил натиск болгар во Фракии, но три года спустя рать славян появилась там же. *Magister militum* Хильвуд пал в сражении, и захватчики опустошили ряд византийских территорий. Около 540 г. кочевые гунны организовали поход в Скифию и Мизию. Направленный против них племянник императора Юст погиб. Лишь ценой огромных усилий ромеям удалось разгромить варваров и отбросить их за Дунай. Через три года те же гунны, напав на Грецию, дошли до предместий столицы, вызвав среди ее жителей небывалую панику. В конце 40-х гг. славяне разорили земли империи от верховьев Дуная до Диррахия.

В 550 г. три тысячи славян, перейдя Дунай, снова вторглись в Иллирик. Императорскому военачальнику Асваду не удалось организовать должного сопротивления пришельцам, он попал в плен и был казнен самым безжалостным образом: его сожгли заживо, предварительно нарезав ремней из кожи спины. Малочисленные дружины ромеев, не решаясь дать сражения, лишь следили за тем, как, разделившись на два отряда, славяне занялись грабежами и убийствами. Жестокость нападавших впечатляла: оба отряда «убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами. Они убивали попавшихся им навстречу не мечами и не копьями или каким-нибудь обычным способом, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодиц, а затем под давлением тела проникало во внутренность человека. Вот как они считали нужным обходиться с нами! Иногда эти варвары, вбив в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных, и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом как собак или змей, или других каких-либо диких животных. Остальных же, вместе с быками и мелким скотом, которых не могли гнать в

отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали безо всякого сожаления» (Пр.Кес., [71, с. 366]). Летом 551 г. славяне отправились в поход на Фессалонику. Лишь только когда огромное войско, предназначенное для отправки в Италию под началом стяжавшего грозную славу Германа, получило приказ заняться фракийскими делами, славяне, напуганные этим известием, ушли восвояси.

В конце 559 г. огромная масса болгар и славян вновь хлынула в пределы империи. Грабившие всех и вся захватчики дошли до Фермопил и Херсонеса Фракийского, а большая их часть повернула на Константинополь. Из уст в уста византийцы передавали рассказы о диких зверствах неприятеля. Историк Агафий Миринейский пишет, что враги даже беременных женщин заставляли, насмехаясь над их страданиями, рожать прямо на дорогах, а к младенцам не позволяли и прикоснуться, оставляя новорожденных на съедение птицам и псам. В городе, под защиту стен которого бежало, прихватив самое ценное, все население окрестностей (поврежденная Длинная стена не могла служить надежной преградой разбойникам), практически не было войск. Император мобилизовал для защиты столицы всех способных владеть оружием, выставив к бойницам городское ополчение цирковых партий (димотов), дворцовую стражу и даже вооруженных членов сената. Командовать обороной Юстиниан поручил Велисарю. Нужда в средствах оказалась такой, что для организации кавалерийских отрядов пришлось поставить под седло беговых лошадей столичного ипподрома. С небывалым трудом, угрожая мощью византийского флота (который мог перекрыть Дунай и запереть варваров во Фракии), нашествие удалось отразить, но мелкие отряды славян продолжали почти беспрепятственно переходить границу и селиться на европейских землях империи, образуя прочные колонии.

Войны Юстиниана требовали привлечения колоссальных денежных средств. К VI в. почти вся армия состояла из наемных варварских формирований (готы, гунны, гепиды, даже славяне и пр.). Гражданам всех сословий оставалось лишь нести на собственных плечах тяжелое бремя налогов,

увеличивавшихся год от года. По этому поводу сам автократок откровенно высказывался в одной из новелл: «Первая обязанность подданных и лучшее для них средство благодарения императору – уплачивать с безусловным самоотвержением общественные подати полностью» [123, с. 33]. Для пополнения казны изыскивались самые разнообразные способы. В ход шло все, вплоть до торговли должностями и порчи монеты путем обрезания ее по краям. Крестьян разоряла «эпибола» – приписывание к их землям в принудительном порядке соседних пустующих участков с требованием их использовать и платить за новую землю налог. Юстиниан не оставлял в покое и богатых граждан, всячески обирая их. «Юстиниан относительно денег был человек ненасытный и такой охотник до чужого, что все подвластное себе царство отдал на откуп частью правителям, частью сборщикам податей, частью тем людям, которые безо всякой причины любят строить козни другим. У несчетного числа людей богатых под ничтожными предложениями было отнято почти все имущество. Впрочем, Юстиниан не берег денег...» (Евагрий, [33, с. 227]). «Не берег» – это значит не стремился к личному обогащению, а употреблял их на благо государства – так, как это «благо» понимал.

Экономические мероприятия императора сводились в основном к полному и жесткому контролю со стороны государства над деятельностью любого производителя или торговца. Немалые выгоды приносила и государственная монополия на производство ряда товаров. В правление Юстиниана у империи появился свой шелк: два несторианских монаха-миссионера, рискуя жизнью, вывезли из Китая в своих полых посохах грену шелковичного червя.

Выпуск шелка, став монополией казны, начал давать ей колоссальные доходы.

Громадное количество денег поглощало и обширнейшее строительство. Юстиниан I покрыл сетью обновленных и вновь построенных городов и укрепленных пунктов как европейскую, так азиатскую и африканскую части империи. Были восстановлены, например, разрушенные в ходе войн с

Хосровом города Дара, Амида, Антиохия, Феодосиополь и обветшавшие греческие Фермопилы и дунайский Никополь. Карфаген, окруженный новыми стенами, был переименован в Юстиниану Вторую (Первой стал Таурисий), а таким же образом отстроенный североафриканский город Бана – в Феодориду. По велению императора возводились новые крепости в Азии – в Финикии, Вифинии, Каппадокии. От набегов славян вдоль берега Дуная была сооружена мощная оборонительная линия.

Список городов и крепостей, так или иначе затронутых строительством Юстиниана Великого, огромен. Ни один византийский властитель ни до него, ни после строительной деятельности таких объемов не вел. Современников и потомков поражали не только размах военных сооружений, но и великолепные дворцы и храмы, оставшиеся от времен Юстиниана везде – от Италии до сирийской Пальмиры. И среди них, конечно же, сказочным шедевром выделяется сохранившийся до наших дней храм святой Софии в Константинополе (Истанбульская мечеть Айя-София, с 30-х гг. XX в. – музей).

Когда в 532 г. во время городского восстания сгорела церковь св. Софии, Юстиниан решил соорудить храм, который превосходил бы все известные образцы. В течение пяти лет несколько тысяч рабочих, которыми руководили Анфимий из Тралл, «в искусстве так называемой механики и строительства самый знаменитый не только из числа своих современников, но и даже из тех, кто жил задолго до него», и Исидор из Милета, «во всех отношениях человек знающий» (Пр.Кес., [72, с. 209]), под непосредственным наблюдением самого августа, заложившего в основание постройки первый камень, возвели восхищающее до сих пор здание. Достаточно сказать, что купол большего диаметра (у св. Софии – 31,4 м) был сооружен в Европе ²² лишь девять веков спустя. Мудрость архитекторов и аккуратность строителей позволили гигантскому зданию более четырнадцати с половиной веков простоять в сейсмически активной зоне ²³.

Не только смелостью технических решений, но и невиданной по красоте и богатству внутренней отделкой главный храм империи поражал всех видевших его. После освящения собора Юстиниан обошел его и воскликнул: «Слава Богу, признавшему меня достойным для свершения такого чуда. Я победил тебя, о Соломон!» [123, с. 27]. Император в ходе работ сам дал несколько ценных в инженерном отношении советов, хотя никогда не занимался архитектурой.

Отдав дань Богу, Юстиниан сделал то же самое в отношении монарха и народа, с великолепием отстроив дворец и ипподром.

Реализуя свои обширные планы возрождения былого величия Рима, Юстиниан не смог обойтись без наведения порядка в делах законодательных. За время, прошедшее после выхода в свет «Кодекса Феодосия», появилась масса новых, часто противоречивших друг другу императорских и преторских эдиктов, и вообще, к середине VI в. старое римское право, потеряв былую стройность, превратилось в запутанное нагромождение плодов юридической мысли, предоставлявшее искусному толкователю возможность вести судебные процессы в ту или иную сторону, в зависимости от выгоды. В силу этих причин василевс распорядился провести колоссальную работу по упорядочению огромного количества указов правителей и всего наследия античной юриспруденции. В 528 – 529 гг. комиссия из десяти правоведов во главе с юристами Трибонианом и Феофилом кодифицировала указы императоров от Адриана до Юстиниана в двенадцати книгах «Кодекса Юстиниана», дошедшего до нас в исправленном издании 534 г. Не вошедшие в этот кодекс постановления были объявлены утратившими силу. С 530 г. новая комиссия из 16 человек, возглавляемая тем же Трибонианом, занялась составлением юридического канона по обширнейшему материалу всего римского законодательства. Так к 533 г. появились пятьдесят книг «Дигест». В дополнение к ним были изданы «Институции» – подобие учебника для правоведов. Эти сочинения, а также вышедшие в период с 534 г. до смерти Юстиниана 154 императорских указа (новелл) составляют Corpus Juris Civilis ²⁴

– «Свод гражданского права», не только основу всего византийского и западноевропейского средневекового права, но и ценнейший исторический источник. По окончании деятельности упомянутых комиссий Юстиниан официально запретил всю законотворческую и критическую деятельность юристов. Разрешались лишь переводы «Корпуса» на другие языки (в основном на греческий) и составление кратких извлечений оттуда. Комментировать и толковать законы стало отныне нельзя, а из всего обилия юридических школ осталось в Восточноримской империи две ²⁵ – в Константинополе и Верите (совр. Бейрут).

Отношение самого исапостола Юстиниана к праву вполне соответствовало его идее о том, что нет ничего выше и святее императорского величества. Высказывания Юстиниана на этот счет говорят сами за себя: «Если какой-либо вопрос покажется сомнительным, пусть о нем доложат императору, дабы он разрешил таковой своей самодержавной властью, которой одной принадлежит право истолкования Закона»; «сами создатели права говорили, что воля монарха имеет силу закона» [244, т. XLI, с. 446]; «Бог подчинил императору самые законы, посылая его людям как одушевленный Закон» (Новелла 154, [144, т. II, с. 38]).

Активная политика Юстиниана затронула и сферу государственного управления. На момент его воцарения Византия делилась на две префектуры – Восток и Иллирик, в которые входили 51 и 13 провинций, управлявшихся в соответствии со введенным Диоклетианом принципом разделения военной, судебной и гражданской власти. Во время Юстиниана некоторые провинции были слиты в более крупные, в которых все службы, в отличие от провинций старого типа, возглавлял один человек – дука (дукс). Особенно это касалось удаленных от Константинополя территорий, таких как Италия и Африка, где несколькими десятилетиями позже были образованы экзархаты. В тщании улучшить структуры власти Юстиниан неоднократно проводил «чистки» аппарата, пытаясь бороться со злоупотреблениями чиновников и казнокрадством. Но борьба эта всякий раз проигрывалась императором:

колоссальные суммы, взимающиеся сверх налогов правителями, оседали в их собственных сокровищницах. Процветало взяточничество, несмотря на принятые против него суровые законы. Влияние сената Юстиниан (особенно в первые годы правления) свел практически к нулю, превратив его в орган послушного утверждения приказов императора.

В 541 г. Юстиниан упразднил консулат в Константинополе, объявив себя пожизненным консулом, а заодно и прекратил дорогостоящие консульские игры (на них уходило одного только казенного золота 200 либр ежегодно).

Столь энергичная деятельность императора, захватившая все население страны и потребовавшая непомерных затрат, вызывала недовольство не только нищавшего народа, но и не желавшей утруждать себя аристократии, для которой незнатный Юстиниан был выскочкой на троне, а его беспокойные идеи слишком дорого стоили. Недовольство это реализовывалось в мятежах и заговорах. В 548 г. был раскрыт заговор некоего Артавана, а в 562 г. столичные богачи («менялы») Маркелл, Вита и другие решили зарезать престарелого василевса во время аудиенции. Но некий Авлавий выдал товарищей, и, когда Маркелл с кинжалом под одеждой входил во дворец, стража схватила его. Маркеллу удалось заколоть себя, однако остальных заговорщиков задержали, и те под пытками объявили организатором покушения Велисария. Клевета подействовала, Велисарий попал в немилость, но казнить столь заслуженного человека по мало проверенным обвинениям Юстиниан не осмелился.

Не всегда спокойно было и среди солдат. При всей своей воинственности и опытности в ратном деле федераты никогда не отличались дисциплинированностью. Объединенные в племенные союзы, они, буйные и невозддержанные, нередко возмущались против командования, и управление такой армией требовало немалых талантов.

В 536 г., после отъезда Велисария в Италию, некоторые африканские части, возмущенные решением Юстиниана присоединить все земли вандалов к фиску (а не раздать их солдатам, на что те рассчитывали), восстали, провозгласив

командующим простого воина Стоцу, «человека отважного и предприимчивого» (Феоф., [82, с. 157]). Почти вся армия поддержала его, и Стоца осадил Карфаген, где за ветхими стенами заперлись немногочисленные верные императору войска. Военачальник евнух Соломон вместе с будущим историком Прокопием бежали морем в Сиракузы, к Велисария. Тот, узнав о случившемся, немедленно сел на корабль и приплыл в Карфаген. Напуганные известием о прибытии своего бывшего командира, воины Стоцы отступили от стен города. Но стоило только Велисария покинуть африканский берег, как восставшие возобновили боевые действия. Стоца принимал в свою армию рабов, бежавших от владельцев, и уцелевших от разгрома солдат Гели-мера. Назначенный в Африку Герман силой золота и оружия подавил мятеж, но Стоца со многими сторонниками скрылся в Мавритании и еще долго тревожил африканские владения Юстиниана, пока в 545 г. не был убит в бою. Лишь к 548 г. Африка была усмирена окончательно.

Почти всю италийскую кампанию армия, снабжение которой организовывалось из рук вон плохо, выражала недовольство и время от времени или наотрез отказывалась сражаться или открыто угрожала перейти на сторону неприятеля.

Не утихали и народные движения. Огнем и мечом утверждавшееся на территории державы православие вызывало религиозные бунты на окраинах. Египетские монофиситы постоянно держали под угрозой срыва поставки хлеба в столицу, и Юстиниан приказал выстроить специальную крепость в Египте для охраны собранного в государственную житницу зерна. С крайней жестокостью подавлялись выступления иноверцев – иудеев (529) и самаритян (556).

Кровопролитными были и многочисленные побоища между соперничавшими цирковыми партиями Константинополя, в основном венетов и прасинов (наиболее крупные – в 547, 549, 550, 559, 562, 563 гг.). Хотя спортивные разногласия зачастую бывали лишь проявлением более глубоких факторов, прежде всего недовольства существующими порядками (к димам

разных цветов принадлежали различные социальные группы населения), немалую роль играли и низменные страсти, а потому Прокопий Кесарийский об этих партиях говорит с нескрываемым презрением: «Издrevле жители в каждом городе разделились на венетов и прасинов, но с недавнего времени за эти имена и за места, на которых сидят во время зрелищ, стали расточать деньги и подвергать себя жесточайшим телесным наказаниям и даже постыдной смерти. Они заводят драки со своими противниками, сами не ведая, за что подвергают себя опасности, и быв, напротив того, уверены, что, одержав над ними верх в этих драках, они не могут ожидать больше ничего, как заключения в темницы, казни и гибели. Вражда к противникам возникает у них без причины и остается навеки; не уважаются ни родство, ни свойство, ни узы дружбы. Даже родные братья, приставшие к одному из этих цветов, бывают в раздоре между собою. Им нужды нет ни до Божьих, ни до человеческих дел, лишь бы обмануть противников. Им нужды нет до того, что которая либо сторона окажется нечестивой перед Богом, что законы и гражданское общество оскорбляются людьми своими или их противниками, ибо даже в то самое время, когда они нуждаются, может быть, в самом необходимом, когда отечество оскорблено в самом существенном, они нимало о том не беспокоятся, лишь бы им было хорошо. Стороною они называют своих сообщников... Не могу я иначе назвать это, как душевной болезнью» [70, с. 301 – 304].

Именно со схваток враждующих димов началось крупнейшее в истории Константинополя восстание «Ника»²⁶. В начале января 532 г. во время игр на ипподроме прасины стали жаловаться на венетов (чья партия пользовалась большей благосклонностью двора и особенно императрицы) и на притеснения со стороны императорского чиновника спафария Калоподия. В ответ «голубые» стали угрожать «зеленым» и жаловаться императору. Юстиниан оставил все претензии без внимания, «зеленые» с оскорбительными выкриками покинули зрелища. Обстановка накалилась, и произошли стычки враждующих группировок. На следующий день эпарх столицы Евдемон распорядился

повесить нескольких осужденных за участие в буйстве. Так случилось, что двое – один венет, другой прасин – дважды сорвались с виселицы и остались живы. Когда же палач стал надевать на них петлю еще раз, усмотревшая в спасении осужденных чудо толпа отбила их. Через три дня, 13 января, народ во время ристаний стал требовать от императора помилования «спасенных Богом». Полученный отказ вызвал бурю негодования. Люди повалили с ипподрома, круша все на своем пути. Дворец епарха был сожжен, стражников и ненавистных чиновников убивали прямо на улицах. Восставшие, оставив в стороне разногласия цирковых партий, объединились и потребовали отставки прасина Иоанна Каппадокийца и венетов Трибониана и Евдемона. 14 января город сделался неуправляем, мятежники выбили дворцовые решетки, Юстиниан сместил Иоанна, Евдемона и Трибониана, но народ не успокаивался. Люди продолжали скандировать прозвучавшие накануне лозунги: «Лучше бы не родился Савватий ²⁷, не породил бы он сына-убийцу» и даже «Другого василевса ромеям!» Варварская дружина Велисария попыталась оттеснить бушующие толпы от дворца, и в образовавшейся свалке пострадали клирики храма св. Софии, со священными предметами в руках уговаривавшие граждан разойтись. Случившееся вызвало новый приступ ярости, с крыш домов в солдат полетели камни, и Велисарий отступил. Заполыхало здание сената и прилегавшие к дворцу улицы. Пожар свирепствовал три дня, сгорели сенат, церковь св.Софии, подступы к дворцовой площади Августеон и даже больница св.Самсона вместе с находившимися в ней больными. Лидий писал: «Город представлял собой кучу чернеющих холмов, как на Липари или около Везувия, он был наполнен дымом и золою, всюду распространившийся запах гари делал его необитаемым и весь его вид внушал зрителю ужас, смешанный с жалостью» [123, с. 472]. Везде царила атмосфера насилия и погромов, на улицах валялись трупы. Многие жители в панике переправились на другой берег Босфора. 17 января к Юстиниану явился племянник императора Анастасия Ипатий, уверяя василевса в своей непричастности к заговору, так как

бунтовщики уже выкрикивали Ипатия императором ²⁸ . Однако Юстиниан не поверил ему и прогнал из дворца. Утром 18-го сам автократор вышел с Евангелием в руках на ипподром, уговаривая жителей прекратить беспорядки и открыто сожалея о том, что сразу не прислушался к требованиям народа. Часть собравшихся встретила его воплями: «Ты лжешь! Ты даешь ложную клятву, осел!» [123, с. 472]. По трибунам пронесся клич сделать императором Ипатия. Юстиниан покинул ипподром, а Ипатия, несмотря на его отчаянное сопротивление и слезы жены, выволокли из дома и одели в захваченные царские одежды. Две сотни вооруженных прасинов явились, чтобы по первому требованию пробить ему дорогу во дворец, к мятежу примкнула значительная часть сенаторов. Городская стража, охранявшая ипподром, отказалась подчиниться Велисария и впустить его солдат. Терзаемый страхом Юстиниан собрал во дворце совет из оставшихся с ним придворных. Император уже склонялся к бегству, но Феодора, в отличие от супруга сохранившая мужество, отвергла этот план и вынудила императора действовать. Его евнух Нарсес сумел подкупить некоторых влиятельных «голубых» и отклонить часть этой партии от дальнейшего участия в восстании. Вскоре, с трудом пробравшись в обход через сгоревшую часть города, с северо-запада на ипподром (где слушал славословия в свою честь Ипатий) ворвался отряд Велисария, и по приказу своего начальника воины начали пускать стрелы в толпу и разить направо и налево мечами. Огромная, но неорганизованная масса людей смешалась, и тут сквозь цирковые «ворота мертвых» (когда-то через них выносили с арены тела убитых гладиаторов) на арену пробились солдаты трехтысячного варварского отряда Мунда. Началась страшная резня, после которой на трибунах и арене осталось около тридцати тысяч (!) мертвых тел. Ипатий и брат его Помпей были схвачены и по настоянию императрицы обезглавлены, наказанию подверглись и примкнувшие к ним сенаторы. Восстание «Ника» завершилось. Неслыханная жестокость, с которой оно было подавлено, надолго устрасила ромеев ²⁹ . Вскоре император

восстановил на прежних постах смещенных в январе царедворцев, не встречая никакого сопротивления.

Лишь в последние годы правления Юстиниана недовольство народа вновь стало проявляться открыто. В 556 г. на ристаниях, посвященных дню основания Константинополя (11 мая), жители кричали императору: «Василевс, [дай из]обилие городу!» (Феоф., [82, с. 177]). Дело было при персидских послах, и Юстиниан, рассвирепев, приказал многих казнить. В сентябре 560 г. по столице пронесся слух о смерти недавно заболевшего императора. Город охватила анархия, шайки разбойников и присоединившихся к ним горожан громили и поджигали дома и хлебные лавки. Беспорядки утихомирила лишь сообразительность эпарха: он незамедлительно распорядился вывешивать на самых видных местах бюллетени о состоянии здоровья василевса и устроил праздничную иллюминацию. В 563 г. толпа забросала камнями вновь назначенного городского эпарха, в 565 г. в квартале Мезенциол прасины два дня сражались с солдатами и экскувитами, было много убитых.

Юстиниан продолжил начатую при Юстине линию на доминирование православия во всех сферах общественной жизни, всячески преследуя инакомыслящих. В самом начале правления, ок. 529 г. он обнародовал указ о запрещении брать на государственную службу «еретиков» и частичном поражении в правах приверженцев неофициальной церкви. «Справедливо, – писал император, – лишать земных благ того, кто неправильно поклоняется Богу» [144, т. II, с. 44]. Что же касалось нехристиан, то в их отношении Юстиниан высказывался еще более сурово: «Язычников не должно быть на земле!» [244, т. XL, с. 452].

В 529 г. была закрыта Платоновская Академия в Афинах, а ее преподаватели бежали в Персию, ища расположения царевича Хосрова, известного ученостью и любовью к античной философии ³⁰.

Единственное еретическое направление христианства, не подвергавшееся особо гонениям, было монофиситское – отчасти из-за покровительства Фео-дору, да и сам василевс прекрасно понимал опасность преследования такого большого

числа граждан, и без того державших двор в постоянном ожидании бунта. Созванный в 553 г. в Константинополе V Вселенский собор (всего при Юстиниане церковных соборов было еще два – поместные в 536 и 543 гг.) пошел на некоторые уступки монофиситам. Этот собор подтвердил сделанное в 543 г. осуждение учения известного христианского богослова Оригена как еретического.

Считая церковь и империю едиными, Рим – своим городом, а себя – высшим авторитетом, Юстиниан легко признал главенство пап (которых он мог ставить по своему усмотрению) над константинопольскими патриархами.

Сам император смолоду тяготел к богословским спорам, а в старости это стало его основным увлечением. В делах веры его отличала щепетильность: Иоанн Ниусский, например, сообщает, что когда Юстиниану предложили использовать против Хосрова Ануширвана некоего мага и колдуна, василевс отверг его услуги, с негодованием воскликнув: «Я, Юстиниан, христианский император, буду торжествовать с помощью демонов?!» [123, с. 32]. Провинившихся церковников он карал нещадно: например, в 527 г. уличенных в мужеложстве двух епископов по его приказу водили по городу с отрезанными половыми органами в качестве напоминания священникам о необходимости благочестия.

Юстиниан всю свою жизнь воплощал на земле идеал: единый и великий Бог, единая и великая церковь, единая и великая держава, единый и великий правитель. За достижение этого единства и величия было заплачено невероятным напряжением сил государства, обнищанием народа и сотнями тысяч жертв. Римская империя возродилась, но этот колосс стоял на глиняных ногах. Уже первый преемник Юстиниана Великого, Юстин II, в одной из новелл сокрушался, что нашел страну в состоянии ужасающем.

В последние же годы жизни император увлекся теологией и все меньше и меньше обращался к делам государства, предпочитая проводить время во дворце, в спорах с иерархами церкви или даже невежественными простыми монахами. По словам поэта Кориппа, «старец-император уже ни

о чем не заботился; как бы уже окоченелый, он весь погружался в ожидание вечной жизни. Дух его был уже на небе» [244, т. XL, с. 455].

Летом 565 г. Юстиниан разослал для обсуждения по епархиям догмат о нетленности тела Христова, но результатов уже не дождался – между 11 и 14 ноября Юстиниан Великий умер, «после того, как наполнил мир ропотом и смутами» (Еваг., [148, с. 65]). По словам Агафия Миринейского, он «первый, так сказать, среди всех царствовавших [в Византии. – С.Д.] показал себя не на словах, а на деле римским императором» [7, с. 150]³¹.

Данте Алигьери в «Божественной комедии» поместил Юстиниана в рай.

Помощники Юстиниана

Трибониан

Трибониан, родом из Памфилии, начал свою юридическую службу в Константинополе и за счет немалых способностей быстро достиг поста начальника скринии (отделения). В 529 г. он получил должность дворцового квестора и в период до 534 г. возглавлял грандиозную работу комиссий по составлению «Corpus Juris Civilis».

Не только великолепно эрудированный, но и не чуждый светским манерам, советник императора пользовался при дворе известным авторитетом. «Трибониан имел хорошие способности и достиг высокой степени учености, не уступая в ней никому из современников, но был до безумия предан любостяжанию и всегда готов торговать правосудием. Он ежедневно то уничтожал, то составлял законы, продавая их, по мере надобности, просителям», – так охарактеризовал его Прокопий [70, с. 318].

Одним из требований восставших в 532 г. была отставка Трибониана. Смещенный с поста дворцового квестора, он в течение двух лет был начальником служб двора, а в 535 г. император восстановил его в прежней должности, которую Трибониан и занимал до самой смерти в 544 или 545 г. Сам Юстиниан отзывался о Трибониане весьма похвально: «Он равно замечателен в деле, слове и составлении законов и ничего не ставит выше наших приказаний» [123, с. 106]. В более поздние времена имя Трибониана стало нарицательным для обозначения продажного юриста.

Иоанн Каппадокиец

В течение длительного времени финансовую политику Византийской империи при Юстиниане I определял Иоанн из Каппадокийской Кесарии, занимавший должность эпарха двора (префекта претория).

«Он ничему другому не научился от грамматиста, как писать письма, да и те писал дурно и нескладно; но силою ума превышал он всех известных мне людей; отлично понимал, что нужно сделать и умел разрешать труднейшие обстоятельства. Быв самым дурным человеком, он употреблял свои способности на дурное. Ни помышления о Боге, ни стыд людей не входили в душу его; из корысти погубил он множество людей и целые города. Нажив в короткое время великое богатство, он вдался в непомерное пьянство. До обеденного часа он грабил имущество подданных, после обеда проводил время в питье и самом гнусном разврате, от которого никак не мог себя удерживать. Пищу употреблял он до пресыщения и рвоты. Он всегда готов был красть деньги и еще готовее издерживать и расточать их. Таков был этот Иоанн!» (Пр.Кес., [70, с. 318])

Пополняя императорскую казну, Иоанн не забывал и себя. Жил он, утопая в роскоши и позволяя себе любые удовольствия, часто появлялся на людях в богатых одеждах, сопровождаемый распутницами. Каппадокиец стяжал себе всеобщую ненависть, ибо экономил даже на жалованье и пенсиях должностным лицам. Смещенный вместе с Трибонианом, он спустя пару лет вновь стал префектом претория, а в 538 г. Юстиниан возвел его в ранг патриция и сделал консулом. Отмечая заслуги Иоанна, василевс писал: «Он радуется о благе императора и возрастании общественных доходов» [123, с. 110].

Иоанн отличался крайним суеверием, был склонен к занятиям магией; подозревали даже, что он – тайный язычник. В 541 г. Феодора, ненавидевшая Иоанна, спровоцировала его на опасные высказывания в адрес императора. Юстиниан, разгневавшись, приказал арестовать его, постричь и сослать в

Кизик. Когда-то Иоанну предсказывали, что он удостоится одежды августа. Так и произошло – клирика, отдавшего свое облачение новопостриженному (так как в спешке не нашлось другого), звали Август.

После смерти августы Каппадокиец вернулся в столицу и некоторое время принимал участие в государственных делах, но прежнего влияния уже не имел. Под именем Петра он умер в монастыре.

Константин Багрянородный в своем «О народах» приводит две приписываемые Демодоку едкие эпиграммы на каппадокийцев:

«Каппадокийца некогда укусила злая ехидна и сама, Вкусив крови ядовитой, умерла...»

«Каппадокийцы всегда негодны – скопив кошелек Еще худшие: от прибыли же самые негодные, Если же дважды и трижды доберутся до большой колесницы [богатства. – С.Д.], То делаются худшими из худших...» [44, с. 26, 27]

Велисарий (Велизарий)

Крупнейший полководец Юстиниана, один из самых влиятельных его придворных, богач, владевший огромным состоянием и землями по всей территории империи, Велисарий был родом из Фракии и по происхождению варвар: то ли германец, то ли славянин. Начав свою карьеру простым солдатом, он в 25 лет стал магистром, впервые как военачальник проявил себя во время, персидской кампании, в 530г. разгромив при Даре войска Кавада.

В тревожные дни января 532 г. Велисарий не предал Юстиниана, сыграв одну из важных ролей при подавлении восстания «Ника». В 533 г. он отправился в Африку и за несколько месяцев подчинил королевство вандалов константинопольскому престолу.

Вернувшись, он справил пышный триумф и стал консулом 535 года. Вскоре последовало назначение на Сицилию, откуда Велисарий спешно отплыл в Африку, где силой своего авторитета и умелой организацией войск заставил отойти от Карфагена взбунтовавшиеся отряды византийской армии. 31 декабря 535 г., в последний день своего консульства, он снова высадился в Сиракузах.

Активные боевые действия против остготов Велисарий начал ранней весной, имея в наличии всего семь с половиной тысяч федератов и около четырех тысяч солдат личной дружины. В начале декабря готы сдали Рим. Вскоре Велисария, спешно укрепившему стены города, пришлось сражаться со стопятидесятитысячной армией нового короля остготов Витигиса. Готы обложили Рим, но, умело сопротивляясь, византийцы пресекли все попытки овладеть городом, а в апреле получили подкрепление – 1600 федератов, славян и гуннов.

Однако этим помощь Константинополя ограничилась – итальянская армия осталась вскоре без денег и провианта, вплоть до того, что жена Велисария Антонина и его секретарь, историк Прокопий, вынуждены были закупить в Кампании на свои средства хлеб и, наняв охрану, доставить его в Рим.

В марте 538 г. Витигис, получив известие о высадке в районе Остии десанта войск Юстиниана, снял осаду и ушел на север. Лишь тогда к Велисарю с семитысячным отрядом прибыл паракимомен евнух Нарсес. Между двумя начальниками возникли мешающие делу трения, однако вскоре Нарсес был отозван. В конце 539 г. Велисарий, следуя собственному плану войны, осадил и в мае следующего года взял Равенну.

Велисарий был очень красив, строен фигурой и высокого роста. Доброжелательное выражение лица и мягкая речь располагали к нему любого собеседника. Храбрый воин, он отменно владел различным оружием (особенно отличался в стрельбе из лука) и зачастую бился среди простых солдат, воодушевляя их личным примером. Как полководец Велисарий был достаточно опытен и удачлив, сведущ в военном деле, хотя не все сражения завершал победой, и осторожность в нем сочеталась со склонностью к рискованным затеям. К своим обязанностям он относился весьма тщательно, всегда был подтянут и трезв.

Жалость и бессмысленная жестокость равным образом были ему чужды, а в интересах дела он не останавливался ни перед чем: например, сторонников вандалов он во время африканского похода нередко подвергал мучительной казни, посадив на кол, но никогда не позволял расправляться с мирным населением или пленными солдатами врага. Авторитетом среди народа и армии Велисарий пользовался огромным, и навряд ли в столице кто-либо решился бы не подчиниться этому человеку, а Юстиниан даже взял с него клятву в том, что он никогда в жизни не попытается захватить престол. Личные телохранители Велисария, численностью до пяти тысяч человек, были готовы выполнить любой приказ своего кумира и начальника. Он не жалел средств для своих солдат, нередко платил им жалованье из собственного кармана и не обделял вниманием больных и раненых. Реквизируя у населения необходимое войску, он исправно (пока позволяли средства) за все платил и старался не допускать мародерства. Однако часто Велисарий был неустойчив и легковверен, чем пользовалась Антонина,

обманивавшая знаменитого мужа буквально на его глазах. Не чужд был Велисарий и стяжательству: говорили, что после италийского похода он присвоил себе значительную часть военной добычи.

В конце зимы 540 г. шах Хосров I Ануширван начал военные действия в пределах империи. Персы осадили Эдессу и Дару, попутно обирая и уводя в рабство жителей приграничных провинций и, что стало для ромеев ощутимым ударом, захватили, разграбили и сожгли Антиохию-на-Оронте. Велисария в короткий срок удалось организовать отпор, но постоянное несогласие между подчиненными ему командирами сильно мешало успешному ходу кампании. Лишь к 542 г. персы оставили владения Константинополя. Велисарий вернулся в столицу, но весной 543 г. многочисленные отряды персов хлынули в Палестину. Византийцы позапирались в крепостях, предоставив неприятелю полную свободу действий. Юстиниан срочно послал туда Велисария с небольшим числом солдат на почтовых лошадях, и произошло чудо – иранские полководцы во главе с шахиншахом, уstraшенные военной славой этого человека, предпочли не искушать судьбу и увели свои полчища за Евфрат.

Велисарий возвратился в Константинополь, где подвергся первой серьезной опале: Феодора, напуганная сделанным во время тяжелой болезни Юстиниана заявлением военных, что в случае смерти императора двор (т.е. она и гражданские чиновники) допущен к избранию нового василевса не будет, обвинила Велисария в стремлении к захвату власти. Юстиниан легко доверился мнению жены и выказал своему лучшему полководцу явное неудовольствие. Когда же выяснилось, что подозрения беспочвенны, императрица объявила Велисария о прощении, произошедшем якобы по горячим просьбам Антонины. Последний, и без того любивший жену, стал ее просто боготворить.

Но монаршая милость еще не значила полной реабилитации. Велисарий понял это, когда в 544 г. был вновь отправлен главнокомандующим в Италию, но без

денег и армии. Император запретил ему даже взять телохранителей.

Италийские войска были обескровлены длительным и малоуспешным противоборством с Тотилой, они пали духом, и весь 545 и даже 546 г. Велисарий отсиживался в лагерях под Равенной, ибо активные действия были бы равносильны самоубийству. 17 декабря 546 г. Тотила взял Рим, но вскоре оставил его, и византийцы заняли город, но, не получая, несмотря на постоянные мольбы главнокомандующего, ни довольствия, ни подкреплений, не смогли его удержать. Письма Велисария императору полны горечи и отчаяния: «У нас нет людей, лошадей, оружия и денег, без чего, конечно, нельзя продолжать войны. Итальянские войска состоят из неспособных и трусов, которые боятся неприятеля, так как много раз бывали им разбиты. В Италии мне неоткуда доставать денег, она вся находится во власти врагов. Задолжав войскам, я не могу поддерживать военного порядка. Отсутствие средств отнимает у меня энергию и решительность. Если ты, государь, желаешь только отделаться от Велисария, то вот, я действительно теперь нахожусь в Италии; если же ты желаешь покончить с этой войной, то нужно позаботиться еще кое о чем. Какой же я стратиг, когда у меня нет военных средств!» (Пр. Кес., [71, кн. 3, гл. 12, цит. по 231, т. I, с. 446])

В конце 549 г. Велисарий был смещен и несколько лет прожил в столице, бездействуя. Лишь в 559 г., когда орда славян и болгар подошла к городу и угроза взятия ими Константинополя оказалась вполне реальной, Юстиниан поручил ему оборону. Забытый полководец полностью оправдал доверие императора, с блеском проявив свои военные таланты.

После «заговора менял» Юстиниан подверг Велисария более серьезному, нежели ранее, наказанию: в 562 г. почти все его огромное состояние было конфисковано, а сам он – выслан из столицы. Летом 564 г. василевс простил Велисария, но вернул, правда, лишь половину из отнятых богатств. Эта последняя опала через много веков трансформировалась в популярную историю о том, что полководец был по приказу

императора ослеплен и остаток жизни провел, выпрашивая подаяние.

Окончательно оставшийся не у дел Велисарий скончался 13 марта 565 г. В памяти людей он сделался символом верного слуги, пострадавшего от неблагодарности властелина. И почти через полторы тысячи лет поэт Иосиф Бродский написал про маршала Жукова:

«Кончивший дни свои глухо, в опале,
Как Велизарий или Помпей...»

Феодора

(ок. 480 – 548, имп. с 526)

Будущая императрица Феодора родилась в Сирии (по другим источникам – на о. Крит). Позже ее семья переехала в Константинополь, где отец Феодоры, Акакий, стал зарабатывать на жизнь трудом зрителя медведей столичного цирка. Акакий рано умер, и Феодора, бывшая тогда еще ребенком, вместе с двумя сестрами и матерью некоторое время жила в крайней бедности.

Будущая супруга Юстиниана начала свою карьеру с прислуживания старшей сестре, которая добывала средства к существованию игрой в театре и (что было нередким среди актрис той поры) проституцией. Сама Феодора, отличавшаяся гибким телом и выразительным лицом, со временем тоже стала выступать в мимах и пользовалась успехом у столичной публики.

С юных лет выросшая в атмосфере отнюдь не строгих нравов, она начала торговать собой, и в конце концов назначенный наместником Пентаполиса в Африке некий Гекебол увез ее с собой в качестве любовницы. Однако затем Гекебол бросил ее, и Феодора долгое время скиталась по южным провинциям империи. Некоторое время она жила в Александрии, где, по-видимому, и приобщилась к монофиситству.

Появившись наконец в Константинополе, она оставила былой шумный образ жизни, театр и стала совершенствовать свои знания, наняв учителей для занятий науками. Тогда-то с ней и познакомился 38-летний Юстиниан.

Была она весьма привлекательна: небольшого роста, крайне изящная, с красивым светлым лицом и выразительными глазами, при случае охотно демонстрировала остроумие и веселость.

Племянник императора увлекся Феодорой и даже заставил дядю возвести ее в патрицианское достоинство и издать указ, разрешавший лицам сенаторского сословия заключать браки с

бывшими актрисами и проститутками. Но жена Юстина I, имея свои понятия о нравственности, оказалась категорически против союза Юстиниана и Феодоры. Свадьба их стала возможной лишь в 523 г., после смерти императрицы.

1 августа 526 г. Феодора вместе с супругом была торжественно коронована императорской диадемой и теперь толпа на ипподроме рукоплескала ей уже не как актрисе...

Обладая ясным умом и твердым характером, она долгих 22 года правила государством, быв самой влиятельной и верной помощницей из всего окружения Юстиниана. «Император, – писала она одному из придворных Хосро-ва Ануширвана, – ничего не решает, не посоветовавшись со мной» [73, с. 284].

Не отличаясь кровожадностью, Феодора тем не менее была зла, мстительна и никогда не прощала своих врагов или пренебрежительного к себе отношения, смещая или отправляя в ссылки неугодных ей сановников.

Самовластие Феодоры не знало границ – в течение трех лет она тайком и безнаказанно продержала в подземельях дворца чем-то провинившегося перед ней одного консуляра, и никто даже не смел заикнуться об его участи. За соблюдением всех тонкостей этикета, связанных с поклонением царственным особам, она следила с болезненным вниманием, любила богатство и внешний блеск. В путешествиях вне города ее сопровождала огромная свита из различного ранга вельмож, четырехтысячный (!) отряд гвардейцев и слуги.

Официальные лица, давая присягу, клялись в верности не только императору, но и императрице.

В трудную минуту Юстиниан всегда находил в ней поддержку. Именно решительность Феодоры на дворцовом совете в охваченном восстанием городе в январе 532 г. спасла Юстиниану трон, а может быть и жизнь. «Если даже в самом деле нет другого спасения, кроме бегства, – ответила она на предложение покинуть столицу, – я не хочу бежать. Кто раз надел диадему, тот не должен переживать ее гибели, и я не увижу дня, когда меня перестанут величать императрицей. Если хочешь бежать, Цезарь, – иди! Средства в твоих руках, суда

готовы, море открыто. Но я остаюсь. Я люблю старое изречение, что пурпур – лучший саван!» (Пр.Кес., [70, с. 324, изм.])

Феодора тайно покровительствовала монофиситам, и именно в ее покоях находили приют и убежище опальные их патриархи. В XIII в. даже появилась легенда, дававшая ей происхождение от благочестивого сенатора-монофисита.

У Юстиниана и Феодоры не было детей (хотя императрица имела дочь, рожденную задолго до знакомства с мужем).

Ни один из историков, упоминавших о безнравственности Феодоры до замужества (особенно в том преуспел Прокопий, сообщающий прямо-таки невероятные подробности, см. [73]), не смог указать ни единого примера аморальности ее после этого события. Напротив, она часто помогала попавшим в беду женщинам, сурово преследовала растлителей. Во многом благодаря ей в Византии появились нетипичные, скажем, для западного средневековья законы, охранявшие права женщин, – например, о возможности женщины наследовать имущество, о разводах, и законы, карающие соблазнительей. «Грабители чести и похитители целомудрия» приравнивались к уголовникам. Столичные дома терпимости были закрыты, их содержатели – изгнаны, а проституткам предоставили возможность жить в специально отведенном для их «исправления и раскаяния» монастыре.

Влияние Феодоры при дворе не ослабевало до самой ее смерти – 28 июня 548 г., когда после страшных мучений императрица скончалась в Константинополе от рака. Юстиниан, считавший ее «даром Божиим» ³², очень тяжело переживал свою утрату.

Юстин II

(? – 578, имп. с 565, факт. до 574)

Юстиниан Великий умер, так и не назначив себе преемника. Покойный василевс обладал многочисленной родней, но в последние годы его жизни наибольшим авторитетом при дворе пользовались два его племянника: Юстин, сын сестры Юстиниана I Вигиланции и некоего Дульциссима, и Юстин, сын Германа. В конце концов между ними возникла договоренность, что если один из них вступит на престол, второй займет следующее за августом место в государстве, однако случилось иначе.

Юстин, сын Вигиланции, стал все больше и больше выделяться императором, а то, что он был женат на племяннице Феодоры, Софии, еще увеличивало его шансы взойти на трон. В 558 г. Юстин получил титул куропалата и постепенно начал играть при особе одряхлевшего Юстиниана ту же роль, что и сам Юстиниан в молодости играл при своем дяде. Однако собственное положение все-таки казалось ему недостаточно прочным, поэтому смерть Юстиниана до коронации Юстина II тщательно скрывали, а само венчание на царство произошло 14 ноября 565 г. не на ипподроме или поле Евдома, а во внутренних помещениях дворца, в окружении небольшого числа приближенных и стражи.

Новый василевс принял все меры для завоевания популярности: раздал донатив армии, выплатил долги кредиторам императорской казны, освободил заключенных, сложил с населения недоимки и объявил себя консулом, пообещав народу богатые зрелища, а царедворцам – щедрые подарки.

Юстин II был образован, далеко не глуп, обладал превосходной памятью (он знал в лицо чиновников всех служб двора!), был требователен к подчиненным, но отличался коварством и невоздержанностью в удовольствиях. Опасаясь Юстина, сына Германа, он, «одержимый двумя пороками – наглостью и малодушием» (Еваг., [33, с. 246]), удалил его с

поста командующего войсками на Дунае и направил в Александрию, где и подослал к вероятному сопернику наемных убийц. В припадке иступления император с супругой попирали ногами присланную отрезанную голову родственника.

В правление Юстина II столица не знала массовых волнений. Когда около 569 г. венеты в очередной раз начали ссориться с прасинами, он, намекая на события 532 г., сказал первым: «Юстиниан для вас умер», а вторым – «Юстиниан для вас жив» (Феоф., [82, с. 186]). Грозное предупреждение подействовало, и беспорядки улеглись.

В 569 г. император издал указ о запрещении торговли государственными должностями, предусматривающий новый порядок назначений, при котором кандидат избирался по рекомендации епископа и виднейших граждан той местности, куда отправлялся служить. Но впоследствии и сам василевс, стесненный в средствах, был вынужден отступить и даже допускал продажу церковных постов. Евагрий в связи с этим сообщает о нем откровенно неприязненно: «Он совершенно утопал в роскоши и постыдных удовольствиях, был страстный любитель чужого имущества, так что все употреблял как средство для незаконной корысти и не боялся Бога даже в раздавании священных степеней, которые продавал кому случалось, открыто полагая их предметом торговли» [33, с. 246].

Продолжая линию предшественников на закрепощение земледельцев, Юстин II новеллой 570 г. указал считать потомство колона и свободной женщины «прикрепленным к тяглу», т.е. зависимым.

В 567 – 572 гг. Юстин II отстроил в Константинополе три дворца, бани Тавра (назвав их Софиевыми в честь жены) и восстановил акведук Валента, чем несколько снял проблему снабжения столицы водой (в огромном городе ее не хватало, и незадолго до смерти Юстиниана, в августе 564 г., из-за этого у водоемов вспыхивали драки и случались убийства).

В делах внешней политики он решительно прекратил традицию откупаться от врагов золотом и подарками. Первыми это почувствовали послы аварского кагана (хана), явившиеся к

Юстину II на седьмой день его правления и выгнанные с позором: «Пришло такое скопище, чтобы по обычаю нагрудиться дарами и уйти... они пришли к Юстину и сказали ему: «Дай нам, как давал умерший царь [Юстиниан], и отпусти нас идти к своему царю». Но василевс Юстин, бывший одним из тех, которые скорбели и роптали по поводу того, сколько они уносят из царства, сказал им: «Больше вы ничего не получите и уйдете [ни с чем]». А когда они начали угрожать, он разгневался на них и сказал им: «Вы, дохлые собаки, угрожаете царству ромеев? Знайте, что я обстригу у вас волосы ³³, а потом сниму и головы...» Он, пригрозив им, добавил: «Если я увижу кого-нибудь из вас здесь или вообще в моем государстве, тот не останется живым». Тогда они убоялись его, успокоились и больше не показывались к нему... Наконец они послали к нему послов с предложением дружбы и покорности» (Иоанн Эфесский, [41, с. 141, цит. по 124, с. 29]). Император отказался посылать дары арабам, заявив, что-де смехотворно было бы, чтобы ромеи платили дань диким кочевникам. Персидскому послу он, по словам Менандра, угрожающе заметил однажды: «Видно, ты не осознаешь, что ведешь переговоры с царем ромеев и [притом] с Юстином!» [17, с. 369]

Вызывающее поведение василевса отнюдь не способствовало миру на границах владений Константинополя, войны же полководцев Юстина оказались крайне неудачными для империи, стопятидесятитысячной армии которой было явно недостаточно для сражений.

В 569 – 571 гг. африканские провинции серьезно пострадали от набегов мавров, войска Византии оказались трижды разгромленными, а их начальники погибли. Испанские владения, в свою очередь, подверглись опустошению вестготами, захватившими в 572 г. Кордубу. В 573 г. во Фракии авары нанесли поражение военной экспедиции ромеев, командовавший ею комит экскувитов Тиверий едва избежал плена и гибели.

На Востоке в 571 г. против персидского владычества восстала Армения, ее правитель попросил у византийцев помощи, и Юстин II охотно послал туда солдат. Это, а также

отказ императора уплатить причитавшиеся по договору 561 г. деньги, вызвало ухудшение отношений с Хосровом I. Год спустя ромеи сами напали на персов, а летом 573 г. военачальник Маркиан (племянник Юстиниана I) разбил иранские войска у Сарговы и осадил Нисибис. В ответ персы разграбили Сирию, Маркиан же, не располагая необходимым числом войск, не смог взять осажденную крепость. Раздосадованный самодержец опрометчиво назначил на место популярного среди солдат Маркиана нового командующего. В войсках начались раздоры, и персы без труда отогнали ромеев от стен Нисибиса, а зимой, использовав захваченные там осадные машины, овладели Дарой.

Антиперсидский союз Константинополя с враждебным Ирану Первым Тюркским каганатом (заключенный в 568 г.) оказался в военном отношении бесполезным.

Самые же крупные неприятности причинила Юстину II Италия. Разгромившие (567) с помощью авар королевство гепидов лангобарды в 569 г. начали поход на апеннинские владения византийцев. 3 октября им открыл ворота Медиолан. Девяностолетний Нарсес, незадолго перед тем смещенный с поста правителя Италии и отозванный ко двору, вернулся с полпути собирать войска, но умер, так и не успев что-либо предпринять. Его преемник Лонгин, не имея средств к обороне, лишь наблюдал, как верхняя и средняя Италия покорялась власти захватчиков. После трехлетней осады лангобардам сдалась Павия, посланный с войсками зять императора Вадуарий погиб в 573 г., и под властью Юстина II на Апеннинах остались Романия, берег от Римины до Анконы, Рим и нижняя часть полуострова.

Наследие Юстиниана Великого стремительно пришло в упадок, и когда в 573 г. Юстин II начал строить в Константинополе маяк, в столице появились едкие пасквили, авторы которых рекомендовали василевсу побыстрее это сделать, дабы с высоты узреть всю картину бедствий и запустения страны.

Неудачи правления надломили императора, и он, никогда не отличавшийся хорошим здоровьем, помешался. На него

стали находить приступы яростного безумия, усугублявшиеся тяжелыми физическими страданиями, -он «заболел ногами» и даже не мог ходить.

Под давлением супруги 7 декабря 574 г. Юстин II сделал соправителем с титулом кесаря комита экскувитов Тиверия. Возлагая на него пурпурную хламиду, полусумасшедший император грустно произнес: «Да не прельщают тебя блеск этой одежды или пышность видимых тобой предметов; увлекшись ими, я незаметно подвергся тяжким наказаниям», а на стоявших поодаль придворных указал со словами: «Они-то и привели меня к тому, что ты видишь!» (Еваг., [33, с. 265]) По окончании церемонии Юстин II обратился к кесарю: «Если ты хочешь, я существую, если не хочешь – я не существую» (Ф.Сим., [83, с. 85]). После этого он удалился на покой, практически совсем отказавшись от участия в управлении страной и лишь изредка присутствуя на торжествах. Болезни августа, которые он считал наказанием от Бога за грехи, усиливались, хирургические операции на ногах приносили мучения, а разум все более отказывался служить ему. 26 сентября 578 г., почувствовав близость смерти, Юстин II вызвал Тиверия, передал ему венец и титул августа, а спустя восемь дней, 4 октября, умер.

София

(до 530 – после 600, августа в 565 – 580)

Племянница Феодоры София унаследовала ее апломб и властолюбие, но, не обладая соразмерным умом и хитростью, не сумела удержаться у власти.

Молва возлагала на нее ответственность за неудачи византийцев в Италии. По слухам, когда в 569 г. Юстин II, подначиваемый супругой, сместил Нарсеса, августа насмешливо предложила престарелому евнуху пост надсмотрщика за рабынями-прядильщицами в гинекее. Смертельно обиженный Нарсес в ответ пообещал ей подарить такую прялку, с которой она не справится вовек, и призвал в Италию лангобардов.

Во время тяжелой болезни мужа София договорилась относительно перемирия с Хосровом I и настояла на избрании соправителем василевса Тиверия, к которому была равнодушна. Еще при жизни Юстина II она решила добиться развода Тиверия с его супругой, чтобы впоследствии женить его на себе. Овдовев, она предложила этот план новому августу, нимало не смущаясь тем, что по закону считалась его матерью. Тиверий отверг притязания Софии, равно как и ее предложение взять в жены дочь Юстина II. Вместо этого он привез по требованию народа в столицу своих жену и дочерей (тремя годами ранее София буквально выжила семью Тиверия из дворца).

Опечаленная, императрица-вдова хотела удалиться в свой дворец в Софийской гавани (бывшей Юлиановой, переименованной так при Юстине II). Император не позволил ей этого сделать и уговорил жить в царском дворце с подобающим августу штатом прислуги. Она же, затаив на пасынка обиду, попыталась лишить его престола в пользу его друга, Юстиниана, сына Германа (двоюродного брата Юстиниана I). Тиверий, уехавший на время сбора винограда в загородный дворец на Евдоме, был вынужден прервать отдых и немедленно возвратиться в столицу. София была

низложена, лишена состояния и поселена в одном из дворцов под наблюдением доверенных людей Ти-верия на положении частного лица с ноября 580 г.

Тиверий (Тиберий) II

(? – 582, кесарь с 574, август с 578, автократ с 580)

Фракиец Тиверий ³⁴ занимал при Юстине II должность комита экскувитов. В 570 г. император поручил ему ведение переговоров с аварами ³⁵, которые хотя и были отбиты ранее от Сирмия (бывшая столица королевства гепидов, которую захватили византийцы, ныне – г. Митровица), не прекращали нападать на границы ромейской державы. Историк Менандр отмечал, что «состоять в дружбе с аварами – кочевниками и пришельцами более тяжко, чем враждовать с ними, тем более, что дружба эта гнилая» [222, с. 262]. И верно, переговоры шли плохо, авары нарушали мир бесконечными стычками. Терпение Константинополя лопнуло, и в 573 г. Тиверий получил приказ начать против каганата войну. Но авары рассеяли византийскую армию, а самого Тиверия вынудили спасаться бегством. Это, впрочем, не подорвало к нему доверия императора и Софии, питавшей к обаятельному комиту чувства более теплые, чем просто дружеские. В конце концов Юстин усыновил его и объявил соправителем с титулом кесаря.

«Тиверий телом был очень высок и, при высоте роста, статен более, чем кто [либо] другой, так что прежде всего по виду достоин был властвовать. При этом ... душа его была кроткой и человеколюбивой, и уже первый взгляд располагал к нему всех» (Еваг., [33, с. 265]).

Тиверий раздал войскам очень большой донатив, снял пошлины на ввозимые в столицу вино и масло, а на ближайшее четырехлетие уменьшил на четверть государственные подати. Дары придворным и жителям столицы он назначил весьма щедрые, считая, что скопленные ценой слез и обнищания страны деньги лишь отягощают казну. «Зачем собрано столько золота, если всю землю душит голод?» – заявил кесарь [192, с. 59]. Такая щедрость вызвала тревогу царствующей четы, и те скоро ограничили Тиверия строго установленным годовым бюджетом, не позволяя тратить сверх этой суммы.

Ища дополнительной популярности в глазах народа, кесарь принял пользовавшееся доброй памятью имя основателя города и в официальных документах стал упоминаться как *Imp. Caesar Tiberius Constantinus* ³⁶.

Ему досталось очень тяжелое наследство, ибо правление предшественников истощило страну, а как на Востоке, так и на Западе и в Африке «этого цезаря со всех сторон обступили войны: прежде всего война против персов и одновременно с ней война против всех других варварских народов, которые восстали на сильное царство ромеев и грозили ему со всех сторон. Равно и после смерти Юстина враги сильно на него налегли и особенно проклятые народы склавинов [славян. – С.Д.] и тех волосатых людей, которые зовутся аварами» (Иоанн Эфесский, [41, с. 114, цит. по 124, с. 28]).

Перемирие, заключенное Софией с Хосровом Ануширваном, персы нарушили очень скоро, в 576 г. напав на Каппадокию, где сожгли Севастию и разорили Мелитину. Полководец Юстиниан окружил увлекшегося грабежом неприятеля в горах Армении, но разногласия и неповиновение византийских командиров своему начальнику позволили шаху, лично руководившему походом, вывести свою армию из губительного кольца, хотя на переправе через Евфрат персы понесли громадные потери. Войска ромеев, набранные среди задунайских варваров, повели себя в Армении хуже персидских захватчиков, зверствуя и обирая мирное население, и совершенно забыли о своих прямых обязанностях. Разложением армии Юстиниана воспользовался персидский воевода Тамхосров – неожиданно ворвавшись в Армению с крупными силами, он совершенно уничтожил лишённые всякой дисциплины византийские отряды, чем сорвал намечавшийся мир, который Хосров I (ум. ок. 578) и затем его сын Хормизд IV уже соглашались было принять на весьма невыгодных для себя условиях. Назначенный на Восток Маврикий (буд. имп.) за четыре года сумел улучшить дела, и в общем к концу правления Тиверия положение на персидских рубежах сложилось для византийцев благоприятное.

Принявший командование над Африкой магистр Геннадий, в свою очередь действуя и с храбростью, и с коварством, разбил доставивших ромеям столько неприятностей мавров.

Но ситуация в Европе оказалась намного хуже. В 577 – 578 гг. сто тысяч славян разорили Фракию и Элладу. Тиверий, вовремя сыграв на взаимной неприязни аварского кагана Бояна и князя славян Даврита, сумел натравить на последних полчища кагана, разрешив аварам пройти по владениям империи и предоставив суда для переправы через Дунай. Славяне были разгромлены, а сам Даврит пал в бою. Однако спустя три года славяне напали вновь, на этот раз более успешно: «В третий год после смерти василевса Юстина и воцарения победителя Тиверия совершил нападение проклятый народ склавины. Они стремительно прошли всю Элладу, области Фессалоники [Фессалии] и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на [той] земле. Они осели на ней ... как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе, по причине того, что василевс занят персидской войною и все свои войска послал на Восток – по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились, пока попускает Бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой внешней [Анастасиевой] стены они захватили и все царские табуны, много тысяч [голов], и разную другую (добычу). Вот и до сего дня, до 895 года [эры Селевкидов, т.е. до 583 – 584 гг. – С.Д.] они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев – люди, которые не смели [раньше] показаться из лесов и ... не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев [дротиков]» (Иоанн Эфесский, [124, с. 32]).

Несмотря на все желание Тиверия, он не смог оказать действенной помощи римлянам, умолявшим императора отстоять их от нашествия лангобардов. Справедливо рассудив, что государство не выдержит войны на два фронта (в Персии и Италии), и понимая гораздо большее значение для страны восточных ее областей, Тиверий в 578 г. отклонил просьбы посольства римского сената, а предложенные

римлянами три тысячи либр золота не принял. Единственное, что смог сделать василевс, это с помощью денег направить против лангобардов их северных соседей – франков и увести часть лангобардских воинов на Восток, наняв их в качестве федератов, что, впрочем, особого облегчения Италии не принесло.

В 579 г. Боян стал требовать у Тиверия Сирмий. Император ответил, что он скорее отдаст кагану собственную дочь, чем позволит ему владеть этой важной крепостью. Наведя мост через Саву, авары осадили Сирмий и, несмотря на героическое сопротивление защитников, через два года вынудили город сдаться. Мир с аварами был заключен на условиях крупной дани.

Тиверий вообще часто прибегал к золоту как средству разрешения конфликтов с соседями, особенно после смерти Юстина II, когда номинальные обязанности перед Софией уже не мешали ему, получившему титул августа (26 сент. 578 г.), проводить самостоятельную политику. 26 ноября 580 г. Тиверий, сместив Софию, вообще стал автократом.

Во внутренней политике он проявил себя как достаточно терпеливый и мягкий правитель, хотя часто случавшиеся на религиозной почве беспорядки в Константинополе вынуждали его к строгим мерам и даже казням.

Тиверий не отличался подозрительностью и злопамятством. В отношении Софии он ограничился, например, конфискацией ее средств и домашним арестом, а такого опасного претендента на трон, как Юстиниан (см. «София»), вообще не тронул.

В отличие от предшественника, Тиверий неодобрительно относился к преследованию монофиситов, призывая не в меру усердного патриарха «не уподобляться Диоклетиану» ³⁷. С другими «еретиками» – иудеями, донатистами и прочими он нехотя, но позволял церкви расправляться самым жестоким образом, попутно обогащая казну их имуществом.

5 августа 582 г. Тиверий объявил кесарями Маврикия и Германа ³⁸ и сосватал за них двух своих дочерей. 13 августа, находясь при смерти (Феофан пишет, что император отравился ягодами), василевс передал свои полномочия

Маврикию, напутствовав нового властелина долгой речью, в которой были, между прочим, и такие слова: «будучи философом, считай, что порфира – дешевая тряпка, которой ты обернут, а драгоценные камни твоего венца ничем не отличаются от камешков, лежащих на берегу моря... Императорский скипетр говорит не о праве на полную свободу действий, но о праве жить в блестящем рабстве» (Ф.Сим., [83, с. 29]). На следующий день Тиверий Константин умер.

Маврикий

(539 – 602, имп. с 582)

Будущий император Маврикий родился в каппадокийском городке Арависсе. Население тех мест было в основном армянского происхождения, но официальные историки тех лет утверждали, что род его был древним и происходил еще из Рима. Начав службу простым столичным нотарием, Маврикий успешно продвигался вверх по служебной лестнице, а после воцарения Тиверия, очень хорошо к нему относившегося, получил должности комита экскувитов и комита федератов с поручением организовать из варваров армию для войны с персами. В 577 г. «кесарем Тиверием он назначается начальником [магистром войск. – С.Д.] Востока. Этот Маврикий не был опытен в войнах и борьбе, однако в общем умен, положителен и точен, сочетая в себе оба противоположных друг другу качества – сознание собственного достоинства и кротость, качества, свободные от высокомерия и заносчивости» (Менандр Протиктор, [17, с. 447]).

Несмотря на «гражданское» прошлое, Маврикий проявил себя как умелый и требовательный военачальник. Он незамедлительно принял меры к повышению дисциплины, ему удалось даже возродить полезный обычай римлян строить укрепленный лагерь на каждой стоянке (от чего разленившиеся солдаты давно отвыкли). В 578 или 579 г. он совершил поход в Армению, вывел из-под власти шаха десять тысяч арзаненнских³⁹ христиан и поселил их на Кипре. В 580 г. Маврикий неудачно осаждал персидскую крепость Хломар. В следующем году он вместе с союзными ромеям арабами-христианами решил нанести удар по центральным районам Ирана, совершив марш через пустыню. Персидский военачальник Ардаман, разузнав о планах магистра, вторгся с большой армией в оставшуюся без защиты Месопотамию и произвел там страшные разрушения. Раздосадованный Маврикий был вынужден сжечь на Евфрате корабли с войсковым хлебом и вернулся обратно, но покарать захватчиков не удалось – персы успели уйти.

Однако в следующем году судьба улыбнулась ромеям – причинившая им так много горестей армия Тамхосрова была вдребезги разбита Маврикием под Теллой-Константиной (в Малой Азии), что фактически решило исход войны. Автократор Тиверий вызвал отличившегося полководца в столицу. Маврикий справил пышный триумф, а император, умирая, сосватал за него дочь Константину и передал ему власть над державой.

Евагрий ⁴⁰ рассказывает о Маврикий следующее: «Это был муж благоразумный и предусмотрительный, всегда во всем тщательный и постоянный, в образе жизни и нравах твердый и разборчивый. От чревоугодия воздерживался и употреблял пищу только необходимую и самую доступную, вообще избегал всего, чем украшается жизнь изнеженная. Беседовать с народом простым он не любил, да и не распускал ушей, зная, что первое ведет к презрению, а последнее располагает к человекоугодию, поэтому вход к себе он позволял изредка, да и то лишь в случае дел важных, а для речей излишних затыкал себе слух ... Невежества, порождающего дерзости, и трусости, которая отлична от него, хотя и близка к нему, он так отвращался, что осторожность была в нем благоразумием, а медлительность безопасностью» [33, с. 274].

Традиционное консульство, на деле бывшее лишь предлогом для дававшихся императором народу зрелищ и подарков, он начал не с 1 января 584 г. ⁴¹, а с 25 декабря 583 г. (т.е. с Рождества Христова).

Окончив траур по Тиверии, Маврикий с приличествующей его рангу торжественностью отметил свадьбу с Константиной, что стало событием в жизни столицы, не лицезревшей бракосочетания императора со времен Феодосия П.

Новый монарх, по свидетельству Менандра, был образован, любитель муз, ночи напролет слушавший поэтов и историков, «с помощью денег поощрял занятия науками и наградами побуждал к деятельности самые ленивые умы». Под его именем (хотя авторство Маврикия и оспаривается) известен один из

«Стратегиконов» – трактатов по воинскому искусству, написанный толково и со знанием дела.

Император не был кровожаден или мстителен. Примерный семьянин, он отличался благочестием и в делах веры порой доходил до суеверия – Феофи-лакт Симокатта пишет, что по смерти столичного патриарха Иоанна IV, известного святостью жизни, Маврикий забрал себе ложе покойного и «на нем проводил ночь, полагая, что таким образом получит некую благодать» [83, с. 258].

Обретя самодержавную власть, Маврикий наряду со своими положительными качествами начал проявлять жадность и совершенно неумное стремление возвысить всех своих родственников. В столицу прибыли отец и братья императора, который щедрой рукой выделял им средства из казны, награждал их земельными участками в столице, титулами и поручал отправление важных должностей, нимало не заботясь о том, достойны ли они этого. Неограниченной властью пользовался его родич и фаворит, епископ Диоклетион.

Родной свой город василевс отстроил с неуместной пышностью, употребив на это массу денег и, к сожалению, зря: вскоре Арависсу разрушило землетрясение, полностью уничтожив дорогостоящее великолепие. В столице же после его правления остались бани, портик во Влахернах и портик во дворце Магнавра, в котором была установлена статуя самого василевса.

Важным событием внутригосударственной жизни стали нововведения Маврикия – учреждение в Африке и Италии экзархата и объявление греческого официальным языком империи. Военные же реформы, несмотря на благие намерения автократора, оказались неудачными: экономия средств за счет армии и попытки внедрить в ней твердую дисциплину привели в конечном счете к его гибели.

Война с персами после битвы у Теллы-Константины возобновилась и шла еще девять лет. Полководцы Иоанн Мистакон (582 – 583) и ставший впоследствии зятем императора Филиппик (583– 589) ⁴², несмотря на некоторые успехи, вели кампанию в целом плохо, и к маю 589 г. Византия

потеряла важную в стратегическом отношении крепость Мартирополь. Сменивший Филиппика Коментиол был удачливее. В тяжелой битве у Сисавран (в Армении), во многом благодаря умелым действиям будущего экзарха Африки Ираклия (см. «Фока»), командовавшего частью армии, персы были наголову разгромлены, вскоре (590) Хормизд IV умер, а его преемник, шахиншах Хосров II Парвиз, лишился престола⁴³ и бежал в Византию просить помощи у василевса ромеев. Маврикий воспользовался столь благоприятными обстоятельствами и вынудил Хосрова II заключить в 591 г. мир с условием отдать под власть Константинополя всю Армению с ранее захваченными Мартирополем и Дарой. Взамен император выделил свергнутому шаху войска под началом талантливого полководца Нерсеса, и персидский наследник отвоевал себе трон у узурпатора Бахрама Чубина. После этого на восточных рубежах до 603 г. царило спокойствие.

Гораздо более тяжелыми оказались войны с аварами и славянами, которых каганат неустанно подстрекал к нападениям на земли империи. В мае 583 г. Боян потребовал к 80 000 номисм дани еще 20 000. Маврикий отказался исполнить подобное, и летом воинства авар разорили Грецию, дойдя до Виминация и Анхиала. На следующий год Коментиол отразил вторгшихся в Элладу славян, но к 585 г. набеги авар достигали уже пригородов столицы. Славяне, в свою очередь, оправившись и не переставали тревожить границы. Маврикий это надоело, и он лично возглавил в 592 г. поход против них во Фракию, но, смущенный множеством неблагоприятных предзнаменований, передал командование комиту экскувитов Приску и вернулся в Константинополь. Приск завершил начатое, захватив богатую добычу и много пленных.

Около 595 г. император, движимый вышеупомянутой слепой любовью к родственникам, назначил главнокомандующим фракийской армией своего брата Петра. Петр, бездарный и неспособный начальник, натворил массу глупостей, и авары вновь начали теснить ромеев, а славяне в 597 г. осадили, правда безуспешно, Фессалонику. В 598 г. Приск сменил Петра, и византийцы стали одерживать верх, но летом

599 г. Коментиол, под началом которого находилась часть фракийских легионов, неудачно встретившись с войском кагана, трусливо бежал, бросив порученную армию на произвол судьбы. Среди воинов пронесся слух о том, что Маврикий поручил Коментиолу предать их неприятелю, дабы покарать солдат за непослушание, и они, погибая, проклинали императора. Положение сложилось катастрофическое, однако зимой в ордах авар начала свирепствовать чума, и каган согласился за крупную сумму золотом на перемирие. В следующем году Приск разбил войска авар, уничтожив пятнадцать тысяч врагов, чем надолго отбил у них охоту ссориться с ромеями.

Как и Тиверий II, Маврикий слабо интересовался Италией. Борьбу с лангобардами возглавил не равеннский экзарх, а обладавший немалым авторитетом, твердый и разумный политик папа Григорий I. Отношения папы с константинопольским двором сложились крайне плохие, тем более что василевс позволил столичному патриарху именоваться «вселенским», а это совершенно не понравилось главе римской церкви.

Единственной попыткой Маврикия хоть как-то действительно повлиять на положение в Италии стала посылка в 583 г. богатых даров королю австразийских франков Хильдеберту, чтобы франки, как и при Тиверии, тревожили бы лангобардов с северо-запада. Но тот не выполнил условий договора, никак не мешая лангобардам, и обманутый император был вынужден дважды требовать деньги обратно. Италия, брошенная на произвол судьбы, становилась все менее и менее зависимой от власти константинопольского монарха.

В конце своего правления Маврикий начал терять популярность у народа и армии. Императора губила жадность. Еще в 587 или 588 г. недовольные снижением платы – анноны – на четверть, малоазиатские войска взбунтовались и прогнали своего начальника Приска. Послы василевса обещаниями и подарками успокоили воинов, но вскоре случился повторный бунт, усмирять который пришлось, по просьбе императора, самому почитаемому в те поры на востоке страны авторитету – антиохийскому патриарху Григорию.

В 599 г. Маврикий совершил непростительное для правителя и человека деяние: отказавшись выкупить у авар двенадцать тысяч пленных солдат и мирных граждан, он обрек их на смерть, а себя – на всеобщую справедливую ненависть. Мучимый совестью, он потом в порывах запоздалого раскаяния слал щедрые дары монастырям, замаливая этот грех. Словно кара небес, последующие два года державу ромеев поражали сначала чума, а затем сильнейшее землетрясение и засуха. Василевс же не побрезговал в условиях голода осенью 601 г. наживаться на спекуляциях государственным хлебом, и последствия не заставили себя ждать: в ноябре, во время прохождения церковной процессии по улицам Константинополя, в идущих в ней императора и его сына и соправителя Феодосия полетели камни. Маврикий бежал, а горожане, посадив на осла внешне похожего на царя человека, со смехом возили этого человека по столице, распевая непристойные песенки о многочисленном (шесть сыновей и три дочери) потомстве Маврикия:

Вскочил на юницу, как молодой петушок, и произвел детей, как куколок.

Однако никто не смеет говорить, всем замазал уста.

Святой, святой, страшный и сильный,

Дай ему в лоб, чтобы он так не превозносился...

(Феоф., [82, с. 214])

В ответ по городу прокатилась волна арестов и казней. Фракийская армия, недовольная малым жалованьем и безрезультатностью своих посольств с жалобами ко двору, была готова возмутиться по любому поводу. Последней каплей стало распоряжение императора о зимовке легионов, по римскому обычаю, непосредственно на театре военных действий – за Дунаем. Боясь нападений варваров и не желая утруждать себя организацией лагерей, воины отказались это сделать и на сходке провозгласили своим предводителем сотника Фоку. Спасшийся бегством низложенный магистр Петр привез ко двору известие о мятеже, а Фока следом повел бушующие в ненависти к Маврикию отряды на Константинополь. Император, желая отвлечь и задобрить

население, давал за свой счет бесчисленные зрелища и устраивал раздачи денег цирковым партиям. Заподозрив отца жены Феодосия, Германа, в сговоре с восставшими (двигаясь на столицу, они, грабя владения императора и его родственников, из уважения к Герману щадили его поместья), Маврикий приказал его схватить, но Феодосий предупредил тестя и тот скрылся. За этот поступок наследник престола был нещадно избит отцом.

Попытка расправы с Германом, человеком достойным и известным, вызвала в городе бунт. Народ, подстрекаемый «зелеными», кричал: «Шкуру долой с того, кто любит тебя, Маврикий-марконит!»⁴⁴ (Феоф., [82, с. 217]) Вооруженное ополчение димотов, выставленное к Длинным стенам, вернулось в столицу и приняло самое активное участие в беспорядках. Император, понимая, что ему не удержать города, бежал с семьей на корабле, направляясь в Никомидию. Из-за сильной бури ему не удалось отплыть далеко, он высадился на берег и слег в приступе жестокой подагры, послав старшего сына к Хосрову II за помощью.

Тем временем Фока, приветствуемый народом, короновался и вошел в столицу. Маврикий и находившиеся с ним были схвачены, а в конце ноября 602 г. в Халкидоне, на молу Евтропия, свершилась жестокая казнь его вместе с пятью сыновьями. Торжествующий узурпатор, желая доставить свергнутому василевсу максимальные страдания, приказал сначала лишить жизни его детей: их закалывали мечами на глазах у молящегося Богу отца, отрубали головы, а тела бросали в море. Младшего сына Маврикия, еще младенца, кормилица подменила своим, но император, не желая так покупать его жизнь, сам открыл обман.

Флавий Маврикий Тиверий был убит последним, а вскоре головы казненных были выставлены для обозрения народу на столичном ипподроме.

Феодосий и Фока

Феодосий

(585 – 602 или 607)

Старший сын императора Маврикия Феодосий родился в столице летом или осенью 585 г. 25 марта 595 г. отец сделал его соправителем. Около 597 г. Маврикий, тяжело заболев, составил на всякий случай завещание, согласно которому империя разделялась между его сыновьями, причем Феодосию предназначались Константинополь и большая часть Малой Азии.

Осенью 602 г. часть армии потребовала передать власть юному Феодосию или его тестю Герману, однако Маврикий, еще надеясь подавить мятеж, отказался. После бегства императора из столицы Феодосий был послан к персам за подмогой, но еще в Никее его догнал приказ возвратиться назад. Он вернулся уже после казни отца и своих братьев. Фока задержал его и приказал уничтожить. Однако голова Феодосия не была вместе с другими предъявлена на ипподроме, и появился слух, что он спасся и бежал в Иран. Это стало более правдоподобным после того, как Фока казнил того человека, которому поручалось убийство последнего сына Маврикия. Вскоре в Персии появился некто, называвший себя Феодосием. Хосров II короновал его по монофиситскому обряду и поручил командовать частью отрядов, вторгшихся в Византию. До 607 г. Феодосии, или Лжефеодосий, воевал в Армении, а после, видимо, погиб, так как в дальнейшем историками не упоминается.

Фока

(? – 610, имп. с 602)

До своего стремительного взлета на трон Фока служил гекатонтархом (сотником) в армии на Дунае. Обладая среди солдат известным влиянием, он входил в одно из посольств, отправленных воинами к Маврикию с претензиями, и на аудиенции разговаривал с василевсом настолько непочтительно, что присутствовавший там некий сенатор, возмущившись, ударил его по лицу и оттащил за бороду. Осенью 602 г. фракийские войска подняли мятеж, избрали Фоку главнокомандующим («экзархом») и пошли на столицу.

После бегства Маврикия на престол, кроме Фоки, мог претендовать Герман, авторитетный как среди солдат, так и среди простого народа. Но Герман колебался слишком долго, а когда решился принять власть, прасины воспротивились его избранию.

23 ноября 602 г. патриарх возложил на голову Фоке императорскую диадему, а через два дня новый правитель под ликование членов цирковых партий и простых горожан вступил в Константинополь. «Так как димы прославляли узурпатора и все страстно хотели перемен, это чудовище было провозглашено императором, узурпатор стал владыкой императорского скипетра, горе взяло верх над счастьем и с этого времени начались великие и, можно сказать, прославленные бедствия ромеев» (Ф.Сим., [83, с. 186]).

Фока, по обычаю, раздал донатив солдатам, и 25 декабря отметил играми свое консульство. Однако грубый, свирепый и невоздержанный тиран вскоре заставил граждан с плачем вспоминать о временах свергнутого Маврикия. Фока стал одним из тех немногих императоров, чье правление получило однозначную и единодушную негативную оценку историков.

Свой приход к власти он, и в пурпуре оставшийся солдатом, ознаменовал целой серией казней среди аристократии, которую сам, будучи низкого происхождения и не

имея никаких заслуг, ненавидел и боялся. Кроме Маврикия, его сыновей и фаворитов (Диоклетиона и Коментиола), он велел убить многих других знатных людей, в том числе и того сенатора, который выдрал его за бороду на приеме у покойного василевса. Террор вскоре перешел на простых граждан. Скорбь и ужас охватили византийцев «с тех пор, как во дворец вторгся этот калидонский тиран, закованный в железо, этот полуварвар из племени киклопов, этот распутный кентавр ⁴⁵, для которого царский престол был лишь ареной для пьянства» (Ф.Сим., [222, с. 279]). Даже внешностью -низкорослый, рыжий, с густой бородой и широкой грудью, с обезображенным шрамом лицом, Фока скорее напоминал какого-нибудь варварского царя, чем императора ромеев.

Уже в 603 г. против Фоки в столице вспыхнуло восстание. Зачинщик евнух Схоластик и многие другие участники были казнены, а те из родичей Маврикия, кто еще оставался жив (его вдова Константина с дочерьми, Филиппик и Герман), оказались в монастырях.

Внешнюю политику государства новый император начал проводить самую неудачную. Будучи чужд традициям политической верхушки империи и постоянно чувствуя ее скрытую оппозицию, Фока обратился за поддержкой на Запад, к папе Григорию Великому. В 603 г. император заключил союз против лангобардов с королевой австразийских франков Брунгильдой, а экзархом в Италию назначил угодного папе Смарагда, который сумел добиться перемирия с лангобардами. Василевс подтвердил главенство пап в делах церкви и впоследствии, при папе Бонифации III, запретил константинопольскому патриарху именоваться «вселенским» (607). Григорий I (ум. 604) приветствовал Фоку как избавителя от «тирании Маврикия», а в 608 г. Смарагд воздвиг в Риме колонну в его честь, с золоченой бронзовой статуей императора наверху. Эта колонна, но уже без статуи и со стертым именем Фоки, и поныне стоит на Форуме близ триумфальной арки Септимия Севера.

К делам на Востоке Фока относился с пренебрежением, что не замедлило принести соответствующие плоды. Он долго

медлил с отправкой в Ктесифон традиционного посольства, извещавшего персидский двор о воцарении нового правителя ромеев. Сделав это лишь в середине 603 г., он додумался поставить во главе делегации Лелия, убийцу Маврикия. Хосров II немедленно воспользовался подобной бестактностью как предлогом к войне, тем более что в Персию бежал человек, выдававший себя за законного наследника престола Феодосия. В том же 603 г. Хосров Парвиз и (независимо от него) не признавший узурпатора Нерсес начали с ним войну. Но коварный император обещаниями склонил Нерсеса, перед военными способностями которого те же персы трепетали, прекратить боевые действия, захватил его и, презрев собственные клятвы, казнил. Годом позже он направил на Восток армию под командованием Леонтия, своего приближенного и соратника. Персы разгромили эти войска, и Фока, не знавший границ в своем гневе, распорядился заковать Леонтия в цепи.

К 607 г. Византия потеряла Армению, персы овладели Феодосиополем и Дарой, стены которой были ими срыты. Две армии Хосрова, во главе с Ша-хином и Шахрваразом, успешно действовали в Малой Азии – первый дошел до Халкидона (!), а второй взял Эдессу. Иудеи, населявшие палестинскую Кесарию, возмутились и сами сдали город персам.

В Константинополе, несмотря на атмосферу жесточайших репрессий, зрело недовольство. В 605 г. в высших эшелонах столичной знати возник заговор против автократора – его решено было ослепить и убить на ипподроме во время праздников. Но женщина, носившая письма организаторов в монастырь опальной Константине, выдала заговорщиков, и Фока учинил над ними расправу с присущим ему садизмом: Анастасий, комит дворцовых щедрот, и Феодор, префект претория, были обезглавлены, еще одного участника использовали как мишень для лучников на загородном стрельбище, а начальника арсенала Елпидия с отрубленными конечностями, выколотыми глазами и отрезанным языком посадили в лодку и, пустив в море, сожгли живьем. Вскоре настал черед Константины и трех ее дочерей: их убили там же,

где и остальных членов семьи Маврикия, на молу Евтропия в Халкидоне.

В 607 г. самодержец выдал дочь за бывшего своего начальника, комита экскувитов Приска, человека весьма почтенного. Портреты молодых, как это было принято, цирковые партии выставили на ипподроме вместе с императорскими. Фока, невоспитанный и не знавший этикета, усмотрел в этом тайный намек на желание народа видеть Приска императором и, рассвирепев, приказал обезглавить димархов. Лишь заступничество горожан спасло жизнь несчастным. После этого события Приск, опасаясь за свою судьбу, сам начал интриговать против звероподобного тестя.

В 609 г. на ристаниях прасины кричали Фоке, известному чрезмерным пристрастием к спиртному: «Опять засовывал свой нос в кувшин, [пил вино,] опять разум потерял!» (Феоф., [82, с. 223]) Император отреагировал как обычно: эпарх города по его приказу отрубал виновным головы или, зашитыми в мешки, бросал их живыми в море. Прасинам было запрещено занимать государственные должности. В ответ жители подожгли преторий, тюрьмы и канцелярии.

Тогда же иудеи, возмущенные нелепым распоряжением Фоки подвергнуть их насильственному крещению, подняли восстание и убили многих христиан, в том числе антиохийского патриарха Анастасия. Ставленник василевса, комит Востока Вон, отлично усвоивший методы своего патрона, устрашал Сирию зверствами – вешал, жег, топил и бросал на растерзание диким животным всех подозреваемых в причастности к мятежу. «Таким образом, персы свирепствовали извне, а Фока еще хуже свирепствовал внутри отечества и убийствами, и заточениями» (Феоф., [78, с. 222]).

Беззакония, творимые императором, отвратили от него даже бывших соратников, ибо никто уже не мог чувствовать себя в безопасности вблизи этого необузданного владыки. Государственные дела пришли в состояние полного упадка, поэтому когда появился человек, с оружием в руках возглавивший борьбу против узурпатора, он нашел себе повсеместное сочувствие и поддержку. Этим человеком

оказался Ираклий, экзарх Африки, родом армянин, прославленный военачальник времен Маврикия. В 609 г. он отказался послать в столицу хлеб. В ответ Фока запер в темницу его жену и невесту его сына, тоже Ираклия (женщин позже освободили прасины). Следующим летом Ираклий-отец, обеспечив себе поддержку ряда должностных лиц не входившего в экзархат Египта, начал готовить войска. Августал Египта известил об этом Фоку и сумел увести в столицу александрийский флот. Пока василевс собирал силы, из Карфагена отплыла эскадра под началом Ираклия-младшего, а по суше отправился корпус во главе с племянником экзарха, сыном его брата Никитой.

Император приказал направиться в Египет Бону, одно имя которого наводило ужас. Сначала ему удалось разгромить часть войск повстанцев, но под стенами Александрии правительственные отряды потерпели неудачу. Никита, умело расставив на укреплениях города боевые машины, сорвал попытку штурма, а на следующий день сам организовал вылазку и одержал над Воном решительную победу. Последнему ничего не оставалось делать, как убраться в Константинополь.

В конце сентября 610 г. Ираклий-сын высадился в Авидосе, на малоазиатском берегу Дарданелл. Митрополит Кизика поднес ему венец, снятый с иконы Богоматери. Не теряя времени даром, 3 октября Ираклий вытянул корабли с боевыми башнями на палубах в линию вдоль берега от столицы до Евдома. Фока верхом проскакал от Константинополя до Евдома, мрачно любовался на неприятельский флот и вернулся обратно. Император, которого стремительно покинули почти все его бывшие сторонники, свои силы – димотов, экскувитов и букеллариюв Приска – сосредоточил в районе гавани Юлиана (Софиевой) и отдал приказ укрепить Софийский дворец. В гавани, перетянутой цепью, стоял александрийский флот, но без матросов – недоверчивый василевс запер их в темнице.

4 октября, по заранее установленному сигналу, прасины распустили цепь и зажгли дворец. Солдаты Ираклия

практически без сопротивления захватили последнее убежище тирана. Раненый Вон упал в море и захлебнулся, его воины разбежались, а прасины незамедлительно стали избивать венетов. Сам Фока укрылся в храме Архангела Михаила, но был выведен оттуда и, уже без императорских одежд, доставлен к Ираклию. Победитель, упрекая, спросил его: «Так-то ты управлял государством!», на что Фока в свойственной ему манере грубо ответил: «Попробуй лучше!» (Никифор, [61, с. 350]) Ираклий ударил его ногой и приказал казнить. Фоке отрубили правую руку и голову, а труп вместе с телами хранителя казны Леонтия и выловленного из воды Вона утром 5 октября 610 г. сожгли там, где обычно жгли преступников, – на столичной площади Быка.

Говорят, что перед падением дворца Фока, уже не надеясь на успех, в припадке бессильной злобы распорядился утопить в море государственную казну.

Ираклий (Гераклий) I

(575 – 641, имп. с 610)

⁴⁶ 5 октября 610 г. в небольшой дворцовой церкви св. Стефана патриарх Сергей короновал императорской диадемой каппадокийского армянина Ираклия. Перед тем Ираклий, желая придать побольше веса собственной кандидатуре, вежливо отказывался в пользу Приска, зятя убитого Фоки, но последний не выдерживал никакой конкуренции с победителем тирана и трон, конечно же, не получил. Тогда же состоялась церемония венчания Ираклия с Фабией-Евдокией, дочерью синклитика Рога Аффа. Через три дня император дал народу на ипподроме праздничные зрелища, открывшиеся церемонией сожжения статуи Фоки и знамени венетов, его ярких сторонников.

Кризис, в котором оказалась Империя ромеев, приближался к апогею. Прежде всего этому способствовали мощные удары со стороны Ирана и политика узурпатора Фоки, который в короткий срок умудрился расстроить и государственный аппарат, и финансы, и армию. «Ираклий, вступив на престол, нашел совершенный упадок в ромейском государстве. Европу опустошали варвары, Азию всю заняли персы, города пленили и ромейское войско истребили в сражениях. Смотря на это, он был в недоумении, что ему делать» (Феоф., [82, с. 243]). Хосров II грабил Византию уже безо всяких ссылок на месть за убийство Маврикия. Хронист Михаил Сириец под 611 г. записал: «Персы покорили всю Сирию, Финикию, Армению, Каппадокию и Палестину. Они взяли Галатию, Пафлагонию и дошли до Халкидона» [192, с. 196].

Фока, безжалостно и необдуманно уничтожавший сенат и военачальников, лишил государство людей, способных управлять им. Важные посты занимали личности малодостойные, и их Ираклий убрал немедленно, многих казнив за злоупотребления властью. Перестановки в верхах завершились тем, что брат императора Феодор получил титул курупалата, Никита был назначен правителем Египта, а во

главе армии, направленной против персов в Сирию и Палестину, встал Приск.

В 611 г. последний осадил Шахина в Кесарии, но персам удалось пробить заслоны ромеев и уйти. Последующие военные действия оказались для византийцев чередой сплошных неудач. Пала столица Востока – Антиохия, через год Шахин овладел Мелитиной. Ираклий, заподозрив Приска в намеренном саботаже, вызвал его в столицу, 5 декабря 612 г. на аудиенции прилюдно обвинил в измене, ударил по лицу тяжелой книгой (!) и распорядился постричь в монахи. Взамен василевсу пришлось назначить человека, от услуг которого отказался даже Фока – Филиппика, зятя Маврикия. Патриарх освободил его от монашеского обета, и Филиппик отбыл к армии, но вскоре умер. Персы вовсю громили Сирию, и туда отправился сам василевс, поручив брату защиту Армении. В 613 г. Ираклий потерпел у стен Антиохии поражение, отступил в Киликию, разбил там отряды неприятеля, но персы получили подкрепление, и войска императора в ужасе от них бежали. Шахрвараз овладел Дамаском, Палестина почти вся была уже в руках врага, а весной 614 г. после двадцатидневной осады пал Иерусалим. Взятие города сопровождалось невиданными погромами и зверствами по отношению к христианам. Зачинщиками их выступили иудеи, которые столь жестоким образом мстили за притеснения со стороны властей. Погиб не один десяток тысяч человек, храм Гроба Господня был сожжен, а священная реликвия – Древо Креста, на котором, по преданию, был распят Христос, увезена в Персию.

Послов, которых император снаряжал к Хосрову II с просьбами о мире, шах либо прогонял с презрением, либо приказывал зверски мучить и убивать. Самого Ираклия он в хвастливых письмах поносил, называя «негоднейшим рабом» и всячески издевался: «Если Христос не смог спасти себя от евреев, убивших его на кресте, то как он поможет вам! Если даже ты сойдешь в бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя, и ты увидишь меня таким, каким не хотел бы видеть» (Себеос, [76, с. 101]).

Со времен походов Атиллы империя не стояла так близко к краю гибели. Ираклий оказался именно тем правителем, который, словно *deus ex machina*, явился и твердой рукой удержал государство от полного развала. Благодаря действиям этого не только разумного реформатора, но и умелого полководца, держава отстояла себя от нашествий персов. Однако трагичность правления Ираклия состояла как раз в том, что еще при его жизни с таким трудом отвоеванные земли в течение каких-нибудь шести лет покорились куда более могущественному завоевателю, имя которому – ислам...

Восток был объят пожаром войны, а жизнь семьи императора в Константинополе шла своим чередом. 7 июня 611г. Ираклий отпраздновал рождение дочери Августины, а 3 мая 612 г. – сына, Ираклия-Константина. Спустя одиннадцать дней василевс овдовел – императрица Евдокия, страдавшая эпилепсией, умерла. Через три месяца он женился вторично, но неудачный выбор Ираклия принес державе много проблем и горя, особенно после его смерти: его супругой стала племянница Мартина, дочь сестры Марии. Многие расценивали этот брак как кровосмесительный и преступный, а неприятности государства считали божьей карой за грех монарха.

В октябре 612 г. Ираклий венчал на царство дочь, а 25 декабря, в день Рождества – сына, объявив заодно и о его помолвке с дочерью Никиты, Григорией. Расстройство казны вынудило Ираклия пойти на грабительскую перечеканку денег: в 615 г. содержание золота в монете было снижено наполовину. Взамен единого финансового ведомства стали создаваться канцелярии логофетов, ведавшие различными поступлениями в казну.

С 616 г. начался новый этап потрясений для страны и ее правителя – персы принялись завоевывать Египет, главную житницу империи. Раздираемый междоусобными смутами, он покорился им достаточно быстро – через два года пала Александрия, Никита (ум. ок. 629) стал экзархом Африки. В столице начались голод и мор, а василевс отменил даже раздачу государственного хлеба – его попросту неоткуда было взять.

Неважно обстояли дела и на Западе. Равеннский экзарх Иоанн погиб в результате бунта, а посланный ликвидировать мятеж евнух Элевтерий сам объявил себя римским императором. Правда, вскоре он погиб на пути в Рим, куда ехал короноваться. Короли готов Сисебут и Свинтилла отнимали у византийцев их владения в Испании – к 624 г. под контролем империи там остались только Балеарские острова ⁴⁷. В Иллирике складывались независимые государства славян. Император летом 617 г. отправился заключать мир с аварами, попал в засаду и почти у ворот Константинополя едва не стал пленником кагана, воины которого не догнали василевса, скрывшегося в столице, но разорили ее окрестности. Отчаявшийся Ираклий решил навсегда оставить несчастливый для него Константинополь и перенести престол державы в Карфаген – город своего успеха. Мартина поддержала мужа, но суровый и решительный Сергей не допустил бегства правительства: узнав о планах василевса, патриарх заставил его отказаться от этого шага и дать народу публичную клятву в том, что Константинополь навсегда останется столицей.

И все-таки Ираклий не собирался сдаваться перед грозящими опасностями. Для начала он, нуждавшийся в средствах, пошел на шаг исключительный: в 619 г. «по недостатку в деньгах он занял [их] из богатых домов, взял также из великой церкви [св.Софии. – С.Д.] паникадила и другие церковные сосуды, перелил их в крупные и мелкие деньги» (Феоф., [82, с. 245]). Патриарх Сергей лишь поддержал решение императора воспользоваться церковной казной. Даже стоявшую на одной из столичных площадей медную статую быка переплавили на оболы.

На собранные деньги первым делом был куплен желанный мир с аварами. Весь 621 г. ромеи набирали солдат и все необходимые припасы, а на зиму 621/22 г. Ираклий удалился в свой дворец в Иерии ⁴⁸ и там, отгородившись от внешнего мира, император занялся теоретической подготовкой предстоящего возмездия персам. Он изучал труды историков, географов, свидетельства разведчиков и восточных послов,

стратегиконы, карты предполагаемого театра военных действий, советовался с армейскими начальниками.

Наконец, 5 апреля 622 г. Ираклий взошел на корабль и с войсками, в значительной части состоявшими из греков и армян (а не варваров-федератов), покинул столицу, оставив при малолетнем Константине III регентский совет.

Полгода в Пилах, близ никомидийского залива Астакос, василевс тренировал свою армию. Воины обучались владеть оружием, действовать поодиночке и соединениями, в сомкнутом и рассыпном строю, проводили учебные сражения, разделяясь на «своих» и «персов». Особое внимание Ираклий уделил отрядам конных лучников. По сути дела армия Ираклия стала армией нового типа, отличавшейся не только умением, но еще и высоким духом, твердой дисциплиной и, так как состояла почти вся из коренного населения Византии, патриотизмом.

Зимой 623 г. Ираклий отправил войско в Армению, а сам вернулся в Константинополь. Весной он присоединился к армии, и в начале апреля 623 г. стодвадцатитысячное ромейское войско перешло границы империи. Так начался великий поход Ираклия в Персию.

Византийцы вторглись в иранскую провинцию Атропатену и принялись опустошать ее. Хосров стянул свои войска в Месопотамию, а с запада, от Халкидона, на Ираклия двинулась армия Шахина. На зиму император решил отступить к берегам Каспия, в кавказскую Албанию. Переход предстоял очень тяжелый, и василевс распорядился дать свободу пятидесяти тысячам пленных, отягощавших обоз. К весне следующего года против Ираклия, перебазировавшегося в Армению, действовали три армии шаха. Император решил справиться с ними поодиночке. Отобрав лучших воинов, наиболее храбрых и выносливых, он совершил стремительный бросок и разбил наседавшего на него Шахина при Тигранокерте, а Шахрвараза – у берегов озера Ван. Последний едва избежал гибели и спасся «на плохом коне», оставив победителю свой шатер и добро,.

Весной 625 г. войско ромеев в очень трудных условиях перешло горный хребет, овладело

Мартирополем и Амидой и достигло Месопотамии. В кровопролитном сражении на берегах Евфрата Ираклий вновь заставил отступить Шахрвараза. Зимовали византийцы уже в пределах империи.

За эти четыре года Ираклий проявил себя не только как способный военачальник, но и как храбрый воин, зачастую лично водивший в бой ромейские легионы и отважно дравшийся в самой гуще врагов. В одной из стычек, отстаивая мост, он первым вышел против целого отряда неприятелей и сражался настолько храбро, что видевший «кесаря» Шахрвараз не удержался от похвалы.

Зимой 625/26 г. персы овладели азиатской стороной Босфора и начали вместе с каганом авар планировать нападение на Константинополь (см. «Константин III»). Путь Ираклию к столице преграждал Шахин с мощной армией, и выделенные на помощь городу (под командой куропалата Феодора) отряды и мастера-техниты ⁴⁹ прибыли туда уже после снятия осады.

Сам Ираклий вместе с новым союзником, каганом хазар, осаждал в это время Тифлис. Начальник персидского гарнизона, насмехаясь над внешностью василевса, как-то крикнул ему со стены: «У тебя козлиная борода и шея злого козла!», на что Ираклий остроумно заметил, что «козел с Запада» пришел обломать рога «восточному барану» [61, с. 384].

Не дожидаясь взятия Тифлиса, Ираклий получил от хазар несколько десятков тысяч воинов и осенью 627 г. вторгся в Месопотамию. Началась завершающая фаза похода. В октябре император добрался уже до развалин древней Ниневии. По следам греков, двигаясь по опустошенной ими территории и «питаясь крохами [со стола] их» (Феоф., [82, с. 237]), шло огромное войско персов, состоявшее из лучших частей шахиншаха, с тяжелой пехотой, панцирной кавалерией и свирепыми боевыми слонами. В начале декабря близ Ниневии (у г. Мосула на Тигре), на месте, избранном Ираклием для решающего сражения, встретились обе армии. Император, узнав, что персы ждут подкреплений, не стал тянуть время, и в субботу, 12 декабря, войска сошлись в густом

тумане, а когда поднялось солнце, начался бой. Ираклий руководил битвой и сражался сам. «Царь впереди всех сошелся с военачальником персов... низложил его и сопровождавшие его обратились в бегство, царь встретился с другим и того положил. Напал на него и третий, который нанес ему удар копьем в губу, но и этого он поразил. Потом при звуке труб сошлись обе стороны, загорелась сильная брань. Лошадь под именем Фалвас, она же Деркон, была убита под царем пехотными воинами, которые копьем поразили ее в бедро. Сам он получил множество ударов мечами в лицо, но так как был он защищен забралом из жил, то не получил вреда и удары остались без действия» (Феоф., [82, с. 237]). Победа ромеев была полной, пали главнокомандующий персидской армией Рахзад и три его заместителя, само войско было избито и рассеяно. В лагере Рахзада византийцы поживились его богатствами: позолоченными мечами, перевязями, копьями, одеждой, седлом, богато изукрашенным золотом и драгоценными камнями. Хос-ров Парвиз в отчаянии тайно оставил свою постоянную резиденцию Дасда-герд (близ современного Багдада) и прибыл в Ктесифон. Роли поменялись – теперь Ираклий опустошал персидские земли, а шах метался по собственной стране в поисках спасения. «За ним следовал Ираклий и вошел в его крепости, хватал и грабил, что мог, в царских дворцах, а крепости жег огнем», – записано в анонимной сирийской хронике [192, с. 269]. Рождество василевс отпраздновал в одном из дворцов Хосрова, а 1 января 628 г. ромеи заняли Дасдагерд. Победители нашли там несметные сокровища, второпях брошенные шахом – золото, ценные породы дерева, слоновую кость, пряности, шелка, ковры и даже зверинец Парвиза. Кое-что византийцы даже не смогли увезти, и Ираклий распорядился предать излишки огню.

Хосров для обороны Ктесифона вооружил даже слуг и женщин. Император, продвигаясь по Ирану, разрушал и уничтожал все, чем не мог воспользоваться, оставляя после себя пустыню. При этом он заявлял, что делает это исключительно по необходимости, и убеждал шаха

прекратить бессмысленную войну. Шахрвараз вступил в сговор с василевсом и готовил измену персидскому трону.

Несмотря на безвыходность положения, Хосров упорствовал, но 29 февраля он погиб в результате переворота. Его сын и преемник Кавад II Широе незамедлительно выслал к Ираклию послов и высказал готовность исполнять все его требования.

Византия получила огромную контрибуцию, персидские гарнизоны к лету следующего года обязывались покинуть занятые ранее города, а увезенная из Иерусалима святыня – Древо Креста Господня – была возвращена христианам. Беспрецедентный по длительности и усилиям поход, вдали от баз снабжения провиантом и подкреплениями, проведенный со многими боями на территории врага, завершился. 15 мая в соборе св.Софии было зачитано торжественное письмо Ираклия, а весной следующего года он и сам прибыл в Константинополь из Армении. Константин III и патриарх встречали его на азиатском берегу Босфора, откуда император отправлялся семь лет назад. Жители столицы приветствовали победителя пением и осеяли, по древнему обычаю греков, ветвями оливы. Спустя несколько дней триумфатор въехал в Золотые ворота. Горожанам были розданы богатые дары, а сделанные ранее займы император возместил сторицей. «В шесть дней создавший всякое творение Бог назвал седьмой день днем успокоения. Равным образом Ираклий, в шесть лет завершивший великий подвиг, с миром и радостью возвратясь в седьмой год, успокоился» (Феоф., [82, с. 242]).

В конце февраля 630 г. он покинул так и не полюбившийся ему Константинополь и вновь отправился на Восток. 21 марта император прибыл в Иерусалим и возвратил городу Древо Креста. Иудеи, опасаясь мести христиан за свои злодеяния, уговорили Ираклия обещать им неприкосновенность. Но гнев христиан был настолько велик, что василевс уступил просьбам единоверцев и санкционировал еврейские погромы. Евреи в который раз были выселены из Иерусалима и им было запрещено приближаться к городу ближе определенного расстояния. С тех пор палестинские монахи отмаливали

ежегодным недельным постом грех клятвопреступления императора до самой его кончины.

Персию, надломленную тяжелой войной, потрясали смуты. Через восемь месяцев после воцарения погиб Кавад Широе. В конце апреля 630 г. был убит шах Ардашир III, и трон в Ктесифоне завладел Шахрвараз, но через полтора месяца был казнен и он, а власть в государстве получила женщина – дочь Хосрова II и вдова Широе, Боран. Перевероты не прекращались и далее, несколько шахов явились и были уничтожены, пока летом 632 г. правитель Хорасана не утвердил на троне последнего Сасанида – внука Хосрова Парвиза по женской линии, малолетнего Йездигерда III.

Ираклий, не предвидя пока военной опасности, занялся религиозными делами. Однако попытки мирным путем примириться с монофиситами, за время иноземного владычества еще более обособившимися в своих догматах от официальной церкви, не удались. В 631 г. патриарх монофиситов Афанасий обвинил императора в несторианстве, а тот приказал резать носы и уши не признающим Халкидонского собора и конфисковывать их имущество. По юго-восточным провинциям прокатилась волна репрессий, особенно среди местного монашества. Наиболее яростно «еретиков» преследовал александрийский патриарх Кир. Повсеместные гонения начались и на иудеев. Обстановка в Сирии, Палестине, Египте накалялась, население постепенно становилось в оппозицию не только к ортодоксальной церкви, но и к правительству. Близорукая политика Ираклия в вопросах веры оказалась просто губительной, ибо над освобожденными от владычества персов территориями уже сгущались тучи новой, непредвиденной военной угрозы – мусульманской, единством же в государстве и не пахло.

Возвышение Мухаммеда было незаметным событием на фоне византийско-персидских баталий. Когда в сентябре 622 г. небогатый, страдавший эпилепсией торговец, называвший себя пророком, бежал от преследований недругов из Мекки в Медину, никто не мог даже предположить, что началась новая эра в истории человечества. Четыре года спустя основатель

ислама овладел Меккой, а в 627 г., согласно распространенному преданию, обратился с предложением принять эту религию к ряду арабских шейхов, царю Аксума, Хосрову Парвизу и Ираклию. Правитель Бахрейна согласился, шах велел повесить послов «самозванца», остальные же с разной степенью вежливости отказались.

На восьмом году хиджры (630 – 632 от Р.Х.) пророк замыслил наказать за непослушание какого-то шейха и выслал на его владения трехтысячный отряд во главе со своим любимцем, названным сыном Саидом. Арабы двинулись исполнять приказ, не приняв во внимание очень важное обстоятельство: объект нападения располагался на земле империи, и эта экспедиция была справедливо расценена византийцами как разбойничий набег. Викарий Феодор собрал войско и разбил мусульман, Саид и почти все его воины погибли. Мухаммед объявил поход на Сирию, но поживиться богатствами этой провинции пророку не пришлось – 8 июля 632 г. он умер в Медине.

Завоеванием византийских владений на Востоке занялся его преемник, первый халиф Абу-Бекр. В начале 634 г. дукс Палестины Сергей выступил с ополчением самаритян против отрядов халифа, но был разбит, взят в плен и казнен – зашит живьем в шкуру верблюда.

В Константинополе пока не представляли размеров грядущей опасности, больше внимания уделяя Европе. Именно тогда Византия заключила договор с болгарским ханом Кувратом (631 – 668), и с его помощью ромеи смогли вытеснить авар из Фракии в Паннонию, чем ликвидировали постоянно тяготевшую над империей угрозу со стороны каганата.

Император издал эдикт о насильственном крещении иудеев (как говорят летописцы, из страха перед «обрезанным народом», который мог, согласно пророчествам, сокрушить его царство), и многие из них бежали к арабам.

Летом в Сирии потерпело поражение малочисленное ромейское войско под началом куропалата Феодора. Последний, верно оценив всю серьезность предстоящего натиска варваров, явился к брату в Эфес и объявил ему, что

арабы – наказание от Бога Ираклию за его брак с племянницей. Император распорядился выслать смельчака в Константинополь и содержать его там под стражей. Вскоре после этих событий скончался Абу-Бекр, и власть над мусульманами перешла в руки халифа Омара – человека грубого и воинственного.

Тем временем арабам сдалась Газа, а уполномоченные Ираклия евнух са-келларий Феодор Трифирий и полководец Ваан не успели организовать войска для отпора захватчикам. В августе 635 г. мечу ислама покорился Дамаск. Однако Ваан и Трифирий собрали армию, арабы оставили Дамаск под страхом окружения, и обе стороны начали готовиться к крупной схватке.

Враги сошлись летом следующего года на берегах реки Йармук (Ярмук), левого притока Иордана. Почти месяц длились мелкие стычки, но в середине августа часть войск изменила Ираклию, авторитет которого сильно упал из-за его бездействия, и провозгласила императором Ваана. Другая часть армии осталась верной государю, между полководцами и солдатами началась вражда, ослабившая войско. 20 августа 636 г. ромеи напали на арабов, но успеха не добились ни тогда, ни днем позже. Взаимопонимание между Вааном и Феодором отсутствовало, их отряды сражались разрозненно. Развязка наступила на третий день битвы. Сильный ветер нес в лицо византийцам и союзным с ними арабам-христианам тучи пыли, ослаблял убойную силу их стрел. Под мощным натиском врага христиане дрогнули и побежали. Многие были оттеснены к обрывистому берегу Йармука, падали в воду и тонули под тяжестью оружия.

После этого поражения арабская опасность стала для империи главной. Население Востока – монофиситы, самаритяне, иудеи – открыто приветствовало мусульман, говоря, что бог мести посылает их как защиту от жадности римлян. По свидетельству арабских историков, Ираклий с грустным возгласом «Прощай, Сирия!» покинул Антиохию. Отступая, византийцы увозили с собой все ценности. В конце 636 г. вторично пал Дамаск. Военачальники халифа осадили

Иерусалим, и вскоре патриарх Софроний сдал город. Омар въехал в древнюю столицу Иудеи верхом на верблюде, шокировав всех простотой и бедностью одежды – халиф имел лишь одну шерстяную рубашку!

Сасанидский Иран вообще не смог оказать действенного сопротивления, и мусульмане разгромили его. В 637 г. после четырехдневной битвы при Кадисии между арабами и персами последние оставили Ктесифон, Йездигерд III бежал в горы.

В столь тяжелой ситуации Ираклий решился на утверждение новой христологической формулы, призванной сплотить на компромиссной позиции не прекращавшие вражды группировки христиан: единая божественная воля при двух естествах. Учение это, принятое на поместном соборе в Константинополе, получило название монофелитства. Ираклий в 638 г. издал специальный указ – «Экфесис» («Изложение»), в котором объявлялись новые догмы веры. Западная церковь, не решаясь открыто выступить против императора, тем не менее осуждала «Изложение», особенно после кончины папы Гонория, сторонника новой доктрины. Сам Ираклий после смерти Сергия (638), опасаясь обвинений в ереси, заявил по поводу «Экфесиса», что, дескать, составлял текст Сергий, а он, император, лишь подписал, уступая просьбам патриарха.

Василевс жил в Иерии, не показываясь в столицу и все дела в ней препоручив Константину III.

Против Ираклия созрел заговор, в котором оказались замешаны его племянник Феодор и многие представители армянской придворной знати. Мятежники хотели посадить на трон незаконнорожденного сына Ираклия, Алариха, с 623 г. бывшего заложником у авар и незадолго перед тем выкупленного, а самого василевса убить. Эти планы стали известны императору и заговорщики подверглись жестокому наказанию – им отрезали носы и правые руки и сослали на острова. Исключение составил один вельможа, который высказывался против физического устранения Ираклия и его семьи – обошлось ссылкой без членовредительства. Наместник Армении Давид Саа-руни, также уличенный в измене, начал собирать войска для защиты от императорского гнева. Ираклий,

не желая усугублять беды державы еще и междоусобной войной, простил его и дал титул курупалата.

В начале лета 638 г. Ираклий решил перебраться в столицу. Через Босфор на судах навели мост и василевс первым переехал пролив. 4 июля патриарх венчал на царство Ираклеона (Ираклия II), старшего сына Мартины, младший, Давид, получил титул кесаря.

Тем временем положение восточных провинций ухудшилось еще более. Пала Антиохия и, хотя ряды завоевателей косила чума, они не давали передышки ромеям. Города Месопотамии сдавались арабам практически без боя, некоторое время сопротивлялись лишь Телла и Дара, куда отступили гарнизоны других крепостей, но и они были захвачены. Мусульмане осадили последний оплот византийцев в Палестине – Кесарию (город пал уже после смерти Ираклия).

В конце 639 г. полководец Амр ибн ал-Аса с большим отрядом арабской конницы вторгся в Египет, войска которого и по численности, и по подготовке годились разве что на подавление крестьянских восстаний. Ворота диоцеза – крепости Ринокорура и Пелусий – сдались, первая сразу, вторая после месячной осады. Августал Нижнего Египта Феодор стянул свои полки в Вавилон (крепость на месте нынешнего Каира), патриарх Кир укрылся в Александрии. В июле 640 г. августал вышел сразиться с захватчиками, был разбит и скрылся обратно, под защиту крепостных стен. Арабы захватили Атриб, Фаюм, а в сентябре блокировали Вавилон. Местное население подвергалось ужасающей резне, конница варваров уничтожала поля и сады. Амр потребовал дани, и Кир поехал в столицу, просить денег при дворе. Василевс заподозрил последнего в чрезмерной уступчивости арабам, обвинил в измене, устроил над патриархом суд, пытал и заключил в темницу.

Ираклию, вконец удрученному неудачами, везде стали мерещиться заговорщики и предатели. Он заперся во дворце, где занялся составлением планов на случай своей смерти: Ираклий желал сохранить власть разделенной между детьми Евдокии и Мартины и гарантировать последней безбедную жизнь, так как знал о непопулярности своей второй жены как

среди знати, так и среди простого народа. Денег не было, и для облегчения своих династических предприятий император приказал равеннскому экзарху Исаакию ограбить папскую казну, пользуясь тем, что папа Гонорий I умер, а новый, Северин, еще не получил разрешения василевса занять трон св.Петра. Хартулларий Маврикий штурмом взял Латеран и опечатал сокровищницу римского епископа, что испортило отношения между императорским двором и Римом, и без того непростые. Преемник Северина, Иоанн VI (640 – 642), поддержав антивизантийскую партию, открыто выступил с осуждением монофе-литства.

Византия вошла в новую фазу кризиса, император же, к тому времени сломленный морально и больной, ничего не предпринимал для обуздания хотя бы внешней агрессии. Окончательно погруженный в меланхолию, Ираклий скончался от водянки 11 февраля 641 г.

Константин III

(612 – 641, имп. с 612, факт. – в 641)

Старший сын императора Ираклия от его первой жены Евдокии, тоже Ираклий, родился в столице 3 мая 612 г. и 25 декабря того же года (по другим сведениям 22 января 613 г.) был венчан отцом на престол под именем Константина III ⁵⁰.

От середины VII в. осталось крайне мало свидетельств историков и документов вообще, а так как Константин III из всех потомков Ираклия был человек самый непримечательный, да и правил он после кончины отца чуть более ста дней, известно лично о нем немного. Гораздо более интересны события, связанные с его правлением.

Отправившись весной 622 г. в поход на Персию, Ираклий оставил десятилетнего сына в столице, дав ему в качестве регента человека твердого, деятельного, разумного и авторитетного – патриарха Сергия, а в помощь последнему – военачальника патрикия Вона.

В отсутствие императора-отца Константинополю пришлось пережить самую крупную за всю свою предыдущую историю осаду иноземными захватчиками. К зиме 625/26 г. весь правый берег Босфора, с Хрисополем и Халкидоном, находился во власти персов. Их начальник Шахрвараз известил об этом аварского кагана и предложил ему объединенными силами напасть на Константинополь. Перспектива овладеть богатейшим городом Европы казалась настолько заманчивой, что каган презрел мирный договор с Ираклием, и летом 626 г. воинство авар и подчиненных им славян двинулось на Константинополь из Фракии.

29 июня тридцатитысячный передовой отряд конницы варваров подошел к Длинной стене. Вон решил не рисковать своими малочисленными дружинами, и византийские войска без боя оставили предместья до самых ворот. Вскоре с огромной армией к стенам города подступил и сам каган, обложив Константинополь с суши, о чем авары просигналили персам с вершин близлежащих холмов.

Однако в руках ромеев был флот, а значит и море. Продовольствие бесперебойно доставлялось в столицу мимо бессильных воспрепятствовать этому врагов, послов же персов к аварам и авар к персам греки успешно перехватывали в проливе и уничтожали. Таким образом Шахрвараз лишился возможности взаимодействовать с аварами, да и сам каган, рассчитывая на свое превосходство в силах и легкую победу, к тому особо не стремился. Варвары разбили лагерь в виду крепостных башен, и каган потребовал выдать ему все сокровища города. Византийцы лишь посмеялись такой наглости, а их удачные вылазки несколько поубавили спеси у самонадеянного предводителя разбойников. Тогда осаждающие соорудили у стен двенадцать обитых сырыми кожами (для защиты от огня) высоких деревянных башен (гелеопол) и принялись с них обстреливать защитников городских укреплений. Но время шло, особого урона ромеям ни далеко расположенные метательные орудия и стрелки авар, ни их частые приступы не приносили. Каган, упорно отклонявший все посольства ромеев, потеряв под стенами города месяц времени и значительную часть войска, перешел к активному натиску. Для начала он приказал славянам, знакомым с мореплаванием, организовать из плотов и лодок флот и с его помощью пробиться в Константинополь с моря. Эта безрассудная затея кончилась так, как и следовало ожидать: тяжелые боевые корабли византийцев рассеяли и потопили нападавших. Тогда каган решил пойти на штурм под прикрытием темноты.

В ночь на 7 августа плоты и лодки славян, на плечи которых ложилась основная тяжесть предстоящей операции, были собраны там, куда суда ромеев не могли пройти из-за глубокой осадки – в устье реки Варвисс, впадавшей в Золотой Рог. Но Вон, заранее предупрежденный о предстоящем штурме, приготовил неприятелю сюрприз: когда славяне двинулись в залив, по его берегам загорелись костры и те, думая, что это сигналият прорвавшиеся со стороны Влахерн (где наспех сооруженная стена была наиболее уязвимой) авары, повернули на огни и были почти полностью уничтожены командами

сторожевых кораблей и солдатами. Тех же, кому посчастливилось избежать гибели от рук византийцев и выбраться из воды, рассвирепевший каган приказал убивать прямо на берегу. Ночной приступ самих авар на стены во Влахернах был отбит с громадными для них потерями.

Славяне, узнав о жестокой расправе с соплеменниками, начали толпами покидать недавних союзников, продовольствие у авар было на исходе, и на следующий день после штурма каган приказал зажечь осадные орудия, башни, лагерь и начал отступление, оставив под стенами и во рвах тысячи неубранных трупов. Персы, увидев дым и зарево, приняли его за пожар в захваченном городе и возликовали. Однако радость их вскоре сменилась унынием, а на помощь столице подошел из Армении отряд куропалата Феодора и очистил от неприятеля побережье Босфора.

Вернувшись из Азии, Ираклий зимой 629/30 г. женил сына на давно помолвленной с ним дочери двоюродного брата и вновь удалился на Восток. Константин III и Сергей продолжали управлять страной. В 632 г. Константин отметил свой консулат. Через пять лет, по возвращении из Сирии, Ираклий поселился не в столице, а в своем дворце в Иерии. Константин III решал при дворе все дела, изредка советуясь с отцом.

Когда Ираклий умер, сын организовал ему пышные похороны, а спустя несколько дней распорядился вскрыть саркофаг отца и снять с головы уже разлагающегося трупа дорогостоящий царский венец.

К весне 641 г. завершилось арабское завоевание Сирии, 8 апреля сдался египетский Вавилон. При дворе же куда большее внимание уделялось династическим распрям, чем проблеме сохранения земель державы. Константин вынудил патриарха Пирра отдать ему деньги, завещанные Ираклием Мартине, отношения между ней и пасынком, никогда не бывшие теплыми, еще более ухудшились, поэтому, когда 25 мая 641 г. Константин, имевший слабое здоровье, умер от кровотечения горлом, многие усмотрели в этом яд и руку вдовствующей императрицы.

Ираклеон (Ираклона, Ираклий II)

(626 – ?, имп. с 638, факт. в 641)

Среди дееспособных сыновей Ираклия и Мартины (первый родился уродом с неподвижной головой, второй – глухонемым) старшим был Ираклий, появившийся на свет в 626 г. в Лазике (Мартина сопровождала супруга в походе). 1 января 632 г. он, вошедший в историю под уменьшительным именем Ираклоны или Ираклеона, стал кесарем, а 4 июля 638 г. был возведен в ранг августа и оказался следующим после сводного брата Константина соправителем отца. Ираклий I, понимая, что с его смертью Мартине и ее потомству может угрожать опасность со стороны противников непопулярного брака императора, постарался максимально обеспечить ее и ее детей и на случай их опалы даже оставил патриарху Пирру значительную сумму денег, которые, как он рассчитывал, могли бы помочь им.

Неприятности для вдовы Ираклия начались практически сразу после смерти мужа. Когда она вместе с Константином III и сыновьями взошла на кафисму ипподрома во время торжеств, народ не признал ее полноправной августой, крича: «Ты имеешь почет, как мать царей, они же – наши императоры и государи. Ты не можешь, госпожа, принимать или вести переговоры с варварами или чужеплеменниками, прибывающими в государство; не дай Бог, чтобы в такое состояние пришла держава ромеев!» (Никифор, [61, с. 361])

После смерти Константина III вражда двух партий, одна из которых поддерживала его потомство (еще одного Ираклия и Феодосия), а вторая – Мартину и ее детей (Кроме Ираклеона – кесаря Давида и новелисима Мартина, родившихся соответственно в ноябре 630 и ок. 638 г.), обострилась до крайности. Чиновник Филагрий, выдавший Константину тайну золота императрицы-вдовы, резонно опасаясь за свою участь, подбил полководца армянина Валентина Аршакуни создать вооруженную оппозицию Мартине и требовать передачи детей Константина на попечение войску. Аршакуни возмутил отряды, расквартированные на

правом берегу Босфора, занял Халки-дон и приготовился к наступлению на Константинополь. Столичный народ, возбужденный до крайности подозрительно внезапной смертью Константина, был недалек от бунта. Чтобы разрядить обстановку, Ираклеон вышел к народу на ипподром в сопровождении Ираклия и Феодосия и, держа в руке священную реликвию – кусок Древа Креста Господня, поклялся не причинять малолетним наследникам вреда. По требованию толпы Ираклий-младший был объявлен соправителем-августом (под именем Константа II). Настроение граждан переменилось – Ираклеона стали поддерживать и хвалить. Обрадованный удачей, он направился к войскам, засевшим в Халкидоне, с намерением повторить клятву перед солдатами, но предусмотрительный Аршакуни не пустил императора в лагерь.

В столице начались резкие выступления против Пирра, и патриарх, главная опора Ираклеона и его матери, бежал. Мартина, сознавая шаткость своего положения, решила договориться с Аршакуни, посулив ему высокий пост комита экскувитов и взятку за согласие поддержать ее и венчать на царство малолетнего Давида. Валентин эти предложения отклонил, так как знал, что в синклите партия противников августы имела решающий перевес.

Осенью враги Мартины обнародовали письмо, составленное якобы от ее имени, с приказом отравить Ираклия-Константа и Феодосия. Письмо вызвало бурю возмущения, Ираклеон и Мартина были смещены.

Зимой 641/42 г. императору отрезали нос, Мартине – язык, Давида оскостили ⁵¹ (от чего он вскоре умер) и вместе с Мартином сослали на остров Родос, где они и окончили жизнь. Точная дата и обстоятельства их смерти неизвестны, хотя, по утверждению Себеоса, Мартину убили.

За шесть месяцев правления занятых исключительно придворными интригами Ираклеона и его матери арабы еще больше усилили свои позиции в Египте, Сирии и Армении.

Констант II

(631 – 668, имп. с 641)

Ираклий, внук Ираклия I и сын Константина III, родился в Константинополе 8 ноября 631 г. Крещен он был лишь через год, во Влахернском храме Богородицы, причем его восприемником от купели дед назначил шестилетнего Ираклеона. Возведенный на престол по требованию народа летом или осенью 641 г., он стал зваться Констант⁵², а на Западе его величали Константином.

После свержения Мартины и ее сына десятилетний август зачитал в синклите кем-то сочиненную по такому случаю речь, обвинив низложенную августу в «незаконном сожителстве» с Ираклием I (по причине этой «незаконности» ее потомство теряло право на престол) и отравлении Константина III.

Дела государства обстояли плохо. 22 сентября 642 г. августал Египта с остатками войск эвакуировался из Александрии, спустя неделю туда вступили арабы. Тогда же мусульманами был захвачен и Пентаполис. В Италии против экзарха и императора поднял бунт хартулларий Маврикий – тот самый, который при Ираклии ограбил Латеран.

При дворе все определял Валентин Аршакуни, который, опираясь на армию и армянскую знать, дошел уже до того, что на официальных приемах появлялся вместе с Константом, облаченный в царские одежды. В 644 г. против Аршакуни в столице вспыхнуло восстание, и непрошенный регент был растерзан толпой горожан.

3 ноября 644 г. персом-рабом в мечети был зарезан халиф Омар I, умерший через несколько дней. Его преемник Осман непредусмотрительно оставил в Александрии лишь тысячу воинов, чем воспользовались ромеи – летом следующего года на трех сотнях кораблей военачальник Мануил Аршакид приплыл в Александрию и выбил оттуда арабский гарнизон. Византийцы занялись в городе грабежом, словно это была не недавно потерянная провинция, а земля злейшего врага. Осман направил туда войско под началом бывшего наместника

халифа, Амра, Мануил оказался разгромлен и скрылся в столицу. Так в конце 646 г. закончилась последняя попытка вернуть Египет. Вскоре арабы срыли городские стены Александрии.

В 648 г. полководец халифа Абд-Аллах-ибн-Саид напал на территорию карфагенского экзархата и ушел оттуда лишь по получении трехсот кентинариев золота. Константинопольский двор затребовал себе еще столько же, в ответ экзархат надолго прекратил всякие связи со столицей. Мусульмане обложили данью Кипр и предприняли поход в Армению и Каппадокию.

Помимо военной угрозы со стороны арабов, а также лангобардов и славян, бедствия Византийской империи отягощали церковные неурядицы. Стало ясно, что попытка монофелитской унии провалилась, но отказаться от «Экфесиса» окончательно патриарх Павел не решался, ибо положения этого указа все-таки были еще популярны в Сирии, Египте и Армении. Выход был найден на первый взгляд простой: в 648 г. семнадцатилетний Констант скрепил своей подписью эдикт, запрещавший какие-либо дискуссии об естествах (или «энергиях» – «действиях») и волях во Христе – «Типос». Гласил он следующее: «Воспрещаем всем нашим преданным кафоликам спорить впредь каким бы то ни было образом об одной воле и одном действии, двух действиях или двух волях, и чтобы содействовать единству церкви и отнять всякий предлог у желающих спорить без конца, мы повелеваем снять прибитые к дверям великой церкви [св.Софии] ... папирусы, касающиеся этого вопроса [т.е. текст «Экфесиса». – С.Д.]. Кто дерзнет противиться этому повелению, будет подвергнут тяжелой каре» [144, т. III, с. 201]. Папа Мартин I, начавший свой понтификат не дожидаясь утверждения из Константинополя, созвал в 649 г. собор западных епископов в Латеране, осудивший монофелитство, а также позицию, занятую по отношению к этому учению императором. Тем самым папа нажил себе в лице Константа смертельного врага.

Будущий халиф, а тогда еще просто военачальник, Моавия, построил в Триполи флот, и арабы стали утверждаться на море,

подрывая гегемонию византийцев. В 649 г. они напали на Кипр, два года спустя совершили пиратский рейд к берегам Исаурии.

В 652 г. часть Армении отложилась от Византии, предпочтя власть халифата. Встревоженный Константин II осуществил поездку на Восток, стараясь упрочить ромейское влияние среди армян и даже причастился с главой армянской церкви, католикосом Нерсесом III, из одной чаши.

По возвращении в Константинополь василевс стал свидетелем неутешительных событий: в 654 г. арабы овладели островом Родос⁵³, а вскоре разграбили Кос и Крит.

Констант II решил испытать себя как флотоводец, но в морском бою у берегов Ликийи он был разбит и спасся с гибнущего царского корабля, поменявшись одеждой с каким-то малозначительным человеком, которого арабы и убили, приняв его за государя.

Вскоре в самом халифате разгорелись страсти, связанные с дележом власти погибшего летом 656 г. Османа. Моавия, основатель династии Омейядов, не подчинился законному наследнику Али, объявил себя халифом, и среди арабов началась междоусобная война. Константин II получил временную передышку и обратился на Запад. В 658 г. он возглавил поход в македонскую «Склавинию», захватил богатую добычу и подчинил расселившиеся в районе Коринфа славянские племена. Годом позже Моавия заключил с василевсом мир, по условиям которого арабы ушли с территории карфагенского экзархата и с Родоса, а в качестве компенсации за завоевания в Египте, Сирии, Палестине и Армении обязались выплатить деньги.

Констант II был человек способный, решительный и храбрый, но ему были присущи необузданность и жестокость, в силу чего император совершил множество заслуживающих осуждения поступков. Например, затаив злобу на Мартина I, он, вернувшись из Армении, приказал равеннскому экзарху Олимпию выкрасть папу из Латеранского дворца и отвезти в Константинополь. Олимпий не подчинился императору, а весной 652 г. поднял против него мятеж, но вскоре неожиданно скончался. Его преемник Феодор

Каллиоба 15 июля 652 г. вступил в Рим, захватил Мартина I и закованным в цепи отослал в столицу. Констант устроил над папой судилище, обвинив его в пособничестве мятежному Олимпию и нанесении императору вреда. Мартина, человека немолодого и болезненного, держали в сыром подземелье или заставляли пребывать на морозе в одном хитоне, а после осуждения выслали в Хер-сонес Таврический, где он скончался в крайней бедности 16 сентября 655 г. Другому непримиримому противнику монофелитства – преподобному Максиму Исповеднику, глубокому старику, отрезали правую руку и язык и вместе с двумя так же обезображенными учениками сослали подальше. В 660 г. Констант II, терзаемый собственной подозрительностью, велел посвятить в диаконы своего брата Феодосия ⁵⁴, но затем, считая такую меру недостаточной, распорядился его убить. Призрак брата начал являться императору во сне с чашей в руках, предлагая напиться крови. В Константинополе многие называли василевса Каином.

Отношения между автократом, с одной стороны, и синклитом и горожанами – с другой, испортились, и весной 663 г. Констант II навсегда покинул нелюбезно настроенную к нему столицу, отправившись на Запад, тем более что папа Виталий давно приглашал его в Рим. Отплывая, василевс плюнул в сторону гавани, недвусмысленно выказав свое мнение о Константинополе.

Император посетил Фессалонику, Афины, Тарент, высадился в Южной Италии, отбил у герцога Беневента Неаполь и 5 июля 663 г. торжественно въехал в Рим. Папа организовал суровому императору великолепную встречу, Констант II же отплатил за радушный прием черной неблагодарностью: за двенадцать дней пребывания он умудрился лишить апостольскую столицу множества ценных античных скульптур, которые приказал вывезти в свою резиденцию в Сиракузах. Ища произведения искусства, император врывался даже в запертые дворцы. С Пантеона Агриппы (имп. Фока разрешил папе Бонифацию IV перестроить его в собор Богоматери Мучеников) по распоряжению Константа

содрали крышу из золоченой бронзы и отправили в Константинополь (позже большая ее часть была возвращена). Конная статуя Марка Аврелия сохранилась в Риме потому, что не попала в вавилонскую печь. Бесценные сокровища эти были впоследствии утрачены – после гибели Константа II арабы овладели Сиракузами и все наворованное либо уничтожили, либо продали на Восток, вплоть до Индии.

Ограбив Рим, император осадил Беневент, но неудачно, и отступил, потеряв много войска.

Планы Константа II устроить из Сиракуз столицу не увенчались успехом – византийцы не отпустили из Константинополя к нему даже жену и сыновей. Пока он жил на Сицилии, арабы, устранив внутренние разногласия (победу в войне за халифат одержал Моавия), вновь обратились к завоеваниям. В 665 г. военачальник Моавии Окба-ибн-Нафи начал завоевывать африканские владения империи, изгнав карфагенского экзарха. Василевс не пожелал возвратиться в столицу даже перед лицом нового вторжения мусульман.

15 июля (или сентября) 668 г., когда император во время купания намыливал себе волосы «галльским мылом», некто Андрей, сын Троила, ударил его шайкой в голову и скрылся, а оглушенный Константин II сполз в воду и захлебнулся. Тело Константа было отправлено туда, куда он так не хотел ехать при жизни – в Константинополь.

Константин Багрянородный [44] и Георгий Амартол [28] называют его Погонат, т.е. «бородатый». Это вполне соответствует портретам Константа на монетах, где он изображался с роскошными усами и бородой. Но волею историков такое прозвище прикрепилося к его сыну Константину IV.

В правление Константа II закончилась история Сасанидов – в 651 г. погиб последний шах этой династии, Йездигерд III, и Персия окончательно покорилась исламу.

Константин IV Погонат

(652 – 685, имп. с 654, факт. с 668)

Константин IV Погонат (Бородатый), сын Константа II, родился в 652 г. Весной 654 г., по укоренившейся традиции Ираклидов объявлять соправителями наследников еще во младенчестве, отец венчал его на царство.

После убийства Константа II его сиракузское окружение провозгласило императором армянина Мизизия, который в скором времени обратился за поддержкой к арабам. Константин IV отправился с экспедицией на Сицилию и захватил Сиракузы. Мизизий был казнен, а многие участвовавшие в перевороте вельможи жестоко наказаны. Согласно легенде, за время похода юный император оброс бородой, за что и получил по возвращении в столицу свое прозвище. Тогда же, осенью 668 г., Константин отметил свое консульство.

Так как у императора были младшие братья-близнецы, Ираклий и Тиве-рий (род. 659), также провозглашенные августами, малоазиатские войска потребовали их равного участия в правлении, ссылаясь на пример святой Троицы. Делегатов, принесших в столицу такую петицию, император распорядился повесить, братьев же «помиловал», но к реальной власти допустить отказался. Когда же в 681 г. те сами потребовали раздела трона, Константин лишил братьев титулов и приказал отрезать им носы.

Основными событиями правления Погоната стали войны. Около 670 г. арабская конница подошла к Халкидону, а флот – к Золотому Рогу, но так как поход не имел должной подготовки, попытка овладеть Константинополем арабам не удалась. Однако они смогли закрепиться на полуострове Кизик (670) и взять Смирну (672). С лета 674 г. начались яростные атаки сарацинского флота на Константинополь. Четыре лета подряд неприятельские корабли, использовавшие Кизик в качестве плацдарма, выходили в Пропонтиду и устремлялись к столице ромеев. Однако военные действия арабов завершились для них полным разгромом, чему немало

способствовало одно изобретение: сирийский архитектор Каллиник, перебравшийся к единоверцам (ок. 673), подарил Византии секрет самого мощного до появления пороха оружия – «греческого огня»⁵⁵. Его состав окончательно не разгадан до сих пор, но в число ингредиентов входили, по-видимому, нефть, сера, селитра, смола (канифоль), негашёная известь. Подожженный, он не гасился водой (позже его научились тушить мочой или уксусом), а употреблялась эта смесь (в основном на флоте) либо в горшках из метательных орудий, либо из специальных приспособлений, именуемых сифонами. Мастер, отвечавший на корабле за использование «греческого огня», разогревал смесь в герметичном котле, откуда она под давлением воздуха, качавшегося мехами, через кран в форме головы какого-нибудь чудовища вырывалась наружу и поджигалась факелом. Вылетающие в атмосферу капли перегретой нефти вскипали, и из отверстия такого сифона на противника обрушивался ревущий пламенный столб, превращавшийся затем в прилипающие ко всему огненные лужи. Как пишет Феофан, Константин IV соорудил «двухпалубные огромные корабли с горшками огненосными и быстрые корабли с огненными сифонами» [82, с. 260]. Применение этого страшного оружия в битве у Кизика летом 678 г. полностью деморализовало арабский флот, большая часть которого была сожжена на плаву, остатки потоплены штормом, а отступавшие по суше войска были разбиты византийцами, уничтожившими тридцать тысяч солдат неприятеля. Империя Ромеев стала защитой христианской Европы от нападений мусульман с самого уязвимого направления – с востока, и оставалась таковой несколько столетий.

В самом сердце халифата, в горах Ливана, непокорные потомки римских легионеров – христиане, которых арабы звали мардонитами, непрерывающимися восстаниями наносили мусульманам существенный урон.

Благодаря всем этим обстоятельствам, василевс заключил с халифом мир на тридцать лет, причем арабы обязались ежегодно выплачивать ромеям 3 000 золотых монет, 50

рабов и 50 коней – дань, впрочем, скорее символическая, чем существенная.

Обрадованный таким успехом Погонат решил уладить дела на Западе, ибо славяне и болгары своими постоянными набегами приносили государству массу неприятностей. Сын болгарского хана Куврата, Аспарух, собрал на Дунае значительную – до ста тысяч человек – армию и в любой момент мог нанести империи удар из Фракии. Василевс замыслил опередить Аспаруха, однако поход Константина IV на болгар провалился – в 679 или 680 г. император, находясь при войске, заболел подагрой и спешно отплыл лечиться на минеральные воды, а его солдаты, решив, что он бежит от какой-то неведомой опасности, в беспорядке начали отступление и были разгромлены. К 681 г. Византия признала независимость государства Аспаруха (так наз. Первое Болгарское царство со столицей в районе Преславы).

Разбитый болгарами, Константин IV обратился к делам религии. Так как местности, где нашло отклик учение монофелитов, были захвачены в большинстве своем мусульманами, а отбить их назад у империи явно неоставало сил, то необходимая ранее уния потеряла всякий смысл, тем более что противостояние по этому вопросу с Римом ослабляло позиции Константинополя в Италии. Для осуждения монофелитства Погонат приказал созвать VI Вселенский собор, который проходил с 7 ноября 680 по 16 сентября следующего года в Трулло – купольном зале Большого императорского дворца. По постановлениям собора были осуждены и отлучены от церкви четыре покойных константинопольских патриарха – Сергей, Пирр, Павел и Петр, папа Гонорий I и еще живший антиохийский патриарх Макарий. Собор утвердил во Христе две воли и два естества, признав монофелитство ересью. Позже император сделал еще один шаг к сближению с Римом: дал право папам вступать в должность без своего разрешения и отказался от выплат, которые преемники св.Петра делали по случаю своего избрания, а прерогативу утверждения пап передал равеннскому экзарху. Это, с одной стороны, облегчило утомительный процесс интронизации римских

епископов, но и поставило их в несколько щекотливое положение: теперь они зависели не от императора-исапостола, а от простого чиновника.

Бенедикту II Погонат послал в знак расположения пряди волос своих сыновей ⁵⁶.

10 июля 685 г. тридцатитрехлетний Константин IV Погонат «в спокойствии и строгом порядке закончил остаток жизни» (Никифор, [61, с.364]). Его изображения вместе с портретами братьев сохранились на мозаиках церкви св. Аполлинария в Равенне.

Юстиниан II Ринотмет

(669 – 711, имп. в 685 – 695 и 705 – 711)

Последний царствовавший Ираклид, сын Константина IV Юстиниан II, как и его отец, занял трон в шестнадцатилетнем возрасте. Он в полной мере унаследовал деятельную натуру своих деда и прапрадеда и из всех потомков Ираклия был, пожалуй, наиболее способным человеком. Казалось, даже само прославленное имя Юстиниана подвигало его к великим свершениям на благо государства, но поистине звериная жестокость, необузданность и кровожадность Юстиниана II стали причиной крайне нелестных отзывов о нем и его правлении у историков. Едва заняв трон, этот василевс, которому вполне подошло бы прозвище Неистовый, не пожелал соблюдать ранее заключенный с халифатом мир, отправил воевать в Армению полководца Леонтия (будущего императора) и тем самым вынудил халифа Абд-аль-Малика пойти на увеличение дани империи – отныне за каждый день без войны арабы стали обязаны давать тысячу золотых монет, одного раба и одного коня. По условиям нового соглашения Юстиниан вывел из Ливана мардонитов. Они были расселены в пределах ромейской державы – в Памфилии и на Пелопоннесе, а набранное из них войско числом около двенадцати тысяч человек василевс послал в Армению.

Император отказался платить дань Болгарскому царству. В 688 г. он совершил поход в Стримонию (область на границе Македонии и Фракии) и нанес тамошним болгарам и славянам сокрушительное поражение, а вскоре совершил широкомасштабную операцию по переселению тридцати тысяч славянских воинов с семьями в Малую Азию, в Вифинию. Затея с переселением понравилась императору, и годом позже Юстиниан переселил на безлюдные берега Мраморного моря жителей острова Кипр, причем многие погибли во время перевозки от бурь и болезней.

Для защиты пограничных рубежей, прежде всего от арабов, Юстиниан II создал по римскому образцу сторожевые поселения

воинов-крестьян – акритов, которые жили на границах, получая от государства не только деньги, но и земельные наделы при условии несения ими военно-сторожевой службы. В случае набега врагов из акритов организовывалось боеспособное войско. Мера эта оказалась весьма успешной, и поселения акритов как основа пограничной обороны существовали несколько столетий. Юстиниан II вообще стал привлекать для военных экспедиций, особенно после 705 г., народные ополчения из граждан ромейской державы, и хотя поначалу эти необученные толпы крестьян и ремесленников были малосерьезной военной силой, в более позднее время фемное войско крестьян-стратиотов стало основой византийской армии. Именно при Юстиниане II впервые, в письме императора, датированном 687 г., употребляется слово «фема» [231, т. I, с. 811].

В Константинополе он, по примеру своего тезки, много строил, расширяя императорские дворцы и общественные здания. Но в целом, в отличие от Юстиниана Великого, Юстиниан Ринотмет не обладал ни необходимым для действительно великого правителя чувством меры, ни сообразным умом, ни помощниками. Его фавориты – сакелларий перс Стефан и логофет геникона Феодот, бывший монах, свирепые и жадные люди, своим произволом вселяли гнев в сердца как аристократов, так и простых граждан. Феодот, например, приказывал побивать камнями строителей за якобы медленную работу на императорских объектах, а Стефан в своем самовластии дошел даже до того, что в отсутствие василевса приказал за какую-то провинность выпороть (!) его мать, императрицу Анастасию. Для вымогательства денег у людей состоятельных использовались самые гнусные пытки – такие, как подвешивание на веревках в дыму тлеющей соломы и тому подобное.

В вопросах религии император целиком поддерживал позицию Рима, «еретиков» же, особенно армянских монофиситов, повелел сжигать заживо. В 691 – 692 гг. он созвал в Константинополе новый Вселенский собор, называемый Пятошестым (Qinisexum) или Трулльским П. Новый собор был

призван дополнить решения Пятого и Шестого и ужесточить принципы церковной морали. Показательно, что перед тем для чтения актов предыдущего VI собора Юстиниан II, подчеркивая важную роль военно-служилого сословия, созвал представителей не только духовенства и синклита, но и фемного войска.

Каноны Пятошестого собора большей частью оговаривали нормы поведения христиан и правила устройства церкви вообще. Так, например, строго-настрого были запрещены как пережитки язычества празднования календ, брумалий (см. «Роман I»), гадания, процессии ряженных, даже ученые медведи, повторен запрет членам клира присутствовать на ристаниях и представлениях мимов и т.д. Запрещалось также пользоваться услугами врача-иудея и мыться с иноверцами-евреями в одной бане. Собор разрешил священникам низшего ранга вступать в брак, а епископам – управлять епархией извне (последняя мера касалась прежде всего областей, завоеванных арабами). Папа Сергей I, усмотрев в ряде канонов (подписанных, кстати, его легатами) попытку навязывания Западной церкви порядков Восточной, отказался утвердить его решения. Тогда Юстиниан откомандировал в Рим протоспафария Захарию, дабы тот арестовал папу и препроводил его в Константинополь. Римляне, узнав о миссии императорского посланника, возмутились, и Захария спасся от неминуемой гибели в спальне папы, а затем ретировался под брань и насмешки горожан.

Халиф Абд-аль-Малик был заинтересован в поддержании с Византией мира (в государстве арабов не прекращались смуты), но Юстиниан II, собравший в Вифинии огромное войско греков и переселенных славян, сам его нарушил. Ни уговоры арабских послов, ни их щедрые посулы не отвратили жаждавшего военной славы василевса от похода. В 692 г. византийская армия встретила с сарацинской у киликийского города Севастополиса. Воины халифа в качестве знамени насадили на копье ранее подписанный Юстинианом текст мирного договора. Перед битвой мусульмане подкупили славянского вождя Гебула, послав ему колчан, полный

золота, и двадцать тысяч славян изменили императору. Юстиниан II проиграл сражение и в гневе распорядился казнить семьи предавшихся врагу. В следующем году арабы осадили Карфаген, а в Армении правитель Сумбат Багратуни поднял мятеж и объявил южные ее районы независимыми от империи.

Эти неудачи вызвали недовольство императором в столице. Как часто бывает в трудную годину, стали распространяться зловещие предсказания, огромную популярность приобрели астрологи и маги. Брожение усиливалось, а так как от непредсказуемого Юстиниана действительно можно было ожидать всякого, ему приписывались самые чудовищные планы.

В 695 г. император решил соорудить для дима венетов, к которым благоволил, фонтан и трибуну. Для этого оказалось необходимым снести так называемую «митрополичью церковь». Монарх потребовал у патриарха Каллиника освятить ее разрушение молитвой. Тот ответил, что знает молитву лишь на основание храма. Юстиниан II, свирепея, повторил распоряжение, и Каллиник прочел какую-то молитву, завершив ее многозначительными словами: «Слава тебе, Господи, долготерпеливому, и ныне, и присно, и во веки веков» (Феоф., [82, с. 270]). Снесение церкви многие расценили как проявление сатанинской сущности василевса, а так как в столице нашлись умело использовавшие настроения толпы люди, в Константинополе вскоре разразился бунт. Кто-то пустил слух, будто Юстиниан II намерен устроить резню своих противников среди жителей города, начиная с патриарха. Беспорядки организовал упомянутый ранее Леонтий. Толпа с криками «Сокрушим кости Юстиниана!» ворвалась в императорские покои, василевс был схвачен и приведен к Леонтию. Узурпатор сохранил ему жизнь, но приказал обезобразить – отрезать нос⁵⁷. Ненавистные народу Стефан и Феодот были сожжены.

Изуродованного Юстиниана сослали в Крым, в Херсонес. До 698 г. свергнутый властитель жил в Херсонесе, пользуясь относительной свободой и составляя планы реванша. С воцарением Тиверия III (см.) жители города, тяготившиеся царственным ссыльным, начали просить двор забрать от них

Юстиниана. Тот же, понимая, что ничего хорошего его в столице не ждет, бежал в крепость Дорас, а оттуда в Фанагорию, находившуюся под протекторатом хазарского кагана. Убедив последнего в своей политической жизнеспособности, Юстиниан, к тому времени овдовевший, взял в жены его сестру, при крещении, во имя славных традиций, получившую имя Феодоры. Однако затем каган, соблазненный блеском византийского золота, согласился предать зятя и выдать его императору Тиверии или позволить убить. Заговор стал известен Феодоре, и та открыла его мужу. Юстиниан Ринотмет сумел опередить своих убийц: заманив к себе двух ромейских чиновников, на которых была возложена эта миссия, он, человек сообразительный и физически сильный, задушил их поодиночке петлей. Потом Ринотмет отослал Феодору к ее брату, не желая рисковать беременной женой, а сам, неутомимый, отправился на поиски более надежных союзников. Он поплыл к устью Дуная, во владения болгарского хана Тервеля, сына Аспаруха. В пути Юстиниана и немногих оставшихся с ним приближенных захватила страшная буря. Раб свергнутого императора посоветовал ему, дабы умиловить стихию, дать Богу обет пощадить всех своих врагов, если удастся спастись и вернуть трон, на что «тот с гневом отвечал ему: «Если я пощажу кого-нибудь из них, то потопаю меня Бог в этом море!» (Феоф., [82, с. 274]) Снедаемый жаждой мщения, Ринотмет заключил с болгарским ханом союз и с набранным войском болгар и славян летом 705 г. неожиданно появился у константинопольских стен.

Три дня Юстиниан II убеждал впустить его в город, но воины Тиверия III лишь насмехались над ним с высоты укреплений столицы. В ночь на четвертый день Ринотмет с несколькими сотнями добровольцев проник в город по разрушенному в 626 г. аварами водопроводу и захватил Влахернский дворец. Тиверий не сумел организовать сопротивление и оказался схвачен, а офицеры гарнизона во главе с его братом Ираклием были повешены у городской стены.

Вернув трон после десятилетнего перерыва, Юстиниан II исполнил обет, данный им Богу: свирепыми расправами с аристократией он поверг ее в ужас, а над Тиверием III и Леонтием восторжествовал в полной мере – устроив праздничные ристания, он повелел бросить обоих экс-императоров себе под ноги и, поставив ступни на их головы, смотрел игры. Подобострастная толпа приветствовала победителя строками 90-го псалма: «На аспида и василиска наступил и попраля льва и дракона». Патриарх Каллиник был ослеплен и сослан в Рим. «И совершил [Юстиниан Ринотмет] множество убийств и злодеяний по отношению к подданным. Одних назначал на архонтат и посылал вслед за ними других и убивал; иных еще призывал на обед и травил ядом; других, опять же, выбрасывал в мешках в пучину моря. По единогласной молве, он был для подданных самым жестоким зверем» (Никифор, [61, с. 367]). Справедливости ради нужно заметить, что Юстиниан не дал приведенным с собой войскам войти в город и не допустил разграбления столицы ромеев, а всех помогавших ему щедро вознаградил и возвысил. Не остался неблагодарным он и по отношению к Тервелю, который получил титул кесаря ⁵⁸, земли и с большим почетом был отправлен восвояси со всем своим воинством.

Расправившись с врагами, император перевез к себе Феодору, родившегося у нее сына Тиверия короновал и воздвиг в Константинополе статуи – свою и супруги.

Второе правление Юстиниана Ринотмета (Servus Christi – «раб Божий», как смиренно именовал он себя на монетах) было омрачено, кроме внутреннего террора со стороны императора, военными неудачами и смутами. Мусульмане продолжали захватывать города Византии – в 707 г. пали Мопсуестия и Тиана Каппадокийская, а ополчение, посланное василевсом на выручку последней крепости, было уничтожено арабами. На следующий год их конница действовала уже в районе Хрисополя, а в 709 г. воинственный брат халифа Валида, Маслама, с восьмидесятитысячным войском перейдя Геллеспонт (Дарданеллы), разорил часть Фракии. Годом позже сам император, отправившись в Грецию отражать набег болгар,

позволил войску пребывать в безопасности, неожиданно напавшим врагом был разгромлен и укрылся в Анхиаде, откуда через три дня бесславно бежал морем, прирезав лошадей, чтобы они не достались болгарам.

Даже тогда, невзирая на военные неудачи, Юстиниан II не останавливался в своей мстительности. В 709 г. он послал стратига Феодора покарать Равенну, граждане которой принимали активное участие в свержении императора и тогда издевались над ним ⁵⁹. Явившиеся на угощение к стратигу знатные равеннцы были вероломно схвачены, закованы в колодки и брошены в трюмы византийских кораблей, которые тотчас снялись с якорей и исчезли. По прибытии в Константинополь большинство пленников были убиты, а епископу автокефальной церкви Равенны Феликсу по приказу императора выжгли глаза. Однако это лишь разозлило жителей города, имевших к тому времени кроме власти экзарха куда более влиятельную выборную коллегию для управления, а также свое ополчение (милицию). Зимой 710/11 г. в Равенне началось восстание, экзарх Иоанн Ризокоп погиб. Тенденция к ослаблению влияния империи стала проявляться и в других городах Запада все сильнее и сильнее.

Процесс отчуждения Италии и Далмации, разумеется, беспокоил василевса, и он активно шел на сближение с папами, всячески подчеркивая свое расположение к Западной церкви. Рим не меньше Константинополя нуждался в союзе, ибо войска лангобардов зачастую подходили уже к стенам апостольской столицы. Папа (705 – 707) Иоанн VII утвердил решения Трулльского II собора, а папа Константин осенью и зимой 710 г. посетил Константинополь ⁶⁰. Юстиниан II встретил преемника св.Петра торжественно, даже облобызал ему ноги.

Херсонесу также пришлось испытать на себе тяжелую руку императора. Кроме гнева на его жителей за нерадушный прием, снарядить туда карательный поход его вынудила чересчур самостоятельная политика городских архонтов, склонявших Херсонес перейти под власть хазарского кагана. В 710 г. василевс отправил к берегам Крыма флот, в задачу которого входило взять город, наказать его правителей и утвердить там

византийского наместника. На одном из кораблей плыл в ссылку опальный столичный вельможа Вардан.

Херсонес взять не удалось, а на обратном пути флот разметал шторм, потопив в Черном море большую часть судов. Весной 711 г. приплыла вторая эскадра, но горожане, умертвив во время переговоров ее командиров, не допустили в город солдат и провозгласили императором упомянутого Вардана, принявшего имя Филиппика. Юстиниан Ринотмет направил к Херсонесу третий флот, повелев разрушить там все, от стен до уборных. Начальствовавший над экспедицией некий Мавр после ряда безуспешных попыток овладеть городом перешел на сторону восставших со своим войском.

Юстиниан II, в начале декабря бывший в Малой Азии, получил об этом известие, когда флот Филиппика-Вардана двинулся на столицу. Увидав с азиатского берега Босфора, как суда мятежников поворачивают в гавань, он «взревел, как лев» (Феоф., [82, с. 278]) и кинулся в Константинополь, но опоздал. Столица была захвачена, а малолетний сын Юстиниана Тиверий, искавший защиты в церкви, был выведен оттуда и зарезан, несмотря на слезные просьбы престарелой императрицы Анастасии пощадить внука. Филиппин без труда склонил окружавших императора солдат к измене, они бросили василевса, и 7 декабря 711г. Юстиниана Ринотмета обезглавил какой-то оруженосец. Голову автократора носили на пике в столице, а затем отослали на Запад, до Равенны и Рима, причем в первом городе эту страшную посылку встретили с ликованием, а во втором – с унынием.

Начавшиеся при этом императоре и после его смерти мятежи лихорадили престол империи ромеев почти тридцать лет, до воцарения императоров Исаврийской династии.

В период второго правления Юстиниана II Византия утратила свой последний оплот в Африке – крепость Септем.

Леонтий

(? – 705 или 706, имп. в 695 – 698)

Исавр Леонтий был удачливым полководцем и при Юстиниане II занимал пост стратига анатолийского войска. За какую-то провинность император в 692 г. посадил его в темницу, но через три года освободил и определил стратигом Эллады с условием в ту же ночь покинуть Константинополь. Вновь назначенного стратига пришли поздравить друзья. В свое время уже уговаривавшие Леонтия поднять бунт и захватить престол, они и тогда принялись склонять его к решительным действиям, ссылаясь на благоприятные астрологические предсказания одного из них, ученого монаха Павла. «Напрасно вы мне предвещаете царствование, – отвечал тот, – я в темнице, а вы принуждаете меня быть царем; и ныне жизнь моя проходит в бедствиях, а после того я должен буду ожидать ежечасно смерти» (Феоф., [82, с. 270]). Однако в конце концов уговоры возымели свое, Леонтий вооружил слуг и овладел преторием. Там он освободил томившихся по приказу императора заключённых, многие из которых были людьми военными, снабдил их оружием и повел на форум Константина. Сообщники Леонтия разбежались по улицам, громко призывая всех христиан идти к храму св.Софии. Вскоре, несмотря на ночь, у церкви собралась большая толпа и Леонтий заставил патриарха Каллиника обратиться к народу. Последний начал речь словами псалма: «Сей день, его же сотворил Господь [возрадуемся и возвеселимся в он]». Толпа, враждебно настроенная к Юстиниану II, захватила императора и убила его фаворитов; на ставший вакантным престол Леонтий вступил без труда.

Внешнеполитическая обстановка вскоре ухудшилась: в 697 г. отложилась Лазика, а сарацинский воевода Хассан-ибн-Нуман взял Карфаген. Однако когда торжествующий победитель отправился в Дамаск, дабы лично сообщить халифу приятное известие, в гавань захваченной крепости вошел византийский флот под командованием патрикия Иоанна и высадил десант

войск фем Сицилийской и Анатолик. Карфаген был отбит у арабов, но ненадолго – в 698 г. армия ромеев была разгромлена при Утике и столицу экзархата пришлось оставить вторично, на этот раз – навсегда. Флот отправился назад, и во время стоянки на Крите произошел мятеж. Матросы и солдаты обвинили в неудачах похода василевса, упрекая его в нерадении, командиры же, опасаясь наказаний за бегство из Африки, организовали убийство Иоанна и провозгласили императором флотского начальника Аpsимара под именем Тиверия III.

Леонтий не пустил в столицу мятежников, и началась осада. Город, незадолго перед тем переживший эпидемию чумы, все-таки нашел силы защищаться. Константинопольская знать, поддерживавшая Леонтия, упорно не желала отдавать трон ставленнику военной, фемной верхушки, но «внешние», провинциальные архонты, охранявшие стену у Влахерн, вступили в тайные переговоры с Тиверием III и открыли ему ворота. Город подвергся страшному разорению и грабежу со стороны своей же армии и моряков. Леонтий был лишен носа и сослан в один из монастырей. В 705 или 706 г., после возвращения Юстиниана II, он был извлечен оттуда и после всяческих издевательств вместе с Тиверием-Аpsимаром обезглавлен там, где часто расправлялись с преступниками – в Кинегии, «собачьем рынке» – амфитеатре времен Септимия Севера.

**Тиверий III (Апсимар), Филиппик (Вардан),
Анастасий II (Артемий), Феодосий III**

Тиверий III (Апсимар) (? – 705 или 706, имп. с 698)

Апсимар был друнгарием фемы моряков Кивирреоты. После переворота и смещения Леонтия он прекратил бесплодные попытки отвоевать Африку и сосредоточился на делах Востока, что было вполне естественно для представителя и ставленника малоазиатских фемных архонтов.

Новый император поставил начальником конных пограничных отрядов своего брата Ираклия. Тот, весьма дельный и удачливый полководец, начал теснить мусульман, нанося им тяжелые поражения. В 699 г. Ираклий предпринял набег на Сирию, разгромив армию халифа под Самосатой, а несколькими годами позже не пропустил захватчиков в Киликию.

Византийские историки сохранили мало сведений о правлении и о личности этого императора. Во всяком случае, никаких значительных событий за это время не произошло.

Когда Юстиниан II вернулся, Тиверий III был вместе с Леонтием казнен в Кинегии.

Филиппик (Вардан) (? – ?, имп. в 711 – 713)

Вардан, вступивший на константинопольский престол под именем Филиппика, происходил из знатного армянского рода, имевшего известный вес в кругах столичной аристократии (отец его был сенатором).

Феофан пишет, что Вардану предсказывал царство и что правление его будет «сильным и прочным», если он отменит решения VI Вселенского собора, некий «еретик». Победитель Юстиниана Ринотмета действительно начал свое правление с анафематствования актов VI собора и объявил монофелитство государственной религией империи. Папа Константин не признал узурпатора, отказался упоминать его имя в молитвах и по возможности чинил препятствия уполномоченным Филиппика в Риме.

Добившись власти, новый василевс предался наслаждениям: «Провождая совершенно беззаботную жизнь в своих чертогах и нашедши здесь множество денег и драгоценных вещей, которые в продолжение многих лет собраны были многими царями через опись имений в казну [т.е. конфискации. – С.Д.] и под разными предлогами, особенно при последнем Юстиниане, все это расточал втуне, понапрасну, безо всякой пользы. По разговорам же он почитался ученым и умным, а по делам – жил неприлично царю и недостойно, в глазах всех казался ничтожным. К тому же был он еретик и прелюбодей» (Феоф., [82, с. 280]). Патриарх Никифор в своем историческом труде назвал царствование этого императора «нехорошим и легкомысленным» [61, с. 239].

Филиппик не сумел остановить ни болгар, которые под предлогом мести за убийство Юстиниана II совершали грабительские набеги во Фракию, ни славян, занимавшихся тем же самым безо всякого предлога. Авторитет его в глазах подданных упал достаточно быстро. 3 июня 713 г. простой оруженосец комита Опсикия (в Малой Азии) поднял хмельного после одного из бесчисленных празднеств императора с постели, отвел его в залу прасинов на ипподроме и там преспокойно

ослепил. «Зеленые» организовали народные волнения, а на следующий день двор провозгласил императором чиновника Артемия.

Через несколько месяцев Филиппик умер.

Анастасий II (Артемий) (? – 719, имп. в 713 – 716)

Грамматик Артемий (при Филиппике он занимал должность протоасик-рита – начальника императорских секретарей), коронованный 4 июня 713 г. под именем Анастасия II, обрел трон при поддержке столичной знати. Новый император подверг наказаниям замешанных в свержении своего предшественника как посягнувших на священную особу государя, но религиозную линию Филиппика резко пресек, повелел ослепить многих его советников и примирился с папой.

Способный политик и мастер придворных интриг, Анастасий II проявил себя и неплохим организатором: он «назначил умнейших людей для государственного управления и способнейших людей в конные отряды, сам жил в безопасности» (Феоф., [82, с. 281]).

Долго наслаждаться спокойствием императору не пришлось: воцарившийся в Дамаске (715) брат Валида Сулейман начал готовить крупную военную экспедицию, планируя мощным ударом одновременно с суши и моря раз и навсегда покончить с Византией. Анастасий отправил разведчиков на кораблях, и те, вернувшись, доложили, что арабы собрали несметное количество снаряжения для постройки флота в гаванях побережья. Император «заботливо обновил стены города и приготовил военные машины, а также снабдил город большим количеством припасов» (Никифор, [61, с. 370]). Мало того, в преддверии осады все жители столицы должны были обеспечить себя продовольствием на три года, тем же, кто этого не мог, предписывалось убраться из Константинополя куда угодно. Не ограничиваясь приготовлениями к обороне, василевс задумал опередить Сулеймана, и летом 715 г. византийские боевые корабли, приняв на борт десант, взяли курс к верфям арабов. Командующий флотом, логофет геникона и (!) диакон св.Софии Иоанн, имел приказ захватить и сжечь все приготовленное мусульманами.

Однако во время стоянки на Родосе Иоанн был убит взбунтовавшимися солдатами фемы Опсикий, экспедиция расстроилась, а часть флота отплыла назад и под руководством стратигов фем осадила Константинополь. В начале августа Анастасий, боясь оказаться запертым в столице, покинул ее и укрепился в Никее.

В марте 716 г. отряды императора были разбиты мятежниками в Малой Азии, Константинополь сдался и в очередной раз знатные люди подверглись избиению, а город – грабежу. Василевс, не надеясь на победу, отрекся от престола в пользу узурпатора Феодосия III, который обещал сохранить Анастасию жизнь при условии принятия им монашеского обета.

Низверженный властитель поселился в одном из монастырей Фессалоники. Летом 719 г., уже при Льве III Исавре, группа вельмож Эллады попыталась возвратить его на трон. Заговор не удался: Анастасий-Артемий с конницей болгар успел дойти до Гераклеи Фракийской, но Лев III склонил наемников оставить его, схватил, казнил в Кинегии, а голову на копье велел показать народу на ипподроме.

Феодосий III (? – после 754 (?), имп. 715 – 717)

Феодосий, «человек беспечный и простолюдин» (Никифор, [61, с. 371]), занимал незначительную должность сборщика податей в Мизии. Восставшие летом 715 г. войска провозгласили его императором ⁶¹. Феодосий скрылся от них в горы, но солдаты поймали беглеца и заставили принять власть.

Несмотря на разгоравшуюся войну с арабами, ряд стратигов не признали этого малоспособного правителя, бывшего лишь ширмой для властвования опсикийских военных. В апреле 717 г. малоазийские войска объявили в Амории императором анатолийского стратига Льва.

Феодосий III попытался организовать сопротивление, но Лев без труда преодолел слабые заслоны на пути к столице, захватил в плен сына императора и осадил Константинополь. 25 марта 717 г. Феодосий III отрекся от престола, вместе с сыном (будущим митрополитом) постригся в монахи и удалился в Эфес. Там он вел аскетический образ жизни, целиком посвятив себя Богу, а когда умер, окрестные жители долго почитали его как святого. Единственным значительным деянием этого императора явилось подписание в 716 г. мирного договора и выгодного торгового соглашения с болгарским царством.

Лев III Исавр или Сириец

(между 675 и 685 – 741, имп. с 717)

Император Лев III, основатель Исаврийской или Сирийской династии, происходил из сирийского города Германикии и был, по-видимому, местным греком. Прозвище Исавр, доставшееся ему и его потомкам, по мнению современных исследователей, ошибочно, хотя вопрос этот спорный. Семья Льва после захвата Германикии арабами переехала во фракийскую Мезимерию, где будущий император и провел свою молодость. Родители его, судя по всему, были люди непростые, и Лев считался достаточно состоятельным человеком. В 705 г., когда через Мезимерию отбивать константинопольский престол у Тиверия IIIшло болгарское войско Юстиниана Ринотмета, Лев примкнул к последнему, приведя в его лагерь несколько сотен овец для солдат.

Воцарившись, Юстиниан II не забыл услужливости Льва, и с этого момента началась его карьера. Он получил титул спафария и стал близким императору придворным. Естественно, что у неожиданно возвысившегося провинциала появились недруги, и спустя некоторое время Юстиниан Ринотмет по наущению доносчиков заподозрил его в «измене» и отправил подальше из столицы, послом в Лазику – по крайней мере, такую версию предлагает Феофан. Лев должен был подкупить царя лазов и втравить их в войну с племенами, враждебными империи. Вскоре Юстиниан II приказал отнять у спафария казну и тем самым поставил его в опасное и нелепое положение: пообещав лазам деньги, Лев оказался не в состоянии их выплатить. Однако варвары выступили в поход и без награды, а сам Лев, действуя от имени императора на Кавказе, выполнил все возложенные на него поручения и всячески способствовал росту там византийского авторитета.

Уже тогда он проявил себя как человек коварный, лживый и вместе с тем бесстрашный и упорный в достижении своих целей. Лев не брезговал никакими способами и не

останавливался ни перед каким риском. Однажды, надеясь перехватить и возглавить отбившийся от своих отряд ромейских наемников, он с пятью десятками варваров перешел горы на лыжах (круглых плетеных снегоступах) по опасному весеннему снегу. Лев Исавр отлично владел конем и оружием, отважно сражался не только на суше, но и на море и был одним из самых блестящих полководцев Византии.

Выросший вдали от столицы, Лев III не мог похвастать большой образованностью, однако обладал живым умом и превосходно говорил не только по-гречески, но и по-арабски.

Георгий Амартол ([28, т. I, с. 468]) пишет, что внешне он был «добровиден и красив лицом» и отличался высоким ростом.

Закончив дела на Кавказе, Лев не торопился вернуться в Константинополь, справедливо опасаясь Юстиниана Ринотмета и его необузданного нрава. Лишь при Филиппике или даже после его свержения полуопальный спафарий оказался в столице. Император Анастасий II, крайне нуждавшийся в надежных и опытных государственных мужах, наградил его титулом патрикия и назначил стратигом важной в военном плане фемы Анатолии.

С новой должностью Лев Исавр освоился достаточно быстро. Он не смог или не счел нужным вмешиваться в борьбу за власть между Анастасием II и Феодосием II. Когда же последний утвердился на престоле, Лев не признал его императором, отчетливо сознавая, что слабый и неопытный Феодосий, поддерживаемый одной лишь фемой Опсикий, навряд ли сможет оказать ему действенное сопротивление. Скрепив союз со стратигом Армениака Артавасдом обещанием тому руки своей дочери Анны и договорившись о временном перемирии с арабами, которые охотно поддерживали любую смуту в государстве противника, Лев Исавр 13 апреля 716 г. объявил себя императором. Однако сарацины не прекращали боевых действий, и Льву пришлось терять время, отбиваясь от их набегов или ведя переговоры. Лишь весной следующего года он повел армии восточных провинций на столицу. 25 марта 717

г. Феодосий III сложил с себя власть, и патриарх Герман венчал Льва III Исавра на царство.

Сицилийская фема провозгласила под именем Тиверия еще одного кандидата в императоры, некоего Василия Ономангула, но посланный в Италию вновь назначенный стратиг Сергей подавил мятеж, а организаторов беспорядков заставил спасаться бегством.

Новый император оказался лицом к лицу с опасностью грандиозного нашествия мусульман. Ему некоторое время удавалось, обманывая их командующего, брата халифа Масламу, замедлять продвижение сарацинских войск к Константинополю от ранее захваченного ими Пергама, но к лету 717 г. арабы уже перешли Геллеспонт, а 15 августа началась осада столицы. Поддерживая сухопутные войска, 1 сентября в Пропонтиду вошел громадный (ок. 1800 кораблей) арабский флот и занял все морское пространство против Константинополя, от Магнавры до Кикловия. Ромеи перегородили Золотой Рог цепью на деревянных поплавах, а василевс, не теряя времени даром, организовал вылазку и, лично командуя византийскими кораблями, одержал над врагом первую победу.

Не сумев взять город с ходу, сарацины приступили к планомерной осаде, выкопав у стен ров и возведя на нем укрепления. Но инициатива на море, благодаря «греческому огню», оставалась в руках ромеев, а город, обильно снабженный средствами обороны еще при Анастасии II, с суши был неприступен. Осада затянулась до зимы, которая оказалась необычайно холодной. Более трех месяцев земля лежала под снежным покрывалом, из-за отсутствия фуража и продовольствия в огромном лагере осаждающих начался голод.

Союзные ромеям болгары уничтожали отряды, посланные для добычи провианта во Фракию, и к весне положение солдат Масламы сделалось отчаянным. «Они пожирали всякую падаль, и лошадей, и ослов, и верблюдов. Говорят даже, что они ели трупы людей и свой собственный помет в горшках, мешая его с закваской» (Феоф., [82, с. 291]). Прибывшая по

приказу нового халифа Омара II весной 718 г. эскадра была разбита византийцами, причем часть моряков халифа из египетских христиан изменила ему и перебежала к единоверцам вместе с кораблями. Подкрепления, шедшие из Дамаска по суше, несли большой урон от рейдов византийской кавалерии, а в конце концов были остановлены у Никеи и повернули вспять. В лагере Масламы свирепствовала чума, и 15 августа 718 г. осада была снята. Отступавший флот греки сожгли, а буря в Эгейском море рассеяла его остатки. Крупнейший поход арабов с позором провалился: из ста восьмидесяти тысяч воинов, принявших в нем участие, домой возвратилось менее четверти, а из более чем двух с половиной тысяч кораблей – лишь пять. Эта неудача серьезно подорвала возможности халифата и надолго отбила у мусульман охоту к войне. Дальнейшая история конфликтов ромеев с сарацинами оказалась для последних не менее печальной. Начав с конца 720-х гг. беспокоить византийские рубежи разбойничьими набегами, арабы за десять лет собрали огромную армию для крупного вторжения и в 739 г. двинули ее в пределы империи. Но, несмотря на некоторые успехи, мусульмане не смогли продвинуться сколь-нибудь далеко в глубь ее территории, а в 740 г. у местечка Акроинон в Малой Азии армия христиан, возглавляемая императорами Львом III и его сыном Константином V, нанесла им страшное поражение.

Значение этих побед для мировой истории (наряду с победой франков Карла Мартелла при Пуатье в 732 г.) нельзя недооценить. Во всяком случае, именно после разгрома при Акроиноне в Дамаске начались смуты, завершившиеся падением Омейядов, экспансия арабов в Европу практически сошла на нет, а византийцы сами начали неуклонно продвигаться на юг и юго-восток, возвращая бывшие свои владения в Малой Азии и Сирии.

Лев III оставил глубокий след в византийской истории не только победами в сражениях, но и в значительной мере благодаря своей внутренней политике. Фемные учреждения при нем получили дальнейшее развитие. В Малой Азии образовалась новая фема – Фракисийская с центром в Эфесе, в

Европе – две: Фракия и Македония. Умело и вовремя поддержав тенденции, возникшие задолго до вступления Сирийской династии на трон, ее основатель укрепил державу и по существу обуздал кризис, терзавший государство с конца VII столетия.

Около 726 г. (или в конце 730-х гг.) появился важный документ – «Эклога», новая кодификация византийского права – «Сокращенное извлечение законов, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми василевсами, из Институций, Дигест, Кодекса, Новелл – конституций Великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия». Намерения Льва Исавра, отраженные в тексте «Эклоги», были не лишены известного благородства: «Мы поставили впереди всякую земную справедливость, как посредницу с небесным, острейшую всякого меча в борьбе с врагами... Тех, кто поставлены исполнять законы, мы убеждаем воздерживаться от всех человеческих страстей, но от здравого смысла выносить решения... не презирать нищего, не оставлять без обличения сильного, содежавшего неправду, чтобы не наружно и не на словах превозносить справедливость, а на деле предпочитать беззаконие и лихоимство, но напротив, когда в тяжбе участвуют две стороны – чтобы обе были поставлены в равные одна к другой отношения и чтобы столько именно было отнято у обидевшего, насколько окажется пострадавшим обидимый... Всячески желая положить конец мздоимству в суде, мы решили давать жалованье из нашего казначейства славнейшему квестору [судье. – С.Д.] и... всем служащим по судебным делам, дабы они ничего не брали с лица, у них судимого» ([86, с. 41 – 43, изм.]). В нормах «Эклоги» отразились те изменения, которые произошли в общественно-экономическом укладе империи с середины VI в., прежде всего создание фемного строя. Многие преступления, за которые по Юстинианову праву полагалась смерть, отныне стали наказываться, по меркам VIII столетия, более гуманно – членовредительством (лишением рук, носа, глаз и пр.). Некоторые положения «Эклоги» вошли в судебники славян Восточной Европы и Киевской Руси.

Крупнейшим событием жизни Византии при Льве III стало возникновение иконоборческого движения, начало которому положил сам император. Историки впоследствии находили иконоборчеству массу причин социальных, но свою роль в его утверждении, несомненно, сыграли и личные качества василевса: прежде всего его восточное происхождение (иерархи Малой Азии еще в 724 г. открыто выступили против почитания икон, которого, кстати, христианство первых веков не знало) и упрямство. Раз осудив почитание святых изображений, император не пожелал отступить, даже воочию видя неприятные последствия своего шага. Противники Льва III упрекали его еще и в «сарацинолюбии» – чрезмерном увлечении арабской культурой и внимании к доводам мусульман и иудеев против «идолов».

Религиозная политика Льва, чья решительность бывала в делах гражданских не совсем уместной, вообще не всегда отличалась продуманностью и осторожностью. Например, около 723 г. (забыв о горьких уроках Фоки и Ираклия I) император издал эдикт о насильственном крещении иудеев и монтанистов. Первые в который раз начали покидать города империи, а вторые ответили на приказ царя массовыми самосожжениями. Что же касается собственно борьбы с иконами, то в 726 г. Лев III велел перевесить их в церквях повыше под тем предлогом, что некоторые невежественные христиане, вразрез с учением церкви, действительно поклонялись иконам как таковым (а не изображениям на них) и даже употребляли краску с них ... на причастие! В 728 г. император, идя дальше, приказал замазать краской картины на религиозные сюжеты в некоторых храмах. 17 января 730 г. во дворце собрался силенций – конфиденциальный совет представителей духовенства и синклита, на котором поклонение иконам было объявлено преступлением. На стенах церквей вместо религиозных картин появились светские – изображения бытовых сцен, птиц, животных, различные пейзажи.

Ответная реакция населения империи на все эти меры с самого начала иконоборчества привела к серьезным

конфликтам. Деятельная часть христиан раскололась на две партии – иконопочитателей (иконодулов) и иконобор-

цев (иконокластов). Под флаг защиты святых изображений встали все враждебные императору круги, по стране (особенно на Западе, где иконы и мощи святых, да и вообще обрядовая сторона христианского вероучения были для народа более значимы, нежели на Востоке) прокатились восстания. В 726 г. поднялось население Греции и островов Эгейского моря. Императором был провозглашен некий Косьма, но 18 апреля 727 г. его флот был разбит под столицей, начальник флота мятежников бросился в доспехах в море, а сам узурпатор был схвачен и обезглавлен. Годом позже восстала Равенна, экзарх Павел погиб, соседи-лангобарды, используя сумятицу, овладели городской гаванью. Новый экзарх Евтихий подчинил себе город, но брожение в Италии не прекращалось.

Придворный, посланный уничтожить скульптурную икону Христа в центре Константинополя, в Халкопратиях, был растерзан толпой фанатично настроенных горожан, в основном женщин и монахов. Император распорядился произвести расследование и сурово наказать виновных.

Папа Григорий II (715 – 731) выступил против нововведений василевса. Между Константинополем и Римом состоялся обмен язвительными посланиями. «По этим изображениям, – писал папа, – люди [необразованные] составляют понятия о существе изображаемых предметов. Муж и жена, держа на руках новокрещенных малых детей, поучая юношей или иноземцев, указывают пальцами на иконы и так образуют их ум и сердце и направляют к Богу. Ты же, лишив этого бедный народ, стал занимать его празднословием, баснями, музыкальными инструментами, играми и скоморохами!» [231, т. II, с. 33] В ответ император безапелляционно заявлял: «Я василевс и вместе с тем иерей!» [там же] С военной прямоотой Лев напоминал папе о событиях времен Константа II и несчастной судьбе Мартина I. Однако до полного разрыва престола св.Петра с Константинополем не дошло. Григорий II, интриган не менее хитрый, чем византийский император, вовсе не стремился лишить апостольскую столицу покровительства

Востока, ибо стенам Вечного Города угрожал воинственный Лиутпранд, король лангобардов. Сменивший Григория II Григорий III (731 – 741) действовал менее осторожно. В ноябре 731 г. собор в Латеране безоговорочно осудил иконоборчество. Реакция Льва III была моментальной: флот грозного императора появился у берегов Италии, привилегии владений папы на части полуострова были ликвидированы, налоги с этих земель стали поступать в византийскую казну. Римские епархии в Греции, Далмации, Калаврии и на Сицилии эдиктом василевса оказались переведены под юрисдикцию константинопольского патриарха.

По уничтожении иконоборчества деятели православия провели тщательную чистку источников. Погибли сочинения иконоборцев, эдикты императоров и постановления церковных синодов и соборов. Православная историография традиционно изображала Льва Исавра «нечестивым», злым и кровожадным человеком, столпом невежества. Однако реально гонения на иконопочитателей при Льве III были незначительны, из мучеников VIII – IX столетий, пострадавших за иконы, лишь десяток приходится на время его правления, да и то почти все – наказанные за убийство императорского чиновника в Халкопратиях.

Незадолго до кончины императора страшное землетрясение поразило многие города империи, в том числе и Константинополь. Рухнула часть башен Феодосиевой стены, сама стена серьезно пострадала. Василевс ввел чрезвычайный налог с граждан на ремонт городских укреплений. Последствия стихийного бедствия устранили, но императорская подать дикератион («два кератия» – одна двенадцатая номисмы) осталась. Теперь укрепления стали содержаться казной, а не городскими магистратами, как было еще со времен античного Рима.

Ненадолго пережив триумф Акроинона, император Лев III Исавр умер 18 июня 741 г.

Константин V Копроним или Каваллин

(718 – 775, сопр. с 720, имп. с 741, в 742 – 743 вне столицы)

Император Константин V, активнейший иконокласт, портрет которого византийская православная историография рисует самыми черными красками, родился в июле 718 г. Рассказывают, что на церемонии крещения младенец Константин «осквернил купель испражнениями», таким образом самого себя «окрестив», отсюда и малопрстойное прозвище Копроним -«дерьмоименный». Вторую хульную кличку – Каваллин, «кобылятник», император обрел из-за своего увлечения лошадьми.

В 732 г., в знак прочного союза империи с Хазарским каганатом, Лев III женил сына на Ирине, новокрещенной дочери кагана.

Вскоре после смерти отца Константину V пришлось оружием отстаивать свое право на трон у зятя Артавасда и племянников. Одержав победу над узурпатором, Копроним обошелся с участниками мятежа, по византийским меркам той поры, довольно мягко, покарвав некоторых членовредительством и ссылкой. Патриарха Анастасия, поддержавшего самозванца, василевс приказал нагим посадить на осла задом наперед и под насмешки толпы провести по ипподрому. Сочтя такое наказание вполне достаточным, император вернул Анастасию патриарший престол. Видимо, тогда, чтобы уменьшить мощь Опсикия и впредь обезопасить престол от притязаний его стратигов (фема находилась в непосредственной близости от столицы), он разделил ее на три фемы: собственно Опсикий, Вукелларии и Оптиматы.

Правление Константина V оказалось долгим и насыщенным. Энергичный, храбрый, небесталаный и притом жестокий император всемерно укреплял наследие своего отца как в делах внешней, так и внутренней политики. При нем в основных чертах завершилось становление фемного строя, стратиотское ополчение стало основной силой армии,

мощь и многочисленность которой позволили василевсу вести победоносные войны, подчиняя непокорных соседей и отвоевывая ранее захваченные земли империи. Однако фанатическая преданность иконоборчеству, свирепые гонения на несогласных, в первую очередь монахов, сделали Константина Копронима в глазах православных историков символом зла и излюбленным объектом инвектив и всяческих поношений. «Всегубительный, кровожадный, лютейший зверь, обративший власть свою к насилиествам и беззаконию, от самого нежного возраста живший во всех душегубительных занятиях», «многоглавый дракон», «Новый Валент и Юлиан ⁶²» – эпитеты Феофана характеризуют это вполне красноречиво.

Созванный с 10 февраля по 24 августа 754 г. в Иерии собор под председательством митрополита Феодосия (сына экс-императора Феодосия III) подверг иконы и мощи полному запрету, объявив еретиками всех «древо- и костепоклонников». Многие видные защитники иконопочитания были анафематствованы, в том числе и знаменитейший православный писатель Иоанн Дамаскин. По словам Никифора, «собор установил определение веры, под которым подписались все дурно и нечестиво мыслящие и провозгласил уничтожение святых икон» [61, с. 377]. И, хотя недопустимость присвоения церковного имущества под предлогом «борьбы с идолами» и вообще ущемления прав церкви оговорены были специально, определения Иерийского собора вызвали резко негативную реакцию у части духовенства, прежде всего монахов – людей не всегда искушенных в богословских тонкостях, но зато отлично почувствовавших вмешательство светской власти не в свое дело. Ответные меры императора были страшными. По всей стране началось преследование «мраконосителей», как именовал черное духовенство василевс. Столичные монастыри Дия, Максимины, Каллистрата, многие провинциальные были разрушены, их земли конфискованы, сотни монахов, не давших согласия на отказ от пострига, изуродованные палачами, томились в тюрьмах. Летом 765 г. император поразил христианскую столицу невиданным зрелищем: по полю городского ипподрома, попарно взявшись за руки, в позорном

шествии прошли десятки монахов и монахинь, а все желающие награждали их плевками и оскорблениями. Фракийский стратиг Михаил Лаханодрокон ок. 771 г. собрал в Эфесе иноков монастырей своей фемы и предложил им на выбор либо брак и мирскую жизнь, либо пытки и смерть. Многие выбрали последнее. Спасаясь от воздвигнутых властями гонений, тысячи монахов бежали из пределов империи на Запад, на Сицилию и в Рим.

Столь жестокие меры император применял лишь к иконопочитателям. Иконоборческое духовенство, в том числе и монашествующее, Каваллин не трогал. Что касается мирян, их за иконопочитание практически не преследовали вообще.

Вполне терпимо василевс относился и к ересям, среди которых наибольшее число приверженцев имела павликианская. Последующие массовые кровавые расправы с ними православных монархов, вне всякого сомнения, затмили все казни иконодулов при Копрониме.

В полемике со своими идеологическими противниками император не гнушался и откровенно сомнительных приемов: таких, как ревизия церковных документов и вообще религиозной литературы, где «неудобный» текст местами стирали или заменяли новым, отредактированным в духе иконоборчества.

Сепаратистские устремления западных городов и римского престола реализовывались под удобным предлогом защиты веры от василевса-еретика. Папа Захария, последний грек на троне св.Петра, вступил в должность, не запросив согласия империи. Отныне Рим в политике стал ориентироваться на Запад, на королевство франков и его майордома Пипина Короткого, ставшего королем при активной поддержке церкви в 751 г. Взятие лангобардами Равенны (751) еще более уменьшило возможность восточных императоров контролировать итальянские дела. Власть Константинополя сохранялась лишь в Апулии, Калабрии и на Сицилии, ее оплотом стал город Бари. Папа (752 – 757) Стефан II лично встретился с Пипином, помазал его на царство и наградил титулом «патриция Рима», доселе принадлежавшим

равеннским экзархам. Папа (767 – 772) Стефан III осудил иконоборчество на Латеранском синоде 769 г. Свою лепту в борьбу с византийским автократом, как и при Льве III, внесли христиане, жившие под властью арабов. Иоанну Иерусалимскому приписывают злой памфлет «Против Константина Каваллина».

Враги императора в столице около 764 г. организовали заговор, в число участников которого вошли высшие придворные. Двоих император казнил, остальных отправил в ссылку, назначив ежегодно по сто ударов бичами. Патриарх Константин, оказавший заговорщикам покровительство, был низложен и заточен в темницу, а год спустя обезглавлен после осмеяния на ипподроме. Его место занял славянин евнух Никита.

Наличие оппозиции не помешало Константину V усиливать могущество державы и вести победоносные войны. В походах против арабов и болгар император провел немалую часть царствования. Еще в 745 г. он очистил от сарацин Северную Сирию, годом позже разгромил арабский флот у берегов Крита. В 750-х гг. Копроним перенес боевые действия в Месопотамию и Южную Армению, продвигаясь на восток, в сторону бывшей римско-персидской границы. Не надеясь удержать взятые города (Феодосиополь, Малатию, Самосату и др.), он приказывал разрушать их, чтобы крепости не могли послужить опорными пунктами армий халифа, а жителей этих городов, часто павликиан, переселял в глубь империи, на земли, пострадавшие от сильной эпидемии чумы 744 – 748 гг. Уменьшившееся тогда население Константинополя василевс пополнял за счет крестьян, ремесленников и строителей Греции, а опустевшие территории заняли не только переселенцы из Малой Азии, но и славяне.

Опасаясь грозного противника, халиф ал-Мансур перенес столицу державы арабов из Дамаска в Багдад. В 760-х гг. Константин Копроним овладел Исаврией, а в 770 г. его войска в очередной раз нанесли поражение мусульманам, напавшим на малоазийские фены. Пленных император также селил во Фракию, используя бывших воинов халифа для комплектования

крепостных гарнизонов на границе с Болгарией, ибо не менее тяжелые, чем на Востоке, войны он вел и в Европе. За двадцать лет – с 755 по 775 г., Константин V совершил девять походов на Болгарию и, несмотря на отдельные неудачи, надолго сокрушил этого сильного противника Византии.

Начало болгаро-ромейским конфликтам положил отказ императора (ок. 754) увеличить по требованию хана Кормисоша дань за мир во Фракии. Болгары выступили в поход и добрались до Длинных стен. На следующий год император ответил наглому врагу, нанеся мощный удар силами армии и морского десанта в устье Дуная. Кормисош, разбитый у Маркелл, запросил мира. В 762 г. хан Телец, «муж спесивый и выказывающий юношескую дерзость» (Никифор, [61, с. 379]), стал готовиться к нападению на ромеев, собирая большое войско. Однако Константин V, обманув бдительность соглядатаев – послов хана в столице, сам появился у фракийского города Анхиала с конницей, посаженной на корабли, и 30 июня 763 г. под стенами города разбил болгар наголову. Телец бежал, а византийцы захватили массу пленных и справили триумф. Вскоре Копроним напал на князя македонских славян Склавуна и победил его. Огромное количество покоренных славян (по сведениям Никифора – 208 тысяч) император перевел в Малую Азию. Захватив в плен сражавшихся на стороне врага греков-перебежчиков, отказавшихся от христианства, Каваллин подверг их жестоким пыткам, а предводителя распорядился казнить со свирепостью, потрясающей даже для тех веков: ему отрубили руки и ноги, а затем живому взрезали живот, дабы врачи могли посмотреть на работу его органов⁶³.

В 765 г. – снова успешная экспедиция императора на Дунай, однако годом позже буря у Варны разметала византийский флот и несколько тысяч утонувших воинов для погребения ловили сетями. Война 772 г. заставила хана Пагана лично явиться в Константинополь и униженно просить мира.

В борьбе с болгарами василевс широко использовал подкуп – византийское золото позволяло ему иметь в ставке их ханов обширную агентуру, а в 767 г. он принял бежавшего к ромеям

хана Сабина, используя его как послушную марионетку. Преемник Сабина Телериг, подозревая об измене своих приближенных, написал императору письмо, уговаривая сообщить имена «друзей империи», чтобы он, хан, смог опереться на них против оппозиции. Как ни удивительно, но Константин, человек далеко не ординарный, попался на эту приманку и выдал хану имена своих шпионов. Последний моментально всех их казнил, Каваллин же, узнав о происшедшем, «рвал на себе седые волосы» (Феоф., [82, с. 328]).

В 774 г. пала последняя опора лангобардов в Италии, Павия, которую король Дезидерий сдал войскам Карла Великого. Сын последнего короля лангобардов нашел убежище в Константинополе.

Летом 775 г. император начал свою последнюю кампанию во Фракии. Находясь при войске, он тяжело заболел. Солдаты донесли василевса на носилках до Силимврии, откуда умирающего Копронима повезли морем. До столицы он не доплыл: 14 сентября 775 г. император Константин V скончался на корабле.

Артавасд, Лев IV Хазар

Артавасд (? – ?, имп. 742 – 743)

Армянин Артавасд, муж дочери Льва III Анны, на момент воцарения Константина V был лицом важным – куропалатом и стратигом фемы Опсикий. Последняя должность позволяла ему находиться в Константинополе и использовать свое влияние на плетение интриг в верхних эшелонах власти. В конце июля 742 г. он поднял мятеж и напал на лагерь Константина V, готовившего во Фригии армию к походу на мусульман. Двадцатипятилетний император, застигнутый врасплох, бежал в Аморий. Один из сыновей Артавасда, его будущий соправитель, фракийский стратиг Никифор, с подчиненными войсками заняв Константинополь, расставил караулы на стенах и возле всех городских ворот. В столице было объявлено о смерти Константина V и патриарх Анастасий короновал Артавасда. Узурпатор раздал деньги народу и восстановил иконопочитание.

Римский престол с восторгом признал нового василевса, чего нельзя было сказать об администрации восточных провинций. Законный император Константин Копроним легко набрал свежие войска в Малой Азии и в конце осени 742 г. подступил к Хрисополю, но, не рискнув в преддверии зимы начать осаду, покинул берега Босфора и отошел обратно в Аморий. В мае 743 г. Артавасд сам направился из Константинополя в Опсикий, надеясь померяться силами с императором. В бою при Сардах узурпатор был разбит и с позором ретировался в столицу. Его второго сына, моностратига Армениака Никиту, спешившего на помощь отцу, Копроним разгромил в кровопролитном сражении при Модрине. В сентябре Константин V осадил Константинополь. Корабли его перехватывали шедшие в город караваны с продовольствием, и вскоре в столице начался голод. Артавасд приказал вывести из Константинополя всех неспособных носить оружие. В суматохе город покинули, переодевшись в женское платье, и многие не пожелавшие сражаться мужчины.

Никита, собравший свои отряды, объявился у Хрисополя, надеясь прорвать кольцо блокады, но Константин V немедленно переправился через Босфор, вторично нанес ему поражение, взял в плен и, закованного в цепи, приказал предъявить осажденным. 2 ноября Константинополь был взят штурмом, Артавасд, успевший бежать, был схвачен и ослеплен вместе с сыновьями.

Борьбой двух императоров в полной мере воспользовались арабы, вволю пограбившие оставшиеся без защиты территории восточных провинций.

Лев IV Хазар (750 – 780, сопр. с 751, имп. с 775)

Старший сын Константина Копронима от его первой жены, хазарянки Ирины (откуда и прозвище), Лев родился 25 января 750 г. Зимой следующего года отец венчал его на престол. Традиционно Льва IV принято считать посредственным государем, при котором даже страсти религиозной борьбы приутихли из-за апатии и невмешательства императора. Действительно, за время его правления важных событий в жизни страны произошло куда меньше, чем при других императорах Сирийской династии, но нужно учитывать и то, что Лев Хазар пробыл у власти всего пять лет.

Хотя иконоборчество и продолжало оставаться фундаментом государственной политики, активные гонения на иконоподулов прекратились. Что же касается монахов, которых безудержно преследовал Константин V, то Лев IV позволил многим из них вернуться и даже допустил на влиятельные церковные должности. По словам Феофана, он «обратил на добрые дела деньги, оставленные отцом, оказал милости войску и городским жителям и на короткое время оказался благочестивым и любителем Богородицы и монахов» (Феоф., [82, с. 329]).

Пользуясь отсутствием пристального внимания со стороны императора, партия иконопочитателей стала понемногу возрождаться.

Весной 776 г. младшие братья василевса – кесари Никифор и Христофор составили против него заговор, но были разоблачены и сосланы.

В 777 г. хан Телериг, бежавший из Болгарии, нашел радушный прием у византийского правителя, который наградил изгнанника титулом патрикия и устроил брак хана с двоюродной сестрой своей жены, императрицы Ирины. Защищая бывшего врага, Лев Хазар надеялся использовать его влияние в конфликтах с болгарами и не просчитался: вооруженные столкновения на северных границах прекратились, к тому же у ханства хватало и своих, междоусобных проблем. Император же

обратил внимание на юго-восток: собрав к 778 г. из всех восточных фем сотысячную армию, он отправил ее сражаться с арабами в Сирию. Поначалу главнокомандующий, стратиг Михаил Лаханодрокон, не смог овладеть Германикией (Феофан пишет, что военачальника подкупили враги), но затем мусульмане потерпели ряд поражений. Годом позже войска халифа ал-Махди осадили Дорилею – главный город Анатолика. Ромеи, не давая арабам крупных сражений, рассыпались на мелкие отряды и чинили захватчикам препятствия, уничтожая в округе запасы продовольствия и фуража. Простояв 17 дней у стен города, конница сарацин, лишенная всех необходимых припасов, отступила. В 780 г. тот же Лаханодрокон успешно отразил натиск мусульманских разбойников на Армениак, причем в бою погиб сын халифа, Осман.

К концу недолгого правления Льва IV иконопочитатели развили бурную деятельность, тем более что императрица Ирина оказывала им полную поддержку. Иконы стали возвращаться в жизнь византийцев и даже появились в императорском дворце. По-видимому, возник ряд заговоров, но василевс сумел опередить своих недоброжелателей – летом 780 г. «сын гонителя обнаружил свою злую душу» (Феоф., [82, с. 332]): многие влиятельные иконопочитатели оказались осуждены и сосланы, а неугомонную жену разгневанный император удалил из своего дворца.

Помириться царственным супругам уже не пришлось: немногим позже Лев IV Хазар заболел и 8 сентября 780 г. скончался, не исключено, что от яда. Феофан со злорадством пишет, что его погубила любовь к драгоценным камням – Лев без ведома патриарха забрал из св.Софии хранившийся там императорский венец, чтобы насладиться зрелищем его украшений, за что Бог и покарал «нечестивца», наслав на него смертельный недуг.

Ирина

(ок. 752 – 803, имп. 769 – 790 и 791 – 802, как автократор 797 – 802)

В начале 769 г. император Константин V выбрал сыну невесту. Ею оказалась славная красотой молодая афинянка Ирина. Осенью того же года корабль с будущей василисой ромеев бросил якорь в константинопольской гавани, а 17 декабря Ирина стала женой Льва Хазара и императрицей.

Время шло, у Ирины родился сын (Константин VI), ее грозный свекор-иконоборец умер, и Лев IV взошел на престол. Ирина включилась в политическую жизнь двора, но на стороне близкой ей, рожденной на Западе, партии иконодулов. Едва ли василевс приветствовал такое поведение супруги, и когда летом 780 г. он обнаружил у нее в спальне две иконы, произошел разрыв. Однако Лев IV вскоре умер, десятилетний Константин VI наследовал отцу, а Ирина стала при нем регентшей.

Августа, приняв на себя бремя власти, оказалась в самом центре придворной борьбы. Не прошло и полутора месяцев со дня смерти Льва Хазара, как среди высших чиновников возник заговор, во главе которого стоял логофет дрома Григорий. Заговорщики намеревались возвести на трон сосланного кесаря Никифора и его братьев. Однако планы Григория были раскрыты, его с помощниками ослепили, а всех пятерых сыновей Копронима рукоположили в священники и, чтобы это видел народ, заставили в праздник раздавать верующим причастие.

В 781 г. восстал сицилийский стратиг Елпидий, объявивший себя императором. Через год он был сломлен, но сумел бежать в Африку, к мусульманам.

К неприятностям внутренним добавились и внешние: набеги арабов и болгар (783). От первых удалось откупиться, а против болгар отправился сражаться фаворит императрицы евнух Ставракий. В течение двух лет Ставракий успешно воевал в Элладе, Фессалии и Фракии, основал город Ирино-поль (Верую), а затем вернулся и справил триумф.

Тем временем Ирина готовила восстановление иконопочитания. В 784 г. от константинопольского патриаршего престола отрекся Павел и его место занял иконодул, гражданский чиновник Тарасий. Иконопочитатели уже имели перевес в среде столичной знати, и летом 786 г. в Константинополе с целью осуждения иконоборчества был созван собор. Но Ирина не учла настроений армии. Воины столичных таги, начинавшие служить под командой блистательного Константина V, ворвались на заседание собора и, угрожая делегатам обнаженными мечами, разогнали его.

Императрица усвоила урок, преподнесенный солдатами. Через год, якобы для экспедиции на Восток, были выведены войска из Никеи, а их место заняли части западных фем, традиционно не признававшие иконоборчества. Семьи воинов, ушедших из города, оказались захваченными в качестве заложников, а сами отряды вместо похода на арабов были разоружены. Уже ничего не могло помешать планам императрицы, и 24 сентября 787 г. открылось первое заседание VII Вселенского собора в Никее. Вселенским он считался потому, что на нем кроме представителей византийского духовенства присутствовали легаты папы Адриана I и два палестинских монаха. Собор восстановил иконопочитание, отменив акты собора 754 г. Папа требовал еще и возвращения земель на Сицилии и в Калаврии, но ответ Ирины был отрицательным. Через восемь лет на синоде во Франкфурте западная церковь отказалась от признания решений VII собора, объявив ранее сделанное признание недоразумением, возникшим из-за якобы плохого качества перевода текстов постановлений с греческого на латынь. На самом деле отказ произошел из-за действий Карла Великого, который претендовал на главенство в решении вопросов веры на Западе. О борьбе иконодулов и иконокластов Карл высказывался презрительно, называя соборы 754 и 787 гг. нелепыми и позорными. Позиция западного монарха вполне объяснялась и ухудшением ромейско-франкских отношений: в 787 г. Ирина расторгла помолвку сына с дочерью Карла, Ротрудой, и помогла Адельхису, сыну последнего ланго-

бардского короля, высадиться с войском в Италии. Франки разгромили эту экспедицию, взяв в плен тысячу человек и уничтожив еще четыре.

В 789 г. болгарский хан Кардам осуществил набег на Фракию. Попытки византийских войск противостоять захватчикам успеха не возымели.

Весной 790 г. Ирина решила отстранить сына от власти полностью. Она объявила себя «автократором ромеев» и потребовала от армии изменить текст присяги и поклясться не допускать к правлению Константина VI, пока она жива. Ответом стал бунт. Стратиг Армениака, Алексей Мусулем, со своими войсками устремился к столице, требуя возвращения Константина VI на престол. Трезво оценив свои шансы на победу в гражданской войне и найдя их слабыми, императрица, «убоявшись буйства военного» (Феоф., [82, с. 342]), прекратила борьбу. Воцарившись, Константин VI сослал ненавистных ему любимцев матери – евнухов Аэция и Ставракия, а ее, лишив титула августы, поселил в столице.

Одержимая непомерным честолюбием, Ирина не теряла надежды вернуться на трон. Она не брезговала никакими способами, удивительным образом сочетая набожность с бездушием, беспринципностью и неженской свирепостью. В результате ее происков летом 797 г. Константин VI был свергнут и ослеплен. Ирина вновь стала полновластной императрицей, по поводу чего устроила празднество с раздачей денег народу.

Однако ценой огромных усилий и преступлений восстановленная власть Ирины оказалась ей не по плечу, а для ромейской державы пагубной. Желая укрепить свое положение, императрица пошла на широкие уступки церкви, разбазаривая казну, поступления в которую тем более упали, так как налоги были сильно уменьшены. Двор совершенно потонул в интригах царедворцев, государству мешало соперничество между фаворитами, Аэцием и Ставраки-ем.

Провозгласив василевсом ромеев ослепленного Никифора, сына Копро-нима, восстали славяне Греции под

предводительством князя велесичей Аксамира, и этот мятеж удалось подавить с большим трудом. Армия, оставленная василисой без должного внимания, теряла боеспособность.

25 декабря 800 г. в Риме произошло событие колоссальной важности: папа Лев III венчал Карла Великого императорской короной, возникла Западная империя франков. Византия не признала нового императора, но ничего реального противопоставить Ириной не смогла.

Со смертью в 801 г. Ставракия вся власть сосредоточилась в руках Аэция. Неспособность Ирины управлять страной становилась все более очевидной, среди высших константинопольских сановников, войск и народа росло недовольство безобразным положением дел.

В 802 г. император Карл предложил Ирине заключить брачный союз и таким образом объединить Западную империю с Восточной. Аэций, имевший другие намерения, а именно возвести на трон своего неоскопленного брата, со всей решительностью воспротивился предложению «варвара». Пока партии Ирины и Аэция изощрялись в тайных интригах, наиболее решительный при дворе человек, логофет Никифор, нанес удар и тем, и другим: осенью 802 г. Никифор сверг императрицу и отправил ее в ссылку на остров

Принкипо, а затем – на Лесбос, где она и скончалась 9 августа 803 г. Падение Ирины искренне оплакивали лишь обогащенные ею монахи. Феофан с негодованием писал: «жившие благочестиво и разумно удивлялись Божьему суду, как попустил он, чтобы свинопас [Никифор I. – С.Д.] лишил престола ту, которая подвизалась за православную веру» ([82, с. 349]).

Сохранились скульптурные портреты Ирины на диптихах из слоновой кости. Один из таких диптихов находится в музее Барджелло во Флоренции.

Константин VI

(771 – после 797, сопр. с 776, имп. 780 – 797, факт. с 790)

Константин VI, последний император Исаурийской династии, родился в столице 14 января 771 г. После кончины Льва IV и до 790 г. за малолетнего василевса правила мать Ирина.

Временщик евнух Ставракий безнаказанно притеснял не имевшего реальной власти во дворце императора. 9 февраля 790 г., пользуясь суматохой, поднявшейся во время землетрясения в столице, Константин VI и немногие преданные ему вельможи попытались устранить Ставракия, но заговор не удался. Константина мать избила и подвергла домашнему аресту, остальных участников постригли и сослали. Встревоженная самостоятельностью сына, Ирина решила низложить его, однако войска взбунтовались, и Ирине пришлось отступить. Константин VI обрел ту власть, которой он был лишен и к которой стремился.

Император был человек воинственный и храбрый, но достаточно легкомысленный и неискушенный в интригах, особенно по сравнению с такой мастерицей, как его мать. Константин совершил крупную ошибку, возвратив ей (791) титул августы и позволив вернуться в императорский дворец. Ирина незамедлительно начала строить сыну козни. Вскоре она натравила Константина VI на стратига Армениака, Алексея Мусулему, фактически возглавлявшего переворот против нее. Император жестоко обошелся со стратигом, в ответ Армениак восстал. Фема была разгромлена правительственными войсками, тысяча пленных с надписью «армянский злодей» на лбу прошли в цепях по столице. Не менее сурово расправился василевс и с участниками другого заговора, созревшего год спустя в среде гвардии и имевшего целью возвести на трон сыновей Константина Каваллина: старший из них, Никифор, был ослеплен, остальные четверо лишились языков и все вместе оказались в тюрьме. Впрочем, жестокие расправы с родственниками при византийском дворе тех лет стали

явлением обыкновенным и осуждались разве что только в простом народе.

Военные предприятия Константина VI были неудачными. Прославленные легионы, набранные Константином Копронимом, пришли в упадок еще при Ирине, а ее сын, лично смелый, но недостаточно даровитый полководец, не сумел вернуть славу ромейскому оружию, тем более что в Болгарии правил хан Кардам, а в Багдаде – легендарный халиф Гарун-аль-Рашид, противники весьма серьезные.

Летом 791 или 792 г. император затеял войну с Болгарией, в ответ на походы хана при Ирине. Поверив благоприятным предсказаниям астролога Панкратья, Константин VI вступил в бой с врагами у фракийского города Маркеллы и был разгромлен. «Как беглец возвратился он в город [Маркеллы], потеряв многих не только из простых воинов, но и из людей правительственных» (Феоф., [82, с. 343]). В числе погибших были знаменитый Михаил Лаханодракон и злополучный Панкратий. В очередной раз мир пришлось покупать.

Спустя пять лет, в 796 г., василевс перестал платить дань и отправил хану вместо очередного взноса конский навоз, сопроводив его письмом: «Какая прилична тебе дань, я посылаю». Рассвирепевший Кардам пригрозил дойти до Золотых Ворот столицы ромеев, на что Константин VI, издеваясь, отвечал: «Зачем тебе утруждать себя походом? Ты уже стар и дряхл, беспокойства тебе ни к чему, лучше я сам подойду к Маркеллам, а там – как рассудит Бог» (Феоф., [82, с. 345]). Вновь начавшаяся война не принесла Византии по сути дела ничего – Кардам отсиделся в лесах.

Тем временем Ирина делала все, чтобы опорочить сына и лишить его симпатий армии и народа. Около 795 г. она надумала его бросить жену (незнатную армянку Марию, которую сама же и навязала ему после расторжения помолвки юного Константина с дочерью Карла Великого) и взять в супруги придворную императрицы, некую Феодоту, к которой Константин воспылал страстью. Василевс обвинил Марию ⁶⁴ в попытке отравить его и потребовал развода. Патриарх Тарасий не соглашался, но император, найдя священника, женился на

Феодоте и без благословения главы церкви. Свадьба, длившаяся сорок дней, была подчеркнута пышной. Ирина добила своего: случившееся вызвало в столице скандал и всплеск яростных поношений со стороны духовенства, недолюбливавшего императора, ибо последний, хотя и был иконопочитателем, не только не осыпал, подобно Ирине, церковь дарами и привилегиями, но, напротив, проводил в ее отношении жесткую налоговую политику. Игумен Саккудийского монастыря Платон на приеме во дворце, перейдя всякие границы, хулил Константина VI при нем же. Император в ответ спокойно заметил, что он «не хочет делать мучеников», и поступок дерзкого старца остался без наказания. Столичное население, после мощной идеологической обработки со стороны церкви, также стало выражать недовольство «развратником».

Неблаговидная деятельность Ирины не отвратила от нее близорукую ва-силевса. Летом 796 г. он отправился вместе с ней и двором в Бурсу (в Малой Азии), лечиться на минеральных водах. Получив известие из Константинополя о рождении сына (Лев, вскоре умер), Константин VI бросился в столицу, предоставив Ирине делать все, что ей заблагорассудится, а она даром времени не теряла.

Влияние Константина VI стремительно падало. Окончательно репутацию императора подмочил поход на арабов весной 797 г., провалившийся из-за измены штабных начальников, приближенных императрицы. Так как василевс лично вел войска, молва сделала его «козлом отпущения».

17 июня 797 г. Константин VI узнал о приказе гвардейцам схватить его и успел бежать. Некоторое время он, пребывая в нерешительности, находился в Галате, но вскоре был арестован и 15 августа, по распоряжению матери, ослеплен в той самой порфировой палате дворца, где родился четверть века назад. Низложенный Константин прожил еще несколько лет в одном из дворцов под сильной охраной. Единственным спутником его до последних дней оставалась верная Феодота.

Византийская официальная историография изображала Константина как человека распутного, невоспитанного,

лживого и притом глупого.

Никифор I Геник

(ок. 760 – 811, имп. с 802)

Глубокой ночью 31 октября 802 г. группа придворных во главе с логофетом геникона патрикием Никифором прорвалась во дворец, обманув стражу ⁶⁵. Никифор, родом из Писидии (в Малой Азии) и возможно, арабского происхождения, был в срочном порядке коронован и формально стал соправителем Ирины. Спустя несколько дней императрица отправилась в ссылку.

Впервые за много лет император-самозванец обрел трон без открытой вооруженной борьбы, в результате бескровной перестановки в верхах. Солдаты константинопольских таги благосклонно отнеслись к новому василевсу и не стали вмешиваться в ход дворцовой рокировки. Из фем единственной недовольной оказалась фема Армениак, стратиг которой, Вардан Турок, объявил себя императором и подошел к столице с войском. Но, осознав авторитет и прочность власти Никифора, Вардан, покинутый частью своих союзников (например, будущими императорами Львом Армянином и Михаилом Травлом), отступил и запросил пощады, вскоре получив ее на условии прекращения борьбы и пострижения в монахи.

После нескольких лет автократии Ирины положение империи было сложным. На западе властвовал Карл Великий, признать которого ромеи, несмотря на всю его силу, не желали, с востока по-прежнему грозил арабский халифат, с севера теснили болгары. Внутри страны бунтовало монашество, желавшее полностью освободиться из-под опеки государства и патриарха.

Никифор I, человек большого ума, принялся исправлять положение. Он быстро навел порядок среди хаоса, в который ввергли страну евнухи Ирины. В 803 г. удалось заключить перемирие с Карлом, который в обмен на отказ Византии от Рима и Средней Истрии признал ее права на Южную Италию, дукаст Венеция и Далматинское побережье. Началась христианизация славян Греции и их «эллинизация» путем

массовых переселений туда, на территорию вновь образованных фем Диррахий, Пелопоннес и Фессалоника более цивилизованного населения Малой Азии.

Никифор резко уменьшил податные льготы монастырям и церкви вообще и произвел ревизию финансовой политики. Частным лицам было запрещено заниматься ростовщичеством, а функцию предоставления кредитов (под фиксированный достаточно низкий процент) взяло на себя государство. Среди крестьян (основного податного сословия) при взимании налогов стал вводиться аллиленгий – круговая порука, когда сельская община платила за неспособных к уплате своих членов.

Скопив средства, император возвел ряд пограничных крепостей на границах с болгарами и арабами. Человек гражданский, он куда лучше многих «военных» императоров сумел организовать армию, прежде всего усилением связи землевладения с обязательной воинской службой. Крестьяне, если по бедности не могли выставить воина-стратиота с необходимым вооружением от семьи, делали это в складчину, навклирам (собственникам кораблей) император задешево продавал земли фиска с тем же условием неременной службы – во флоте. Однако осуществлению реформ Никифора Геника мешало внутреннее сопротивление знати и духовенства, а также войны.

В 806 г. арабы с огромным трехсоттысячным войском напали на империю, дойдя до Гераклеи Понтийской и разрушив многие выстроенные василевсом укрепления; тогда же самозванный дука Венеции Обелерий перевел дукат под протекторат франков, и в Адриатике вспыхнула война, с перерывами тянувшаяся до 810 г. В 807 г. мусульмане, опустошив Кипр и Родос, начали появляться у берегов Сицилии, а орды болгарского хана Крума в 809 г. взяли крепость Сердику (Софию).

Все громче звучали при дворе голоса оппозиционеров, критиковавших императора. Никифору стоило больших трудов продолжать свою линию, но он не собирался сдаваться, и многое ему удалось. Был осужден на поместном

соборе 809 г. и сослан Феодор Студит – известный теолог и писатель, «рупор» оппозиционной аристократии и монашества, а в мае 810 г. император значительно повысил налоги с землевладельческой знати, обязав внести в казну прибавку и за предыдущие восемь лет его правления. Обложению подверглись и доселе неприкосновенные хозяйства византийских монастырей. И, хотя эти и им подобные меры вызывали известное недовольство, к открытым выступлениям против императора они не привели, а вытребованные им богатствагодились для чеканки монеты.

Посол ромеев в Аахене договорился с Карлом о предварительном перемирии на условиях 803 г.

Несмотря на очевидную разумность политики Никифора, некоторые сребролюбивые церковники, знавшие лишь выгоду своей мощны, обливали императора грязью, обвиняя его в жадности, жестокости и потрясающей – вплоть до сурово наказуемого в Византии греха мужеложства – развратности. Еще более усиливало их неприязнь к Никифору то, что он, несмотря на свое иконопочитание, никогда не шел на поводу у официального клира, даже в таком вопросе, как преследование еретиков – их никто не трогал. Что касается личных воззрений автократора, то многое могло показаться в те времена почти кощунством – например, император говорил, что на Земле нет никого (то есть даже и Бога!) могущественнее государя, лишь бы правил он своими подданными твердо и осторожно.

Короткое царствование Никифора I оказалось для Византии чрезвычайно плодотворным. Наполнилась казна, окрепла армия, императорская власть казалась как никогда прочной. Однако успехи вскружили голову василевсу. Он решил навсегда устранить болгарскую угрозу и недооценил своего противника. Поход 809 г., предпринятый ромеями, не удался из-за измены одного из полководцев и слабой подготовки. Два года василевс готовился к реваншу. И вот летом 811г. большое войско, которое вели сам Никифор I и его сын Ставракий, перешло фракийскую границу. Хотя многие были вооружены недостаточно, по словам летописца, «пращами и палками» (Феоф., [82, с. 360]), император, преодолев сопротивление Крума, взял и сжег

столицу болгар – Плиску. Хан запросил мира, но Никифор, не сумевший вовремя остановиться и извлечь реальные выгоды из сложившейся ситуации, потребовал от него безусловной покорности. Болгары, ожесточась, решили либо умереть, либо отстоять свою независимость, и заперли Никифора в Вырбишской теснине, куда император, неопытный в военных делах, позволил заманить себя и своих солдат. 26 июля 811г. лагерь ромеев был взят приступом, немногим из них удалось избежать кровавой резни и скрыться. Сам Никифор и все командование, кроме Ставракия, погибли. Отрубленную голову василевса Крум приказал выставить на пике, а затем распорядился изготовить из черепа Никифора I Геника драгоценный кубок, оправив его в серебро.

Многие считали разгром армии Никифора и гибель его самого наказанием «от Бога» за жесткую политику в отношении имущества православной церкви и гордыню. Как бы то ни было, гибель царя и армии не принесла империи ничего хорошего. За несколько лет, прошедших с этого события, в стране, находившейся в окружении внешних врагов, произошло несколько крупных мятежей.

Ставракий, Михаил I Рангаве, Лев V Армянин

Ставракий (? – 812, сопр. в 803 – 811, автократор в 811)

Ставракий был коронован отцом в декабре 803 г. Феофан, нелюбезно настроенный к Никифору и его сыну, пишет, что он «ни видом, ни силой, ни разумом не был годен для столь высокого достоинства» ([82, с. 362]). Воины вынесли Ставракия, тяжело раненного стрелой в спину, из битвы в Вырбишской теснине и доставили в Адрианополь. Император распорядился перевезти себя в столицу, но рана не заживала и он не вставал с ложа. Патриарх Никифор решил оказать нажим на бывшего при смерти василевса и стал требовать возвращения церкви ее богатств и льгот, урезанных при Никифоре Генике, однако Ставракий отказался это сделать.

«Ставракий, видя себя без надежды на жизнь, старался предоставить престол супруге своей, или, в дополнение к прежним бедствиям, ввести между христианами димократию» (Феоф., [82, с. 362]). Пользуясь болезнью императора, часть придворных решила его устранить. Так как Ставракий был бездетен, на престол, не дожидаясь кончины автократора ромеев, стал претендовать его родственник, куропалат Михаил Рангаве. Слухи об этом дошли до василевса слишком поздно, когда он был окружен изменниками. Он пожелал ослепить соперника, но это оказалось уже невозможным: немощному монарху мало кто подчинялся. Клика, ставленником которой был Рангаве, решила поторопиться, и 2 октября 811 г. император Ставракий был низложен. Он лицемерно уверял преемника в своей преданности, опасаясь за собственную жизнь. Михаил позволил ему из жалости остаться в столице, где Ставракий и умер 11 января следующего года.

Михаил I Рангаве (? – 844, имп. 811 – 823)

Куропалат Рангаве ⁶⁶ был мужем Прокопии, дочери Никифора I. Едва заняв престол, Михаил I принялся подкупать простой народ, вельмож, армию и духовенство денежными подарками. По словам Феофана, «он обогатил всех патрициев, сенаторов, архиереев, иереев, монахов, военных и нищих, как в царственном граде, так и в самих провинциях, так что все безмерные сокровища, собранные сребролюбием Никифора, от которого он и погиб, в несколько дней исчезли» (Феоф., [82, с. 363]). Патриарх Никифор потребовал от нового императора письменной клятвы не отступать от православной веры, иконопочитания и не посягать на права церкви. В угоду воинствующему фанатизму монашества василевс объявил смертную казнь всем еретикам – манихеям, павликианам и прочим.

«Был Михаил ко всем снисходителен, только в государственных делах без царя в голове, во всем подчиняясь магистру Феоктисту и другим вельможам» (Феоф., [231, т. II, с. 255]). За свое непродолжительное царствование этот ничтожный государь не только развалил многое из устроенного Никифором I, но и сам внес дополнительную лепту в бедствия страны военными неудачами. Он заносчиво отказался от предложенного Крумом мира, и болгарский хан двинулся на Месемврию. Взяв с помощью построенных перебежавшим византийским инженером осадных машин этот крупный черноморский город, болгары в конце 812 г. подошли к Константинополю, однако были отбиты. В феврале 813 г. Михаилу I удалось вернуть Месемврию, но затем войско стало роптать на командира, который, опьяненный первым успехом, блуждал с армией по Фракии, нимало не смущаясь опасной близостью полчищ Крума. Видя беспечность императора, в самой столице нашлись люди, в отчаянии призывавшие «восстать» из могилы победоносного Константина Копронима и помочь погибающему государству. Тревога ромеев

не была напрасной: 22 июня 813 г. Рангаве был разбит Крумом при Адрианополе и бежал в столицу, проклиная своих воинов.

Разгромленный врагами и потерявший всякий авторитет среди своих, Михаил Рангаве под давлением придворных сановников отрекся от престола в пользу стратига Анатолика, Льва Армянина. Низложенный василевс постригся в монахи и умер в 844 г., пережив трех своих преемников ⁶⁷.

Лев V Армянин (? – 820, имп. с 813)

Лев, стратиг Анатолика и опытный военачальник, был провозглашен императором 11 июля 813 г. Спустя шесть дней столицу сжало кольцо болгарской осады. Христиане в ужасе наблюдали с городских укреплений сцены варварских мистерий, приношения в жертву языческим богам людей и животных. Полчища болгар хозяйничали у стен, но овладеть Константинополем со своей примитивной осадной техникой (да и ту строил ромей-перебежчик) они не могли, поэтому, когда император предложил Круму встретиться для мирных переговоров, хан согласился. По пути к месту встречи ромеи устроили засаду, надеясь без труда убить безоружного хана. Когда тот подъехал к делегации византийцев, на него по сигналу одного из стратигов бросились солдаты. Крум был ранен, но быстрый конь спас его. Рассвирепев от такого коварства, хан повел свои орды на Адрианополь, взял город и сжег.

Вскоре Крум скончался, а с его преемником Лев V заключил тридцатилетний мир, по условиям которого были точно определены рубежи обоих государств. Спокойствие, если не считать обычных мелких стычек, установилось и на границах с арабами, ибо халифат вступил в период тяжких внутренних смут и бедствий ⁶⁸. Василевс отстроил разрушенные города Фракии и Македонии, возвел в Константинополе новую стену со стороны моря.

Лев V оказался человеком деятельным и способным, а вдобавок и тайным иконоборцем, что вкуче и способствовало быстрой реставрации этого учения. В 814 г, он поручил тогда еще малоизвестному клирику Иоанну, за ученость прозванному Грамматиком, в очередной раз с богословской точки зрения рассмотреть вопрос об иконах и дать соответствующее резюме. Заподозривший неладное патриарх Никифор попытался вмешаться, но Иоанн, не раскрывая сути поручения, на все его вопросы отвечал уклончиво – император-де хочет разобраться некий спорный вопрос. Вскоре Грамматик подтвердил: иконам поклоняться нельзя. Запахло скандалом, иконопочитатели

забеспокоились. Вернувшийся из ссылки Феодор Студит выступил перед василевсом с резкой критикой: «Бог поставил одних в церкви апостолами, других пророками, третьих учителями и нигде не упомянул о царях. Цари обязаны подчиняться и исполнять заповеди апостольские и учительские, законодательствовать же в церкви и утверждать ее постановления – отнюдь не царское дело!». «Смелый монах заслуживал бы казни за свои слова, – изрек в ответ император, – но этой чести ему пока не будет предоставлено» ([231, т. II, с. 273]). В марте 815 г. в Константинополе состоялся поместный собор. Патриарх Никифор был отрешен от кафедры, его сменил Феодот Мелиссин Касситера, по словам православного монаха Георгия Амартола, «муж, безгласнее рыбы и зловреднее жабы». Собор запретил «несогласное с преданием или, еще вернее, бесполезное производство икон и поклонение им», восстановленное «благодаря женской простоте» ([106, т. I, с. 268]). Однако иконы предписывалось не считать идолами, «ибо одно зло отличается от другого» (там же). Неистовый Феодор Студит отправился в очередную ссылку.

Возвращаясь к начинаниям Льва Исавра, Лев Армянин заявил: «Вы видите, что все государи, которые признавали иконы и поклонялись им [имеются в виду Ирина, Константин VI, Никифор I, Ставракий и Михаил I. – С.Д.], умерли или в изгнании, или на войне. Только не почитавшие икон умерли своей смертью на престоле и, будучи с почетом перенесены в императорские усыпальницы, были погребены в храме Апостолов. Я тоже хочу подражать им и уничтожить иконы, чтобы после долгой жизни моей и моего сына царство наше держалось до четвертого и пятого поколения» ([106, с. 267]). Простого народа мало коснулись все эти мероприятия, во всяком случае массовых волнений либо казней реставрация иконоборчества не вызвала.

Несмотря на кажущееся внешнее спокойствие Империи ромеев, при дворе существовала сильная оппозиция василевсу. Ее возглавлял стратиг Михаил Травл, бывший соратник Льва Армянина. Зимой 820 г. Травл допустил неосторожные высказывания в адрес императора, который немедленно этим

воспользовался, арестовал Михаила и приговорил к сожжению. Казнь намечалась на конец декабря, но императрица уговорила мужа не совершать убийства в канун Рождества и отложить исполнение приговора. Лев согласился, и данное решение стало для него роковым. Менее щепетильные сторонники Травла в ночь на 25 декабря проникли под видом певчих во дворец и в церкви, во время праздничной службы, напали на автократора. Человек большой физической силы и храбрый, василевс отбивался священной утварью прямо в алтаре, но заговорщиков было много и они буквально изрубили его на куски.

Патриарх Никифор по поводу трагической гибели Льва V Армянина заметил, что государство ромеев потеряло хотя и нечестивого, но великого правителя.

Сыновей Льва, как и сыновей Михаила I, оскостили.

Михаил II Травл

(? – 829, имп. с 820)

Основатель Аморийской (Фригийской) династии, Михаил по прозвищу Травл («шепелявый» или «косноязычный»), родом из Амория, во времена Ирины и Никифора I был гвардейским командиром, а при Льве V стоял во главе Аморийской фемы.

После убийства Льва Михаил, еще в цепях, был провозглашен императором ромеев. Человек он был грубый и невежественный, почти неграмотный, «ибо всю молодость провел среди еретиков, евреев и полуэллинизированных фригийцев» ([106, с. 256]), но в целом неглуп и хороший военный. Обсуждать вопрос о поклонении святым иконам Михаил II запретил: «Мы в каком положении нашли церковь, в таком решаем и оставить ее. Поэтому мы определяем, чтобы никто не дерзал поднимать слово ни против икон, ни за них, и да не будет и слуха – как будто их никогда не бывало – о соборах Тарасия, Константина и Льва, и да будет соблюдено глубокое молчание по отношению к иконам» ([231, т. II, с. 278]). Официальная религиозная доктрина государства продолжала оставаться иконоборческой – в церквях святые изображения, если они еще существовали, помещались высоко, юношеству в школах внушалось презрение к иконопочитанию как последствию необразованности. Папского посла Мефодия (будущего константинопольского патриарха) Михаил II за призывы восстановить иконопочитание наказал плетьюми.

Сам император плохо разбирался в богословских тонкостях и был к делам веры равнодушен. Подозревали даже, что и христианство он воспринимал в форме одной из многочисленных восточных ересей.

Ортодоксальный историк, скрывающийся под именем Продолжателя Феофана, дал Травлу самую нелюбезную характеристику, а по поводу его «крестьянского» происхождения и соответствующих интересов и знаний откровенно смеялся: «Чтил он свое. А было это предсказывать,

какие из новорожденных поросят вырастут упитанными и размерами не будут обижены, или наоборот, стоять рядом с лежащимся конем, ловко погонять лежащихся ослов, наилучшим образом судить о мулах, какие из них пригодны под грузы, а какие хороши для седоков и не пугливы. А кроме того, с одного взгляда определять коней, какие из них сильны и быстры в беге, а какие выносливы в бою. Определять также плодovitость овец и коров, какие из них обильны молоком, и, более того, различать, какой детеныш от какой матки родится... Вот что он знал и чем гордился в первые (а можно сказать, и в последние) свои годы» ([69, с. 23]).

Важнейшим событием правления Михаила II стало восстание Фомы Славянина, охватившее почти всю империю и принесшее неисчислимые бедствия.

Фома, родом славянин, начал свою службу еще при Ирине. Он попытался обольстить (или обольстил) жену своего начальника и, опасаясь кары, бежал к арабам. В 803 г. в качестве одного из командиров он принимал участие в походе Вардана Турка. В конце правления Льва VI Фома взбунтовал несколько подчиненных ему отрядов и, находя поддержку у своих давних знакомых – сарацин, стал грабить восточные фемы. Вскоре Фома заставил антиохийского патриарха короновать его императорской короной. К 821 г. почти весь восток Византии находился под контролем мятежника, лишь фены Армениак и Опсикий остались верны Травлу. «Михаила все ненавидели и потому, что был он, как говорилось, причастен к ереси афинган, и потому, что отличался робостью, и потому, что речь у него хромала, а более всего потому, что хромала у него душа. Им тяготились и его презирали многие. Фома же, хоть и с увечным бедром, и родом варвар, внушал уважение сединой и тем более вызывал любовь, поскольку столь ценимые воинами качества, как доступность и ласковое обхождение, были свойственны ему еще с детства, а силой вроде бы он тоже никому не уступал» (Прод. Феоф., [69, с. 26]). К Фоме бежали недовольные официальной властью: разорившиеся крестьяне, чьи земли перешли к более крупным владельцам, беднота, рабы, обиженные сановники, еретики

всех мастей и иконодулы. Он двинулся в Опсикий, но фема встретила узурпатора недружелюбно: правительственные войска нанесли повстанцам поражение. Тогда Фома посадил свою армию на корабли и высадился во Фракии. К нему примкнули соплеменники-славяне и армянские переселенцы. В декабре 821 г. мятежники осадили Константинополь. Флот повстанцев разбил цепь, перегораживавшую Золотой Рог, и ворвался в залив.

Михаил II не собирался сдавать город. Сын автократора Феофил с ризой Богоматери в руках и реликвией Древа Креста обошел в сопровождении духовенства стены, взывая к Господу и прося у него защиты.

За время годичной осады Фома потерял былой авторитет. Он обманул надежды тех, кто рассчитывал на него в поисках лучшей жизни, сохранив всю налоговую систему в подконтрольных областях и даже увеличив поборы на ведение войны. Знать не стремилась поддержать Фому, не нашел он сочувствия и у греческого большинства населения империи, ибо для греков его поход был нашествием иноверцев, варваров, еретиков и предателей. Не встала на сторону восставших и церковь, хотя Фома поддерживал иконопочитание. «Теперь не время вспоминать прошлые споры. Это приносит смуты. Теперь время единомыслия», – писал в те дни Феофор Студит, возвращенный императором в Константинополь ([132, т.П, с.73]). Войско Фомы постепенно разбрелось по домам.

Тем временем Михаил II договорился с ханом Омортагом, и болгары нанесли мощный удар по тылам узурпатора. Вскоре императорские отряды отбросили ослабленные полки Фомы от столицы, он отступил в Аркадиополь. В конце 823 г. в результате пятимесячной осады правительственной армией Аркадиополь пал, Фома Славянин вместе с сыновьями был выдан императору и после жестоких пыток казнен, согласно пункту «Эклоги» о наказаниях за разбой, – повешен на фурке ⁶⁹ с отрубленными руками и ногами. Через год войска Михаила захватили крепость Кавалу, последний оплот сторонников Фомы Славянина. Восстание, затопившее страну реками крови, завершилось.

Страна после трех лет гражданской войны сильно ослабла. Как всегда, этим не преминули воспользоваться внешние враги. В 823 г. египетские арабы предприняли ряд экспедиций на Крит и острова Эгейского моря. К 829 г. Крит был окончательно захвачен. Флотоводцу императора Орифе удалось отстоять от дальнейшей экспансии сарацин основательно к тому времени обезлюдившие владения Византии в Эгейском море, но Крит на сто сорок лет сделался базой арабских пиратов, державших в страхе все Средиземноморье.

В 827 г. друнгарий сицилийского флота Евфимий силой заставил некую монахиню вступить с ним в брак. Родственники обиженной обратились к правосудию василевса. Травл распорядился произвести дознание⁷⁰, и Евфимий, которому за святотатство грозило разжалование и отсечение носа, бежал в Африку. Там он склонил карфагенского эмира организовать нападение на Сицилию, обещая полную свою поддержку в обмен на признание его императором. С такой необычной истории началась эпоха войн за этот богатый остров. Самозванец-ренегат Евфимий вскоре погиб, заколотый во время переговоров византийскими послами, но Сицилия на десятилетия стала ареной ожесточенных схваток между ромеями и сарацинами.

Император Михаил II Травл умер 2 октября 829 г.

Феофил

(ок. 812 – 842, имп. с 829)

Феофил, сын Михаила II от его первой жены Феклы, оказался самой яркой личностью среди трех василевсов Аморийской династии. В детстве его наставником был славный ученостью Иоанн Грамматик. Благодаря такому воспитателю и своим талантам Феофил стал одним из образованнейших людей своего времени. Поэт и автор церковных гимнов, меценат и полководец, знаток юриспруденции и богословия, он обладал несомненными дарованиями. Однако в годы его правления империя подверглась тяжелым ударам со стороны врагов, следствиями которых были разорение страны и территориальные потери, а иконоборчество, которое Феофил утверждал, прилагая массу усилий, с его смертью окончательно ушло в прошлое.

Едва новый император занял престол, халиф ал-Мамун напал на империю со стороны Киликии. Василевс, лично командовавший войсками, проиграл сражение. При этом он чуть не попал в плен. Дело в том, что значительную часть армии Феофила составляли персы, бежавшие в Византию от арабского владычества. Император, доверяя их предводителю Феофову, находился среди персидских турм, и, когда начались переговоры, арабы стали убеждать турмархов выдать им Феофила. Автократор ромеев не знал персидского, но его военачальник Мануил, владевший этим языком, понял грозившую опасность и попытался уговорить Феофила скакать к позициям своей гвардии. Василевс, не разобрав, что происходит, рассердился на своего подчиненного и приказал ему удалиться. Тогда Мануил схватил за узду императорского коня и, угрожая Феофилу мечом, заставил его покинуть опасное место, за что тот потом осыпал сообразительного офицера милостями.

В 831 г. император возглавил ответный поход, арабское войско было рассеяно, Константинополь праздновал триумф, радуясь двадцати пяти тысячам пленных. Однако халиф

немедленно снарядил свежую армию, и следующим летом Феофил был разгромлен. Стремясь высвободить силы для войны на Сицилии, василевс послал ал-Мамуну письмо с предложением заключить мир, но последний поставил условие неприемлемое – принять ислам. В 833 г. походы халифа возобновились. Императорский уполномоченный, направленный в ставку врага, возвратился с удручающим ответом ал-Мамуна: «Между мной и им [Феофилом. – С.Д.] только меч!» Ромеи вновь испытали горечь поражения. Лишь смерть ал-Мамуна (833) временно положила конец бедствиям востока империи.

На западе тем временем дела шли еще хуже. В 829 г. в бою у берегов Италии погиб ромейский флот, два года спустя мусульмане захватили Мессину; в августе 831 г. после одиннадцатимесячной осады им сдался Палермо. Христиане с трудом удерживали лишь небольшую часть Сицилии, с полублокированными Сиракузами, Таорминой и горной крепостью Кастроджованни, резиденцией стратигов. Только в середине тридцатых годов положение несколько выправил посланный туда зять императора, авторитетный даже среди врагов кесарь Алексей Муселе.

Византии требовалась помощь извне, и Феофил решил найти ее на севере. В 834 г. его архитектор Петрона отправился в Хазарию руководить строительством крепости Саркел (Белая Вежа). Но попытки ромеев расширить свое влияние встретили отпор со стороны кагана, который не разрешил даже открыть в Саркеле христианскую церковь. Тогда Феофил пошел по другому пути: он ликвидировал архонтат в Херсонесе, сделав город центром новой фемы Климатов, и поставил там стратига. Влияние Византии в Северном Причерноморье существенно окрепло.

Феофил был крайне вспыльчив и в ярости мог совершать необдуманные действия. Иногда причуды василевса удивляли: как-то раз он издал приказ о запрете для всех жителей Константинополя носить длинные волосы.

Император любил переодеваться в бедную одежду и в таком виде, никем не признанный, расхаживал по столице, прислушиваясь к разговорам горожан. Часто заходил на

рынок и «у каждого торговца он спрашивал, за сколько продает тот на рынке, причем делал это не мимоходом, а весьма внимательно и усердно и спрашивал не про один какой-то товар, а про все: еду, питье, топливо и одежду, да и вообще про все, выставленное на продажу» (Прод. Феоф., [69, с. 42]).

Феофил страстно желал, чтобы народ знал его справедливость, и потому ничто не спасало провинившихся от суда василевса. Он, например, распорядился казнить убийц Льва, несмотря на то что его отец взошел на трон благодаря этим людям. Однажды он узнал, что брат его жены Петрона, строя дом, самовольно прихватил себе участок бедной вдовы. Когда расследование подтвердило этот факт, Феофил приказал постройку снести, а родственника бичевать по плечам. В другой раз, прогуливаясь за городом, он увидел пристававший к берегу большой купеческий корабль, изрядно нагруженный съестными припасами. С изумлением услышав от мореходов, что владелица судна – императрица Феодора, василевс приказал кормчему направить корабль ко Влахернской пристани. Там, взойдя на палубу, Феофил спросил у окружавших его синклитиков, не знают ли они, кто имеет нужду в хлебе, вине или иной какой-либо домашней провизии. И когда, лъстя по обыкновению, те ответили, что под властью такого императора они ни в чем не нуждаются, он воскликнул: «Неужто не знаете, что августа, моя супруга, превратила меня – царя Божьей милостью в судовладельца». «А кто когда видел, – прибавил он с душевной горечью, – чтобы ромейский царь или его супруга были купцами?» (Прод.Феоф., [69, с. 42]). Сочтя для василисы, ни в чем не нуждавшейся, торговлю делом неприличным, Феофил велел прилюдно сжечь судно вместе с товарами, а жену выбранил.

Император с большой любовью покровительствовал искусству и наукам. В годы его правления существенно изменился облик столицы. Из старого дворца Дафна и построек времен Юстиниана II был возведен монументальный комплекс зданий, соединивший все построенное в этом районе города, – новый Большой императорский дворец, при сооружении которого были применены все новейшие достижения

строительной техники того времени. В залах дворца за счет акустических эффектов гулко разносился даже шепот. Ученый Лев Математик (с 840 г. – митрополит Фессалоники) соорудил там дивные автоматы – статуи рычащих львов и машущих крыльями павлинов, а также золотой платан с поющими механическими птицами, украсившие тронный зал. Сам трон императора мог подниматься к потолку. Роскошь и величие Большого дворца порождали легенды. Тот же Лев Математик придумал систему светового телеграфа, по линии маяков которого в считанные часы важные известия доходили в Константинополь от далекой киликийской границы.

Примерно в то же время появился минускул – мелкий книжный шрифт, сменивший требовавший больших затрат дорогостоящего письменного материала классический унциал, благодаря чему книги подешевели и стали более доступными.

Феофил стал последним иконоборческим императором. Он из всех сил пытался возродить уходящее учение, жестокими способами преследуя пропагандистов иконопочитания, прежде всего монахов. В 833 г. император издал указ о выведении части монастырей из города. Впрочем, этим, сам того не желая, он способствовал росту их могущества – обители в провинции превращались в крупных держателей земли и богатели.

Весной 837 г., собрав сотысячную армию, император напал на арабский халифат. Ромеи овладели обширной территорией с городами Запетрой, родиной халифа ал-Мутасима, и Самосатой. Византийцы, мстя врагу, свирепо мучили пленных, выкалывая им глаза и отрезая уши, насиловали женщин. Халиф, узнав о нападении и его последствиях, в бешенстве объявил немедленный поход. 22 июля 837 г. на Дазимонской равнине (в Каппадокии) часть войск Феофила с императором во главе была вдребезги разбита турецкими наемниками халифа. Сам василевс едва выбрался из схватки. Все мирные предложения ал-Мутасим отверг и, платя грекам той же монетой, направил свои отряды к Аморию – родине предков Феофила. Халиф приказал воинам начертить слово «Аморий» на щитах, в знак решительности замысла овладеть им. Город, оплот фемной иконоборческой знати, был

взят арабами 13 августа 838 г. после ожесточенного сопротивления гарнизона и при наличии огромных потерь с обеих сторон. Мусульмане разгромили Анатолик, и, хотя стойкое сопротивление ромеев вынудило захватчиков к зиме убраться восвояси, центр поддержки Фригийской династии и иконоборчества прекратил существование.

Арабская экспансия на Западе достигла Италии. В 840 г. пал Тарент, мусульмане осадили Бари. Феофил обратился за поддержкой к западным государям – императору Лотарю, дожу ставшей самостоятельной Венеции и даже ко двору кордовского халифа, политического противника африканцев. Несмотря на благожелательный прием посольств, деятельной помощи Византия не добилась ни от кого.

В разгар столь печальных событий император тяжело заболел. Умирая, он отдал распоряжение убить своего давнего соратника и полководца, крещеного перса Феофова, из опасений перед могуществом последнего.

Православное предание уверяет, будто перед смертью (20 января 842 г.) Феофил покался и признал иконопочитание.

В народной памяти этот император остался символом справедливости. Автор диалога «Тимарион» (X в.) поместил его в подземном царстве как судью поступков умерших христиан.

При Феофиле, ок. 838 г., Константинополь посетили послы «руссов». Из столицы Византийской империи эта делегация направилась в далекий Ин-гельгейм, где находился двор западного императора Людовика Благочестивого.

Феодора, Михаил III Пьяница

Феодора (? – после 867, имп. 842 – 856)

В 830 г. мачеха Феофила Ефросинья объявила смотр невест для императора. В Константинополь съехались красавицы со всей империи. Среди них умом и красотой выделялись две, Кассия и Феодора, обе – дочери знатных родителей. Василевсу очень понравилась Кассия, и он уже подошел к ней с яблоком, которое предназначалось избраннице. Но Кассия, по словам Георгия Амартола, «уязвила сердце его словом», и яблоко досталось пафлагонянке Феодоре⁷¹.

После кончины мужа Феодора была объявлена императрицей-регентшей при четырехлетнем сыне Михаиле III.

Используя содействие константинопольской знати, она немедленно организовала подготовку к восстановлению иконопочитания. Одним из первых пострадал Лев Математик, лишившийся в год смерти своего покровителя Феофила поста митрополита Фессалоники. 4 марта 843 г. в Константинополе состоялся церковный собор. Патриарх Иоанн Грамматик был отрешен от кафедры, его место занял хитрый интриган Мефодий. 11 марта собор объявил о полном торжестве иконопочитания.

От мягкого отношения к еретикам при императорах-иконоборцах теперь не осталось и следа. Для начала грандиозные репрессии правительство Феодоры применило к павликианам. В области их поселений на востоке страны отправились с карательными экспедициями три военачальника: Аргир, Судал и Дука. Павликиан жгли, топили, прибивали к столбам. Во имя торжества православия погибло до ста тысяч человек – жестокость, доселе неслыханная. Протомандатор стратега Анатолика, некто Карвей, павликианин, увел из-под меча палачей императрицы несколько тысяч своих единоверцев и отдался с ними под покровительство мелитинского эмира. Изгнанники выстроили крепость Тефрику и основали в ней свою колонию, солдаты которой оказались не лучше своих противников, принимая самое деятельное участие в набегах свирепых мусульман на империю.

Большое влияние на вдовствующую императрицу имел логофет дрома Феоктист – человек грубый, заносчивый и властный. Бездарный военачальник, Феоктист неоднократно проигрывал сражения арабам. После очередного его разгрома в 844 г. Византии пришлось заключить невыгодный мир, и с восточными соседями она не воевала семь лет. Зато с 850 по 852 г. империи пришлось отбиваться от нападений болгарского хана Бориса.

В 852 г., зная о тяжелом положении халифа ал-Муттавакия, который с трудом удерживал власть, ромеи совершили удачный рейд в нильскую дельту, разорив Дамьетту.

Недовольство части столичного нобилитета тиранией Феоктиста вызвало заговор, во главе которого встал брат василисы, честолюбивый и притом небесталанный domestик схол Варда. В начале 856 г. Феоктист был убит, а Феодору вынудили отказаться от регентства. Оставляя трон, она дала отчет синклиту о состоянии государственной казны, где, как выяснилось, были скоплены огромные средства. После отречения Феодоры Варда заставил сестру и четырех незамужних ее дочерей удалиться в монастырь Гастрии.

Михаил III Пьяница (ок. 840 – 867, имп. с 842, факт. – с 856)

Михаил, прозванный современниками Пьяницей, составлял разительный контраст со своим отцом Феофилом. Почти до самого конца правления Михаил III мало участвовал в политике, предпочитая делам грубые удовольствия: пьянство, охоту, ристания, маскарады. По свидетельству Симеона Магистра, «предавшись всякому распутству, Михаил растратил огромные суммы, которые сберегла его мать. Принимая от святого крещения и усыновляя детей наездников цирка, он дарил им то по сто, то по пятьдесят номисм. За столом в пьяной компании товарищи его пиршеств состязались в бесчинствах, а царь любовался этим и выдавал награду до ста золотых монет самому грязному развратнику [Продолжатель Феофана называет его – патрикий Имерий по кличке Свинья. – С.Д.], который умел испускать ветры с такой силой, что мог потушить свечу на столе. Раз он [царь] стоял на колеснице, готовый начать бег, в это время пришло известие, что арабы опустошают Фракисийскую фему и Опсикий и приближаются к Малангинам, и протонотарий в смущении и страхе передал ему донесение доместика схол. «Как ты смеешь, – закричал на него император, – беспокоить меня своими разговорами в такой важный момент, когда все мое внимание сосредоточено на том, чтобы тот средний не перегнал левого, из-за чего я и веду это состязание!» Но самое худшее – это было его сообщество, в котором он любил вращаться: сатиры и бесстыдники, способные на самые грязные выходки» ([231, т. II, с. 346]). Ватага собутыльников юного василевса буйствовала на константинопольских улицах, устраивая шутовские мистерии, переодетые участники которых изображали вельмож, клир и даже патриарха. Случалось, что маскарадное шествие, во главе с «патриархом» Феофилом по прозвищу Грилл («поросенок») – главным скоморохом императора, встречало процессию настоящего духовенства и осыпало «конкурентов» бранью и насмешками. Шутники причащали зазевавшихся

прохожих уксусом и горчицей. Однажды, пародируя самого Христа, василевс с друзьями ввалился к какой-то бедной женщине и потребовал ночлега для себя и своих «апостолов», чем привел ее в немалое смущение.

Михаил III сам выступал на ипподроме в качестве возницы под цветами «голубых», а когда многие стали открыто выражать недовольство по такому поводу, устроил закрытый ипподром и состязался там.

К матери, любившей беспутного сына несмотря на все его увлечения, Михаил относился без должного уважения. Как-то он сообщил императрице, что ее ожидает патриарх. Когда благочестивая женщина прибыла в указанную залу, она увидела на патриаршем престоле закутанную с ног до головы в священные одежды фигуру. Феодора, не подозревая об обмане, подошла испросить благословения, и переодетый Грилл (а это был он), вскочив, показал августу зад «и испустил зловонный грохот и безобразные речи» (Прод.Феоф., [69, с. 87]). Михаил, наблюдая ужас и обиду матери, от души потешался.

После 856 г. политику двора определял дядя императора, Варда (с 862 г. – кесарь). Второй дядя царя, Петрона, стратиг Фракисийской фемы, занимался делами военными. В 856 г. он нанес удар павликианам Тефрики. Спустя некоторое время Карвей с арабами ответил набегом на империю. В 860 г. Михаил лично повел армию на восток, но неожиданно вернулся, получив известие о нападении руссов на Византию – первый поход русских князей на Константинополь. Руссов отразили, император снова отправился воевать с арабами, был разбит и чудом избежал плена. Через три года, 3 августа 863 г., Петрона в жестоком бою в Армении рассеял отряды арабов и павликиан. Карвей и эмир Мелитины Омар-ибн-Абд-Аллах пали в сражении.

Если на востоке военные действия шли в целом не совсем плохо, на западе ромеи терпели неудачи. В 859 г. пала крепость Кастроджованни. Греческий флот, посланный к берегам Сицилии, был потоплен неприятелем. В 859 – 864 гг. империя вела изнурительную войну с ханом Болгарии Борисом⁷².

Активность Варды была противоположностью праздности императора. Однако синклитики, которым приходилось терпеть могущество доместика схол, делали это с явным неудовольствием. Сначала основную ставку оппозиция делала на патриарха Игнатия ⁷³. Возбудить Игнатия, сурового аскета, против Варды оказалось чрезвычайно легко, ибо последний вел жизнь, далекую от канонов официальной морали. В 857 г. патриарх не допустил Варду до причастия, обвинив его в тяжком грехе – сожителстве со вдовой сына. Результат оказался неожиданным – Игнатий был немедленно смещен, а на его место Варда предложил избрать светского чиновника Фотия. В нарушение всех правил поставления патриарха, тот за неделю прошел все ступени посвящения в духовный сан и занял кафедру. Византийское духовенство и миряне разделились на группировки сторонников нового и старого патриархов.

Волей истории фотианский раскол стал событием международного масштаба. Игнатий не переставал жаловаться на незаконность своего низложения, взывая к правосудию. В дело вмешался властный папа Николай I и потребовал пересмотра решения. Весной 861 г. в Константинополе при участии папских представителей состоялся собор, подтвердивший легитимность избрания Фотия. Папа, не ожидавший такого от своих легатов (говорили, что византийцы купили их согласие), наказал их и созвал в Риме свой собор, который объявил Фотия низложенным.

Михаил III поначалу был настроен к церковным проблемам безразлично и даже как-то с издевкой заметил, что «мой патриарх – это Феофил [скоморох Грилл. – С.Д.], кесаря [Варды] – Фотий, а у народа патриарх Игнатий» ([231, т. II, с. 348]), однако со временем, возмущенный настойчивыми попытками Николая I диктовать восточной церкви свои условия, выступил в защиту Фотия и в письме к папе довольно резко заявил, что не признает примата римского епископа. Константинопольский собор 867 г. отлучил папу от церкви как еретика – предлогом послужил вопрос о нисхождении Святого Духа (Византия не

признавала формулы *filioque* – «от Отца и Сына», принятой на Западе); произошел церковный раскол.

Фотий же остался в истории как одна из самых блистательных личностей на патриаршем троне византийской столицы. Но не политические интриги составили ему добрую память человечества, а его научно-энциклопедическая работа. По инициативе учнейшего Фотия и при его непосредственном участии был составлен «Мириобиблион» – комментарий к рукописям 279 (!) древних авторов, имевшимся в столичной библиотеке, с обширными выписками из оригиналов. Сами эти сочинения впоследствии в значительной части погибли, и мы имеем возможность получить представление о них лишь благодаря сохранившемуся труду Фотия.

По инициативе патриарха и Варды была возрождена к жизни константинопольская высшая школа. Отныне она стала действовать во дворце Магнавра, и ректором ее был сделан Лев Математик. В Магнаврском университете изучали семь свободных наук ⁷⁴, философию, юриспруденцию, медицину и, конечно же, богословие. На фоне темного варварства, властвовавшего на Западе, византийская образованность тех лет – явление уникальное. Ромейский двор под руководством Варды использовал культуру и как важнейший внешнеполитический инструмент. В 863 г. началась деятельность просветителей Константина (Кирилла) и Мефодия среди славян – Константинополь утверждал свое влияние на севере.

Столичная знать не прекращала попыток избавиться от Варды. На следующем этапе этой борьбы главным действующим лицом оказался новый фаворит Михаила III, Василий Македонянин. Последнему удалось убедить автократора, человека, несмотря на недостатки, незлобного, все-таки расправиться с кесарем. Для этой цели, чтобы изолировать Варду от многих его приверженцев в Константинополе, был даже начат поход на Крит. 21 апреля 866 г. на стоянке в Малой Азии кесарь, безуспешно моливший о пощаде, был изрублен мечами Македонянина и его сообщников у ног императора. Многие из народа осуждали это ничем не

обоснованное убийство. Когда Михаил III однажды проезжал через город Акриты (на азиатском берегу Пропонтиды), какой-то смельчак влез на камень и стал кричать василевсу, указывая на следовавшую за ним пышную свиту: «Ты неплохой парад устроил, ты, который пролил кровь своего дяди. Горе тебе, горе тебе, горе тебе!» [120, т. I]

Спустя некоторое время Василий сделался магистром, а вскоре и соправителем Михаила III. Отношения между двумя императорами стали быстро портиться. В сентябре 867 г. во время пиршества Михаил III, по обыкновению сверх меры нагрузившись, скинул с себя императорские туфли (кампагии) и приказал надеть их своему новому любимцу, патрикию Василикину. Указывая на него, император со смехом заметил, обращаясь к окружающим, что Василикину они идут больше, чем Василию, и пора бы сделать его соправителем. Встревоженный такой перспективой, Василий I решил действовать наверняка. 23 сентября 867 г., когда Михаил III после обильного возлияния в загородном дворце Маманта отправился спать, подручные Василия ворвались с мечами в опочивальню императора. Тот, очнувшись, пробовал было защищаться, но один из нападавших отсек василевсу обе руки. Михаил III, обливаясь кровью, осыпал проклятиями вероломного друга и соправителя. Заговорщики, посоветовавшись, зарезали Михаила, а труп, глумясь, завернули в лошадиную попону. Утром тело оплакали вызванные из Гастрии мать и четыре сестры-монахини. Похоронили Михаила без торжеств на загородном берегу Босфора.

Оценивая Михаила III, следует, однако, учитывать то обстоятельство, что историки времен Македонской династии, желая оправдать Василия III, всячески чернили его предшественника. Один из летописцев, например, утверждал, что император, растратив казну на кутежи, распорядился перелить в монеты золотой платан Льва Математика и приказал разломать световой телеграф, дабы неприятные известия не мешали столичной черни развлекаться на ипподроме. Однако этот платан и световой телеграф существовали и позднее, так что, может быть, и иные рассказы о бесчинствах Михаила –

лишь дошедшие до наших дней отголоски давно забытой политической борьбы.

Василий I Македонянин

(? – 886, сопр. с 866, имп. с 867)

Происхождение Василия I изрядно запутано историками Македонской династии, прежде всего внуком императора, Константином VII Багрянородным, который в своем сочинении ⁷⁵ довел родословную его предков до парфянских царей, Константина Великого и Александра Македонского! Среди обилия чудес и легенд, украсивших жизнеописание Македонянина, кое-что существенное затерялось – например, точная дата его рождения (в промежутке между 813 и 836 гг).

Родился будущий император в семье небогатых армянских переселенцев во Фракии, около Адрианополя. Достигнув зрелого возраста, он поступил на службу к македонскому стратигу Цанци, а затем отправился в столицу – искать счастья, надеясь на свои достоинства: красоту, ловкость и недюжинную силу.

Был в Константинополе некий чиновник Феофил, прозванный за малый рост Феофилицей (Феофиликом). Этот коротышка имел страсть набирать в свою свиту слуг рослых и видных, а потому заметил Василия и сделал его своим конюшим.

Несколько произошедших в разное время случаев сделали Василия известным в столичных кругах.

Во время одной из поездок Феофилицы по Пелопоннесу Македонянин приглянулся фантастически богатой местной аристократке, вдове Данилиде, и та осыпала его небывалыми милостями, подарив ему целое состояние. Дружба Данилиды и Василия не прекращалась и после восшествия его на престол, а умирая, она завещала ему немалую часть своих колоссальных богатств.

Как-то в Константинополе появился болгарин-борец, посрамивший всех греческих силачей, о чем и зашел разговор на пиру у домостика схол. Феофилица похвастался Василием, тот встретился с иноземцем и с честью вышел из поединка. В другой раз Македонянин ловко усмирив буйного царского

коня, и восхищенный Михаил III даровал ему должность протостратора (856).

Македонянин активно включился в развлечения Михаила III и постепенно стал одним из ближайших его приятелей. В 865 г. император предложил Василию жениться на своей любовнице, Евдокии Ингерине, на что последний, не отличавшийся особой щепетильностью, согласился и заключил с Евдокией брак, разведясь со своей первой женой. Михаил III и после свадьбы продолжал свои отношения с Ингериной, а Македонянин «в обмен» разделил ложе с сестрой императора Феклой. Когда же он занял должность паракимомена, Варда сокрушенно заметил друзьям, что они впустили во дворец льва, который всех их сожрет.

Кесарь, как известно, не ошибся. После убийства Варды император усыновил Македонянина и 26 мая 866 г. объявил его соправителем. Константин Багрянородный, описав эти события, с удовлетворением замечает: «Случилось такое по мольбам людей вельможных и простого народа, а также войска и военачальников, и всех жителей всех земель и всех городов державы. Ибо все они молились, чтобы пришел к власти человек, вкусивший низкой судьбы, который бы знал, как мнут бока беднякам сильные мира сего, как безо всякого на то права обируют их, как восстают смиренные и попадают в рабство к своим соплеменникам, а всего этого хватало в царствие Михаила, ибо на что угодно способен был царь, но на подобные вещи не хотел обращать внимания» ([69, с. 104]). Однако те друзья Василия, кто рассчитывал на благодарность нового императора, просчитались. Самым обиженным чувствовал себя один из главных убийц Варды, его зять патрикий Симватий, не получивший титул кесаря, ради которого и пошел на предательство родственника. Летом Симватий поднял мятеж во Фракисийской феме, и его поддержал стратиг Опсикия Георгий Пигани. Восставшие провозгласили Михаила III единодержавным царем и требовали низложения Василия. К зиме бунт сам собой сошел на нет, а Симватия и Пигани ослепили.

На следующий день после убийства Михаила III Василий I провозгласил себя автократом. Личность эта была в плане моральном неприглядная. Уже прежней своей жизнью он проявил себя как человек подозрительный, хитрый и беспринципный. Бывшую свою любовницу Феклу он, захватив власть, просто-напросто ограбил, отняв все ее состояние. Известен был новый правитель империи и невежеством, он не умел ни читать, ни писать. Тем не менее Василий проявил себя как разумный государь.

Первое время после событий 24 сентября Василий чувствовал себя неуверенно. В жертву своим интересам, стремясь умиловить противников Варды и покойного Михаила III, император принес Фотия. Уже 25 сентября тот был низложен, и патриаршую кафедру снова занял Игнатий. Последний из признаваемых и Константинополем, и Римом вселенских соборов – VIII, состоявшийся в столице в конце 869 – начале 870 г., узаконил решение монарха. Сам автократ не питал к Фотию неприязни и, когда страсти улеглись, вернул его из ссылки и доверил воспитание сына Льва. В 877 г., по смерти Игнатия, Фотий вернулся на патриаршество.

Македонянин активно боролся со злоупотреблениями чиновников. У тех, кто запускал руку в казну при Михаиле III, он распорядился отнять половину не совсем законно полученных сумм (видимо, этих людей было слишком много, и император не стал конфисковывать все, дабы избежать неприятностей).

Василий лично разбирал жалобы населения и часто рассылал для контроля своих эмиссаров в различные ведомства в самой столице и провинциях. Велика была его радость, когда однажды никто не явился в суд жаловаться на притеснения, и даже посланные глашатаи не смогли сыскать в Константинополе жалобщика! В семидесятые годы был создан и опубликован «Прохирон» – очередная законодательная компиляция, куда более, чем предшествующая «Эклога», близкая к Юстинианову праву. Собственно «Эклогу» василевс презрительно называл «болтовней исавров», хотя кое-что в «Прохироне» и составленном позднее сборнике «Исагога»⁷⁶ позаимствовал оттуда.

Эпоха Македонской династии, начиная от первого ее представителя, стала временем наивысшего расцвета византийского самодержавия после Юстиниана Великого, уже на новом фундаменте – феодальном строе. При Василии I появляются, впрочем, и некоторые черты упадка этого строя: например, получил распространение харизматизм – передача доходов с какой-либо местности какому-нибудь человеку или монастырю, что привносило элемент вассально-ленных отношений, подобных таковым в Западной Европе. Власть «сильных», «династов», росла, и, хотя основа феодального устройства – сословие стратиотов – оставалась еще достаточно крепкой, для взимания налогов с разорявшегося крестьянства император был вынужден прибегнуть к памятной со времен Никифора Геника круговой поруке – аллиленгии.

Внешнеполитическое положение Империи ромеев при Василии I продолжало оставаться зыбким, хотя он и добился очевидных успехов в кампаниях против арабов и павликиан. В 868 г. вождь последних, Хрисохир, «отличный мужеством и умом» (К.Б., [69, с. 113]), занял Эфес и пригрозил императору лишить его власти над всей малоазиатской территорией. Первый поход самого Василия (ок. 871) окончился неудачно, император потерпел сокрушительное поражение и спасся от плена лишь благодаря храбрости воина Авастакта (см. «Роман I»). В Тефрику прибыло посольство ромейского двора, но договориться с павликианами не удалось. В 872 г. они снова напали на империю. Зять императора доместик схол Христофор нанес ответный удар, Тефрика пала (в помощь ромеям ее разрушило сильное землетрясение), а Хрисохир погиб в бою. Василий справил триумф, присланную же голову предводителя врагов, торжествуя, расстреливал из лука на столичном ипподроме.

Следующим летом ромеи, возглавляемые императором, двинулись на Мелитину, но овладеть ею не смогли. Однако взятие Самосата, Запеты и ряда павликианских замков позволило Василию справить еще один триумф. Годом позже империя распространила свою власть на Кипр.

В 876 – 877 гг. византийцы отвоевали-таки Мелитину и очень важную в стратегическом плане крепость Лул, потерянную в начале правления Феофила.

В 879 г. Василий вместе с сыном-соимператором Константином⁷⁷ отправился в поход на Киликию, но Константин по дороге скончался, и царь, сильно опечаленный его смертью, вернулся с полпути.

Около 882 г. он в очередной раз возглавил войска и разорил земли Багдадского халифата в районе Малатии.

Василий не раз лично участвовал в сражениях и не гнушался делить простыми солдатами все трудности войны: «Желая утешить своих воинов, помочь им легче переносить тяготы... да и себя изнурить добровольным трудом, чтобы, если случится заниматься недобровольным, не оплошать и не опешить, он ревностно трудился вместе с воинами... грузы, которые таскал царь, с трудом переносили трое» (К.Б., [69, с. 114]).

Не менее энергичными, нежели на Востоке, были действия византийцев на Западе. В самом начале автократии Василий, удачно послав флот друнгария Никиты Орифы, снял длившуюся пятнадцать месяцев осаду арабами далматинского города Рагузы (Дубровник). Император обращал на Италию и Далмацию пристальное внимание, но здесь следовало учитывать то, что на этих территориях сталкивались интересы трех властителей: пап (Адриана II с 867 по 872 г., Иоанна III – с 872 по 882 г. и их преемников), западного императора Людовика II и собственно византийского монарха. На землях Апеннинского полуострова существовала масса полунезависимых княжеств городов и т.п., склонявшихся под власть сильнейшего в данный момент, и для ведения там войн с мусульманами требовалась не только сила оружия, но и тонкая дипломатия. Например, для дальнейшего продвижения флота Орифы к Италии ромеи воспользовались тем предлогом, что пираты ограбили папских легатов, плывших в Рим с VIII Вселенского собора.

2 февраля 872 г. христиане одержали крупную победу: Людовик II и со юзная византийская эскадра овладели Бари. Спустя три года город перешёл под протекторат Василия I.

Если в Италии дела обстояли неплохо, то на Сицилии византийцы пожинали плоды неудач. По нерадению друнгария царского флота Адриана, медлившего с отплытием к осажденным Сиракузам, город был захвачен арабами 21 мая 878 г. С потерей Сиракуз у ромеев на острове остался лишь один крупный город – Таормина.

В 882 г. флотоводец императора Назар нанес сокрушительное поражение флоту мусульман у берегов Греции, а затем совершил смелые набеги на из сицилийские и итальянские владения.

В этот период обострились взаимоотношения империи с Римом. В 880 г. при участии самого автократора, в Константинополе завершился собор, отменивший решения VIII Вселенского. Папа Иоанн III в ответ вторично анафематствовал Фотия. Однако в конце правления Василия папа Стефан V (881 – 891), доведенный до отчаяния хаосом, царившим среди италийских князьков, примирился с императором и слезно умолял его прислать воинов, которые охраняли бы римские стены от участвовавших набегов сарацин. В 885 г. в Италию отправился блестящий военачальник, Никифор Фока Старший, который в короткий срок добился весомых побед.

Незадолго перед тем domestik Востока Андрей ⁷⁸ разбил арабов в Киликии и добрался до предместий Тарса, но город брать не стал. При дворе тогда служил некий Кест Стиппиот, который обвинил Андрея перед императором в трусости и поклялся Тарс взять. В конце концов Василий, поддавшись уговорам, сместил Андрея и назначил на его место Стиппиота. Последний не только не выполнил обещанного, но 14 сентября 883 г. по собственной беспечности погубил себя и порученное ему огромное войско буквально у ворот Тарса. Император, осознав ошибку, вернул Андрея в Киликию.

Македонянин много строил в Константинополе и его окрестностях, не жалея средств на восстановление пострадавших от времени сооружений. Немалую долю из них

составляли церкви, ибо Василий всяко заботился о торжестве христианства, причем не только у себя в стране: к его правлению относится любопытное известие о крещении руссов (видимо, т.н. «Приазовской Руси»).

Василий I умер 29 августа 886 г. По одной из версий, его поддел рогом на охоте олень и, зацепив за пояс, долго тащил по лесу, пока один из телохранителей не догнал его и не перерубил пояс мечом. Придя в себя, император распорядился сначала выяснить, не злоумышлял ли его спаситель, обнажая меч на василевса. Получив во время такого приключения смертельные ушибы, Македонянин скончался через несколько дней. Согласно версии Багрянородного, Василия I поразило «истечение желудка».

Лев VI Философ (Мудрый)

(866 – 912, сопр. с 870, имп. с 886)

19 сентября 866 г. у Евдокии Ингерины родился сын Лев. Так как всей столице было известно о ее конкубinate с императором Михаилом III, вопрос об истинном отце Льва достаточно щекотлив, и вполне вероятно, что по крови императоры Македонской династии, начиная со Льва, – потомки Аморийской. Во всяком случае, Василий I испытывал к нему неприязнь, особенно усилившуюся после кончины Константина – любимого сына от первой жены. Поэтому, когда Лев был обвинен фаворитом Василия, Сантаваринном, в злых умыслах по отношению к отцу, тот, нимало не раздумывая, заключил его в одном из помещений дворца – Маргерите – под арест, лишив знаков царского достоинства, но оставив при нем жену Феофано. Император подумывал было даже ослепить сына, но синклит и Фотий воспротивились такому недостойному деянию.

20 июля 886 г., просидев в Маргерите, по разным источникам, от трех месяцев до трех лет, Лев был выпущен оттуда и полностью реабилитирован. Константин Багрянородный рассказывает по этому поводу замечательный анекдот: «В дворцовых покоях, в подвешенной плетеной клетке обитало пернатое существо, болтливое и искусно подражающее, по названию попугай. То ли кем-то подученный, то ли сам по себе он нередко выкрикивал: «Ай, ай, Лев – господин». Как-то раз, когда у царя был пир и с ним разделяли трапезу первые из совета, птица несколько раз повторила эти слова. Пригорюнились пирующие, отстранились от угощения, сидели в задумчивости. Обращаясь к ним, царь спросил, почему они отказываются от яств. Они же с полными слез глазами ответствовали: «Какую пищу станем мы есть, люди вроде бы разумные и господину преданные, если голос этого неразумного создания порицает нас, так как зовет своего господина, в то время как мы тут роскошествуем и забыли того, кто ничем не оскорбил величество. Если он уличен в том, что занес десницу над отцовской головой, мы убьем его своими

руками и насытимся его кровью, если же он оправдался от обвинения, то доколе будет брать над ним верх язык доносчика!» Тронутый этими речами, царь велел им успокоиться и обещал расследовать дело, а вскоре, вспомнив свою природу, освободил сына из-под стражи, допустил к себе, велел сменить скорбные одежды, постричь буйно разросшиеся в несчастье волосы, вернул ему прежний ранг и достоинство в государстве» [69, с. 145].

Воцарившись, Лев VI распорядился немедленно перезахоронить останки Михаила III, которые торжественно, в кипарисовом саркофаге, были перенесены в храм св.Апостолов. Соответственно, в Константинополе возник лишний повод посплетничать об отце василевса.

Как и большинство императоров Македонской династии, Лев был человек безусловно незаурядный. Воспитанник учений Фотия, он писал анакреонтики, проповеди, оракулы, под его именем известна «Тактика» – сочинение о воинском искусстве, и не случайно потомки дали Льву прозвище Философа или Мудрого. Вместе с тем был он плаксив, часто непоследователен, склонен подпадать под чужое влияние. Еще в юности он любил предаваться довольно странному для наследника престола развлечению: отправляться по ночам в бедной одежде на прогулки по ночной столице, проверяя бдительность стражников; он был чрезвычайно доволен, когда как-то раз солдаты приняли его за бродяжку и отправили в тюрьму.

Видимо, зная слабости Льва, Василий I однажды загадочно произнес, обращаясь к приветствовавшей вышедшего из тюрьмы наследника толпе: 'Это по поводу моего сына вы прославляете Бога? Ну так я вам скажу, что ему же вы будете обязаны долгими днями труда и печали» ([198, с. 8]).

Творческая натура императора немало способствовала его грамотной внутренней политике. При Льве VI особенно расцвели торговля и ремесла, были изданы специальные постановления (например, «Книга епарха» – 911 г.), регламентирующие сложные отношения между производителем и государством, создан новый свод законов – «Василики». Император издал

около ста написанных довольно изящным слогом новелл, посвященных самым разнообразным аспектам жизни страны и ее населения – от разрешения давать ссуды под процент до вопросов семьи и брака. Василевс не боялся преследовать мешавшую его деятельности знать, отменил и без того куцые законодательные права курий и синклита («Ныне обо всем печется император» – [3, с. 143]), ограничивал аппетиты церкви. Так, препятствуя обогащению монастырей за счет даров по завещаниям, он с гневом писал в новелле: «Разве не бесчеловечно отстранять от наследства родных и друзей покойного [речь идет о традиции перехода к обители собственности умершего ее члена. – С.Д.] и все тащить себе? Ведь это только обжоры стараются, возлежа за столом, ничего не оставить другим. Если передать имущество [умершего] монаха монастырю [полностью. – С.Д.], то ни раб не получит освобождения от оков рабства, ни бедняк не сможет воспользоваться состраданием, никто из находящихся в нужде не найдет сладости утешения» [217, с. 37]. Сам император был очень щедр, по поводу чего армянский историк Асохик восторженно писал: «Сын Василия Лев был человек миролюбивый, пекущийся о благе целого государства, щедрый на дары, при раздаче которых он не походил на скаредного грека, у которого на языке нет даже слова «щедрость», но, как сын армянина, он превзошел всякого армянина таровитостью» [13, с. 108].

При Льве VI Византия заключила союз с армянским царем Семпадом и с Киевской Русью. Дипломатия империи тогда вообще переживала пору расцвета, ибо таким путем многие вопросы решались без вооруженных конфликтов – войны в тот период держава ромеев вела хотя и не без отдельных успехов, в целом неудачно.

Сразу же после начала автократии Льва взбунтовался герцог Беневента. Посланное в Ломбардию войско мятежники разгромили в 887 г. при Бари. Но тогда же в Италии продолжал удачно действовать Никифор Фока Старший, в честь которого благодарные жители избавленных от арабов районов выстроили храм св.Никифора. Благодаря этому талантливому

военачальнику византийское влияние на Апеннингах существенно окрепло, а успокоенным Беневентом одно время даже управлял ромейский стратиг.

В 894 г. разразилась война с царем Болгарии Симеоном, недовольным антиболгарской торговой политикой империи. После двух лет боевых действий византийцы понесли сокрушительное поражение при Булгарофигоне (близ Адрианополя). Болгаро-ромейский рубеж в Греции, изрядно перемещенный Симеоном к югу, стал проходить непосредственно под Фессалоникой.

В сражениях с восточными арабами перевес оказался на стороне последних. В 888 г. ромеи потеряли пограничную крепость Ипсилу; десяток лет на Востоке прошли в мелких столкновениях, а в августе 898 г. евнух халифа Рагиб потопил византийскую эскадру у берегов Малой Азии, три года спустя та же судьба постигла флот ромеев у Мессины.

Примерно в это время, в противовес морским неудачам, снова отличился Никифор Фока Старший: уже как стратиг Фракисия, он организовал стремительную экспедицию в пределы халифата, захватил добычу и много пленных, а затем благополучно вернулся, миновав заслоны арабских войск, подстерегавших его на перевалах Киликийского Тавра. Но радость от победы была недолгой, так как с Запада пришла печальная весть: 1 августа 902 г., так и не дождавшись обещанных из Константинополя подкреплений, мусульманам сдалась Таормина – последний крупный город на Сицилии, удерживаемый ромеями.

В 904 г. domestик Андроник Дука разбил арабов у Марата. Летом того же года грек-рenegат, пират Лев Триполийский взял и разграбил второй по величине город империи – Фессалонику, вырезав немалую часть жителей.

6 октября 906 г. логофет Имерий уничтожил крупный арабский флот, но это стало последним значительным военным успехом ромеев при Льве VI. Предпринятый ими несколько лет спустя под началом того же Имерия поход на Крит (в нем участвовало несколько сот русских дружинников) окончился

сокрушительным разгромом византийской эскадры у Самоса (весна 912 г.).

Патриарха Фотия вместе с Сантоварином василевс сместил в первые месяцы своего самостоятельного правления по обвинению в антиправительственной деятельности. Дважды вознесенный на патриарший престол и дважды низложенный Фотий умер ок. 888 г. Патриаршество получил бездеятельный младший сын Василия, Стефан, затем – Антоний Кавлеа, а после смерти последнего главой византийской церкви оказался бывший секретарь (мистик) императора, его названный брат и тоже ученик Фотия, Николай. Видный ученый, писатель и политик, Николай Мистик сыграл огромную роль не только в истории государства ромеев, но и в личной судьбе императора – в деле о его четвертом браке.

Первой женой Льва стала благочестивая августа Феофано, избранная Василием I сыну на смотре невест. Наследник не воспылал к ней страстью, а вскоре нашел себе утешение в любовнице Зое, дочери видного придворного Стилиана Заутцы. Обиженная супруга пожаловалась свекру, Василий I рассвирепел, вызвал сына к себе и нещадно избил его. «Не внимая ни оправданиям, ни простым просьбам, он тотчас же выдрал меня за волосы и, бросив на землю, избивал и топтал ногами, покуда я не стал обливаться кровью», – рассказывал впоследствии Лев Философ патриарху Евфимию [30а, с. 41]. Зою же по приказу императора выдали замуж. Когда Лев стал наконец самодержцем, он продолжил свои прежние отношения с Зоей, муж которой очень вовремя скончался (подозревали, что жена его отравила). Феофано ничего не оставалось делать, как молча признать существующее положение вещей. В ноябре 895 или 896 г. она умерла в монастыре, и василевс с радостью обвенчался со своей давней пассией. Священник, совершивший обряд, лишился за это сана (церковь не одобрила скорый брак с «соблазнительницей»). Стилиан Заутца, имевший на Льва огромное влияние, получил титул василеопатора – «отца василевса», специально для Заутцы изобретенный. Но тут императору повезло ненадолго: в середине 899 г. Стилиан умер, а спустя полгода за ним последовала и его дочь.

Василевс, потеряв любимую, горевал недолго и женился в третий раз, на красавице Евдокии Ваяни. Спустя год императрица родила сына, но и она, и ребенок умерли (октябрь 901 г.). Льву VI было от чего прийти в отчаяние: после трех браков он не имел наследника мужского пола, его брат и соправитель Александр был вообще бездетен, и в случае смерти обоих василевсов государству угрожала опасность быть втянутым в пучину смут. Уже третий брак в православной Византии признавался явлением экстраординарным, поэтому, когда Лев стал добиваться от церкви разрешения на четвертый, по словам Константина Манасси, «не побежденный сладострастием, но желая видеть рожденных ему законных детей» [30а, с. 98], немалая часть духовенства оказалась решительно против. Такую позицию избрал и недавно интронизированный Николай Мистик. Между императором и патриархом наметился явный разлад, так как у первого уже имелась очередная «любовь» – знатная столичная дама Зоя Карвонопсина («угольноокая»). Как и многие образованные люди, Лев, признавая и поддерживая традиции, находил смешным им подчиняться. Любопытно то, что сам он в одной из своих новелл с достойным лучшего применения жаром обрушивался на женящихся трижды: «Большинство животных, когда гибнет их самка, обрекают себя на вечное вдовство. Человек же, не видя, что эта связь постыдна, не удовлетворясь первым браком, вступает во второй и, не останавливаясь на этом, от второго переходит к третьему» [120, т. I, с. 202].

Время шло, а патриарх не уступал. 11 мая 903 г. некий человек в храме св. Мокия ударил императора тяжелой палкой по голове. Василевс неминуемо бы погиб, если бы не случай: палица зацепилась за высокие паникадила, и удар получился не смертельным. Увидев окровавленного Льва, многие окружавшие его чиновники в панике бежали, в том числе и патриарх. Придя в себя, император страшно разгневался на недостойное поведение главы церкви. Испугавшись, Мистик стал куда более покладист и некоторое время спустя благословил чрево беременной Зои Карвонопсины. В середине мая 905 г. долгожданный наследник – Константин VII Багрянородный –

появился на свет. Теперь следовало добиться признания прав рожденного вне брака младенца на престол. Николай, в очередной раз переменив мнение, отказался крестить мальчика. Крещение состоялось лишь в январе 906 г., а вскоре на востоке империи произошло важное событие: взбунтовался военачальник Андроник Дука, герой битвы при Марате. Захватив одну из крепостей, мятежник обратился за помощью к сарацинам. Мистик, по-видимому, обещал Андронику свое содействие в захвате им власти и окончательно занял по отношению к четвертому браку Льва непримиримую позицию, пытаясь дискредитировать государя. Император, в свою очередь, не только не удалил Зою из дворца, как того желал патриарх, но в апреле 906 г. обвенчался с ней и объявил ее августой. Еще один священник, рискнувший обвенчать царя, был расстрижен, а упорного василевса не менее упорный патриарх подверг тяжелой по тем временам каре – отлучению от причастия и недопущению в храм. Однако Лев VI сумел и в столь незавидном положении показать себя в выгодном свете, искусно жалуюсь духовенству и синклиту на жестокость и нехристианское немилосердие своего противника, чем добился полного сочувствия. Несколько раз перед главным входом в храм св.Софии разыгрывалась тягостная сцена, когда император со слезами на глазах упрашивал его впустить, а патриарх преграждал ему путь. Василевс обратился за поддержкой к церквам Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима, и византийский посол Лев Хиросфакт почти сразу получил от патриархов двух последних положительный ответ. Николай, не раз обещавший снять епитимью и тут же отказывавшийся от своих слов, выглядел в этой истории неприглядно. В конце 906 г. письма Мистика, изобличавшие его связь с Андроником Дукой, оказались в руках василевса. И когда Мистик в очередной раз воспретил императору войти в храм, тот угрожающе обронил: «Уж не думаешь ли ты, что мятежник Дука скоро вернется сюда из Сирии?» Намек привел патриарха в ужас. 1 февраля 907 г. он безропотно подписал согласие на отказ от кафедры и отправился в ссылку, а спустя несколько недель

отчаявшийся Андроник Дука прорвался с частью войск к арабам и принял ислам, чем навсегда обезопасил ромейский престол от своих притязаний.

Собор 907 г. в Константинополе утвердил низложение Мистика и признал законным четвертый брак Льва, а значит, и подтвердил права на трон его сына Константина. Новый патриарх Евфимий, бывший духовник императора, был человек мягкий и снисходительный к слабостям ближнего, что, впрочем, не помешало ему вытребовать у василевса принципиальное запрещение кому бы то ни было вступать в брак четырежды.

Между сторонниками старого и нового патриархов единства не было и в помине, и этот раскол длился в византийской церкви еще полтора десятилетия.

В конце правления Льва Философа активнейшее участие в войнах с арабами принял Млех-Млентц, крупный армянский династ, полунезависимый от центральной власти. Снарядив на свой страх и риск солдат, он отвоевал за несколько лет приличную территорию, где была образована новая тема Ликанд, стратигот которой Млех-Млентц и стал.

Император Лев VI Мудрый скончался от болезни желудка 11 мая 912 г. – в день основания столицы.

Александр, Зоя Карвонопсина, Роман І Лакапин

Александр (? – 913, автократор с 912)

После смерти Льва Философа на престоле ромейской державы остались его малолетний сын Константин VII и брат Александр. У последнего, по словам Продолжателя Феофана, «и раньше только и было дела, что, пользуясь небрежением брата Льва, жить в неге и заниматься охотой. Исполнению царских обязанностей он предпочитал беспутство и роскошь, а уж воцарившись единолично, и вовсе не совершил ничего достойного упоминания» ([69, с. 157]). Александр был красив (сохранилась мозаика в храме св.Софии), распутен, жесток и отличался злобным нравом. Константина VII он замыслил сместить и оскопить, но придворным удалось отговорить василевса от столь неразумного поступка.

Александр низложил Евфимия и вернул на патриаршество Николая Мистика. Над Евфимием устроили судилище, люди Мистика нещадно избили старца, а сам Николай, в припадке торжествующей мести, приказал удавить осла бывшего патриарха! Когда же помощники Николая выразили удивление по поводу такой несдержанности, бедное животное выбросили за ворота дворца, прикрепив на груди указ, текст которого гласил: «Человек, уличенный в попечении о пище и питье этого осленка, сделается врагом самодержца и императора Александра и безупречного патриарха Николая. Если вина его будет доказана, его подвергнут побоям, обстригут, лишат имущества и выгонят из города» [30 а, с. 73].

Со временем василевс все более и более стал увлекаться вещами, позорящими императорское звание. Он прогнал жену и сочетался браком с одной из своих любовниц, увлечение которыми было его главным занятием. Но чересчур усердное поклонение Венере не принесло самодержцу добра: «Потеряв мужскую силу, обратился он к магам и они довели его до нечестивых поступков. Медные изображения зодиака на ипподроме он [желая исцелиться], облачил в одежды, воскурял им фимиам и освящал поликандилами ⁷⁹ и тогда-то получил невидимый удар в самой кафисме ипподрома, точно второй

Ирод» [30а, с. 75]. У него пошла кровь из носа и половых органов, и через два дня, 6 июня 913 г., Александр скончался.

За свое недолгое правление он умудрился испортить отношения Византии с Симеоном Болгарским.

Зоя Карвонопсина (? – ?, императрица-регентша 914 – 919)

Александр умер, назначив главой регентского совета при юном Константине VII патриарха Николая. Последний, еще не зная об этом, тайно предложил domestiку схол Константину Дуке (сыну ренегата Андроника) силой захватить престол. Доместик, «человек мужественный, разумный и способный хорошо управлять государством... поскольку и прежде мечтал о царстве и домогался короны, как только смог быстро прибыл в столицу вместе с немалым числом своих отборных воинов. Он прошел ночью через ворота протовестиария Михаила в дом своего тестя... и провел там бессонную ночь. Асикрит Никита... сообщает о прибытии Константина патрикию Константину и монаху Эладику, и оба они той же ночью явились к Дуке, посовещались и еще до рассвета с факелами и в сопровождении большого войска и толпы подошли к воротам ипподрома, провозглашая царем Константина [Дуку]. Копьем, пущенным теми, кто находился внутри ворот [Мистик пошел на попятный и, не желая делить власть ни с кем, принял решение обороняться. – С.Д.], был убит конюший Константина. Итак, Константина не только не приняли, но и прогнали, и он, словно одержимый каким-то бесом, утративший из-за жажды власти твердость рассудка, печальный и мрачный, ушел от ипподрома, сочтя убийство конюшего дурным знаком для себя. Сопровождаемый славословиями, он пошел оттуда к Халке и, пройдя через Железные ворота, добрался до Экскувитов. И вот тут магистр Иоанн Элада, отобрав воинов из этерии и гребцов, отправил их с оружием против Дуки. Они подошли к Халке, и в завязавшемся бою много воинов, став жертвой меча, пало с обеих сторон, и потоками крови залило место боя... Увидев это, Константин Дука среди всеобщего замешательства погнал своего коня. Тот, однако, поскользнулся на плитах мостовой и сбросил всадника на землю. Кто-то настиг его, упавшего и брошенного своими (все его люди рассеялись), и мечом отрубил голову, которую на виду у всех,

во избежание обмана, доставили царю» (Прод.Феоф., [69, с. 159]). Коварный Мистик подавил восстание, им самим инспирированное, с небывалой жестокостью.

Вскоре, в августе 913 г., столицу осадил обиженный покойным Александром Симеон. Патриарх отправился в лагерь болгар и там короновал захватчика, признав за ним титул «василевса Болгарии». Воспитанного в Константинополе Симеона трудно, конечно, было назвать варваром в плохом смысле этого слова, но все же факт признания титула василевса за чужеземцем – вещь, с точки зрения любого византийца, малоприемлемая – отвратил от Мистика многих и сыграл на руку его врагам.

Ища поддержки, Николай вернул во дворец августу Зою, для вящей безопасности постриг ее в монахини и объявил своей духовной дочерью. Но хитрая императрица обманула патриарха: перед церемонией пострижения она наелась мяса, сделав тем самым недействительным сам акт, и до поры до времени сохранила это в тайне.

Живя во дворце, Зоя с завидным упорством вербовала себе сторонников, а почувствовав себя готовой, перешла к решительным действиям. В феврале 914 г. вооруженные люди Зои напали на Мистика, тот убежал в церковь и отсиживался в ней три недели. Вышел он оттуда лишь признав полное свое поражение. Большую часть ставленников Николая Карвонопсина заменила своими, а монашество ее было объявлено недействительным.

Используя отстранение Мистика от дел как предлог, на империю снова напали болгары. Летом 915 г. Симеон взял Адрианополь. Августа и ее приближенные попытались организовать сопротивление. Два года Фракия была охвачена войною, а летом 917 г. «царица Зоя, видя, как вознесся Симеон и как теснит он христиан [ромеев], задумала со своими вельможами думу: заключить договор и перемирие с агарянами [арабами], а все восточное войско переправить, чтобы воевало и уничтожило Симеона. И вот послали в Сирию для заключения перемирия патрикия Иоанна Родина и Михаила Токсару. После этого тагам раздали причитающееся им

довольствие и вместе с фемами переправили во Фракию (доместиком схол был тогда Лев Фока, коему скорей свойственно было мужество, нежели искусство военачальника). Во Фракии протопала дворца Константин Кефала и Константин Малелий вынесли святые и животворные иконы, все преклонили колена и, поклявшись умереть за общее дело, вместе со всем войском двинулись на болгар... Двадцатого августа пятого индикта на реке Ахелой разразилась битва между ромеями и болгарами. По неисповедимому и непостижимому суду Божию дрогнули ромеи всем войском и началось бегство всеобщее и крик ужасающий; одних давили свои, других убивали враги, и случилось такое кровопролитие, какого не бывало от века. Лев [Фока], стратиг, спасся бегством в Месемврию. В числе прочих были убиты Константин Липс, Иоанн Грапс и много других архонтов. И послан был на помощь Льву Фоке на реку Данувий со всеми кораблями патрикий Роман [Лакапин, буд. имп. – С.Д.], друнгарий флота, а также [патрикий] Иоанн Вога – привести печенегов... Друнгарию Роману было приказано переправить печенегов на помощь Льву против болгар, однако между Романом и Иоанном начались распри и споры, и печенеги, видя, как они враждуют и ссорятся между собой, вернулись домой. По окончании войны и возвращении в город [Константинополь] Романа и Воги против них было возбуждено обвинение, и, что касается друнгария Романа, дело дошло до того, что его приговорили к лишению глаз, поскольку он по нерадению и, более того, злокозненности не переправил печенегов, но поспешно отступил и не взял на суда спасающихся бегством ромеев. И подвергся бы он этому наказанию, если бы приговор не был отменен стараниями патрикия

Константина Гонгилы и магистра Стефана, пользовавшихся влиянием у августы» (Прод.Феоф., [69, с. 161 сл.]).

Перипетии внутриполитической борьбы в царстве ромеев завершились тем, что 24 марта 919 г. корабли друнгария флота Романа с вооруженными людьми на борту пристали в гавани Вуколеон, почти к ступеням императорского дворца. Советники Зои бежали, Роман Лакапин оказался полным хозяином

положения. В мае он женил четырнадцатилетнего Константина Порфирогенета на своей дочери Елене, сам получив титул великого этериарха (командира наемной дворцовой гвардии) и василеопатора. Карвонопсина проживала еще во дворце, но реальной власти лишилась.

Лев Фока, остававшийся домашником схол, собрал подчиненные ему малоазиатские войска и прибыл в Хрисополь. Роман от имени василевса Константина VII обнародовал эдикт о смещении Льва Фоки с должности. Солдаты последнего стали массами переходить к Роману, домашник бежал, был пойман и ослеплен.

Осенью 919 г. Зоя попыталась отравить Романа, но это не удалось, василеопатор приказал схватить Карвонопсину, вторично постричь в монахини -на этот раз с тщательным соблюдением ритуала – и отправить в ссылку, из которой она уже не вернулась.

В период правления Зои соединенным войскам византийцев, папы и италийских христианских княжеств удалось разгромить арабов в крепости Гариляно – настоящем гнезде разбойников, несколько десятилетий подряд терроризировавших Апеннины.

Роман I Лакапин (ок. 870 – 948, имп. в 920– 945)

Роман I происходил из города Лакапы в феме Ликанд. Его отец, армянский крестьянин Феофилакт Авастакт, когда-то в бою спас жизнь императору Василию Македонянину и в знак благодарности со стороны последнего был зачислен в гвардию. Сам Роман также избрал воинскую службу, но на море. В 911 г. он был назначен стратегом о. Самос, а затем – друнгарием флота. По низложению Зои Роман получил титул кесаря (24 сентября 919 г.), а 17 декабря 920 г. Константин VII и Николай Мистик торжественно венчали его на царство. С первых дней правления Лакапин принялся оттеснять с политической арены Византии своего багрянородного соправителя Константина VII и его приближенных. Уже 6 мая 920 г. он провозгласил августой свою супругу Феодору. На следующий год Роман I объявил себя автократом, и в мае того же 921 г. короновал старшего сына Христофора, фактически назначив его наследником престола. Спустя три года императорами были провозглашены два других сына Романа, Стефан и Константин. Таким образом, в 924 – 931 гг. (до смерти Христофора) ромейский престол занимали пять (!) законных василевсов. Младшего своего отпрыска, Феофилакта (род. ок. 917), Лакапин приберегал для патриаршества. Роман настолько укрепил свои позиции, что последний (до 945) заговор против него датируется 921 г.

Поместный собор 920 г. в Константинополе примирил сторонников умершего тремя годами ранее Евфимия и Николая Мистика. Церковь, подтвердив законность четвертого брака Льва Мудрого, снова высказалась за запрещение подобных вещей впредь.

Сам автократор был глубоко верующим человеком, в порывах благочестия доходившим порой до грубых суеверий. Он, например, запретил как пережиток язычества веселый праздник брумалий, когда 24 дня в году посвящались буквам греческого алфавита и каждый византиец отмечал день первой буквы собственного имени ⁸⁰.

Роман прижил от рабыни-скифянки сына Василия Нофа и, желая избавиться от возможных хлопот в будущем, повелел мальчика оскопить, чтобы он никогда не смог претендовать на царство. Этот Василий играл впоследствии весьма значительную роль в политике Византии при четырех преемниках отца. Наряду со своей сводной сестрой Еленой Ноф оказался одним из самых стойких сторонников отверженного василевса Константина Порфирогенета.

Несмотря на необразованность и крайнее невежество, Роман I оказался способным политиком. Лакапин стремился ограничить произвол динатов, чье усиление, с одной стороны, разоряло сословие стратиотов – основу фемного войска, а с другой – могло послужить серьезной опасностью для центральной власти (что хорошо видно на примере средневековой Западной Европы). В новелле 934 г. император писал, осуждая жадность динатов: «Те, которые получили от Бога власть и возвысились над толпой славой и богатством, вместо того, чтобы, как это следовало бы, взять на себя попечение о бедных, смотрят на них, как на свою добычу» [6, т. I, с. 352].

Столица при Романе I жила неплохо, население же окраин, жестоко страдавшее от налогов, отвечало монарху мятежами - в Южной Италии (920, 926 – 932), славянских областях Пелопоннеса (921), Халдии (922). В 932 г. в феме Опсикий произошло крупнейшее восстание под руководством некоего Василия по кличке Медная Рука – некогда тот лишился правой руки за бунт и взамен приделал себе медный протез, державший меч. После разгрома Василий Медная Рука был торжественно сожжен на Амастрианской площади столицы.

Несмотря на ряд военных неудач, внешнеполитическое положение Империи ромеев при Лакапине было благоприятным. В 926 г. грозный Симеон Болгарский потерпел поражение от хорватов и вскоре умер, а с его преемником Петром василевс ромеев заключил прочный мир, выдав за него внучку - дочь Христофора Марию. Набеги болгар прекратились, но вскоре среди них начались смуты, зародившиеся, по-видимому, не без участия Константинополя. Болгария ослабла, что, впрочем,

имело и отрицательную сторону – через территорию Болгарии отныне стали проникать отряды угров (венгров), грабившие византийские владения. В войнах с восточными арабами настоящий перелом произошел с назначением на должность доместика схол Иоанна Куркуаса (Иоанн занимал ее около двадцати двух лет, примерно с 924 по 946). Новый доместик начал планомерное наступление на владения мусульман, пользуясь тем обстоятельством, что раздираемый междуусобицами багдадский халифат фактически распался на ряд независимых и нередко враждебных друг другу государств. Правительство Романа облегчило задачу Куркуасу, заключив в 930 г. мир с египетским халифом, фатимидом ал-Махди. В 932 г. ромеи взяли Мелитину, все окрестности которой стали императорским доменом (кураторией). Затем Млех-Млентц овладел Самосатой, а в 942 г. пал Нисибис. Перепуганный эмир Эдессы заключил с византийцами мир, одним из условий которого была выдача знаменитого нерукотворного образа Христа, хранившегося в городе и почитаемого как христианами, так и иσμαилитами. Примирился на время с силой ромейского оружия и беспокойный эмир Алеппо Сейф-ад-Даула – один из самых серьезных противников империи в середине X века. Дипломаты двора Лакапина поддерживали тесные контакты с королем Италии Гуго, царями Армении и ивиров (грузин).

Лишь в конце правления Романа Константинополь подвергся непосредственному нападению – русских войск великого князя киевского Игоря. Летом 941 г. на легких лодках-однодревках русские подошли к столице. В распоряжении Лакапина находилось лишь несколько старых кораблей (ромейский флот воевал тогда на Востоке), но эти суда были отремонтированы и на них установили приспособления для метания «греческого огня». Протовестиарий Феофан, которому император поручил оборону города, сжег эскадру Игоря в морском бою 8 июля. Уцелевшие русские перебрались на малоазийский берег Босфора и занялись там разбоем: «Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена [Босфора. – С.Д.], а из пленных одних распинали на крестах, других вколачивали в землю,

третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в головы железные гвозди» (Прод. Феоф. [65, с. 175 – 176]). В сентябре того же года росы начали отступать под натиском отрядов Куркуаса и вторично были разгромлены на море. Поход Игоря окончился для него печально. Приходится лишь удивляться той нечеловеческой жестокости, с которой руссковаряжская дружина расправлялась с греками. Вполне вероятно, что принятие Русью христианства сыграло значительную роль в исчезновении подобных кровавых традиций.

К концу царствования Роман рассорился со своими старшими сыновьями, Стефаном и Константином. Третий – Феофилакт, с большим трудом посаженный на патриаршество отцом в 932 г., увлекался исключительно лошадьми и вместо исполнения своих обязанностей дневал и ночевал на конюшне, откармливая своих любимцев сладостями – изюмом и сушеными фидами. Поневоле старый Лакапин начал сближаться с Константином Порфи-рогенетом. Недовольные таким положением дел, Стефан и Константин Лакапиниды организовали переворот. 16 декабря 944 г. больной Роман был схвачен, посажен в лодку и отвезен на о.Прот (Принцевы о-ва), где его насильно постригли в монахи. Однако попользоваться плодами своего деяния братья не успели – толпа воинов и горожан, сбегавшаяся ко дворцу, провозгласила автократом Константина Багрянородного. Последний, не желая делиться властью с вероломными соправителями, 27 января 945 г. приказал их арестовать, постричь и сослать.

Роман Лакапин прожил на острове Прот до самой смерти (15 июня 948г.) и был похоронен в монастыре Мирилее – том самом, где покоился прах другого несчастливого государя – Маврикия.

Константин VII Порфирогенет

(905 – 959, имп. 908 – 959, факт. с 945)

Рождение Константина VII Порфирогенета ⁸¹ было скандальным, личная судьба – нелегкой, а по поводу оценки его как императора историки не пришли к единому мнению и по сей день. Он занимал престол феноменально долгое время – пятьдесят четыре года, и ни один из старших соправителей, ни Александр, ни Роман I, не отважились от него избавиться – принцип наследственности власти сохранил Багрянородному жизнь. Но какая это была жизнь – с юных лет василевс оказался лишь игрушкой в руках стоявшей у подножия трона знати, а после воцарения Романа власть прочно отошла к Лакапинидам, что не могло не пугать и не задевать Константина, вступившего в сознательный возраст. Всех более или менее близких ему людей узурпатор безжалостно удалял из дворца, между 922 и 924 гг. Христофор Лакапинид оттеснил Порфирородного на третье место в иерархии императоров. Надолго устраненный от управления государством, Константин VII с головой ушел в ту сферу человеческой деятельности, которая наряду с религией часто давала убежище и утеху опальным вельможам ромейской державы – в науку. Он не нуждался в средствах и, имея в течение долгих лет чисто номинального правления массу свободного времени, совершенствовал свои знания. Результат нам известен – Константин VII Багрянородный по уровню своей образованности далеко превзошел всех императоров Византии. Став самодержцем после низвержения Лакапина (в чем наверняка принимал активное участие), он много внимания уделял константинопольской высшей школе, при дворе же организовал кружок учнейших людей своего времени, которые под руководством и при непосредственном участии просвещенного василевса занимались составлением справочников почти по всем известным тогда человечеству отраслям наук: агрономии, медицине, зоологии, тактике, истории и т.п. Составлено было около полусотни таких компиляций, ныне, к сожалению, утраченных. По

справедливому замечанию Я.Н.Любарского, «в целом Константин Багрянородный, а вернее, возглавляемый им круг ученых секретарей, создал свод византийской практической учености, равного которому не знает ни византийская, ни западная средневековая наука» [69, с. 223]. Под именем самого венценосца известны три крупных произведения: историко-географический труд «О фемах», руководство сыну Роману «Об управлении империей» и книга «О церемониях византийского двора». Кроме того, существуют и мелкие – жизнеописание Василия Македонянина (включенное в «Жизнеописания...» Продолжателя Феофана) и др. По мнению нынешних исследователей (современники Константина VII считали иначе), он имел существенные пробелы в своем образовании – например, не знал латыни – и уступал в учености таким людям, как Фотий или Николай Мистик. Как писатель, Порфириогенет страдал слепым доверием к источникам, обилием анахронизмов, его труды (о чем сказано выше) носили большей частью компилятивный характер. Однако, оценивая недостатки Константина VII, не следует забывать, что подобные слабости присущи всему средневековому знанию, а он остался прежде всего энциклопедистом и организатором, сохранившим цивилизации часть ее истории, что само по себе – огромная заслуга. То, что историки привыкли называть Македонским Ренессансом в плане культурном, конечно, середина X столетия. Ни до, ни после византийская образованность не имела лучшего попечителя.

Политическая программа Багрянородного, которую он высказывал в своих произведениях, своего рода квинтэссенция римско-византийской самодержавной идеи: император – это Христос среди апостолов, империя – «мировой корабль», а Константинополь – столица городов и всего мира. Два явления противопоставлял царь во внешней политике: государство ромеев и всех остальных, независимо от уровня цивилизованности, – «варваров». Все, что делается во имя первого, – благо. Варваров же надо держать в узде силою золота, оружия или обмана – хороши все средства. Все они должны стать покорными рабами империи. Но старые, еще

римские идеалы к X веку изрядно потускнели – «варвары» диктовали свои условия Риму Второму чаще и с большим успехом, чем некогда им – Первый.

Багрянородный Константин VII сверг Лакапинидов, опираясь на круги столичной аристократии. Немалую роль в утверждении его на троне сыграли и привязанности простого народа. По свидетельству историков, император был очень красив – белокожий, голубоглазый, физически крепкий и стройный, к тому же приятный в общении. Он не забывал интересов столичной бедноты, строил, как и его предшественник, больницы и приюты, щедро раздавал милостыню. Что особенно удивительно, василевс хорошо знал многие ремесла: «Живописное искусство сей муж знал так хорошо, как, я полагаю, никто другой ни до него, ни после... А кто расскажет о наставлениях Багрянородного мастерам? Наставлял он и каменотесов, и плотников, и позолотчиков, и среброделов, и железоделов. И всегда во всем оказывался царь самым лучшим» (Прод.Феоф., [69, с. 186–187]). Из дурных его страстей современники единодушно отмечали склонность к вину.

В литературе до недавнего времени бытовало мнение о Константине как о «книжном черве» на троне, оторванном в мыслях от реалий жизни и занимавшемся науками в ущерб интересам державы. Современники считали иначе: «Следует рассказать, как заботился царь о государственных делах, о его бесконечных усовершенствованиях и трудах по управлению. Отовсюду слали ему письма стратигов, царские протонотарии, должностные лица в селах, областях, городах. Кроме того, отправлялись послания вождям племен, и он, читая их, сразу схватывал смысл и определял, как быть с теми, что с Востока, и с теми, что с Запада. Он проглядывал письма с быстротою птицы и при этом еще принимал послов, отправлял послания чиновникам, отменял опрометчиво сделанные нововведения. И был сей Константин советником, радетелем, стратигом, воином, военачальником, предводителем. Кто сможет рассказать и поведать о его совершенствах?» (Прод.Феоф., [69, с. 186]).

Несмотря на неприязнь к Роману I, Порфирогенет поддержал и продолжил его внутреннюю политику. Император активно боролся с коррупцией и произволом динатов. В 947 г. Константин VII опубликовал новеллу, приказав возвратить незаконно отчужденные стратиотские участки бывшим владельцам. Правда, последние обязаны были оплатить стоимость возведенных динатами на этой земле строений, но если имущество стратиота оценивалось менее чем в пятьдесят номисм, участок возвращался бесплатно. Впрочем, из-за сильного протеста динатов последнее требование пришлось отменить. Багрянородный юридически полностью отделил стратиотов от остальной массы крестьянства и указал твердую стоимость участка, с которого выставлялся воин-моряк, пехотинец или конный стратиот.

Несмотря на указы василевсов, к середине X в. фемный строй начал явно клониться к закату. Все больше стратиотов разорялось, лишь малая часть, богатея, превращалась в мелких вотчинников и далее – в динатов. С X в. иноземные наемники начинают играть все более и более важную роль в обеспечении боеспособности армии. И тем не менее на время именно Константина VII приходятся крупные военные успехи ромеев, провозвестники блистательных побед императоров Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия Болгаробойцы. Лишь однажды, в начале автократии Порфирогенета, империя понесла тяжелое поражение – когда в 947 г. провалилась экспедиция против критских арабов. В 945 г. халиф ал-Мустакфи бежал на север из разгромленного в результате охватившей халифат гражданской войны Багдада. Ромеи, используя ситуацию, наносили врагам чувствительные удары. К началу пятидесятих годов византийская армия отвоевала Адану, Мараш, Феодосиополь и вышла к Евфрату. В 953 г. эмир Алеппо Сейф-ад-Даула потеснил христиан, но василевс сместил с поста domestika схол состарившегося Варду Фоку и назначил на это место его сына Никифора (будущего императора). В 956 г. Никифор Фока взял Хадат, Иоанн Цимисхий (тоже впоследствии император) – Самосату, патрикий Василий Эксамелит сжег большой флот эмира Тарса. Меч

империи навис над Сирией. Сломленные правители Алеппо, Тарса, Триполи и Египта запросили мира. Чуть ранее уполномоченный царя, патрикий Мариан Аргир, успешно подавил восстание фем Калаврии и Лонгивардии.

Казалось, император мог быть спокойным. Но правление Константина было далеко не безоблачным. Вокруг трона кипели страсти, и императору приходилось всячески стараться, чтобы удержаться на нем. Еще в середине 940-х гг. патриарх Феофилакт пытался вернуть отца, в 947 г. аналогичный заговор составили сторонники Стефана. Оба заговора были раскрыты, а участники – сурово наказаны. Однако Феофилакт до 956 г. оставался на патриаршестве, находясь в трениях с василевсом и не прекращая к тому же всяческих безобразий, «рукополагая архиереев за мзду, занимаясь лошадьми и разными глупостями» (Прод.Феоф., [69, с. 184]). Когда же в 956 г. беспутный патриарх разбился, упав с коня, его место занял ученый аскет Полиевкт, но отношения с императором не сложились и у него – новый патриарх яростно отстаивал доктрину независимости духовной власти от светской. Другие опасные недовольные – динаты – группировались вокруг наследника престола Романа и его жены Феофано.

В сентябре 959 г. василевс отправился на Олимп (в Малой Азии) посоветоваться с другом, монахом Феодором Кизикским, о низложении надоевшего своими интригами Полиевкта. По утверждению Иоанна Скилицы, Роман, которого Константин очень любил и о котором всяко заботился, попытался отравить отца, но император поскользнулся с чашей в руках и выпил не весь предназначенный ему под видом лекарства яд. Тем не менее он почувствовал себя плохо, заболел и на пути в столицу 9, 15 или 19 – по разным источникам – ноября скончался, либо от болезни, либо вторично отравленный сыном. Умирал он в полном сознании, явив перед лицом смерти достойную императора и философа твердость духа.

Около 957 г. столицу империи посетила великая княгиня киевская Ольга. Поначалу ее приняли, как и подобало «рангу» архонтессы «варваров», пренебрежительно, без особых

торжеств, долгое время продержав в городе без аудиенции. Властная и мудрая женщина, Ольга отплатила чванливым ромеям той же монетой, отказавшись по первому требованию предоставить византийцам военную помощь, сославшись на то, что-де как она ждала приема у василевса, так подождут и ромеи. Предание о том, что будто бы плененный красотой Ольги, Константин VII предложил ей заключить с ним брак, – не более чем красивая легенда.

Роман II, Никифор II Фока

(905 – 959, имп. 908 – 959, факт. с 945)

Роман II (939 – 963, имп. с 945, факт. с 959)

Сын Константина Багрянородного и Елены Лакапиниды Роман родился во времена опалы Константина. До семи лет он мало общался с отцом, так как даже здесь дед – Роман I Лакапин – не желал давать Константину какой-либо инициативы. После свержения Лакапинидов отец поручил воспитание наследника Василию Нофу – человеку разумному, благочестивому, но прижимистому. Роман невзлюбил своего воспитателя и впоследствии удалил Нофа из дворца.

6 апреля 945 г. Роман стал формальным соправителем Константина VII.

Внешне он походил на отца, славясь красотой и отменным здоровьем. Но лишь этим и ограничивалось сходство. Удовольствия Роман находил не в книгах и ученых беседах, а в пьянстве и распутной жизни. В 956 г. он просто шокировал отца и двор, сочетавшись браком с дочерью простого харчевника, Анастасией (тронное имя – Феофано), женщиной удивительной красоты и, как выяснилось, жестокой и непомерно властолюбивой.

Наследственная чета стала центром оппозиции автократу, что причиняло ему большое огорчение. Роман отца не любил, и, по-видимому, сообщение Иоанна Скилицы о том, что он отравил Константина, навеяно поведением юного царя.

Умирая, Константин Багрянородный завещал ему в качестве наставника опытного политика, евнуха Иосифа Врингу. Он и августа Феофано в основном и управляли страной. «Сам же он [царь] ничего другого не имел в мыслях, как с развратными и испорченными людишками, похотливыми женщинами, мимами и шутами проводить время, отвлекаясь от дел» (Скилица, [48, с. 111]). Сходным образом осуждает Романа II и Продолжатель Феофана. Впрочем, византийские историки оправдывают императора, говоря, что сам по себе он был не склонен к распутству, но вот его приятели влияли на него дурно.

Император очень боялся заговоров, окружал себя многочисленными стражниками и телохранителями. По этой же

причине мать и своих сестер жестокосердный и трусливый Роман II насильно поместил в монастырь. Правда, чувствовали они себя там вполне свободно, ходили в светском платье и ели мясо, т.е. монастырский устав не соблюдали.

Военное положение империи при Романе II продолжало оставаться неплохим. Братьев Фок – Никифора и Льва – василевс произвел в магистры и препоручил им ведение крупных кампаний. Около 960 г. Вринга сумел отстоять перед синклитом, роль которого при бездарных царях в Византии возрастала, идею похода на Крит, хотя многие вельможи и были против опасного и дорогостоящего мероприятия. Летом 960 г. огромная флотилия из двух тысяч огненосных кораблей, тысячи дромонов и трехсот семи транспортов отплыла к Криту. После восемнадцатимесячной войны остров был захвачен (см. «Никифор II»). Лев Фока, замещавший брата в Малой Азии, тем временем изрядно потрепал войска Сейф-ад-Даула. Годом позже под стенами Алеппо появился сам Никифор, арабские владения в Северной Сирии и горах Тавра серьезно пострадали. Взяв богатую добычу, domestik Востока ⁸² вернулся в Константинополь.

Весной 963 г. Роман II опасно заболел, а 15 марта умер, завещав оставить командование всеми войсками за Никифором Фокой. «По мнению одних, [он умер], изнунив свою плоть позорнейшими и сластолюбивыми поступками. Но есть и другое мнение – что он был отравлен ядом» (Скилица, [48, с. 114]).

Подозревали, что его отравила жена. Так ли это, неясно, тем более что как раз в это время у императрицы были другие заботы – 13 марта она родила дочь Анну (будущую супругу великого князя киевского Владимира).

Никифор II Фока (912 – 969, имп. с 963)

Император Никифор II происходил из могущественного и знатного рода Фок, исправно дававшего Византии крупных военачальников. Сам Никифор, с 954 г. доместик схол, прославил себя успехами на полях сражений. Весной 960 г. синклит и император поручили ему критскую кампанию. После долгой осады и тяжелых боев главная крепость арабов Хандак пала 7 марта 961 г. Город подвергся ужасной резне, а затем был разрушен до основания, и ромеи возвели недалеко от этого места крепость Теменос. Добыча византийцев оказалась громадной – ценности, которые на протяжении столетий собирали критские разбойники. Лев Диакон, современник описываемых событий, рассказывает о жутком эпизоде осады Хандака: часть арабских войск пыталась прорвать блокаду крепости, но была перебита. Головы мертвых Никифор приказал отрезать и часть, насадив на копья, выставить против стен, а остальные забрасывать камнеметами в город. Можно себе представить, какое впечатление произвели даже на искушенных в зверствах пиратов такой кровавый частокол и страшные снаряды!

По возвращении в Константинополь Фока справил триумф, радуя жителей столицы великолепным зрелищем. В апреле 962 г. августа Феофано вызвала блистательного полководца в столицу, несмотря на бешеное сопротивление его противника Иосифа Вринги. Синклит утвердил за Фокой пост стратига-автократора⁸³ Азии. Никифор вернулся к войскам, дав клятву свято блюсти интересы юных василевсов Василия и Константина. Однако уже тогда, видимо, он замыслил переворот, понимая, что добром соперничество Вринги и братьев Фок не кончится. Евнух тоже это понимал, но Никифор и Лев, имевшие поддержку армии и малоазийской военной знати, были недосыгаемы для его происков. Влияние Иосифа падало, и он, в состоянии, близком к отчаянию, послал в лагерь стратига письмо, адресованное магистрам Роману Куркуасу и Иоанну Цимисхию (будущему императору),

предлагая соответственно посты домашних животных с хол Запада и Востока в обмен на ослепление Никифора. Цимисхий, взвесив все «за и против», показал это послание самому Никифору. Медлить далее было бы неразумно.

2 июля под Кесарией Каппадокийской войска провозгласили Никифора Фоку императором ромеев. К началу августа он привел свою армию под стены Константинополя. Вринга попытался захватить отца узурпатора Варду, но народ отстоял старика. 9 августа Иосиф, явившись в центр города, вне себя от злости кричал, угрожая жителям голодом: «Я смирю вашу дерзость и бесстыдство! Я сделаю так, что, купив хлеба на номисму, вы унесете его за пазухой!» – и велел прекратить выпечку хлеба. Вечером народ напал на стоявшие в городе части фракийских фем, начались погромы жилищ сторонников паракимомена – в основном представителей торгово-ремесленной верхушки. Конечно, пользуясь случаем, активизировали свою деятельность грабители: «... разрушены были дома не только тех знатных и влиятельных лиц, которые, как казалось, противились [перевороту], но и многих других богатых людей... И если у кого была распря с каким-либо лицом, то он приводил с собой нестройную толпу к дому врага и безо всякого препятствия его уничтожал. И многие люди были убиты во время такого бесчинства» ([48, с. 116]). Восставших возглавил отстраненный из-за интриг того же Вринги Василий Ноф, вооруживший три тысячи (!) своих слуг. Несколько дней на улицах шли жестокие бои, к вечеру 15 августа в город ворвались солдаты узурпатора, и вскоре все было кончено. На следующее утро Никифор торжественно въехал в столицу и был коронован, Иосиф Вринга принял постриг в одном из пафлагонских монастырей, куда его сослали. Скилица, видимо не очень хорошо настроенный по отношению к Никифору, писал, что тот никак не наказал участников беспорядков, а когда жаловались на бесчинства его стратиотов, говорил: «Неудивительно, что при таком множестве людей некоторые своевольничают» ([48, с. 118]).

«Так следует по одной версии, – отмечал Иоанн Скилица. – Однако существует и другая и, как кажется, более достоверная,

что [Фока] уже длительное время мучился желанием захватить императорскую власть, и распален он был не столько страстью к ней, сколько к императрице Феофано; он вступил с нею в связь, когда жил в столице...» ([48, с. 115])

Лев Диакон, с уважением отзывавшийся о Фоке, дает следующий его портрет: «Цвет лица [его] более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый; борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла. Разумом, целомудрием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время» ([48, с. 29]). Иными красками рисует этого же человека Лиутпранд, епископ кремон-ский, приехавший с дипломатическим поручением от германского императора Оттона I и принятый из-за ряда разногласий между державами весьма неласково. Обиженный, он написал: «Совершенное чудовище, пигмей с тучной головой, с небольшими глазами, как у крота; он обезображен короткой, широкой, разросшейся полуседой бородой, его уродует тонкая, как палец, шея; весь он оброс густыми волосами, лицом он темный, как эфиоп, которого не захочешь встретить ночью! У него торчащий живот, сухие ягодичы, бедра применительно к его короткой фигуре очень долги, голени коротки... Одет Никифор в виссон, но очень бесцветный, от долгого ношения ветхий и вонючий, со стертыми украшениями. Речь у него бесстыдная, по уму он – лисица, по вероломству и лживости подобен Улиссу» ([48, с. 179]).

Император был личностью в высшей степени своеобразной. Солдатская жестокость сочеталась в нем с суеверием и склонностью к религиозным подвигам – Фока носил власяницу, спал на расстеленных на полу шкурах и воздерживался от мяса. «Никогда, – писал Лев Диакон, – не становился он рабом наслаждений и... никто не мог сказать, что видел его хотя бы в юности предававшимся разврату» ([48, с. 44]). При этом он был очень сребролюбив.

«Никифор, – жаловались Лиутпранду ромейские придворные, – человек скорый на руку, он предан военному делу и бежит от дворца, как от заразы... С ним трудно ладить, он не подарками привлекает в дружбу, а подчиняет себе страхом и железом» ([3, с. 211]). Василевс обладал большой физической силой, превосходно владел оружием и до самой смерти не гнушался воинскими упражнениями, сам обучал солдат.

Все силы государства этот воинственный император направил на походы. Армия была его любимым детищем, и ради нее он жертвовал всем. На ведение войн василевс вводил все новые и новые налоги, за счет чего и содержал армию, не тратя, по выражению арабского историка Ибн-Хаукаля «ни единого дирхема из своей казны» [88, с. 279]. Император даже – неслыханное дело – урезал ругу синклитикам, чем сильно их уязвил. Руководство византийской церковью также было недовольно василевсом, всячески ограничивавшим ее доходы. В 964 г. вышла известная новелла, запрещающая основание новых монастырей и расширение имений старых. «Искупитель наш, заботясь о нашем спасении и указывая путь к нему, прямо наставляет нас, что многостяжание служит существенным к тому препятствием... И вот, наблюдая теперь совершающееся в монастырях и других священных домах и замечая явную болезнь (так я называю жадность), которая в них обнаруживается, я не могу придумать, каким врачеванием может быть исправлено зло и каким наказанием я должен заклеить безмерное любостяжание. Кто из святых отцов учил этому, и каким внушением они следуют, дошедши до такого излишества и такого безумия! Каждый день они стараются приобретать тысячи плефров (плефр – 1269,1 кв. м), строят роскошные здания, разводят превышающие всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашество уже ничем не отличается от мирской жизни со всеми ее суетными заботами...

Христос сказал, что Царствие Его достигается только с большими усилиями и многими скорбями. Но когда я посмотрю на тех, которые дают обет монашеской жизни и переменой

одежды как бы знаменуют свое отречение от мира, и вижу, как они обращают обеты свои в ложь и как противоречат поведением своим своему постригу, то не знаю, не следует ли скорее назвать это театральным представлением, придуманным для осмеяния имени Христова. Не апостольская это заповедь, не отеческое предание – приобретение многоплефровых громадных имений и множество забот о плодовых деревьях!» [3, с. 181 сл.]

Военные успехи василевса-солдата впечатляли. В первые два года правления он утвердил власть империи над Тарсом, Аданой, Мопсуестией и о.Кипр. Лишь дважды византийцы понесли поражение, и оба раза на Западе, когда они были разбиты арабами во время сицилийских экспедиций на суше и в Мессинском проливе (964 и 965), а остров полностью подпал под власть мусульман. В 966 г. император взял сирийский город Мембидж и неделю простоял у стен Антиохии-на-Оронте, но на штурм превосходно укрепленной крепости не решился. В это время серьезно обострились отношения Византии с ее северным соседом – Болгарским царством. Не имея возможности вести изнурительную борьбу на два фронта, Никифор II для покорения Болгарии решил использовать грозного великого князя киевского Святослава Игоревича. В 967 г. сын херсонесского протевона патрикий Калокир с крупной суммой золота отправился уговаривать князя начать с Болгарией войну ⁸⁴. Миссия удалась, но надеявшийся на свою выгоду император просчитался – захватив столицу болгар Плиску, Святослав наотрез отказался уходить оттуда и вообще стал вести себя по отношению к ромеям недружественно.

В 968 г. Никифор II снова вернулся победителем из Финикии, а в Калав-рии его полководцы разгромили войска императора Оттона I ⁸⁵. Весной следующего года император затеял новый поход на Сирию, но, получив тревожные известия о враждебных намерениях Святослава, спешно возвратился с Востока домой, поручив начавшуюся осаду Антиохии стратопедарху еврею Петру и магистру Михаилу Вурце. Последний, проигнорировав распоряжение Никифора не совершать активных действий, подкупил начальника одной из

крепостных башен и 28 октября 969 г. после яростного ночного приступа овладел этим одним из богатейших городов Востока. Говорили, что василевс разгневался на победителя и подверг его опале, так как знал о предсказании, что после того, как ромеи возьмут Антиохию, император будет убит.

Долгие войны Никифора II тяжким бременем легли на все население ро-мейской державы от мала да велика, от простых крестьян до высших сановников. Случившиеся несколько лет подряд неурожаи привели в 969 г. к подорожанию хлеба в восемь раз! Скилица по этому поводу рассказывает замечательный анекдот: «Однажды император находился в поле, обучая войско, когда к нему подошел седовласый старик и попросил принять его в число стратиотов. Император сказал ему: «Ты же старик, как ты можешь требовать, чтобы тебя причислили к моим стратиотам?» Тот остроумно ответил: «Я сейчас стал значительно сильнее, чем когда был юношей!» И в ответ на вопрос императора: «Как это?» – он сказал: «А потому, что раньше купленный на номисму хлеб я носил, нагрузив ношу на двух ослов, а в твоё царствование хлеб на две номисмы я, не ощущая тяжести, могу носить на плечах» ([48, с. 121]). Мало того, Никифор Фока произвел монетную реформу и ввел в оборот две номисмы – эталонную, сохранившую прежний вес (гистаменон) и облегченную примерно на десятую часть (тетартерон). При этом вносить подати нужно было гистаменонами, а сама казна рассчитывалась тетартеронами. Брат царя куропалат Лев Фока и Василий Ноф с молчаливого одобрения государя спекулировали государственным хлебом, наживая баснословные состояния. Народ в гневе поносил братьев Фок, набивавших мешки золотом, добытым из колодца народного горя. В результате к концу правления Никифор II потерял свою немалую прежде популярность. Церковь открыто поддерживала антиправительственные настроения. Страшась заговоров или народного бунта, Фока перестроил ту часть Большого дворца, где он жил, превратив ее в неприступную, окруженную глубоким ровом крепость в центре города. Горожане, на чьи плечи легла

повинность по возведению этих стен, зло смеялись над императором и его заботами ⁸⁶.

Единственные, кто в правление Никифора II чувствовал себя хорошо, были воины. Фока приписал многих крестьян к ведомству логофета дрома, ранее приписанных к этому ведомству перевел в моряки, бывших ранее моряками – в пешие стратиоты, пеших – в легкую конницу, а последних – в катафракты, существенно увеличив их земельные наделы. Не только катафрак-ты, но и их слуги освобождались от налогов – император сказал, что «налога крови» с них довольно. Если стратиот требовал у монастыря возврата ранее перешедших в собственность обители земли (а такого рода захваты монастырями практиковались, особенно в провинции), его просьба удовлетворялась. Вместе с тем василевс пошел на ряд уступок знати, отменив ряд новелл против динатов.

Весной 969 г. на ипподроме Никифор II решил дать жителям зрелище учебного боя, не предупредив горожан заранее. Когда на арене, обнажив мечи, показались гвардейцы василевса, перепуганные зрители, решив, что сейчас начнется резня (накануне в уличной схватке погибло несколько солдат), в панике повалили к выходам, давя друг друга. Торжество обернулось массовыми жертвами, и лишь выдержка императора, показавшегося на кафисме ипподрома, остановила безумие. Однако случившееся переполнило чашу терпения горожан. Месяц спустя в Никифора, шествовавшего по улице в церковь, полетели камни, сопровождаемые яростной бранью народа. Фока, не боявшийся и вражеских стрел, остался внешне невозмутим, но выводы сделал. На стенах дворца встала усиленная стража, а город затих в тревожном ожидании. Но и под защитой двойной стены цитадели император не мог успокоиться. Настроив против себя всех в столице – и синклит, и церковь, и население, Никифор занервничал. Подозрительность его усилилась, и одной из первых жертв гонений на придворных стал Иоанн Цимисхий. Заподозрив в измене, император сместил его с поста доместика Востока на должность логофета дрома, а затем вообще отстранил Цимисхия от дел и выслал в Халкидон. Подобная участь

постигла и героя взятия Антиохии, Михаила Вурцу. Говорили, что император замыслил утвердить на троне свой род и хочет оскопить сыновей Романа II. Однако измена уже готовила Никифору гибель. Ненастной ночью с 10 на 11 декабря 969 г. два солдата, заблаговременно припрятанные августой Феофано в собственных покоях, спустили со стены дворца на веревке вместительную корзину. Один за другим отправлялись в ней наверх вооруженные люди. Последним в корзине поднялся Иоанн Цимисхий. Заговорщики с обнаженными мечами ворвались в спальню императора, но Никифора в постели не оказалось. Охваченные ужасом, они, решив, что василевса успели предупредить, собрались бежать, как вдруг кто-то заметил Фоку спящим на полу у камина. После недолгих издевательств Цимисхий приказал зарубить безоружного василевса. Заподозрив неладное, гвардейцы попытались выбить двери спальни, но, когда им сквозь решетку показали отрезанную голову господина, посоветовавшись, первые провозгласили Цимисхия императором.

Поэт Иоанн Геометр сочинил Никифору II следующую эпитафию:

Благочестиво я властвовал целых шесть лет над народом
Столько же лет просидел скованным скифский Арес.

Я подчинил города ассирийцев и всех финикиян,
Я неприступнейший Тарс Риму склонил под ярмо,
Освободил острова, их избавив от варварской власти,
И захватил я большой, славный красой своей Кипр.
Запад, а также Восток бежали пред нашей угрозой,
Высохшей Ливии степь, счастье дарующий Нил.

Пал я в своем же дворце, в своем же покое стал жертвой
Женских предательских рук, вдруг и злосчастен, и слаб.

Были со мной и столица, и войско, и стены двойные –

Истинно, нет ничего призрачней смертных судьбы! [48, с. 133]

В последние годы правления Никифора II Фоки папская курия стала официально именовать византийского монарха императором не римлян, а греков.

Иоанн I Цимисхий

(ок. 925 – 976, имп. с 969)

Иоанн по прозвищу Цимисхий (возм., от армянского “смusk” – туфелька) (за малый рост) родился в Иераполе. Происходил он из знатного армянского рода Куркуасов, представителей военно-землевладельческой знати. При Романе II и Никифоре II он выдвинулся как способный военачальник. Иоанн был честолюбив, очень храбр и склонен к дерзким предприятиям.

«Лицо [он имел] белое, здорового цвета, глаза голубые, взгляд острый, нос тонкий, соразмерный, борода вверху рыжая и слишком суженная по сторонам, а внизу правильной формы и не подстриженная. Он был малого роста, но с широкой грудью и спиной; в нем таилась гигантская сила, руки обладали ловкостью и непреодолимой мощью; геройская душа его была бесстрашна, непобедима и отличалась поразительной для такого маленького тела отвагой. Он один без боязни нападал на целый отряд и, перебив множество [врагов], с быстротой птицы возвращался к своему войску, целый и невредимый. В прыганье, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Говорят, он выстраивал в ряд четырех скакунов и, птицей мелькнув над тремя из них, садился на последнего. Он так метко направлял дротик в цель, что тот пролетал через отверстие величиной с кольцо... Он клал кожаный мяч на дно стеклянной чаши и, пришпорив коня, проносился на полном скаку, ударяя по нему рукоятью копья так, что мяч подпрыгивал и устремлялся в воздух, чаша же оставалась... целой и не двигалась с места. Он всех превосходил щедростью и богатством даров... Но недостаток Иоанна состоял в том, что он сверх меры напивался на пирах и был жаден к телесным наслаждениям» [48, с. 52].

В субботу 11 декабря 969 г., когда неубранный труп Никифора Фоки еще валялся во дворце, солдаты Цимисхия, разъезжая по улицам Константинополя, славили его как императора. Василий Ноф поддержал Иоанна, начавшиеся было в городе волнения прекратились. Но патриарх Полиевкт,

человек суровый и решительный, отказался венчать на трон узурпатора, обвинив его в грехе цареубийства. Тогда последний прилюдно, в церкви, поклялся в том, что не убивал василевса, а де совершили это его друзья – и назвал заговорщиков по именам. Затем он добавил, что умерщвление Никифора организовала августа Феофано. Предав, таким образом, своих сообщников, которые тут же были сосланы, Цимисхий обрел право на коронацию, которая и состоялась 25 декабря. Надо сказать, что византийские историки, в общем осуждая Цимисхия за вероломство и убийство Никифора II, единодушно сходятся в положительной оценке его как правителя.

Положение государства на момент узурпации власти Цимисхией было тревожным: «Недостаток съестных припасов и повсюду распространившийся голод третий год пожирала ромейскую державу; угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов; карфагеняне [африканские мусульмане. – С.Д.] и арабы намеревались напасть на только что покоренную ромеями сирийскую Антиохию» [48, с. 53]. Император незамедлительно принял надлежащие меры: срочный подвоз продовольствия предотвратил голодный бунт в столице, а к Антиохии отправилась сильная армия. Василевс отстранил от власти всех родственников своего предшественника, но на тотальные репрессии против Фок не осмелился.

Весной 970 г., когда не успел еще стаять снег, тридцатитысячное русское войско великого князя киевского Святослава Игоревича, усиленное отрядами болгар и венгров, появилось у Аркадиополя. В тяжелом сражении византийцы под командованием магистра Варды Склира (сам император находился в Сирии, где только что овладел Алеппо) буквально вырвали победу у неприятеля. В это время в Малой Азии восстал сын куропалата Льва, Варда Фока. Отряды Склира были срочно переброшены туда из Фракии. Посулами и обещаниями Склир склонил к измене часть мятежников, а остальных без большого труда разгромил, причем пленные по распоряжению императора были ослеплены.

Несмотря на временное затишье, царившее во Фракии, Цимисхий прервал сирийский поход и заторопил войска с переправой через Геллеспонт в Европу. Святослав же не собирался покидать Болгарию без выкупа, а провизантийски настроенных болгар усмирять жестоким террором (Лев Диакон сообщает о двадцати тысячах – явно, впрочем, завышенная цифра – посаженных на кол «росами», как греки называли русских, после взятия Филиппополя). Магистр Иоанн Куркуас, командующий фракийской армией, предавался пьянству, и русские одерживали над византийцами победу за победой. Послам Цимисхия князь отвечал «надменно и дерзко» – пусть-де ромеи убираются в Азию. В ответ император, напоминая «катархонту росов» о плачевном финале походов его отца Игоря против Византии и древлян, писал: «Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец ⁸⁷ не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Это послание рассердило Сфендослава [Святослава. – С.Д.] и он... послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну-мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия... а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага» [48, с. 57].

Весной 971 г. Иоанн I во главе большого, прекрасно оснащенного войска выступил на север. Передовой отряд русских, не ожидавших нападения, отступил в Преславу. 12 апреля под Преславу прибыл сам василевс. Калокир ⁸⁸, находившийся в городе, слышав трубы, игравшие приветствие царю, бежал с этой вестью к князю, находившемуся в крепости Доростол (римский Дуросторум или Дристра, позднее – Силистрия). Спустя два дня Преслава пала,

царь Петр и казна Болгарии достались ромеям, а семитысячный отряд русских, засевший во дворце, был уничтожен. Император во время штурма храбро бился в передовых шеренгах своего войска.

Через неделю Цимисхий был уже под Доростолом, где сосредоточилось около шестидесяти тысяч (по византийским источникам) «скифов». Греков уже ждали: «Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и, приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой.

Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевала стыд и злоба [при мысли о том], что они, побежденные оружием и мужеством своих противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом [конница у Святослава была, но не русская, а союзная, печенежская. – С.Д.]. Побуждаемые такими мыслями, [оба] войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство.

Много [воинов] пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил на [скифов] конницу во весь опор; громким голосом призывал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили

к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены...» [48, с. 73, сл.]

Иоанн построил по правилам ромейской военной науки укрепленный лагерь, и потянулись долгие месяцы осады и коротких стычек. Русские наносили грекам сильный урон снарядами из метательных машин, а греки поражали их стрелами снизу. Затем ромеи установили тяжелые осадные камнеметы, и потери среди воинов Святослава увеличились очень быстро. «Скифы» совершили удачную вылазку, убив командующего артиллерией ромеев магистра Иоанна Куркуаса. На следующий день, 19 июля, русские, воодушевленные вчерашней победой, попытались пробить себе путь к свободе. Жестокий бой кипел несколько часов, и к вечеру стало ясно, что победа на этот раз досталась грекам. Русские похоронили убитых по своему обряду и, желая умиловить своих богов, принесли им языческие жертвы: «Они нагромодили их [мертвых] перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом, по обычаю предков, много пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» [48, с. 78].

На рассвете 21 июля Святослав созвал приближенных на совет. «Повесть временных лет» сохранила речь князя (текст которой очень похож на соответствующее место у Льва Диякона): «Уже намъ некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костью, мертвыи бо срама не имамъ. Не имамъ убежати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою» [204, с. 206].

Согласно Скилице, Иоанн I предложил князю пощадить войска и решить судьбу войны поединком, но тот отказался «и прибавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает более жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет» [48, с. 131] ⁸⁹.

В пятницу 21 июля началось последнее сражение. Святослав, находившийся в гуще схватки, едва не погиб от руки бывшего среди ромеев Анемаса, сына последнего критского эмира. Великого князя спасли крепкая кольчуга и щит. Иоанн Цимисхий также бился среди своих катафрактов. Магистр Варда Склир обошел русских с тыла, они дрогнули, побежали, и началось избиение отступавших. Святослав, израненный стрелами, чуть не попал в плен, остатки его дружин спаслись за доростольскими стенами. «Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но, видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях: тавроскифы уступят ромеям Дори-стол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями... а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде.

Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения -встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собой многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его

приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами» [48, с. 81, сл.].

Епископ Феофил Евхаитский по поручению императора отправился с посольством к печенегам, требуя беспрепятственно пропустить Святослава, возвращавшегося с добычей (Цимисхий оставил князю все взятое русскими в Болгарии) на ладьях через днепровские пороги. Однако Куря, князь печенежский, не захотел слушать василевса ромеев, напал на шедшего с небольшой дружиной Святослава, всех перебил, богатства забрал себе, а из черепа победителя болгар приказал сделать чашу. Большая часть русских войск дошла до Киева сухим путем.

Бытует легенда, что именно ромеи посоветовали Куре напасть на Святослава, но это, скорее всего, вымысел. По «Повести временных лет» именно обиженные жестокостью русского вождя жители Преслава сообщили печенегам, что добыча на ладьях киевлян огромная, а охраны мало.

Возвратившись, Иоанн I справил триумф. Император от Золотых Ворот столицы – традиционного места, где начинались шествия, – шел пешком, а на богато убранной колеснице, запряженной четверкой белых коней, на ворохе пышных одеяний болгарских царей везли икону Богоматери Влахернской – патронессы ромейского войска. На форуме Иоанн в знак ликвидации суверенитета северо-западной Болгарии

(Паристриона) снял царский венец с головы Бориса и передал его патриарху. На земли, опустошенные войной, были переселены жители фем Малой Азии.

Теперь император мог обратиться на Восток, не опасаясь удара с тыла. Летом 972 г. Цимисхий с огромной армией перешел Евфрат и вторгся во владения ислама. Василевс вновь блестяще проявил свои военные таланты: византийцы захватили Амиду, Мартирополь и старую крепость Нисибис. Летом следующего года арабы в отсутствие Иоанна потеснили христиан, но весной 974 г. он прибыл на театр военных действий и исправил положение. За год Цимисхий прошел Сирию и Палестину, взяв Эмесу, Гелиопольс, Назарет и Кесарию Палестинскую, а к весне следующего, 975 г. ему сдалась древняя столица халифата арабов Дамаск. Лишь недостаток воды в пустыне Баб-эль-Хамран не позволил грозному императору прорваться к Багдаду.

Внутренней политикой Византии при Иоанне I, большую часть своего недолгого царствования посвятившего далеким походам, заведовал паракимомен Василий Ноф. Василий вернулся к земельному устройству времен Константина VII, поддерживая стратиотов и свободное крестьянство в ущерб интересам магнатов.

С начала 970-х гг. церковная подать – каноникон – была узаконена и стала взиматься наряду с государственными (однако каноникон был значительно меньше десятины, которую требовало себе западное духовенство).

Паракимомен, обустривая дела государства, не забывал и себя. Алчность Василия вызывала возмущение не только народа и синклитиков, за счет которых обогащался предприимчивый сын Романа I, но и императора. Летом 975 г., проезжая по цветущим равнинам Месопотамии, василевс, обращаясь к спутникам, посетовал, что ромеи-де тратят силы в походах, а все богатства достаются евнуху. Узнав про такие слова, Ноф усмотрел в них скрытую угрозу и решил избавиться от повелителя. Осенью Цимисхий был отравлен. Почувствовав приближение смерти, он вернулся из Азии в Константинополь. Василевс ослабел настолько, что еле держался в седле. Зодчие

спешно достраивали храм Спасителя в Халке, а искусные мастеровые делали царю достойный гроб. Цимисхий угасал с каждым днем, все более забываясь в молитвенном экстазе. «Такой конец жизни обрел император Иоанн, муж небольшого роста, но геройской силы, который в боях был доблестен и непобедим, в опасностях же храбр и бесстрашен» [48, с. 94]. Умер он 10 или 11 января 976 г. При Иоанне Цимисхий (в 974 г.) в Византию из Рима бежал, прихватив папскую казну, папа Бонифаций VII.

Феофано, Василий II Булгароктон (Болгаробойца)

Феофано (после 940 – ?, императрица-регентша в марте – августе 963)

Обвинений Цимисхия в причастности августы Феофано к убийству Никифора II вполне хватило для того, чтобы синклит вкупе с патриархом постановили отрешить ее от регентства и сослать в один из отдаленных монастырей. Узнав о своей участи, разъяренная императрица в храме св.Софии бросилась на Иоанна и попыталась выцарапать ему глаза, а когда ее с трудом оттащили, начала бранить его и Василия Нофа так, как не сумел бы и иной мужчина – сказала проведенная в харчевне юность.

Феофано оставалась в монастыре до смещения Василия Нофа – лишь тогда император Василий II осмелился вернуть ко двору женщину со столь мрачной репутацией. Царь поселил мать во дворце, но на ход реальной политики она уже, по-видимому, большого влияния не оказывала.

Образ Феофано послужил источником вдохновения для многих писателей-романистов. Однако справедливости ради следует заметить, что ее характеристика как отравительницы и очередной Мессалины сомнительна, и многое Феофано приписано.

Василий II Булгароктон (Болгаробойца) (958 – 1025, сопр. с 960, имп. с 963, факт. с 976)

Василий, сын Романа II, за свирепость, проявленную в войнах с Болгарией, прозванный Булгароктоном или Болгаробойцей, – наиболее значительный император Македонской династии. Ни при одном правителе после него Византия уже не достигала такого могущества – ни экономического, ни военного, ни территориального.

Формально Василий и его младший брат Константин VIII взошли на трон сразу после смерти отца, в чем немалую роль сыграла группа синклитиков, возглавляемая патриархом Полиевктом. На протяжении тринадцати лет, до кончины Иоанна Цимисхия, реального участия в управлении страной Василий II не принимал. Василий Ноф и после 976 г. продолжал властно опекать юного государя (Константин VIII при жизни старшего брата самоустранился от государственных дел). В 985 г. император сумел отделаться от могущественного евнуха-родственника, сослав его.

Правление Василия Болгаробойцы характеризуется не только успехами, при нем достигнутыми, но и теми колоссальными трудностями, которые василевсу пришлось преодолевать. Основная опасность для императорской власти исходила изнутри. Два крупнейших в истории Византии X в. мятежа военно-землевладельческой знати – т.н. апостасии, – последовавшие с промежутком в несколько лет, едва не погубили страну.

Первый из них вспыхнул почти сразу после смерти Цимисхия. Василий Ноф, опасаясь могущества прославленного Варды Склира, сместил его с должности доместика схол Востока и отправил, по сути дела, в почетную ссылку – стратигом Месопотамии. В ответ Склир и еще один видный полководец империи – Михаил Вурца летом 976 г. взбунтовали свои войска. Авторитет их обоих был весьма велик, и спустя год почти вся Малая Азия находилась вне контроля константинопольского правительства. К тому же восстала

Болгария, и ромеи быстро лишились там большей части завоеваний Иоанна Цимисхия. Императорская армия, посланная против восточных мятежников, в двух сражениях была Склиром разбита. После долгих раздумий было решено вернуть опального Варду Фоку (сына куропалата Льва) и поручить ему спасение державы.

Поначалу тот потерпел ряд поражений, и Варда Склир уже взял Никею, Авидос и Атталию. Но затем огненосные суда из столицы сожгли флот Склира в авидосской бухте, а 24 марта 978 г. Склир проиграл решающее сражение Фоке, был ранен в поединке с последним и бежал далеко за границу – в Багдад.

Спустя девять лет Варда Склир, к тому времени уже глубокий старик, снова объявился в пределах ромейской державы. Доместик Варда Фока выступил навстречу его отрядам, но в августе 987 г. вдруг провозгласил себя императором, хитростью захватил Склира в плен и, соединив оба войска, пошел на Антиохию, которой овладел к исходу года.

Положение складывалось критическое – большинство ромейской армии сражалось против государя! Василий II был вынужден обратиться за помощью к «варвару» – великому князю киевскому Владимиру Святославичу. Тот согласился выделить часть дружины, но поставил встречное условие – выдать за него сестру Василия и Константина, Анну. Требование было неслыханным – ромейских принцесс не выдавали замуж за «презренных» иноземцев! Исключение составляли внучка Романа I Мария (см. «Роман I») и племянница Иоанна Цимисхия Феофано, ставшая супругой императора Оттона II, но ни одна из них не была порфирородной, а главное – Владимир являлся язычником. Однако выбирать не приходилось, так как волна мятежа катилась к столице с ужасающей скоростью – и император согласился. Шеститысячный отряд русско-варяжских наемников прибыл в Константинополь, и усиленная им правительственная армия зимой 988 г. разгромила часть войск Фоки у Хрисополя. Хитрые греки поначалу не собирались выполнять своих обязательств по договору с Владимиром, и тот, устав ждать невесту, в качестве предупреждения осадил и взял Херсонес Таврический

(Корсунь). В Константинополе заторопились, Анну Порфирогениту посадили на корабль и отправили на Север. Однако и князь обязался стать христианином. Брак Владимира и Анны свершился, после чего Херсонес возвратили ромеям, а сам великий князь вернулся в Киев, где, по преданию, окрестил своих подданных. Впрочем, подробности крещения Руси легендарны, а дата (988 или 989) по сию пору является спорной.

Войну с мятежниками возглавил лично император. 13 апреля 989 г. у Авидоса, на берегу Дарданелл, произошла последняя битва. Сражение было упорным, обе стороны несли большие потери. Варда Фока решил пробиться к императору и убить его в поединке, но вдруг повернул назад, сошел с коня, лег на землю и умер. То ли магистра хватил удар, то ли он перед боем получил яд. Узнав о смерти начальника, восставшие прекратили бой и отступили. Во главе мятежа снова оказался Варда Склир, но Василий смог убедить его прекратить тратить силы державы в междоусобице, и Склир покорился, выговорив для себя и своих сторонников почетные условия сдачи.

Бурные перипетии царствования изменили и закалили характер императора, отличавшегося по молодости некоторым легкомыслием. Михаил Пселл, родившийся через сорок с небольшим лет после воцарения Болгаробойцы и еще заставший в живых многих его сановников, писал о нем: «Большинству моих современников, видевших Василия, царь представлялся человеком угрюмым, грубого нрава, вспыльчивым и упрямым, в жизни скромным и вовсе чуждым роскоши. Но из сочинений историков, писавших о нем, я узнал, что поначалу он не был таким и от распушенности и изнеженности перешел к строгости под влиянием внешних обстоятельств, которые как бы укрепили его нрав, сделали сильным слабое, твердым мягкое и изменили весь образ его жизни. Если в первое время он без стеснения бражничал, часто предавался любовным утехам... уделом своим считал... отдых... то с тех пор, как знаменитый Склир начал домогаться царской власти... Василий на всех парусах

пустился прочь от изнеженной жизни...» [53, с. 7] Единолично возглавив государство после 985 г. (отставка Василия Нофа), император «...стал воздерживаться от всякой распущенности, отказался от украшений, не носил ни ожерелий на шее, ни тиары на голове, ни роскошных, отороченных пурпуром платьев...» (Пселл, [53, с. 12])

Внешностью автократор обладал яркой и внушительной: «Пешего Василия еще можно было с чем-то сопоставить, но, сидя на коне, он представлял собой ни с чем не сравнимое зрелище; его чеканная фигура возвышалась в седле, будто статуя, вылепленная искусным ваятелем... к старости щеки его густо поросли бородой, так что казалось, что растет она повсюду» (Пселл, [53, с. 17]).

«Он всегда проявлял небрежение к подданным и, по правде говоря, утверждал свою власть скорее страхом, чем милостью. Став же старше и набравшись опыта во всех делах, и вовсе перестал нуждаться в мудрых людях, сам принимал все решения, сам распоряжался войском, гражданскими делами, управлял не по писанным законам, а по неписанным установлениям своей необыкновенно одаренной от природы души. Потому-то он и не обращал никакого внимания на ученых людей, но совершенно пренебрегал [ими]... приходится лишь удивляться, как при таком презрении царя к научным занятиям появилось немало философов и риториков... Говорил он скорее как деревенщина, нежели человек образованный. Смеялся он раскатисто, сотрясаясь всем телом... Подвигнуть его на какое-то дело было нелегко, но и от решений своих отказываться он не любил, поэтому к тем, кому благоволил, Василий без крайней нужды не менял отношения, но и нескоро прощал навлекших на себя его гнев, и были для него собственные мнения судом окончательным и божественным...» (Пселл, [53, с.14–17]). Василий II обладал большим влиянием даже среди врагов, и нередко лишь весть о прибытии автократора к месту военных действий устрашала неприятеля и приводила к скорому миру. Он был неприхотливым и суровым солдатом, в походах «выносил зимнюю стужу и летний зной, томясь жаждой,

не сразу бросался к источнику, и был воистину тверд как кремень и стоек ко всем телесным лишениям» ... Из-за своей осторожности не любил и старался избегать крупных сражений, «поэтому и занимался большей частью тем, что располагал в засаде отряды, сооружал осадные машины, издали обстреливал неприятеля и наставлял боевому искусству легковооруженных воинов. Однако, вступая в сражение, Василий сжимал ряды по правилам тактики, как бы обносил армию стеной, смыкал войско с конницей, конницу с отрядами [легкой пехоты], а отряды – с [тяжеловооруженными] гоплитами и никому ни в коем случае не позволял выходить из рядов и нарушать строй... Когда же воины выказывали недовольство строгим надзором и в лицо оскорбляли царя, он спокойно переносил их насмешки и благодушно отвечал: «Иначе нам никогда не кончить войны»... Если говорить правду, он на войне проявлял больше коварства, а во время мира – царственности...» [там же]

Казна при этом императоре скопила колоссальные богатства, которые даже его непутевые преемники растратили не сразу.

Внутреннюю политику Василий II, как и его предшественники, направил на укрепление дряхлевшего византийского абсолютизма и его основы – фемного строя. Именно Болгаробойца стал самым яростным притеснителем динатов в угоду стратиотам и мелким вотчинникам-катафрактам за всю историю Македонской династии. Особенно эта тенденция усилилась после разгрома Варды Склира. Для начала император сделал аллиленгий повинностью богатых динатов, заставив платить налоги за неспособных крестьян, а чтобы никто не мог уклониться, весной 995 г. власти осуществили всеобщую перепись имущества землевладельцев. В 996 г. новеллой был отменен сорокалетний срок давности, которым прикрывались незаконно владевшие землей магнаты ⁹⁰. Теперь каждый собственник обязывался подтвердить право на владение участком либо документами, либо показаниями уважаемых свидетелей, в противном случае земля отбиралась.

В первую очередь от такой меры пострадали динаты, когда-то незаконно поживившиеся за счет крестьянских наделов.

Император щедро платил чиновникам и войску, много строил в городах империи и столице. Во время неурожая 1023 – 1025 гг. по всей Византии были на два года отменены налоги на сельскохозяйственную продукцию, что, конечно, уменьшило доход казны, но позволило спасти от голодной смерти тысячи людей.

Народные волнения в царствование Василия II происходили в основном на окраинах империи (в 992 – 93 гг. – Лаодикия, в 1009 г. – Бари, в 1016 г. правительственный флот усмирал беспорядки в Херсонесе Таврическом) и в полузависимых владениях типа Ивирии или Алеппо. Внутренние, собственно византийские области оставались (после того, как были подавлены мятежи Фоки и Склира) спокойными.

Недовольство же знати открыто выразилось лишь в самом конце правления Булгароктона, когда летом 1022 г., во время отлучки императора на Кавказ, возмутили подчиненные войска его давний соратник Никифор Ксифий и сын Варды Фоки, тоже Никифор. Вожди мятежа перессорились в самом начале, Ксифий убил Фоку, но сам вскоре оказался схвачен, арестован и пострижен в монахи. Придворный евнух, помогавший Ксифию, попал на обед львам константинопольского зверинца.

Наиболее крупные неприятности ромеям доставили мятежи в Болгарии, перешедшие со временем в долгую и разорительную для обеих сторон войну. Начало им положило вышеупомянутое восстание на территориях, завоеванных Иоанном I. В конце 970-х гг. власть над западной Болгарией обрели четыре брата (греки звали их комитопулами, «сыновьями комита», по титулу их отца Никиты). Наиболее расторопным среди них оказался Самуил, в начале 980-х гг. прибравший к рукам Фессалию и Южную Македонию. Ромейская Фракия стала объектом разбойных нападений Самуила. 17 августа 986 г. сам Василий II, пытавшийся обуздать буйных соседей, был разбит и едва спасся с поля боя. В 991 г.

император организовал второй поход, одержал победу и даже захватил в плен царя Романа. Но последний лишь считался правителем -реальным царем Болгарии был Самуил. Он не сложил оружия: до 995 г. сильное греческое войско под началом Григория Таронита едва сдерживало бешеные атаки Самуила, но летом 996 г. храбрый Таронит пал в бою у Фессалоники, Самуил прорвал границу и дошел до середины Пелопоннеса. На обратном пути, у реки Сперхей, его армия, отягощенная гигантской добычей, встретила посланным вдогонку отрядом веста Никифора Урана. Нежелание вовремя расстаться с награбленным сослужило болгарам плохую службу – наличие в войске неповоротливого обоза ограничило маневренность, и Уран нанес им страшное поражение. Самуил еле успел переправиться через Сперхей и бежал, бросив на произвол судьбы гибнущую армию. Вест пригнал в столицу полтора десятка тысяч пленных. Вскоре, в 997 г., империя вернула Диррахий.

Из-за переброски всех сил ромеев в Европу египетские мусульмане в 996 г. отбили Алеппо, и его византийцы вернуть уже не смогли.

После кончины Романа Самуил легко забрал корону себе и де-юре. Война продолжалась, Василий II поклялся сокрушить могущественного врага. В 1001 г. он заключил мир с фатимидами, привел к покорности царя ивиров Давида и начал почти ежегодно осуществлять военные экспедиции в Паристрион (за Дунай), поражая современников жестокостью. Почти сразу взяты и разграблены оказались Плиска, Преслава, Видин. Самуил, желая отвлечь императора, напал на Адрианополь и даже овладел городом, но ромеи продолжали двигаться в глубь Болгарии, оставляя за собой пустыню.

Тринадцать лет, при нарастающем перевесе византийцев, тянулась эта война. Летом 1014 г. войска ромеев и болгар встретились в Стримонии, близ «засек» – деревянных крепостей в ущелье Кампулунга, у подножия горы Беласица. 29 июля произошло решающее сражение. Искусно маневрируя, Василий II окружил болгарское войско с флангов, а в тыл им, совершив отчаянный бросок по ущельям, зашел Никифор Ксифий. Кольцо

закованных в стальные доспехи катафрактов болгары прорвать не сумели, а когда в дело вступили ромейские камнеметы, сражение превратилось в избиение. Чтобы прекратить бессмысленное уничтожение сотен людей, командиры Самуила (царя не было при войске) приняли решение сложить оружие. Сдалось более пятнадцати тысяч человек. На следующий день христианнейший император ромеев повелел каждому сто первому пленному выколоть один глаз, остальным – оба. Казнь свершилась, и пятнадцать тысяч слепцов, цепочками по сто человек, ведомые одноглазыми проводниками, потянулись, зияя окровавленными глазницами, к лагерю Самуила. Говорят, он не выдержал такого зрелища и в октябре отравился. Не один десяток лет после Беласицкой битвы в городах и весях Фракии доживали свой век несчастные слепцы, живое напоминание того, что воевать с Империей ромеев небезопасно.

После смерти Самуила Болгарию охватили смуты, а Василий II с настойчивостью молота обрушивал на противника мощные удары. В конце 1018 г. грозный Болгаробойца повел своих катафрактов, тяжелую пехоту и артиллерию от Адрианополя к столице врага – Охриду. Но навстречу ромеям вышла не армия, а царица Мария с ключами от столичных ворот и казнохранилища. Спустя год военачальник Константин Диоген овладел Сирмием – последним очагом болгарского сопротивления. На сто семьдесят лет Болгария целиком подпала под скипетр византийских монархов.

Василий воевал не только с болгарами. В 990 и 1001 гг. Византия конфликтовала с Ивирией, в 1016г.-с хазарами, а в 1021 – 1024гг. император, уже старец, водил свои армии в Абхазию и Армению.

В Италии деятельный царь свел все владения Константинополя под единую власть, создав катепанат с центром в Бари. В 1018 г. катепан уничтожил у Канн вторгшихся норманнов, через три года греки осаждали Гарильяно, и лишь вмешательство императора Генриха II не позволило им развить свой успех.

В конце 1025 г. Булгароктон задумал мощную экспедицию на занятую мусульманами Сицилию. Десант уже садился на

корабли, император готовился принять непосредственное командование, но вдруг неожиданно захворал и спустя несколько дней, 15 декабря, умер.

Латиняне, в 1204 г. захватившие Константинополь, извлекли его труп из могилы и надругались над ним. Солдаты Михаила VIII Палеолога (см.) в 1261 г. обнаружили останки грозного некогда монарха валявшимися в полуразрушенном храме с волынкой в руках и свистком, вставленным в иссохшие челюсти.

Константин VIII, Роман III Аргир

Константин VIII (960 – 1028, сопр. с 962, имп. в 963 – 1028, факт. с 1025)

Константин VIII открывает начавшийся после смерти Болгаробойцы период смут (за 66 лет на троне побывало 14 правителей) и упадка Византии, продлившийся до 1081 г. (до воцарения династии Комнинов).

Братья Василий и Константин поражали современников несхожестью характеров, и насколько в глазах современников Василий II как государь был велик, настолько же Константин VIII – ничтожен. Единственное, за что Михаил Пселл счел нужным похвалить Константина, так это лишь за то, что он не путался под ногами у старшего брата и полностью доверил ему трон. Константин до смерти старшего брата с радостью предавался всяческому забавам, к чему был склонен по легкомыслию. «Во главе государства он встал на семидесятом году жизни и как человек нрава мягкого, с душой, падкой до всяческих удовольствий, найдя казну полной денег, дал волю своим наклонностям и предался наслаждениям... Он был беспечного нрава, не слишком властолюбив, и при сильном теле труслив душой». Соседей-варваров он успокаивал титулами и дарами и был гораздо опаснее для своих подданных, ибо «если видел в ком бунтовщика и мятежника, наказывал без следствия и принуждал к повиновению не милостью, а жестокими и разнообразными пытками». Любимым видом наказания при нем, независимо от тяжести проступка, было ослепление, «ведь царь не заботился, чтобы наказание соответствовало преступлению, а лишь хотел избавить себя от беспокойства. Кара эта казалась ему самой легкой, и он предпочитал ее другим, так как она делала подвергшегося наказанию беспомощным существом... Константин, однако, не лишен был и сострадательности, не любил зрелища чужих несчастий и был добр к искавшим его сочувствия. Да и гнев его длился не долго, как у его брата Василия, а быстро проходил, и он горестно раскаивался в содеянном» (Пселл, [53, с. 18 сл.]). Ромеям император предпочитал евнухов-варваров,

окружал себя ими и сыпал им золото, как песок. К наукам, по словам Пселла, он приобщился «по-ученически», но любил и умел краснобайствовать, да с такой скоростью, что писцы не успевали записывать его речи. Василевс хорошо владел конем и оружием, но искусство это применял не на войне, а на охоте. Подобно Михаилу Пьянице, он сам выступал в соревнованиях колесниц. Он был большим поклонником игры в кости и шашки, чем настолько увлекался, что порой забывал о главной своей страсти – еде. «Раб желудка, – подытоживает характеристику государя Пселл, – и любовных желаний» [53, с. 20]. Вдобавок ко всему Константин VIII имел привычку по своей прихоти замещать мудрых государственных мужей и военачальников на участников своих кутежей, евнухов и выпивох.

Расточая казну, император восполнял ее путем ужесточения налогового гнета. Он отменил распоряжение покойного брата и взыскал недоимки за голодные (1022 – 1025) годы. В ответ восстал Навпакт, стратиг города погиб. Подавив мятеж, василевс распорядился казнить городского епископа за то, что тот не смог удержать горожан в почтении к власти.

Видя явную неспособность монарха к управлению, группа военных решила его устранить, но доносчик выдал заговорщиков, и их глава – стратиг Никифор Комнин-в 1027 г. поплатился за смелость глазами.

Однако не следует думать, что все пошло совсем плохо. Даже такой правитель не сумел разрушить доставшегося ему в наследство. Десант, во время подготовки которого умер Василий Болгаробойца, высадился на Сицилии, и, хотя целиком остров захватить не удалось, кое-какой плацдарм византийцы там удержали. Двумя годами позже Константин Диоген отбросил за Дунай напавшую на империю орду печенегов, а стратеги Хиоса и Самоса надолго избавили Эгейское море от набегов африканских пиратов.

В ноябре 1028 г. престарелый распутный тиран заболел и начал, за неимением сына, искать себе преемника. Так как старшая дочь его, Евдокия, была монахиней, василевс решил выдать замуж за претендента среднюю, Зою, или

младшую – Феодору. Последняя, несмотря на довольно приличный (за сорок) возраст, отказалась от свадьбы наспех и с кем попало, а вот среднюю это не испугало. Сначала император решил обручить ее с Константином Даласином, но тот был далеко, и умирающий царь избрал в женихи пятидесятилетней Зое шестидесятилетнего синклитика Романа Аргира. 12 ноября состоялась церемония бракосочетания, а спустя день или два император Константин VIII, последний мужчина Македонского дома, умер.

Михаил Пселл обвинил впоследствии Константина, что именно при нем «заболела» ромейская империя: «... он-то впервые начал вздувать тело государства. Одних подданных он раскормил деньгами, других по горло набил чинами и сделал их жизнь нездоровой и пагубной...» [53, с. 155].

Роман III Аргир (ок. 968 – 1034, имп. с 1028)

Роман Аргир принадлежал к высшему константинопольскому обществу, т.к. происходил из очень древнего и знатного рода. При Константине VIII Аргир занимал должность епарха столицы. Когда василевс объявил ему о своем решении женить его на Зое и передать престол, Аргир оказался в очень неудобном положении, так как состоял в браке. Император предложил ему на выбор – руку дочери или ослепление. Сомнения Романа разрешила жена – она сама ушла в монастырь, где вскоре и умерла.

Начало правления Роман отметил вполне достойно – выкупил тысячу пленных византийцев у печенегов, чем снискал заслуженную славу среди народа, а аристократию порадовал, вернув сосланных при Василии II и Константине VIII. Однако затем император показал себя человеком непоследовательным и слабохарактерным, а голова его оказалась забита восторженными мечтами о подвигах. Но романтические грезы, достойные юноши, для убеленного сединами старца неуместны, а для императора – еще и пагубны. Пселл пишет, что он «был воспитан на эллинских науках и приобщен к знанию, которое достигается наукой латинской [юриспруденцией], отличался изящной речью, внушительным голосом, ростом героя и истинно царской внешностью. Однако о знаниях своих мнил гораздо больше, чем они заслуживали. Мечтая к тому же уподобить свое царствование правлению знаменитых Антонинов, мудрому Марку [Аврелию. – С.Д.] и Августу [Октавиану. – С.Д.], он посвятил себя двум занятиям: наукам и военному делу, но в последнем был совершенно невежествен, науки же знал поверхностно и неглубоко... Самомнение и напряжение сверх меры сил души ввели его в заблуждение в вещах весьма значительных. Тем не менее он раздувал любую тлевшую под золой искру мудрости и собрал все ученое племя – я имею в виду философов, риторов и всех тех, кто занимались или, по крайней мере, считали, что занимаются науками... Если бы эти

страсти были не баловством и хвастовством, а истинным стремлением, он принес бы немало пользы государству, но дальше намерений он не пошел; более того, возбудив радужные надежды, сам же их... и разрушил своими делами...» S3, с. 22 сл.

В 1030 г. мусульмане разбили антиохийского стратига Спондила. Василевс заменил его своим зятем Константином Карандашом, а вскоре и сам, надеясь отомстить врагу и стяжать при этом лавры Александра Македонского, повел армию на восток. Арабы неоднократно присылали парламентеров с просьбами о мире, но Аргир остался непреклонен. В Константинополе уже готовили венки для встречи победоносного воинства, когда передовой его отряд попал в засаду и был уничтожен, а основная часть, блокированная арабами в пустыне, оказалась без воды и пищи, и отступление византийцев превратилось в беспорядочное бегство. Благодаря отчаянной храбрости своей русско-варяжской гвардии, император спасся в Антиохию, а его роскошная палатка и войсковая казна достались врагу. Правда, клисурарх Георгий Маниак отобрал у сарацин большую часть захваченного, но василевс хаки испил заслуженную чашу позора. К чести Романа III, он заметил способного военачальника и поручил ход восточной кампании ему. Через два года Маниак взял Само-сату и Эдессу.

Не сумев прославить себя на войне, Роман Аргир взялся за строительство величественных сооружений. Но и в этом деле не преуспел, так как не знал ни вкуса, ни меры. Пселл, издеваясь, описывал неоднократно перестраиваемый императором монастырь Богородицы Перивлепты («Восхитительной»), число помпезных зданий которого Аргир увеличивал, увеличивая и количество бездельников-монахов, «не почерпнув многого из арифметики или геометрии, чтобы ограничить их число... Для прокорма монахов искали новую вселенную, разведывали море за Геракловыми столбами: первая должна была доставить спелые плоды, вторая – огромных, размером с китов, рыб. Полагая, видимо, ложным учение Анаксагора о беспредельности миров, он отсек большую часть нашего материка и отдал ее храму...» S3, с. 28 Расходы на постройки

император компенсировал новыми поборами с народа, а казнокрадство при строительстве приобрело невиданные масштабы.

Сестру Зои, Феодору, Роман обвинил в стремлении к захвату власти и вынудил уйти в монастырь, а ближайших сторонников ее подверг бичеванию и ссылке. Стратиг Фессалоники Константин Диоген, не выдержав пыток или страшась позора, бросился с тюремной стены и разбился насмерть.

Роман III начал отходить от земельной политики императоров Македонской династии. При нем, в частности, был отменен введенный Василием II аллиленгий для динатов.

Недовольство правлением Аргира постепенно нарастало, но смертельный удар императору нанесли не силы оппозиции, а его собственная жена. Началось с того, что, потеряв надежду добиться потомства от престарелой Зои, несмотря на всевозможные ухищрения дворцовых лекарей и попов (оба супруга давно вышли из возраста, когда обычно обзаводятся детьми), он охладил к супруге и то ли вообще прекратил исполнять супружеский долг, то ли стал при этом гораздо менее активен. Зоя недолго думая нашла себе любовника – красивого юношу по имени Михаил, брата влиятельного при дворе евнуха Иоанна. Связь их вскоре стала известна всем – кроме мужа. Впрочем, Пселл считает, что он, «зная, что она [Зоя] весьма любвеобильна и переполнена страстью, и не желая, чтобы эта страсть излилась сразу на многих людей, не возражал против связи ее с одним любовником, делая вид, что ничего не замечает» [53, с. 31]. Император даже иногда, страдая подагрой, приглашал Михаила растирать ему больные ноги, а Зоя в этот момент лежала с царем рядом!

В середине 1033 г. Роман III занемог – очевидно, с ведома супруги и Михаила ему стали давать медленно действующий яд. К весне следующего года император едва держался на ногах, походил на труп ужасным видом, но упорно цеплялся за жизнь и власть и, невзирая на немочь, присутствовал на всех церемониях. 11 апреля 1034 г., перед выходом, василевс решил искупаться. В воде Аргире стало плохо, а кто-то из

придворных в поднявшейся суматохе попытался его утопить. Когда императора вытащили и перенесли на ложе, он уже не мог говорить, а ночью испустил дух. Следы насильственной смерти на теле были настолько очевидны, что патриарх Алексей Студит, вызванный во дворец императрицей, потребовал объяснений, но 50 литр золота вполне удовлетворили его любопытство. В гробу Роман выглядел ужасно – лицо трупа посинело и распухло, волосы вылезли, и узнать покойного василевса было невозможно. «Если кто и ронял слезы по императору, то только из-за этого зрелища; ведь одним он причинил много всякого зла, другим не сделал никакого добра, поэтому народ или без всяких славословий смотрел на царя, или молча шел в процессии» (Пселл, [53, с. 32]).

При Романе Аргире в Византию прибыл на службу в этерию будущий король норвежский и несчастливый завоеватель Англии Гаральд Гардрад.

Михаил IV Пафлагон

(1005 – 1041, имп. с 1034)

12 апреля 1034 г., когда Роман III Аргир еще лежал непогребенным, Зоя отпраздновала свадьбу со своим любовником Михаилом (родом из Пафлагонии, откуда и прозвище) и, таким образом, возвела его на трон. Иоанн Скилица с презрением именует его «трехгрошовым человеком» [139, с. 37]. Пселл другого мнения: «Характер Михаила заставляет меня раздваиваться в своих суждениях». Новый василевс был неучен, но «воспитал свой нрав лучше, чем иные постигшие эллинскую науку философы». Он отличался умом, усердием, как человек был прост и доброжелателен. «Скажу об этом муже следующее: если бы не братья, с которыми его связала злая судьба... с ним не мог бы поспорить ни один из прославленных императоров» [53, с. 36]. А братьев у василевса было четверо: три евнуха (Иоанн, Константин, Георгий) и неоскопленный Никита, стратиг Антиохии. Никита к 1034 г. умер, а остальные с жадностью набросились на «пирог», доставшийся Михаилу, стремясь урвать кусок пожирнее. Многочисленные родственники «пафлагонцев» – так звали братьев в народе – старались не отставать от предприимчивых евнухов. Наибольшим авторитетом среди них пользовался Иоанн Орфанотроф («кормилец сирот», т.к. в его ведении находились государственные приюты). По свидетельству Пселла, способный, хитрый и коварный евнух «обладал трезвым рассудком и умен был, как никто, о чем свидетельствовал его проницательный взгляд. С усердием принявшись за государственные обязанности, он проявил к ним большое рвение и приобрел несравненный опыт в любом деле, но особую изобретательность и ум выказал при обложении налогами... Ничто не укрывалось от него и никто не помышлял от него укрыться... он был изменчив душой, умел приноровиться к самым разнообразным собеседникам и в одно и то же время являл свой нрав во многих обличьях. Напившись (а он питал

слабость к вину), Иоанн сразу пускался во все безобразия; тем не менее он и в этом состоянии не забывал печься о государственных делах, сохраняя свирепое выражение лица и хмурый взгляд» [53, с. 38]. Единственным постоянным качеством Орфанотрофа являлась его преданность брату-василевсу. Это, впрочем, не мешало Иоанну расшатывать державу, назначая на высшие посты государства родню и закрывая глаза на ее воровство и иные бесчинства.

Финансовая политика Орфанотрофа (новые поборы, порча монеты) вела к обогащению торговой знати и обнищанию основной массы населения. Со времен Михаила IV появляются сообщения о междоусобных войнах окраинных должностных лиц, использовавших подчиненные войска для «выяснения отношений» друг с другом. Промышленность, особенно в Константинополе – крупнейшем ее центре, – пришла в упадок. Вдобавок почти каждый год страну поражали бедствия – то град, то засуха, то саранча, то эпидемии, а в 1040 г. в столичной бухте по неизвестной причине дотла сгорел императорский флот. Все это роняло престиж императора и его всесильного фаворита. «Нет пафлагонцам Божьей милости!»-говорили в народе.

Но в начале и середине правления Михаила IV империя добилась существенных военных успехов. В 1035 г. ее флот опустошил нильскую дельту, и уstraшенный халиф Египта заключил с Византией 30-летний мир. Годом позже на Дунае ромеи отразили натиск печенегов, брат императора Константин отбил арабов от Эдессы. К концу 1030-х гг. Георгий Маниак, уже катепан Италии, вернул империи почти всю Сицилию, нанеся мусульманам ряд сокрушительных поражений.

Михаил IV во всем полагался на Орфанотрофа. Сам он был очень суеверен, а увлечение царя монахами-аскетами доходило до смешного: бывавших во дворце таких назореев император упрасивал ночевать на своей постели, а сам ложился на низкое ложе, положив под голову камень. «Спасаясь», он лично ухаживал за больными, от сожительства с женой уклонялся, объявляя это грехом. Для столичных проституток василевс выстроил специальный монастырь «очищения». Несмотря на

такое благочестие, столичная молва упорно обвиняла его в пристрастии к колдовству.

Император с детства страдал эпилепсией, и с каждым годом приступы ее делались все чаще и сильнее. «Поэтому он почти не устраивал выходов и неохотно появлялся на людях, а если имел намерение принимать послов или исполнять иные из императорских обязанностей, то те, кому поручено было следить и наблюдать за ним, с двух сторон навешивали пурпурные ткани и, едва лишь замечали, как он закатывает глаза, начинает трясти головой или иные признаки болезни, сразу же удаляли всех присутствующих, затягивали занавес и принимались хлопотать вокруг лежащего, как в спальне. Он легко был подвержен приступам, но еще легче от них оправлялся, при этом недуг проходил бесследно и к нему возвращался непомраченный рассудок. Шел ли он пешком, ехал ли на коне, его окружала стража, и если начинался припадок, эти люди плотной стеной окружали его и приходили на помощь... В перерывах между приступами... царь неутомимо пекся о государстве и не только обеспечивал благоденствие городам внутри наших границ, но и отражал натиск соседних народов – иногда посольствами, иногда дарами, а то и ежегодными военными экспедициями» (Пселл, [53, с. 39, 40]). Позже к эпилепсии добавилась водянка, и к концу царствования Пафлагону все тяжелее и тяжелее было управлять государством, внешнеполитическое положение которого ухудшалось с начала 1040-х гг. день ото дня.

Вспыльчивый Маниак не поладил с друнгарием флота Стефаном Калафатом (зятчем царя), избил его, и обиженный друнгарий послал в столицу донос на катепана. Георгий был смещен, а Калафат быстро потерял остров. Лишь в осажденной Мессине до 1042 г. держался гарнизон протоспафария Катакалона Кекавмена.

Норманны захватили южноиталийский город Мельфи, сделав его своей основной базой. В марте 1041 г. новый катепан Михаил Докиан был разгромлен ими в первый раз, летом-вторично, а в сентябре не только в третий раз проиграл сражение «варварам», но и сам попал в плен.

Летом 1040 г., протестуя против невыносимых налогов, возмутились жители Белграда. Мятеж возглавил болгарин Петр Делян. Многие знатные его соотечественники, тяготившиеся ромейским владычеством, присоединились к нему, вскоре бунт перекинулся на Диррахий. В 1041 г. имперские войска понесли от восставших поражение при Фивах. Умиравший от водянки Пафлагон явил пример собственного мужества, собрал войска и повел их против мятежников. Готовя поход, царь позаботился обо всем – транспорте, продовольствии, снаряжении и прочем, что поразило современников, так как военному делу Михаил IV был вовсе не обучен. Делян в конце 1041 г. был ослеплен в результате внутренних распрей среди восставших, а с их армией Пафлагон блестяще справился и по возвращении из похода отпраздновал триумф. «И вот он торжественно въезжает в столицу, а весь народ высыпает ему навстречу. Видел его и я; он трясся на коне, как покойник на катафалке, а его пальцы, державшие поводья, были как у гиганта – толщиной и величиной в руку (до такой степени воспалилось у него нутро), лицом же он вовсе не походил на себя прежнего. Таким образом он ... показал ромеям, что воля может поднять и мертвых, а рвение к прекрасным делам – одолеть телесную немощь» (Пселл, [53, с. 50]).

Незадолго до кончины (10 декабря 1041 г.) Михаил IV Пафлагон принял схиму.

Михаил V Калафат

(? – ?, имп. в 1041 – 1042)

Михаил V был племянником Михаила IV и Иоанна Орфанотрофа – сыном их сестры и некоего Стефана по кличке «Калафат» – «конопатчик». «Его отец, – писал Михаил Пселл, – происходил из самой захудалой деревни в какой-то глуши, не сеял и ничего не выращивал, ибо не было у него и кусочка земли, не ходил за стадами, не пас овец, не разводил животных и не имел, видимо, никаких средств к жизни... Придя к морю [морская карьера Стефана привела его на пост друнгария флота. – С.Д.], он сделался в корабельном деле очень значительным – леса не рубил, бревен не обтесывал, не прилаживал и не сколачивал, но после того, как это делали другие, тщательно обмазывал судно смолой, и ни один корабль не спущен был на воду, пока он не подал к тому знак своим искусством.

Видел его и я, но в другом положении, уже баловнем судьбы. Театральное убранство, конь, платье и все прочее нисколько ему не шло и не соответствовало. Как вообразивший себя Гераклом пигмей ни старается уподобиться герою, как ни заворачивается в львиную шкуру и не пыхтит над палицей, все равно его можно легко распознать по виду...» [53, с. 43] Может быть, автор столь убийственной характеристики немного и преувеличил, но все-таки портрет отца Михаила дает неплохое представление о том, какие люди получали доступ к самым верхним эшелонам власти в Византии XI столетия – увы, участь всех империй времен смуты.

Иоанн Орфанотроф, опасаясь, что со смертью больного Михаила IV его положению при дворе придет конец, уговорил Зою усыновить Михаила, которому досталось отцовское прозвище «Калафат», и даровать ему кесарский венец, т.е., по византийским канонам, признать его наследником престола. Новоиспеченный кесарь рассыпался в изъявлениях признательности перед августой и Иоанном.

Став императором после смерти Пафлагона (говорили, что во время церемонии коронации случилось неблагоприятное знамение – не выдержав духоты в храме и тяжести усыпанной драгоценными камнями царской одежды, Калафат упал в обморок), Михаил V возвратил из ссылки всех пострадавших аристократов, в том числе и прославленного Маниака. Иоанна Орфанотрофа, которого втайне ненавидел, Калафат вместо благодарности сместил и подверг опале. Место фаворита занял другой дядя императора – евнух Константин, получивший титул новелисима. И если Орфанотроф хоть как-то удерживал чиновников в рамках приличия, то с его падением их казнокрадство и насилие приняло угрожающие масштабы. Жестокий и бесстыдный Калафат тем временем «ополчился на весь свой род и хотел извести тех, кто ему благоволил и помог получить титул [кесаря]. Он свирепствовал против царицы, из дядьев одних убивал, а других отправлял в изгнание» (Пселл, [53, с. 43]). Наказанием, которому василевс подвергал провинившихся направо и налево, было оскотечение. Без стеснения применял он эту страшную операцию даже к седобородым отцам семейств. Пселл пишет, что был этот император «существом пестрым, с душой многообразной и непостоянной... на уме он имел одно, а на устах другое, и ко многим, ему ненавистным, обращался с дружелюбными речами и клялся торжественно, что сердечно любит их и наслаждается их обществом. Часто вечером сажал он за свой стол и пил из одного кубка с теми, кого уже наутро собирался подвергнуть жестоким наказаниям. Понятие родства, более того – сама кровная близость казались ему детскими игрушками, и его ничуть не тронуло бы, если бы всех его родственников накрыло одной волной... Взвалив на себя бремя единодержавной власти, этот странный муж никаких разумных мер для государства не придумал, но сразу стал своевольно все переставлять и перетасовывать; никого из людей вельможных не одаривал лаской взора или души, а только устрашал всех грозными речами. Подданных он хотел сделать беспрекословно послушными, большинство вельмож лишить принадлежащей им власти, а народу дать свободу, чтобы

стражу его составило не малое число избранных, а многочисленная толпа. Охрану своей персоны он передал купленным им раньше скифским юношам – все это были евнухи, знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал; он смело мог положиться на их преданность, особенно после того, как удостоил их высоких титулов. Одни из них его охраняли, другие исполняли иные приказы» [53, с. 54, 55, 57].

Богатые столичные граждане, вольготно жившие в условиях коррупции и отсутствия контроля со стороны государства (Пселл прямо называет их – «избранный городской люд, люди с рынка и ремесленники»), устроили императору торжественную встречу – во время выхода последнего в храм св. Софии они устлали путь его коня шелком и радостно приветствовали. Михаил

Калафат возгордился. Решив, что время настало, он задумал избавиться от тяготивших его формальных обязанностей по отношению к Зое, которую ненавидел, «а за то, что некогда назвал ее госпожой, готов был ... откусить себе язык и выплюнуть его изо рта» (Пселл, [53, с. 57]). Утром 19 апреля ее посадили на корабль и выслали подальше от столицы, на Принцевы острова, а там постригли.

Получив от своих приспешников волосы августы – знак ее отречения от мирской жизни, – василевс почувствовал себя победителем. И зря: когда столичный епарх начал читать горожанам хрисовул о низложении Зои, народ поднял шум. Послышались выкрики: «Не желаем Калафата-ставропата (крест поправшего) императором! Хотим законную нашу наследницу, матушку Зою!» – и далее совсем уже грозное: «Сокрушим кости Калафату!» Под градом камней епарх бежал в св. Софию.

Михаил Пселл, свидетель и участник тех событий, оставил блестящее описание этого, пожалуй, крупнейшего после «Ники» городского восстания:

«Император предавался удовольствиям и был полон высокомерия, а весь город – я имею в виду людей всякого рода, состояния и возраста, – будто распалась гармония его

тела, приходил по частям в брожение, волновался, и не осталось в нем никого, кто бы не выражал недовольства сначала сквозь зубы, но, тая в душе замыслы куда более опасные, не дал бы в конце концов волю языку. Когда повсюду распространился слух о новых бедах императрицы, город явил собой зрелище всеобщей скорби; как в дни великих и всеобщих потрясений все пребывает в печали и, не в силах прийти в себя, вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселилось во все души, и уже на другой день никто не сдерживал язык – ни люди вельможные, ни служители алтаря, ни даже родственники и домочадцы императора. Проникся великой отвагой мастеровой люд, и даже союзники и иностранцы – я имею в виду тавроскифов и некоторых других, которых цари держат при себе [этерия. – С.Д.], – не могли обуздать своего гнева; все готовы были пожертвовать жизнью за царицу.

XXVI ⁹¹. Что же до рыночного народа, то он распоясался и пришел в возбуждение, готовый отплатить насильнику насилием. А женское племя... но как я расскажу о нем тем, кто не наблюдал этого своими собственными глазами? Я сам видел, как многие из тех, кто никогда не покидал женских покоев, бежали по улицам, кричали, били себя в грудь и горестно оплакивали страдания царицы или носились, как менады, и, составив против преступного царя изрядное войско, кричали: «Где ты, наша единственная, душой благородная и лицом прекрасная? Где ты, одна из всех достойная всего племени госпожа, царства законная наследница, у которой и отец – царь, и дед, и деда родитель? Как мог безродный поднять руку на благородную и против нее замыслить такое, чего ни одна душа и представить себе не может?» Так они говорили и ринулись ко дворцу, чтобы спалить его, и ничто уже не могло их остановить, ибо весь народ поднялся против тирана. Сначала они по группам и поотрядно построились к битве, а потом со всем городом целым войском двинулись на царя.

XXVII. Вооружены были все. Одни сжимали в руках секиры, другие потрясали тяжелыми железными топорами, третьи несли

луки и копья, простой же народ бежал беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках. В тот день я стоял перед входом во дворец (издавна служа царским секретарем, я незадолго до того был посвящен в таинство царского приема). Итак, я находился в тот момент в наружной галерее и диктовал секретные документы. Вдруг до нас донесся гул, будто от конского топота, вселивший страх во многие души, а затем явился человек с известием, что весь народ взбунтовался против царя и, как по мановению чьей-то руки, объединился в одном желании. Все происходящее казалось тогда многим чем-то неожиданным и невероятным, но благодаря виденному и слышанному мной ранее я понял, что искра разгорелась костром, гасить который нужно целыми реками и потоками воды, и, сразу оседлав коня, поскакал через город и своими глазами видел то, во что теперь и сам верю с трудом.

XXVIII. Людей словно обуяла какая-то высшая сила, никто не остался в прежнем состоянии: все носились, как бешеные, их руки налились силой, глаза метали молнии и светились неистовством, мышцы тела окрепли, ни один человек не желал, да и не мог настроить себя на благочинный лад и отказаться от своих намерений.

XXIX. Решено было прежде всего двинуться к царским родичам и разрушить их красивые и роскошные дома. Немедля приступив к делу, толпа разом бросилась на приступ, и дома рухнули... Разрушили же большинство зданий не руки цветущих и зрелых мужчин, а девицы и всякая детвора обоего пола, утварь же получал тот, кто первый схватит. Разрушитель спокойно взваливал на себя то, что разрушил или сломал, выставлял этот скарб на рынке и не торговался о цене.

XXX. Такое творилось в городе, так быстро переменялся его обычный облик. Царь в то время находился во дворце и сначала не проявлял никакого беспокойства по поводу происходящего: подавить восстание граждан он намеревался без пролития крови. Но когда начался открытый бунт, народ построился по отрядам и составил значительное войско, он пришел в страшное волнение и, оказавшись как бы в засаде, не

знал, что и делать: выйти опасался, но осады боялся еще больше, союзных отрядов во дворце у него не было, послать за ними тоже было нельзя; что касается вскормленных во дворце наемников, то часть их колебалась и уже беспрекословно не слушалась его приказов, а часть взбунтовалась, покинула его и присоединилась к толпе.

XXXI. В это время к уже отчаявшемуся было царю явился на помощь но-велисим. Когда начался бунт, его во дворце не было; узнав о случившемся и опасаясь беды, он сначала заперся в своем доме и не показывался из него, боясь, что у входа толпа не отпустит его живым, если он выйдет, но потом новелисим вооружил всех слуг и домочадцев (сам он при этом не надел и панциря), и они, незаметно покинув убежище, с быстротой молнии помчались по городу с кинжалами в руках, готовые уложить на месте каждого, кто встанет на их пути. Пробежав таким образом весь город, они забарабанили в дворцовые ворота и явились, чтобы помочь императору. Тот принял их с радостью и только что не расцеловал дядю, решившегося умереть вместе с ним. И вот они решают немедленно вернуть из ссылки царицу, из-за которой

взбунтовалась толпа и разразилась битва, а самим спешно превратить дворцовых людей в копейщиков и пращников и выстроить их против тех, кто бесстыдно рвался на приступ. Устроившись в укрытиях, те принялись метать сверху камни и копья, многих убили и разорвали тесный строй нападающих, но восставшие, разобравшись в чем дело, снова обрели силу духа и встали теснее прежнего.

XXXII. Между тем во дворец доставили императрицу; она, однако, не столько радовалась тому, как с ней распорядился Всевышний, сколько ждала еще худших бед от мерзкого царя. Поэтому-то она и не воспользовалась удобным случаем, не попрекнула тирана за свои страдания, обличия не изменила, но посочувствовала ему и пролила слезы о его судьбе. Михаил же, вместо того чтобы переменить ей одежды и облечь ее в пурпурное платье, потребовал ручательств, что не станет она жить по-другому, когда уляжется буря, и смирится с уготованной

ей участью. Царица все обещала, и перед лицом грозящей беды заключили они между собой союз. И тогда они вывели ее на самую высокую площадку Великого театра и показали взбунтовавшемуся народу, ибо думали, что смирят бурю его гнева, если вернут ему его госпожу. Но одни так и не успели увидеть ту, которую им показывали, а другие, хотя и узнали ее, еще больше возненавидели тирана, который и в гуще бед не освободил своего сердца от злонравия и свирепости [так как Зоя, по-видимому, еще была одета в монашеское платье, что вызвало у народа мысль о неискренности действий Михаила и что возвращение Зои лишь на скорую руку состряпанный спектакль, дабы успокоить восставших, а после с ними расправиться. – С.Д.].

XXXIII. После этого битва вспыхнула с новой силой» [53, с. 60 – 63].

Значительную роль в восстании сыграл патриарх Алексей Студит, потребовавший от синклита лишить негодного государя трона, а затем короновавший доставленную из монастыря Феодору – за день до того, как Зою вернули из ссылки (20 апреля). Восставшие приветствовали провозглашение Феодоры, причем, по словам Пселла, на ее сторону встал не только простой народ, но и «лучшие люди» и «все тогда отвернулись от тирана [Михаила V. – С.Д.] и в славословиях стали провозглашать Феодору царицей» [53, с. 64].

Император и новелисим бежали из дворца, захваченного и разграбленного чернью, в Студийский монастырь и там пытались найти убежище в церкви, но их буквально оторвали от алтаря, выволокли на улицу и ослепили, на чем настояла Феодора. Константин при этом держался с возможным мужеством, Калафат, напротив, обезумел от страха и, вопя, умолял о сострадании, обращаясь к злой и насмешливой толпе.

Год смерти Михаила V, которого Константин IX Мономах сослал на Хиос, неизвестен.

Константин IX Мономах

(ок. 1000 – 1055, имп. с 1042)

Константин Мономах отличался тремя достоинствами – родовитостью, богатством и красотой не только внешней, но и душевной. Вдовец, вторым браком он был женат на племяннице Романа Аргира. Зоя симпатизировала ему столь явно, что Михаил IV сослал его на остров Лесбос. После низложения Калафата Константин был возвращен из ссылки и назначен судьей фемы Эллада. 12 июня 1042 г. Мономах стал третьим мужем 64-летней Зои и василевсом.

Правление Константина IX является в каком-то смысле переломным в ходе византийской истории XI столетия. Именно на этот период пришлись начало агрессии турок-сельджуков, разворачивание наступления норманнов, церковный раскол Запада и Востока и невиданные ранее по силе мятежи знати. Центральная власть ослабла, империя стремительно катилась в пропасть кризиса. В такое тревожное время у руля государства оказался человек хотя и неплохой, но совершенно недостойный императорской власти – по крайней мере таким изображают Мономаха современники ⁹². Константин IX прославил себя удивительной несерьезностью и невоздержанностью. Он «передал другим попечение о казне, право суда и заботы о войске, а своим законным жребием счел жизнь, полную удовольствий и радостей... Император, который редко думал о делах, но часто ... о развлечениях, стал причиной многих болезней в то время еще здорового государства» (Пселл, [53, с. 83]). Должности василевс раздавал направо и налево, «чуть ли не весь рыночный сброд причислил к синклиту... В то время как у ромейской державы есть два стража: чины и деньги, а кроме того, еще и третий – разумное о них попечение и раздачи со смыслом, он сразу принялся опустошать казну и подчистил ее до последней монетки» (Пселл, [53, с.79]). Но народ любил беспутного императора.» Дело в том, – сокрушался по этому поводу Пселл, – что у людей, ведущих изнеженную жизнь в столице, мало понятия об общем благе, да и те, у кого такое

понятие есть, забывают о долге, когда получают то, что им любо» [53, с. 79].

Константин IX был человеком, свободным от высокомерия, доброжелательным и улыбчивым, большим шутником. Оценивая императора спустя много лет после его смерти, Пселл писал, что он оказался «... наделен ... даром завоевывать сердца подданных, умел найти подход к каждому, всякий раз использовал средства, пригодные, по его мнению, именно для этого человека, и действовал с большим искусством, при этом не морочил людей, не разыгрывал перед ними комедий, но искренне старался доставить им приятное и таким образом привлечь их к себе... Я никогда не знал раньше, да и не вижу и сейчас... человека более сострадательного, более щедрого и царственного, нежели Константин... он даже царем себя не считал в тот день, когда не выказывал человеколюбия или не проявлял щедрость своей души... [однако] во все свои деяния [Константин IX] привносил напряжение, резкость и крайности. Если он пылал страстью, то страсть его не знала границ, если на кого-нибудь гневался, то трагическим тоном живописал пороки предмета своей ненависти, при этом многие из них выдумывал, а если уж любил, то сильнее его привязанности нельзя было и вообразить... возвышал он [друзей. – С.Д.] постепенно, а низвергал сразу и тогда уже все делал наоборот; впрочем, иногда, словно в кости играя, он возвращал людей на прежние их должности... он совершенно не заботился о своей безопасности, во время сна его спальня не запиралась, и никакая стража не несла охраны у его дверей... Когда его за это порицали, он не обижался, но упреки отводил, как несообразные с Божьей волей. Он хотел этим сказать, что царство его от Бога и им оберегается, а сподобившись высшей стражи, он пренебрегает человеческой и низшей... Ни в чем не желая отступить от исторической истины... хотя правдиво и без утайки рассказываю о пороках Константина, не меркнет его сияющая добродетель, и, как на весах, под грузом его благих деяний клонится книзу чаша добра... Какой человек (я говорю это в оправдание его слабостей), особенно из числа

сподобившихся царской участи, мог бы быть украшен венком похвал за все без исключения свои деяния?» [53, с. 79 – 124]

Не очень сведущий в науках сам, ученость император уважал. При нем произошло разделение константинопольской высшей школы: при церкви св.Петра открылось философское ее отделение под руководством Михаила Пселла, а при церкви св.Георгия – юридический лицей во главе с номофилаксом Иоанном Ксифилином. Доступ туда был открыт всем желающим, без ограничения сословий, единственным условием для поступающего был некий начальный уровень образованности и, разумеется, способность к обучению.

Долгое время при Мономахе государственными делами заправляли три выдающихся человека – Константин Лихуд и упоминавшиеся ранее Ксифилин и Пселл. Первые два впоследствии занимали патриарший престол, а последний своими трудами прославил византийскую философию и историческую науку. Однако все они, люди сами по себе талантливые, не являлись хорошими правителями и не смогли укрепить зашатывшуюся Империю ромеев.

Восстания против Константина IX начались сразу после его воцарения. Знаменитый Георгий Маниак, получив из столицы вызов ко двору и подозревая, что император, позавидовав его успехам, надумал его сместить, высадился с войском у Диррахия. Против него василевс выставил армию под началом евнуха Стефана Севастофора. В начале 1043 г. под Фессалоникой Севастофор, вступив в битву с Маниаком, уже почти проиграл сражение, но в конце боя катепан получил смертельную рану копьем и его отряды разбежались. Не успел император порадоваться победе, как Стефан сам поднял мятеж в пользу лесбосского стратига Льва Лампроса. Летом с возмущением удалось справиться, а его вождей ослепить.

Самым же опасным для Мономаха оказался мятеж популярного фракийского полководца Льва Торника. В сентябре 1047 г. патрикий и вест Лев Торник, которому угрожала ссылка по той же причине, что когда-то Маниаку (надо сказать, василевс действительно боялся и не терпел способных военачальников, предпочитая заменять их евнухами и вообще

случайными людьми), бежал из столицы в Адрианополь и там провозгласил себя императором. Торник имел сторонников и при дворе – оппозицию, которая группировалась вокруг его тетки, сестры императора. Войска Фракии и Македонии с радостью поддерживали устремления своего любимца, и зимой восставшие осадили Константинополь. Мономах срочно отправил гонцов за подмогой на Восток. В городе не было солдат, а из военачальников – италийский стратиг Василий Аргир, к рекомендациям которого Константин не считал нужным прислушиваться. Для защиты столицы император сумел набрать лишь тысячу добровольцев. Мятежники на глазах василевса, наблюдавшего с башни Влахернской стены, пели про него непристойные песенки и разыгрывали сценки, передразнивая Мономаха. Однажды шальная стрела чуть не убила императора, и он, полумертвый от страха, бежал во дворец. Придя в себя, Константин приказал своему воинству выступить против Торника. Напрасно Василий Аргир предостерегал его от такого опрометчивого шага. Стратиготы Льва в два счета опрокинули кое-как вооруженный сброд Мономаха, городская стража в панике бежала, бросив ворота открытыми настежь. И тут Торник совершил непростительную глупость – он решил не входить в столицу с боем, а дожидаться делегации от жителей и синклита. Но горожане были злы на мятежников, спаливших предместья, а синклитики имели еще меньше желания видеть Торника на троне, зная, что ключевые посты в государстве он заранее раздал своим друзьям-македонцам. Опомнившись, стража захлопнула ворота, горожане по-прежнему отвечали на предложения осаждавших бранью. Войско незадачливого узурпатора отошло от столицы, а затем, оказавшись без продовольствия, потихоньку стало рассеиваться. Вскоре через Босфор переправились малоазийские отряды, к Рождеству 1047 г. восстание сошло на нет, Льва Торника схватили и ослепили.

«Погубив и разорив, – по выражению Кекавмена [43, с. 289], – царство ромеев», Константин IX взялся пополнять опустевшую казну налогами. Тюрьмы оказались забиты должниками фиска, многие церкви и монастыри лишились

государственных субсидий (опсония). В целях экономии император сократил стратиотское ополчение и распустил пятидесятитысячное вспомогательное грузинское войско. Последние меры, в условиях эскалации агрессии «варваров», казались всем мыслящим людям преступным неразумием. В 1046 г. византийцы захватили армянское княжество Ани – еще одна стратегическая ошибка василевса, так как исчез «буфер», смягчавший натиск сельджуков на восточные границы. Через два года уже ромейскому стратигу Катакалону Кекавмену пришлось выбивать турецкую конницу из Васпуракана, тогда же турки захватили город Арзен, захватив колоссальную добычу и убив несколько десятков тысяч армян и греков. 18 сентября 1048 г. ромеи взяли запоздалый реванш, разгромив захватчиков при Капетру, и вынудили их на время убраться в Иран. В самом конце правления Мономаха, в 1054 г., сельджуки осадили важную крепость Манцикерт, и лишь выдающаяся стойкость жителей и гарнизона не позволила им овладеть городом.

Дела в Европе обстояли отвратительно. Еще в 1042 г. сербским князем Стефаном Воиславом был разгромлен стратиг Диррахия Михаил Аколуж, от империи отложилась Дукла. Через десять лет практически отошла и Зета.

Север страны беспрестанно тревожили печенеги. В 1051 г. войскам империи удалось нанести им поражение, но два года спустя тот же Михаил Аколуж был вдребезги разбит кочевниками во Фракии. К концу правления Мономаха набеги печенегов достигали предместий Константинополя.

Много нареканий вызывала у народа и духовенства личная жизнь императора. Еще в бытность Константина ссыльным на Лесбосе с ним жила его преданная любовница, знатная женщина из рода Склиров, Мария. Обретя трон, Мономах упросил Зою позволить Склирене вернуться в столицу. Константин по-прежнему крепко любил ее и не смог долго скрывать своей привязанности. Мария переехала во дворец, где поселилась по соседству со спальней императора. Другая дверь из спальни вела в покои императрицы, и ни одна из женщин не смела входить к Константину IX без стука. Склирена получила

от Зои титул севасты и на официальных приемах появлялась четвертой после Мономаха, его жены и Феодоры. По словам бывшего свидетелем всего этого Пселла, синклитики краснели, но терпели, так как Мария была женщиной обаятельной и по отношению к окружавшим ее царедворцам щедрой. Народ же возмущался конкубинатом и весной 1043 г. едва не взбунтовался, опасаясь за судьбу законных василис. Толпа собралась перед дворцом с криками: «Не хотим Склирену императрицей, да не умрут из-за нее наши матушки, порфирородные Зоя и Феодора!» и не расходилась до тех пор, пока невредимые «матушки» не появились на балконе. Через пару лет Склирена умерла, Мономах искренне ее оплакивал, а спустя некоторое время утешился другой женщиной – красавицей аланкой, бывшей в Константинополе заложницей. Та тоже получила титул севасты и осыпается милостями не меньше прежней фаворитки.

К концу правления Константин IX стал мучиться подагрой, но, преодолевая сильнейшую боль, не прекращал появляться на приемах и торжествах. Болезнь свою он считал наказанием за грехи и усердно молился Богу. Умер Мономах в Константинополе 7 или 11 января 1055 г.

В 1043 г. Византия отразила последний вооруженный натиск русских. Поход большой армии великого князя Ярослава Мудрого⁹³ на судах окончился неудачно – русичи, которых вели сын князя Владимир Ярославич и воевода Вышата, были разбиты, их флот сожжен «греческим огнем», а 800 пленных император приказал ослепить. Позже, до самого падения Константинополя, отношения были сугубо мирными: русские купцы и путешественники ездили в Византию, греческие священники поставлялись на Русь епископами и митрополитами, византийские мастера украшали своими творениями Суздаль и Киев, Владимир и Новгород. А в XIV-XV вв. Русь слала обедневшим греческим автократорам и иерархам «милостыню».

Зоя и Феодора Порфирогениты

(Зоя, 978 – 1050, имп. с 1028) (Феодора, ? – 1056, имп. в 1028 – 1030 и с 1042)

Порфирородные Зоя и Феодора, дочери Константина VIII, были последними представительницами Македонской династии на византийском престоле. Со смертью их обеих – бездетных – угас род Василия Македонянина.

Глядя на царственных сестер, современники не уставали поражаться их несхожести – как во внешнем облике, так и в характерах. Обе они испытывали друг к другу стойкую неприязнь.

Старшая, Зоя, была небольшого роста, светловолосая, с полноватой, но изящной фигурой и до глубокой старости не потеряла известной привлекательности. Она терпеть не могла типичных для византийской женщины занятий – рукоделия и т.п., а свободное время посвящала изготовлению всевозможных косметических снадобий, и, судя по описанию современников, покои императрицы больше напоминали лабораторию средневекового алхимика или фармацевта из-за обилия ступок, реторт, горнов и тому подобной аппаратуры. В одном из византийских медицинских трактатов приводится рецепт «мази Зои-царицы» [21]. Надо отметить, что, благодаря своим изысканиям, и в возрасте далеко за семьдесят сгорбленная и с трясущимися руками Зоя поражала нежной, без единой морщины кожей лица. Зоя очень внимательно прислушивалась к суждениям окружающих относительно ее внешности и любила, когда ею восхищались, чем нередко пользовались находчивые царедворцы.

Будучи женой Романа III, Зоя, и ранее имевшая фаворитов, в свои пятьдесят с лишним лет вела себя подобно легендарной Мессалине. С Михаилом Пафлагоном она открыто лежала на одной кровати, и их нередко заставляли в таком виде придворные. «При этом он смущался, краснел и пугался, а она даже не считала нужным сдерживаться, на глазах у всех целовала юношу и хвасталась, что не раз уже вкушала с ним

наслаждение» (Пселл, [53, с. 30]. Тот же автор пишет, что «плотские соития» были для императрицы любимым видом развлечений.

Натура порывистая, Зоя мыслила быстро, была крута на расправу и щедра на благодеяния. Когда Пафлагон стал ромейским василевсом («И чего только не сделает для своего возлюбленного влюбленная императрица!» – восклицает по этому поводу Пселл [53, с. 30]), он повел себя по отношению к Зое просто неблагодарно. Император не только лишил ее радостей супружеского ложа, но запер во дворце и приставил стражу – так, что никто не мог видаться с василисой без ведома начальника караула. Когда Михаил IV умирал, обезумевшая от горя женщина, забыв все обиды, требовала свидания, но он не допустил ее к себе. Иоанн Орфанотроф убедил Зою короновать Михаила V, и она вторично оказалась обманутой. Отправляясь в изгнание, императрица безутешно рыдала.

Феодора была высокой, с маленькой головой на длинной шее. Она отличалась рассудительностью, скупостью («любила ежедневно получать тысячи золотых дариков [монет. – С.Д.], которыми она набивала медные ларцы» (Пселл, [51, с. 87]) и словоохотливостью. Женщина это была высоконравственная и к распутству склонности не имела.

Судьбу обеих сестер круто изменил апрельский бунт 1042 г. Но после их полуторамесячного совместного правления синклит потребовал избрать нового василевса, так как императрицы руководили страной плохо. «Ни одна из них, – замечает Пселл, – по складу ума не годилась для царской власти, они не умели ни распоряжаться, ни принимать твердых решений, а к царским заботам большей частью примешивали женские пустяки... Вознаграждение, предназначенное воинам, и средства для войска без надобности отдавались другим (я говорю о толпе льстецов и свите цариц), будто именно ради них наполнял казну самодержец Василий [II].

Многим кажется, что окружающие нас народы только теперь вдруг двинулись на нас и неожиданно вторглись в ромейские пределы, но, как мне представляется, дом рушится тогда, когда гниют кроющие его балки. Хотя большинство людей и не

распознало начала зла, оно коренилось в событиях того времени: из туч, которые тогда собрались, ныне хлынул проливной дождь...» [53, с. 70]

Новый император Константин IX Мономах, третий супруг престарелой Зои, окружил ее почетом. Правда, вскоре он ввел во дворец любовницу, но Зоя не возражала, «ибо не осталось ревности в женщине, измученной многочисленными бедами и вошедшей в возраст, которому чужды подобные чувства» (Пселл, [53, с. 85]). К старости Зоя стала «нетверда рассудком», часто впадала в беспричинную ярость. Умерла она в 1050 г., перед кончиной раздав большие суммы денег неимущим.

Феодора пережила и сестру, и Мономаха, отношения с которым у нее не сложились. После смерти последнего столицу империи вновь охватили смуты, группа знати решила возвести на трон наместника Болгарии Никифора, но Феодора первая успела захватить дворец.

По причине тяжелого характера императрицы с ней могли ладить лишь податливые дворцовые евнухи. Патриарх Кируларий и лидер военных Исаак Комнин (будущий император) так и не смогли найти с ней общий язык. Патриарх с Феодорой конфликтовал постоянно, Комнин был смещен. Власть на деле принадлежала представителю столичной бюрократии Льву Параспон-дилу, человеку неглупому, но, как и императрица, неуживчивому, вызывавшему повсеместное недовольство. Мужа себе Феодора искать отказалась и через полтора года своей ничем не примечательной автократии умерла (31 августа 1056), передав империю в слабые руки Михаила Стратиотика – креатуры Параспондила.

Михаил VI Стратиотик, Исаак I Комнин

Михаил VI Стратиотик (? – 1059, имп. в 1056 – 1057)

Синклитик Михаил занимал при Константине Мононахе должность логофета стратиотской казны (поэтому или по причине солдатских заслуг молодости и прозвище – Стратиотик). Вступил на престол Михаил Стратиотик уже в очень преклонном возрасте, и современники наградили его второй кличкой – Старик. Группа сановников во главе со Львом Параспондиллом, по чьей инициативе он и взошел на трон, поставила перед василевсом одно- единственное условие – полное подчинение им, – и Михаил согласился. Так ему было спокойнее, ибо, по словам Пселла, повиноваться Михаил VI умел куда лучше, нежели повелевать. Кто бы из придворных льстецов о чем бы ни попросил этого ничтожного василевса, последний, не имея сил отказать, удовлетворял любую просьбу, что в конечном счете привело к неразберихе и анархии. К армейским же начальникам отношение Стратиотика оказалось совершенно иным. Когда на Пасху 1057 г. (27 мая), в день раздачи традиционной руги, генералы империи пришли на аудиенцию, надеясь услышать о повышениях в чинах и прочих милостях, император грубо их всех обругал, а потом вывел самых известных – Катакалона Кекавмена и Исаака Комнина на середину и прямо-таки «облаял» за нерадение. Конечно, кое-кто из стратиггов действительно заслуживал выговора, но поведение Стратиотика всех просто шокировало. Поговаривали, что император выжил из ума. Так же непочтительно обошелся с военными и Лев Параспондил. Сразу после неласкового приема недовольные военачальники дали клятву лишить Михаила власти.

8 июня 1057 г. в Пафлагонии, близ Синопа, войска и некоторые стратиги провозгласили императором Исаака Комнина. Почти все малоазиатские фемы присягнули самозванцу. Михаилу VI остались верны враждовавшие с восточными войска фем Европы, а также фемы Армениак, Харсиан и наемники. Но влияние среди солдат талантливого узурпатора Комнина, имевшего громкую славу человека

честного и бесстрашного, было куда более значительным, чем дряхлого законного государя, и стратиоты толпами перебегали к мятежникам. 20 августа у Никеи, недалеко от места со зловещим названием Аид, произошло кровавое сражение правительственной армии с отрядами Комнина. Бой длился несколько часов, Исаак одержал победу, но потери ромеев с обеих сторон оказались огромными. Скилица назвал эту битву «вакхическим безумием».

Стратиотик взял от представителей народа и синклита письменную клятву не признавать Исаака Комнина императором и отправил в лагерь противника посольство во главе с Михаилом Пселлом. В качестве условий мира император предложил Исааку титул кесаря с автоматическим наследованием трона. Последний согласился, но ход событий оказался для Комнина еще более благоприятным: столичная оппозиция полубезумному государю убедила патриарха Михаила Кирулария потребовать у Стратиотика отречения, а василевс неожиданно легко согласился. «Что патриарх обещает мне взамен царства?» – спросил у митрополитов, послов Кирулария, император. «Царствие небесное», – удачно ответил кто-то. Тогда Михаил VI, взглянув на свои красные туфли-кампагии, произнес: «За них-то Михаил не продает благочестия» и скинул их, символизируя отречение (30 августа 1057). Приняв схиму, Стратиотик поселился в своем столичном доме и до самой смерти жил там как частное лицо.

Исаак I Комнин (ок. 1007 – 1061, имп. в 1057 – 1059)

Исаак Комнин был сыном известного при Василии Болгаробойце военачальника империи Мануила Эротика Комнина. Василий II позаботился о воспитании Исаака и его брата Иоанна и лично обучил их ратному мастерству. Наука пошла будущему императору впрок – со временем он стал одним из лучших полководцев империи. Физически он был очень развит – мчался верхом на коне, мог голыми руками поймать бегущего зайца. Храбрость в нем сочеталась с простым нравом и прямотою. Встав во главе мятежа против правительства Михаила Стратиотика, Исаак повел себя мудро и отважно, а в решающем сражении при Никее бился в передовых рядах своей армии. Пселл называет его «человеком дела». Воцарившись, Исаак I приказал выбить на монетах себя с мечом в руке.

Комнин принялся выкорчевывать все мешающее, на его взгляд, жизни государства с невиданной энергией. Он отнимал поместья у аристократии и богатых монастырей, защищая интересы бедняков, сурово карал за дурное обращение с крестьянами, строго следил за деятельностью ремесленных коллегий, безжалостно расправлялся с казнокрадами, возрождал пришедшее было в упадок ромейское войско.

Подобные действия императора быстро вызвали недовольство практически всех слоев знати – военно-землевладельческой, церковной, торгово-ремесленной, бюрократии. По мнению позднейших исследователей, «создался своеобразный исторический парадокс: вождь феодального мятежа действовал в интересах централизации византийского государственного аппарата, а столичная знать, объективно заинтересованная в этой централизации, оказывалась в оппозиции к нему» [131, т. II, с. 279].

Первым против василевса открыто выступил Михаил Кируларий. Проявлять недовольство императором решительный патриарх начал в самой недопустимой форме: хулил его направо и налево, открыто проповедовал, что

священство может быть выше царства. Исааку I глава церкви будто бы заявил, намекая на свое участие в низложении Стратиотика: «Я тебя слепил, печка, я тебя и разрушу». Василевс недолго терпел такие вольности. В ноябре 1057 г. Кируларий был неожиданно арестован царской стражей и отвезен на о. Приконис. Так как он наотрез отказался подписать акт отречения, император распорядился начать против патриарха судебный процесс. Главным обвинителем в суде должен был стать Пселл (текст обвинительной речи [55]), уважаемый императором за ум и известную смелость. Однако Кируларий, не пробыв в ссылке и месяца, скончался. Исаак I организовал ему пышные похороны и, с мертвого, снял все обвинения.

За свое непродолжительное правление Комнин сумел укрепить восточные границы от набегов сельджуков, а на северных врагов – дунайских печенегов в 1058 г. сам напал и тех, кто не желал покоряться империи добровольно, принудил к тому оружием. Внешние враги, опасаясь решительного императора, старались в эти два года воздерживаться от походов.

Однако внутренние реформы, с помощью которых Исаак Комнин надеялся помешать кризису государства, из-за спешки и непоследовательности проведения лихорадили страну. Принципиальность василевса охладила к нему даже родню, обманутую в надеждах поживиться за счет казны. При дворе мероприятия императора встречали мощное противодействие, сам он оказался оплетен сетью интриг своих ближайших советников.

В конце 1059 г. Исаак простудился на охоте. Приняв свою болезнь за смертельную (не исключено, что хитростью его убедил в этом Пселл), в начале декабря император постригся в монахи (так обычно поступали перед смертью ромейские василевсы), что значило отречение от мирской жизни, а следовательно, и от трона. Выздоровев, Исаак пытался вернуть власть, но, окруженный недоброжелателями, понял тщетность своих попыток и ушел в Студийский монастырь, монахом которого и умер 31 мая 1060 или 1061 г.

В конце его царствования норманнский разбойник Роберт Гвискар – человек, доставивший впоследствии Византии столько неприятностей, – получил от папы Николая II титул герцога Апулии, Калаврии и Сицилии.

Патриарх Михаил Кируларий и разделение церквей

Михаил Кируларий принадлежал к влиятельному столичному семейству. В 1040 г. он вместе со своим старшим братом оказался участником заговора против «пафлагонцев», но так как далее планов заговорщики пойти не успели, отделался сравнительно легко – конфискацией имущества, постригом и ссылкой. Михаил был образованным человеком (хотя и считал философию «суею»), что вкупе с твердостью характера и определило выбор императора Константина Мономаха, предложившего ему патриаршество после смерти Алексея Студита. Интронизация Кирулария произошла на Пасху, 25 мая 1043 г. По словам позднейшего исследователя, «в лице Кирулария вступил на престол патриарх, который по некоторым душевным качествам скорее был бы на месте императорском, чем патриаршем» [206, с. 377].

Кируларий (характеристика его личности достаточно неоднозначна, ср.[206] и [214]) был настойчивым до упрямства, тронуть его нельзя было ничем. Утилитарист, он все рассматривал с точки зрения «полезности», даже гневался лишь до той поры, пока так было необходимо из политических соображений. Оскорблений он, впрочем, не забывал никогда и в удобный момент мстил обидчикам, даже весьма давним. В быту он славился неприхотливостью, но, отправляя обязанности, оставлял аскезу дома, посещал дворцовые пиры и не чуждался пышности и торжеств. Власть небесную патриарх считал безусловно выше земной, что вкупе с его самостоятельностью приводило к ссорам почти со всеми государями: при Константине IX он два года *был в опале*, Феодора думала его сместить, а конфликт с Исааком Комнином разрешила лишь смерть Кирулария. Честность Михаила не вызывала сомнений – он оказался единственным, кто заступился за разгромленных мятежников Льва Торника перед разъяренным Мономахом, а при кончине этого василевса, когда все приближенные покинули умирающего, патриарх до последних мгновений был с ним, утешая.

В патриаршество Кирулария произошло одно из самых значительных событий истории христианства – раскол церкви на Западную (римско-католическую) и Восточную (греко-православную).

В начале 1050-х гг. Михаил направил на Запад письмо с обличениями заблуждений «христиан латинских» и в достаточно жесткой форме потребовал от церкви Рима исправления. Претензии Константинополя касались целого ряда аспектов западного исповедания веры, а главная из них сводилась к вопросу о дарах евхаристии (латиняне совершали ее на пресном хлебе, православные – на заквашенном). Вскоре после этого события уполномоченный патриарха на службе в одной из немногочисленных тогда латинских церквей Константинополя сбросил на пол блюдо с хлебом причастия и растоптал его, ссылаясь на то, что опресноки-де не суть дары евхаристии.

Для того чтобы как-то уладить возникшие трения, в начале 1054 г. в Константинополь прибыло римское посольство во главе с кардиналом Гумбертом, фактически замещавшим папу Льва IX, томившегося в норманнском плену после разгрома папской армии в Италии (1053). Посольство было направлено для переговоров только с императором Константином IX (римляне намеренно игнорировали патриарха), но Кируларий вынудил Гумберта встретиться и с ним. Споры по поводу взаимных обвинений в нарушении догматов и обрядов веры затянулись надолго, и с обеих сторон велись некорректно. Гумберт на аудиенциях у Михаила вел себя на удивление нахально и допускал нападки на православную церковь, не лучшим образом действовали и византийские иерархи. Константин IX Мономах пытался примирить спорщиков, но тщетно. 16 июля 1054 г. кардинал римской курии Гумберт возложил на алтарь св.Софии хартию, в которой отлучил от церкви Кирулария «со всеми еретиками, с дьяволом и ангелами его» ⁹⁴. Через четыре дня спешно созванный патриархом собор провозгласил главе Западной церкви (несмотря на то, что Лев IX к тому времени покоем в могиле, а другой папа еще не был избран) анафему.

Ссора Гумберта. с Кируларием, однако, не привела к полному разрыву между церквями (единство которых было утрачено еще в IX столетии). Около 1057 г. посольство папы Стефана IX пыталось договориться о воссоединении, такого рода попытки предпринимались и позже ⁹⁵. Окончательно церкви Запада и Востока стали врагами после 1204 г., когда Константинополь был взят и разорен участниками IV крестового похода.

Взаимные проклятия девятисотлетней давности были сняты только в наши дни – в 1967 г.

Константин X Дука

(ок. 1006 – 1067, имп. с 1059)

Происхождение Константина Дуки было довольно темным, и даже современники затруднялись дать ответ на вопрос, являлся ли Константин потомком знаменитого при первых императорах Македонской династии рода Дук или нет. Будучи главным помощником и другом Исаака Комнина, Константин получил от него титул кесаря, но затем поссорился с императором, сложил с себя кесарский венец и уехал в Эдессу. Осенью 1059 г. он, тайно извещенный своим давним приятелем Пселлом о болезни императора, неожиданно вернулся в столицу. Пселл, по сути дела, добыл для него корону, склонив синклитиков избрать Дуку императором (23 ноября 1059), не дожидаясь смерти Исаака.

Константин X отступил от политики своего предшественника, направленной на укрепление центральной власти. Любимым детищем нового императора стали суды, сутяжничество приобрело характер всеобщей болезни, и даже многие военные, оставив мечи, занялись этим, ставшим куда более выгодным, делом.

Василевс был человеком образованным и даже жаловался порой, что хотел бы прославиться больше благодаря наукам, нежели царской власти. Пселл хвалит его добродетель, говоря, что он никому не обрубил ни рук, ни ног.

Константин X не следовал ничьим советам, полагаясь только на свои решения. Грубой лести Дука не любил и льстецам не верил – так, одному из придворных, в ответ на горячие клятвы защитить василевса в бою собственным телом, он насмешливо ответил: «Молчи, если хочешь толкнуть меня, падающего!»

Константин X обогащал казну, но проявил при этом бессмысленную и даже вредную жадность. Экономить он почему-то решил на войске. Хорошо содержит только наемную гвардию, император за семь лет привел остальную часть армии в прямо-таки плачевное состояние (см. «Роман IV»). Крепости

не ремонтировались, не строился флот, оружие и машины не производились. Историк Михаил Атталиат гневно упрекал царя за то, что обол [мелкая монета. – С.Д.] для него был дороже всего.

Почувствовав слабость Византии, на нее со всех сторон обрушились воинственные соседи. В 1064 г. Дунай перешла шестисоттысячная орда узов, разоряя Эпир, Македонию и Элладу. Василевс долго колебался, стоит ли тратиться на посылку войск (!), в то время как захватчики опустошали ромейские земли. Направленная на них после долгих проволочек армия под командованием Василия Апокапа и Никифора Вотаниата не смогла сдержать напора такой массы. Византийские владения в Европе очутились в критическом положении, но за год силы узов подорвала эпидемия, а их остатки греки уничтожили в союзе с болгарам и печенегами.

Вскоре венгры заняли Белград, а на Востоке турецкий султан Алп-Арслан в союзе с грузинами напал на Армению. 16 июня 1064 г. сдалась ее столица, крепость Ани.

В последние годы царствования Дуки натиск внешних врагов усилился повсеместно. Противостоять захватчикам – норманнам, туркам, венграм – василевс оказался неспособен, территория империи сократилась.

Константин X Дука скончался в столице 23 мая 1067 г.

При Константине X Дуке наемная гвардия начала пополняться за счет массового притока англосаксов, бежавших от норманнского владычества из Англии после битвы при Гастингсе. Русско-варяжская этерия становилась, по словам греков, «франкской».

Евдокия Макремволитиса, Роман IV Диоген

Евдокия Макремволитиса

(ок.1028 – ок.1096, императрица-регентша в 1067 и 1071)

После смерти Константина X власть перешла к его сыновьям – Михаилу, Константину и Андронику, регентство при которых Дука поручил их матери Евдокии, дочери видного царедворца времен Михаила IV, Макремволита, и племяннице (по матери) патриарха Кирулария. Пселл охарактеризовал ее как правительницу искушенную и опытную. Дети-василевсы ее боялись. Сама Евдокия не хотела «умирать на троне» и мечтала оставить двор, когда вырастут сыновья.

Первое время властью вместе с императрицей распоряжались два талантливых интригана – Пселл и кесарь Иоанн Дука, брат покойного василевса. 31 декабря 1067 г. Евдокия, при поддержке патриарха Иоанна Ксифилина, отдала свою руку и престол Роману Диогену. После исчезновения Романа IV в августе 1071 г. она вновь обрела номинальное регентство. В сентябре того же года Макремволитиса отказалась признать низложение Диогена и предпочла уйти в монастырь, где четверть века прожила, предаваясь ученым занятиям (труды ее не сохранились).

Роман IV Диоген

(1039 – 1072, имп. в 1068 – 1071)

Роман, сын Константина Диогена (см. «Роман III»), был вестархом и ду-кой Сердики. После смерти Константина X Дуки организовал заговор, его судили и приговорили к смерти, но на личном свидании с императрицей Евдокией Диоген настолько поразил ее мужественным видом и красотой, что василиса заменила ему казнь ссылкой на родину – в Каппадокию. Зимой 1067 г. военные, будучи не в силах наблюдать полный развал армии, через патриарха Ксифилина убедили Евдокию избрать себе нового супруга, способного хоть как-то изменить сложившееся положение. Выбор Макремволитисы остановился на ссыльном Роме. Так как гражданская партия (прежде всего Пселл и кесарь Иоанн Дука), боясь потерять влияние, и слышать не хотела о новом василевсе, Роман прибыл во дворец тайно, и Евдокия объявила о задуманном за день до венчания. Ничем воспрепятствовать оппозиция уже не смогла, Пселлу и Дуке оставалось лишь разыгрывать радость. Роман IV поклялся действовать в интересах своих малолетних соправителей (Михаила VII и его братьев).

Обретя престол (коронация состоялась 1 января 1068 г.), Роман IV Диоген возродил мероприятия своего деятельного «военного» предшественника Исаака I Комнина. Чтобы успешно противостоять могуществу крупных землевладельцев, он в первую очередь расширял императорский домен – политика, которую вынуждены были применять тогда многие государи.

Император был человек решительный и самостоятельный – вплоть до того, что сам назначал епископов. Оппозицию членов синклита он обуздал, первый ее вождь – кесарь Иоанн Дука – удалился в Вифинию, а игравший прежде немалую роль Пселл впал при Диогене в немилость. В ответ обиженные царедворцы обливали василевса грязью, распространяя слухи о якобы готовящемся ослеплении Дук, жестоким обращении Романа с Евдокией, его глупости и непомерном чванстве. Лично Пселл

приложил немало усилий, чтобы поссорить Макремволитису с мужем.

Несмотря на противодействие, Роман IV упорно держался своей жесткой политики в отношении дворцовой знати, опираясь на слои военной аристократии. Львиная доля расходов казны приходилась теперь на армию. Василевс жаждал взять реванш у внешних врагов – норманнов и прежде всего турок, набеги которых с каждым годом становились все более разорительными и наглыми.

В марте 1068 г. император выступил в поход на Восток. Переправившись через Босфор, Диоген сделал смотр своему войску. Глазам василевса предстала безрадостная картина: «Странное зрелище представляли эти столь знаменитые ромейские воины, храбрость коих подчинила Восток и Запад; налицо было скромное число мужей, да и то одетых в рубища и удрученных скудостью, лишенных вооружения и вместо мечей и военных снарядов имевших при себе колчаны и секиры; конники без коней и без прочего вооружения. Давно уже цари не выступали в поход, поэтому у военных людей, как у не несших действительной службы, отнято было содержание и денежные выдачи. Они имели робкий вид, не имели мужества и казались неспособными ни на какие большие предприятия. И самые знамена, не возбуждавшие громкого крика, мрачные и как бы потускневшие, окруженные незначительным количеством воинов, производили на зрителя тягостное впечатление. Приходило на ум, как дошло до такого состояния ромейское войско и каких денег и какого труда будет стоить вернуть их в прежнее состояние... С другой же стороны, неприятель, с которым придется иметь дело, известен своей отчаянной храбростью, настойчивостью, опытностью и искусством. Сознывая все это, император, тем не менее, ради государственной пользы считал обязательным для себя идти на врага и по возможности ограничить и сократить его сильный напор» (Иоанн Скилица, [231, т. III, с. 90]). Осенью в столицу пришло сообщение о взятии Романом Мембиджа, а затем за неделю византийцы разгромили несколько крупных отрядов султана, направлявшихся в набег на империю.

«Воистину достойно удивления и заслуживает упоминания, – писал историк Михаил Атталиат, – что василевс... восемь дней подряд преследовал неприятеля с одной только дружиной, лишенной необходимых вещей, в местности безводной и непроходимой» [132, т. II, с.284]. Зимой император торжественно возвратился в столицу. Пселл, неприязненно относившийся к Диогену, составил об этом походе совсем другое мнение: «[Диоген. – С.Д.] блуждал, выступал в одно место, а прибывал в другое, бродил по Сирии и Персии, и если что удалось ему, так это завести подальше в горы и расположить на высоких холмах свое войско, вновь его спустить, увести по узким дорогам и таким ловким маневром погубить множество своих людей. Тем не менее он возвратился с победным видом» ^{S3, с. 180}.

Весной Роман IV снова отправился на сельджуков, но вынужден был вернуться, так как в тылу его армий восстал командир итальянских наемников Криспин. Мощное наступление норманнов Роберта Гвискара на остатки того, что когда-то было катепанатом Италия, задержало Диогена в Константинополе и в следующем, 1070 г. Турецкую кампанию возглавил Мануил Комнин, племянник императора Исаака. Однако он не справился со своей задачей, потерпел от мусульман серьезное поражение, турки заняли Хоны и Манцикерт.

Весной 1071 г., после нескольких лет осады, пала последняя византийская крепость в Италии – Бари.

Так как положение в жизненно важных для империи районах Малой Азии оставалось тревожным, Роман IV Диоген начал готовить решительный удар по сельджукам, нацеливая армию на Экбатаны и Тегеран – ключевые города султаната. Напрасно военачальник Иосиф Тарханиот, указывая на многочисленные опасности такого предприятия, предлагал выжечь приграничные районы и ждать турок там, лишая их возможности подкреплений, – император упорствовал. Летом 1071г., во главе сотысячной армии, оснащенной тяжелой артиллерией, Роман IV выступил в Армению, к берегам озера Ван, где две твердыни – Манцикерт и Ахлат – прикрывали Иранское нагорье.

Предвкушая победу, император заранее разделил земли сельджуков между своими полководцами.

Ромеи осадили Манцикерт и овладели им в начале августа, однако поход Диогена был обречен на неудачу с самого начала – бесстрашного, но недалекого василевса окружали изменники.

Патриотизм, как это нередко бывает в эпоху упадка, был совершенно чужд значительной части аристократии, и желавшие во что бы то ни стало удалить императора с трона Дуки и их сторонники, не задумываясь, рисковали страной. Сначала, правда, покушались только на жизнь самого Романа – то ночью вспыхивала палатка, где он спал, то обрушивался дом, в котором он предполагал остановиться. Затем решили погубить его вместе с армией. Никифор Васибеки, которому была поручена разведка, сознательно вводил василевса в заблуждение, и тот до последнего момента не знал, что султан Алп-Арслан с огромными силами приближается к Манцикерту. Иосиф Тарханиот, отправленный к Ахлату с внушительной частью войска, встретив турок, бежал, но не обратно в Манцикерт, а совсем в другую сторону, чем сильно ослабил войско Романа IV накануне генерального сражения. Более того, непосредственно перед боем отряд союзников-узов переметнулся к неприятелю.

Противники сошлись 19 августа 1071 г. на равнине перед Манцикертом. Император лично повел тяжелую кавалерию и обратил сельджуков в бегство. Опасаясь засады, он остановил катафрактов у турецкого лагеря и отдал приказ поворачивать знамена назад. Сын кесаря Андроник Дука преднамеренно искажил приказ и поднял панику в арьергарде, утверждая, что император убит. Солдаты обратились в бегство, ряды греков смешались, в тыл пришедшей в полное расстройство армии ударили турки, и начался разгром. «Так обстояло дело с... войском. Но окружившие императора враги отнюдь не легко и не сразу его одолели. Обладая стратиотским военным опытом, знакомый со многими опасностями, он оказал сильное сопротивление нападающим, убив многих [из них]. Наконец он был ранен мечом в руку, а затем конь его был повержен стрелой и ему [Диогену] пришлось сражаться пешим.

И вот, к вечеру, наконец утомленный, он смирился и стал пленником...»(Михаил Атталиат, [6, т. I, с. 378]) Впервые за всю историю Византии император ромеев попал в плен к варварам ⁹⁶.

В столице о судьбе государя не знали, по крайней мере первое время, ничего, а Дуки праздновали его гибель. Поэтому, когда султан через неделю согласился отпустить Романа IV за выкуп в 100 000 золотых и уступку Манцикерта и Антиохии, константинопольские верхи всполошились. В конце сентября синклит, во многом по инициативе Пселла, объявил Диогена низложенным. От имени Михаила VII (24 октября Дука был провозглашен единодержавным царем) Роману предложили «прощение», но тот, не совершивший ничего предосудительного, почувствовал себя оскорбленным. Обосновавшись в одной из армянских крепостей, Роман IV стал собирать оставшиеся верными ему войска, а затем под напором правительственных отрядов отступил в Киликию. Против свергнутого, но не покорившегося василевса синклит послал его злейшего недоброжелателя, Андроника Дуку, предавшего императора в страшный день Манцикерта. Началась гражданская война. Разбитый в нескольких сражениях и покинутый теми, кому доверял, Роман сдался под гарантию личной безопасности (за что ручались прибывшие с Дукой митрополиты) летом 1072 г. Но на пути в столицу, еще в Малой Азии, Диогена ослепили, придавив щитом в каком-то чулане. Тщетно Роман вспоминал о данных ему от имени правительства обещаниях! За неимением палача и инструментов казнь провел какой-то случайный человек толстым шестом от палатки. Четыре раза раскаленное железо погружали несчастному императору в глазницы. Роман сам, крича, убеждал своих мучителей, что глаза его вытекли. Лицо Диогена безобразно распухло (видимо, начался сепсис), и через несколько дней (4 августа 1072) он умер на острове Прот.

Год низложения Диогена, по мнению А.А. Васильева, стал переломным для империи: «В этом году Византия потеряла Южную Италию на Западе и подписала смертный приговор владычеству в Малой Азии на Востоке. С этих пор Византия

перестает быть мировой державой средневековья» [106, т. I, с. 348].

Интересно отметить, что все четыре императора, носившие имя Роман, кончили плохо.

Михаил VII Дука Парапинак

(1050 – ок. 1090, имп. в 1067 – 1078, факт. с 1071)

Старший сын и соправитель Константина X Михаил получил власть по праву крови. Воспитателем его был Пселл ⁹⁷, сумевший привить наследнику любовь к наукам и занятиям литературой. Юноша, однако, не обнаруживал необходимых царю твердости и мужества. Историк Никифор Вриенний Кесарь писал, что «душа его ограничивалась двумя противоположностями – легкомыслием и коварством» [62, с. 32].

Нерешительный (он даже стеснялся наказывать вороватых слуг) Михаил Дука сделался послушным исполнителем воли Пселла и своего дяди кесаря Иоанна, а с 1072 г. – энергичного евнуха Никифорицы ⁹⁸. Евнух, оттеснив прежних «руководителей» императора, занялся обогащением опустевшей казны, не забывая при этом и своих интересов. Никифорица ополчился на богатства церкви, конфисковал часть их на государственные нужды, учредил строгий контроль над столичной хлеботорговлей. Однако в конечном счете эти и другие мероприятия привели лишь к новому витку произвола чиновничества.

Царствование Михаила VII для Византии оказалось неблагоприятным. Случившийся в столице голод принял такие размеры, что на улицах Константинополя можно было увидеть валявшиеся трупы, а в могилы клали по пять-шесть человек. В память об этом голоде василевс получил кличку «Парапинак» («за пинакий»), так как тогда на номисму с его изображением можно было купить не медимн хлеба, а его четверть, пинакий. Да и в самой номисме (в обоих ее видах, гистаменоне и тетартеро-не) начиная с 1070-х гг. содержание золота стало неуклонно падать.

Войска жаловались, что им не дают положенного содержания, а правительство не обращало на это ровным счетом никакого внимания.

На землях империи стали возникать независимые государства и появляться самозванцы-узурпаторы. Император же вместе с Пселлом в тиши дворца занимался, как зло шутили его противники, «сочинением ямбов». Казалось, в империю вернулись времена августа Галлиена ⁹⁹. Некий Татуш организовал печенежское княжество на Дунае, получили от папы Григория VII королевские венцы жупаны хорватский и зетский (1075, 1077). Дошло до того, что византийский наместник Эдессы, куропалат Филарет Вахамий, отложился от империи, сколотил армию и начал самостоятельно, не дождавшись помощи центрального правительства, отбиваться от сельджуков. В 1072 – 1073 гг. восстания прокатились по Болгарии. Катепан Дристры Нестор, посланный на подавление мятежа, возмутился сам, требуя низложения Никифорицы. Затем в Малой Азии того же потребовали командир наемников Руссель и присоединившийся к последнему кесарь Дука. Нанятые Константинополем турецкие отряды разбили и взяли в плен Русселя и кесаря, но зато подчинили себе ряд принадлежащих Византии земель.

В 1077 г. на месте бывших владений империи турки-сельджуки основали Иконийский (Румский) султанат. Печенеги жгли окрестности Константинополя, и папа Григорий VII даже обратился (правда, безрезультатно) ко всему христианскому миру с призывом помочь империи воевать против «язычников».

В 1077 г. поднял мятеж македонский полководец Никифор Вриенний, его брат Иоанн осадил столицу с суши. У императора остались наемники – варяги и печенеги, и флот. Город защищали Алексей Комнин (впоследствии император) и брат автократора, отважный Константин.

Потерпев ряд поражений, Иоанн Вриенний снял осаду и отступил в Адрианополь. И тогда (октябрь 1077) возмутился давно вынашивавший мятежные планы старый малоазийский полководец Никифор Вотаниат, поддержанный частью столичной знати. Алексей Комнин предлагал немедленно напасть на Вотаниата, расположившегося лагерем на босфорском побережье, но Михаил VII колебался и упустил время.

25 марта 1078 г. группа синклитиков и духовенства, собравшихся в соборе св.Софии, провозгласила Никифора Вотаниата императором. Дука продолжал бездействовать, спустя пять дней солдаты узурпатора вошли в город и захватили дворец. Император бежал, а затем, даже не пытаясь бороться, отрекся от трона, принял постриг и впоследствии стал митрополитом Эфесским.

В начале 1080-х гг. при дворе Роберта Гвискара объявился некий монах, выдававший себя за Михаила VII Дуку. Самозванец погиб при осаде Диррахия.

Никифор III Вотаниат

(ок. 1001 – ок. 1081, имп. в 1078 – 1081)

Никифор Вотаниат причислял себя к потомкам рода Фок. Авторитетом среди почти всех слоев империи он пользовался несомненно большим, нежели неспособный Михаил VII. Во всяком случае, после коронации Вотаниата (3 апреля 1078) его признал государем даже независимый Филарет Вахамий.

Новый василевс казнил ненавистного многим Никифорицу, но следом возвысил двух не менее свирепых и жадных фаворитов – «скифов» Борила и Германа, бывших своих рабов.

Несмотря на старость, Никифор III женился на красавице императрице Марии, хотя ее первый муж, Михаил Дука, был жив. За это папа Григорий VII предал василевса анафеме.

Никифор III оказался правителем не слишком разумным. Желая заручиться симпатией подданных, он принялся раздавать казну всем желающим – церкви, войску, чиновникам – и та вскоре опустела. Так, по словам Никифора Вриенния Кесаря, «император употребил во зло свою щедрость» [62, с. 123]. Траты оказались бесполезными – царствование Вотаниата буквально потонуло в мятежах военно-землевладельческой знати.

Никифора Вриенния, с которым Вотаниат договориться не смог, разбил Алексей Комнин. Однако не успел последний, получивший за победу титул севаста, вернуться, как Фессалонику захватил восставший стратиг Диррахия Никифор Васибеки. Алексей справился и с ним. Летом 1079г. Константин Дука¹⁰⁰, брат и соправитель Михаила VII, возмутил стоявшие на восточном берегу Босфора отряды «бессмертных» (греческая гвардия, созданная по образцу персидской царской стражи). Но, взвесив, с одной стороны, посулы Константина, а с другой – деньги, предложенные Вотаниатом, «бессмертные» выдали Дуку императору. В конце 1080 г. в Никее поднял мятеж еще один Никифор – Мелиссин, пригласивший себе в помощь сельджуков. Мятеж охватил восточные провинции, а в феврале 1081 г. лучшие полководцы империи – братья Алексей и Исаак

Комнины выступили против василевса. К концу марта Алексей Комнин, провозгласивший себя императором, осадил столицу. Его товарищ Георгий Палеолог подкупил охранявших одну из крепостных башен Влахернской стены немцев, и те 1 апреля, когда штурм города начался, неожиданно принялись пускать стрелы в спину несчастным солдатам Вотаниата, сторожившим Харисийские ворота. Головной отряд Палеолога ворвался в город, вслед за ним в Константинополь вошло все мятежное войско и начался повальный грабеж.

Хронист Иоанн Зонара вспоминал: «то была смешанная толпа фракийцев, македонцев, ромеев, варваров. По отношению к своим соплеменникам они вели себя хуже врагов, и дело дошло до кровопролития. Они оскверняли дев, посвятивших себя Богу, и насильничали над замужними женщинами, они вытаскивали украшения из Божьих храмов и не щадили даже священных сосудов... Встретив синклитиков, они стаскивали их с мулов, а некоторых раздевали и пускали полуголыми по улицам. И все это происходило в течение целого дня» [9, с. 474]. Отец Георгия, Никифор Палеолог, в отличие от сына сторонник Вотаниата, предложил напасть на брошенного недисциплинированной армией узурпатора и убить его, но василевс решил снестись с Никифором Мелиссином и побить одного мятежника с помощью другого. Однако флот, который попытались отправить к Мелиссину, не подчинился. Борил вывел отряды наемников – единственную боеспособную силу в городе – на площадь и вторично предложил Вотаниату разделаться с Комнинами, утратившими контроль над своим воинством. Никифор III метался в панике, и тут патриарх Косьма, желая прекратить кровопролитие, заставил императора пойти на переговоры с Алексеем. Василевс согласился усыновить Алексея и передать ему власть, а сам обещал удовлетвориться лишь правом на ношение императорских одежд и титулом. Комнин, находившийся в затруднительном положении, хотел было согласиться, но кесарь Иоанн Дука прогнал послов Вотаниата, заявив им, что такое-де уместно было предлагать до штурма, а теперь старику Никифору III следует помыслить не о троне, а о спасении. Получив такой

ответ, Вотаниат направился в св.Софию. Борил, заметив на нем богато украшенную накидку, злорадно усмехаясь, сорвал ее со своего беспомощного господина. Перед принятием схимы Никифор сокрушался, что единственное, о чем он жалеет, так это о воздержании от мясной пищи (православным монахам разрешалось употреблять мясо только по большим церковным праздникам или во время болезни).

Алексей I Комнин

(ок. 1057 – 1118, имп. с 1081)

Род Комнинов происходил из фракийского городка Комны. Хотя один из его представителей – Исаак I – уже занимал престол ромейской державы, основателем династии Комнинов стал его племянник Алексей.

Алексей Комнин, как и все правившие императоры этой семьи, был человеком незаурядным. Способный военачальник, он выдвинулся при Михаиле VII. Никифор III Вотаниат также считал нужным воспользоваться его услугами, поручив борьбу с мятежниками во Фракии и Иллирии. Постепенно Алексей и его родня, особенно старший брат Исаак и мать Анна Далассина, стали тяготиться правлением неспособного Вотаниата. Когда же последний объявил о своем решении назначить наследником власти племянника Синадина, а не Алексея, чего тот заслуживал и, вероятно, ожидал, Комнины начали готовить мятеж, опираясь на войска и многочисленных влиятельных при дворе родственников. Зимой 1081 г. Алексей отказался возглавить борьбу с взбунтовавшимся Никифором Мелиссином, своим зятем. Шаг этот навлек на Алексея серьезные подозрения василевса, но Никифор III все-таки приказал ему выступить против союзных Мелиссину турок, занявших Кизик. Армия Комнина собиралась к походу у стен Константинополя. Наконец, Вотаниат выказал удивление по поводу ее многочисленности (он приказал севасту взять лишь несколько отрядов). Алексей, смеясь, ответил царю, что с высоты башен войско у крепости всегда кажется больше, чем на самом деле. Понимая, что императорского доверия он уже лишен, в начале февраля Алексей обошел дома своих константинопольских сторонников (прежде всего среди военной аристократии), договариваясь о содействии, и в ночь на 8 февраля 1081 г. бежал с братом Исааком во Фракию, во избежание погони подрубив ноги скакунам императорской конюшни.

Обосновавшись во фракийском городе Цуруле, братья принялись стягивать войска и призывать к мятежу вельмож.

Одним из первых приглашение поучаствовать получил кесарь Иоанн Дука: «Мы приготовили очень хорошее кушанье с приправой, если хочешь разделить с нами угощение, приходи как можно скорее принять участие в пире» (Ан.Комн., [9, с. 103]). Еще в Цуруле братья поделили власть. Хотя Исаак был старше, Алексея отличала куда большая популярность среди воинов, он и возглавил бунт. Исаак впоследствии получил высший после императорского титул севастократора, специально для него изобретенный.

Свергнув после недолгой борьбы Вотаниата и короновавшись (4 апреля 1081), Алексей I Комнин получил жуткое наследство. Расстроено было все – армия, промышленность, финансы, управление. Турки, призванные Мелиссином, отняли почти всю Малую Азию с городами Брусой и Никеей и вышли к Пропонтиде. На севере империи грозили печенежские орды, а в Италии уже поднимал паруса флот Роберта Гвискара, нацеленный на Далмацию. «Ко всему прочему, – писал немецкий историк XIX в. Герцберг, – под впечатлением событий, имевших место после брака Зои с Романом III, среди знати склонность захватывать корону превратилась в настоящую эпидемию» [114, с. 256].

С Никифором Мелиссином новый автократор разобрался по-родственному, и тот сложил оружие, в обмен получив не пол-Византии, как ранее предлагал Комнину, а титул кесаря и Фессалонику в удел. Настало время разобраться с норманнами. Алексей I заключил мир с сельджуками, союзы с Венецией и германским королем Генрихом IV. Обеспечив себе таким образом дипломатическое прикрытие, василевс повел армию ромеев в Далмацию, где высадилось и осадило Диррахий тридцатитысячное войско грозного Роберта Гвискара. Местные славяне с удовольствием помогали норманнам, мечтая об освобождении от власти ненасытных византийских чиновников. 18 октября 1081 г. Алексей Комнин вступил в бой с силами Роберта. Не выдержав атаки тяжелой варяжской (точнее, варяго-русско-англосакской) пехоты Комнина, норманны бросились наутек, и чудом храброй Гаите, наложнице Гвискара, удалось остановить бегущих воинов и снова двинуть

их в бой. Утомленные преследованием варяги были смяты и перебиты, а панцирная кавалерия Гвискара (1300 итало-норманнских рыцарей) опрокинула уступавших ей по боевым качествам греческих катафрактов. Зетский князь, союзник византийцев, предал их и не вступил в сражение. Разгром был полный, ромеи отступили, Диррахий пал. В этом сражении Алексей продемонстрировал свою исключительную храбрость, за которую его так любили воины. «Лучше умереть в мужественном бою, – по словам его дочери, любил повторять Алексей, – чем спасти жизнь ценой позора!» [9, с. 211].

Норманны, постепенно двигаясь на восток, разграбили Эпир, Македонию и Фессалию. Однако здесь их успехи закончились. Хотя Византия и была в этот момент слаба, у руля власти стоял государь талантливый и упорный, который в кратчайший срок сумел организовать отпор, выстоять и победить. Зимой 1082 г. он пошел на крайнюю меру – конфисковал часть церковных сокровищ для платы наемникам, а в мае привлек на свою сторону венецианцев, дав им обширные торговые привилегии. Против тяжелой рыцарской конницы Алексей научил войска действовать хитростью – разбрасывать перед конями стальные шипы, защищаться повозками, и организовал отряды стрелков, вооруженных мощными дальнобойными луками. Кроме того, Алексей, будучи незаурядным дипломатом, с охотой поощрял политических противников Роберта в Италии и нанимал турецкие воинские контингенты. Флот венецианского дожа Доменико Сельво наносил норманнам поражение за поражением. Тем временем Роберт Гвискар прочно увяз в Италии, сначала выручая папу Григория VII ¹⁰¹, а затем подавляя мятежи в собственных владениях. Его сыну Боэмунду Алексей нанес поражение в Фессалии, при Лариссе (ок.1082). Лишь через два года Роберт вернулся в Далмацию и возглавил флот. Смешанная греко-венецианская эскадра была разбита, но в июле 1085 г. Гвискар умер, а спустя недолгое время василевс выбил норманнов с Балкан.

Однако положение в Европе не доставляло императору радости, так как набеги кочевников на Фракию становились с

каждым разом все более опустошительными. В 1086 г., отражая один из таких набегов, погиб любимец императора, великий domestik Григорий Бакуриани. Годом позже восьмидесятитысячная орда перешла Дунай по льду, император отбросил их назад, но ненадолго. Осенью 1088 г. Алексей возглавил поход против печенегов к захваченной ими Дристре (Доростолу). Отступая после неудачной осады крепости, на марше во фракийских горах византийская армия была рассеяна превосходящими силами печенегов. Сам Алексей, несмотря на в очередной раз проявленную исключительную доблесть и мужество, вынужден был спасаться бегством до крепости Голоя, по поводу чего в столице злые шутники сложили песенку: «От Дристры до Голои хороша станция ¹⁰² , Комнин!»

К началу 1090-х гг. положение у стен Константинополя сложилось отчаянное. Слабо подчинявшийся иконийскому султану эмир Смирны, некий Чаха, пират, разбив ромейский флот, захватил Клазомены, Фокею и угрожал столице империи. Печенеги вышли к Босфору и начали переговоры с турками о совместном нападении на Византию. Император обратился с письмом к западным государствам, умоляя спасти древний форпост христианства на Востоке: «Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками: они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух. Турки подвергают обрезанию детей и юношей христианских, насилуют жен и дев христианских на глазах у их матерей, которых они при этом заставляют петь гнусные и азвратные песни. Над отроками и юношами, над рабами и благородными, над клириками и монахами, над самими епископами они совершают мерзкие гнусности содомского греха.

Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция с верхними [азиатскими] областями, главные острова, как Хиос и Митилина [Лесбос], и другие острова и страны, не исключая Фракии, подверглись их нашествию. Остается один

Константинополь, но они угрожают в скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей [малоазийские] греки: таким образом Константинополь подвергается опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден бегать перед лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом.

Итак, именем Бога и всех христианских провозвестников, умоляем вас, воины Христа, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас должна быть так же дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас.

Если, сверх ожидания, вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских, в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях, могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища вместе взятые и равняются разве только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих.

Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой шестидесятитысячной толпы. Мы не можем положиться на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения. Итак, действуйте,

пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, – Гроб Господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на небеси» [5, т. II, с. 329, доп. из 231, т. III]. Много позже, после разгрома Византии в 1204 г., историки упрекали Алексея, что именно с его выраженной в письме идеи началось крестоносное движение, что именно он раздражил западных варваров богатствами столицы. Но не вина первого Комнина в том, что его потомки не сумели обезопасить себя от Запада, и хулители Алексея забывали об огромных территориальных приобретениях, точнее, возвратах земель на Востоке, сделанных исключительно благодаря помощи крестоносцев. Говоря по правде, обещания Алексея действительно были заманчивы, но после того, как папство не помогло сразу, и Византия своими силами разбила печенегов, многие из них потеряли смысл, и как раз первые крестоносцы это отчетливо понимали, соглашаясь на вассальную присягу автократу ромеев, а не требуя обратного ¹⁰³.

Чтобы справиться с кочевниками, император обратился к вернейшему средству – золоту. Константинопольским дипломатам удалось купить мир с Чахой и отколоть от печенежской орды их союзников половцев (куман). Зимой 1091 г. печенеги были разбиты Комнином, столица отпраздновала триумф, но весной враги снова перешли Дунай. 29 апреля на фракийской равнине византийско-половецкая армия, усиленная пятью сотнями наемных рыцарей из Фландрии, нанесла им тяжелое поражение, десятки тысяч печенегов сдались в плен. Опасаясь, что уставшие солдаты не смогут стеречь такую массу, ромеи ночью перерезали их всех. Такое вероломство ужаснуло половцев, и те стремглав бежали, даже не взяв причитающейся им платы.

Расправившись с печенегами, Византия медленно стала переходить от обороны к наступлению на своих восточных границах. Так как ромейское войско было слабым – катафракты малочисленны, наемники ненадежны, а стратиотского ополчения уже практически не существовало, Алексей, избегая крупных сражений, атаковал турок стремительными рейдами

небольших, но мобильных отрядов. Крепости и верфи мусульман византийцы разрушали и жгли или занимали завоеванные укрепления своими контингентами. Султанат к концу XI в. ослаб, распался на несколько фактически независимых эмиратов, а потому в дело часто шел и подкуп. Наиболее опасный враг, Чаха, был разбит старым кесарем Иоанном Дукой. Граница империи медленно, но неуклонно продвигалась вперед. И только тут словно очнулось западное рыцарство: начало первых военных успехов Алексея Комнина совпадает по времени с рождением I крестового похода.

В октябре 1095 г. в далеком от Константинополя Клермоне, столице французской Оверни, на синоде Западной церкви папа Урбан II призвал христиан, способных носить оружие, к великому походу на Восток (позже получившему название крестового) отобрать у «неверных» мусульман Иерусалим и Гроб Господень. Летом следующего года в Константинополь прибыли первые отряды крестоносцев-крестьян, решивших не дожидаться войска феодалов. Неграмотные в своем большинстве, темные и обездоленные люди покидали скудную Западную Европу, чтобы обрести на далеком Востоке обещанное папой отпущение грехов, а если повезет – и стяжать себе богатство. Водительствовал этими оборванными, голодными и кое-как вооруженными массами монах Петр Амьенский (Пустынник). Войско Петра принялось за бесчинства еще на пути к Константинополю, достигнув же столицы ромеев, оно пустилось во все тяжкие. По словам западного хрониста, «сами христиане вели себя худо, ибо разрушали и поджигали дворцы в предместьях, растаскивали свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам. Вследствие этого император разгневался и велел перевезти их через пролив. После переправы они не переставали совершать всевозможные дурные дела, поджигая и опустошая церкви» (Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев», [5, т. I, с. 332]). Эта нестройная толпа была рассеяна турками у Никеи, на поле боя осталось лежать неубранными двадцать пять тысяч трупов.

В конце 1096 г. в Константинополь начали прибывать первые отряды рыцарей. Отношения между крестоносцами и византийскими властями сложились непростые. Перед Алексеем стояли три задачи: не допустить скопления буйного западного рыцарства в столице, предотвратить грабежи и заставить крестоносцев пообещать принести ленную присягу императору на все бывшие владения Византии, которые они отвоюют у мусульман. Конфликты следовали за конфликтами, западные дворяне вели себя не лучше крестьян Петра Пустынника. Византийское общество, стоявшее тогда на более высокой ступени цивилизации, с ужасом наблюдало варварские нравы невежественных и грубых баронов. Рыцари издевались над православной церковью и строгим церемониалом двора, обычаями греков. Негативное впечатление производило и закованное в латы католическое духовенство. Анна Комнина писала: «Мы пользуемся канонами, законами и евангельской догмой: «не прикасайся, не дотрагивайся и не кричи, ибо ты – священнослужитель». Но варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови Господней, взирая на убийство» [9].

Алексей с честью вышел из этого испытания. Проявив свойственную ему хитрость и выдержку, а при необходимости и суровость, он переправил на анатолийский берег крестоносное войско, заручившись присягой почти всех его вождей – Готфрида Бульонского, Роберта Фландрского, даже Бозмунда Тарентского (сына Роберта Гвискара). Только жадный граф Тулузский Раймунд не поддался на уговоры василевса. Греки выделили для участия в походе крупный отряд.

Весной 1097 г. крестоносно-византийское войско овладело Никеей. Так как император не позволил победителям разграбить город, дальнейшие совместные действия стали весьма затруднительны, но все-таки успехи крестоносцев сильно облегчили Алексею операции в Малой Азии – захваты Лаодикии, Сард, Смирны, Эфеса, южного берега Черного моря и т. д. Летом 1097 г. в сражении под Дорилеей потерпело крушение

военное могущество Кылич-Арслана I, а 15 июля 1099 г. пал Иерусалим. Многочисленные княжества крестоносцев в Северной Сирии, положение которых в кольце владений ислама оставалось шатким, признали себя византийскими вассалами. Лишь давний враг империи Боэмунд, князь Антиохии, отказался. После пленения Боэмунда мусульманами и разгрома его армии под Харраном (1104) Комнин отнял у него киликийские города. Выйдя на свободу, норманн пылал жаждой мщения. В 1107 г. он, набрав огромное войско, высадился у Диррахия. Однако теперь Византия была гораздо крепче, нежели два десятилетия назад: Боэмунд был разбит, окружен и капитулировал. Заключенный в 1108 г. Девольский мирный договор признал Антиохию фьефом империи.

Глубокие внутренние преобразования Алексей Комнин начал сразу после прихода к власти, и быстрыми успехами конца XI – начала XII в. государство обязано только ему. При этом император опирался почти исключительно на своих родственников и людей низкого звания, облагодетельствованных им, -клиентов. По выражению его секретаря, хрониста Иоанна Зонары, василевс правил страной, как своим домом.

Именно с того времени Византия приобретает явные черты феодальной монархии и отбрасывает многое (хотя и не все) из наследия Римской империи и института фем. Старые титулы – новелисим, куропалат, патрикий, анфипат и т.д. или исчезают совсем, или теряют былую значимость, а новые – севаст, протосеваст – становятся прерогативой исключительно Комнинов или связанных с ними родственными узами семейств – Мелиссинов, Ангелов, Дук, Палеологов. В руках этого «клана Комнинов» постепенно (до конца XII в.) оказывается армейское командование. Древние аристократические роды – Аргирь, Фоки – постепенно сходят со сцены, остальная знать могла рассчитывать лишь на второстепенные должности в армии или гражданскую карьеру. Вертикальная подвижность, отличавшая Империю ромеев от стран Запада, резко уменьшилась ¹⁰⁴.

Сложная бюрократическая система управления была упрощена. Число ведомств государственного аппарата

(«секретов») сократилось, огромное количество чиновников вынуждено было найти себе другое занятие. Для общего руководства оставшимися секретами Комнин учредил должность великого логофета.

Алексей положил начало активному привлечению иноземцев на службу ромейской державе.

Алексей широко пользовался пронией – пожалованием на определенный срок какой-либо области своего домена в управление (с правом получения доходов с этой области) при условии неременной службы прониара императору. За счет прониаров, таким образом, усиливалась прежде всего армия, ставшая подобной рыцарскому ополчению Западной Европы.

С конца XI в. Византия начинает переживать подъем. Отстроены были города, захиревшие во времена смут, возродились торговля и ремесла. Изменения затронули и социальный состав населения страны: со времени Алексея и его сына Иоанна II навсегда ушел в прошлое такой анахронизм, как рабы.

Церковная политика Алексея отличалась предельной жесткостью. Патриархов и епископов, противившихся указаниям василевса, он смещал безжалостно. При этом сам император отличался искренним благочестием, проявлял интерес к богословию и часто вмешивался в религиозно-философские споры. По его инициативе церковный собор осудил как еретика философа Иоанна Итала (1082). Немало сделал Комнин и для разгрома влиятельного течения богомилов, не столько, впрочем, религиозного, сколько политического. Богомилство распространялось в Болгарии, много взяв от учения павликиан, так что даже византийские хронисты нередко их отождествляли. В 1082 г. отряды богомилов отказались сражаться за империю против норманнов. Алексей хитростью заманил вождей богомилов во фракийскую крепость Мосинополь, где приказал их разоружить, а затем бросить в тюрьму и конфисковать имущество их семей. В ответ вспыхнул мятеж, богомилы в союзе с печенегамы громили фракийские города, и автократу стоило большого труда навести там порядок. Не полагаясь только на силу меча, Алексей принялся за оппозиционеров

иным способом. Монах Евфимий Зиговин написал против богомилов трактат, а сам Комнин путем ловкой интриги сумел уличить в еретических высказываниях их «патриарха», некоего старца Василия, который по постановлению суда был сожжен.

Восстания богомилов не были исключением. Рост налогового прессинга, порча монеты, усилившееся влияние иноземцев, случавшиеся военные неудачи-все это давало пищу самым разнообразным мятежам. Интересной особенностью стало усиление тенденции возмущившихся архонтов к отделению от империи. Так, например, обособился город Трапезунд, в котором захватил власть династ Феодор Гавра.

Император увлекался не только богословскими диспутами; он с удовольствием читал и даже пробовал сочинять стихи, любил от души повеселиться. «В этом муже, – восхищалась отцом Анна Комнина, – сочетались красота, изящество, достоинство и непревзойденное величие. Если же он вступал в беседу, то казалось, что его устами говорит пламенный оратор Демосфен. Поток доводов увлекал он слух и душу, был великолепен и необорим в речах, так же как и в бою, одинаково умел метать копье и очаровывать слушателей» [9, с. 121]. При этом император «был человек как нельзя более скрытный» (Хон., [59, т. I, с. 7]).

Мужеством он отличался удивительным, и среди византийцев на эту тему ходили легенды. Когда в 1107 г. ромеи узнали о нашествии Боэмунда, все буквально оцепенели от страха и лишь один царь, по словам Анны, спокойно начал развязывать ремень башмака со словами: «Сейчас пойдем завтракать, а потом подумаем о Боэмунде» [9, с. 340]. В конце жизни Алексей сильно мучился ревматизмом, с трудом вставал с ложа, и при дворе иконийского султана в театре ставили пьесы, где разыгрывали сценки о том, как неуклюже передвигается «картавый» ¹⁰⁵. Однако в 1116 г. Комнин возглавил поход против сельджуков и, не сходя из-за своей болезни с носилок, наголову разгромил насмехавшегося над ним султана Меликшаха.

Летом 1118 г. на торжестве в ипподроме Алексей I почувствовал себя плохо, его перенесли в Манганский дворец.

У постели умирающего василевса разгорелась борьба за освобождавшийся престол. Его жена Ирина Дукена (дочь кесаря Иоанна) и дочь Анна стремились отдать власть мужу Анны, кесарю Никифору Вриеннию, в обход сына царя, Иоанна. Император повел себя уклончиво и скончался (15 августа), не завещав трон никому. Глядя на мужа, Ирина в сердцах воскликнула: «Ты и при жизни отличался всевозможным коварством, любя говорить не то, что думал, но и теперь, расставаясь с жизнью, не изменяешь тому, что любил прежде!» [59, т. I, с. 9].

Иоанн II Комнин

(1087 – 1143, имп. с 1118)

Обстановка на момент смерти Алексея I в семье Комнинов была нервной. Старший сын (род. 13 сентября 1087) покойного императора успел занять дворец и короноваться, но он так боялся за свою судьбу, что даже не вышел на панихиду по отцу. По словам Хониата, первые дни император держался за дворец «как полип за камни». Анна Комнина, не сумев сразу отнять трон у брата, менее чем через год подготовила заговор, но ее муж, контрпретендент на трон Никифор Вриенний, попросту не явился в нужный момент во дворец и сорвал мятеж. Кесарь остался при дворе, а вот Анну брат отправил в монастырь.

Иоанн унаследовал лучшие качества своего родителя. 'Это был человек, который и царством управлял прекрасно, и жил богоугодно, и по нравственности не был ни распутен, ни невоздержан» (Хон., [59, т. I, с. 60]). За красоту и величие духа император получил у византийцев прозвище Калоиоанна, т.е. «прекрасного Иоанна». Он не терпел сквернословия, вообще грубости и, где мог, старался обходиться без обычных тогда пыток и казней.

Большую часть своего четвертьвекового правления Иоанн II провел в походах и войнах. В 1122 г. Дунай перешли печенежские орды. Император выступил им навстречу, и на одной из равнин Фракии противники начали жестокий бой. Легкие кони кочевников уносили их от длинных пик катафрактов, печенеги окружили свой лагерь телегами и молниеносно скрывались за их линию, лишь только Иоанн II во главе ромейской тяжелой кавалерии направлял на них удар. Рыцари долго теряли силы без видимого результата, пока, наконец, варяжская пехота не разбила повозки секирами. Лагерь кочевников был захвачен, большая часть их погибла, а остатки, вместе с женщинами и детьми, попали в плен. То был последний набег печенегов – с этой опасностью Иоанн II Комнин покончил навсегда, а памятный день еще долгие годы

отмечался ромеями как праздник. Тогда же василевс поссорился с венецианцами, чья алчность не знала границ, и выслал их купцов из пределов империи. В ответ флот республики совершил ряд нападений на острова Родос, Хиос и Самос. Конфликт длился четыре года и завершился признанием Византией своего поражения. Другие западные кампании Иоанна оказались успешнее. Ему удалось покорить сербов Рашки (1124) и отразить натиск венгерского короля Стефана (1128). В 1130 г. королем Сицилии стал Роже II, младший брат Роберта Гвискара. Василевс сумел удержать этого яростного врага Византии от нападений с помощью мастерской дипломатической игры, опираясь на союзы с другими западными государями.

Начиная с тридцатых годов Иоанн II основную тяжесть внешней политики Византии перенес в Малую Азию. Используя тактику своего отца, он постепенно отодвигал границу с сельджуками к востоку и югу. Император отобрал у турок важные в стратегическом отношении крепости Кастамон и Гангры (1133), разбил ополчение иконийского султана (1135) и захватил ряд городов Киликийской Армении. Князь Антиохии Раймунд и король Иерусалима Фульк униженно выпрашивали императорской помощи против мусульман. В 1137 г. в союзе с ними ромеи осаждали Алеппо. Двумя годами позже Иоанн II, на этот раз без «франков», попытался овладеть Неокесарией, но вынужден был отступить из-за предательства своего брата, севастократора Исаака. Этот человек еще при жизни Алексея I затевал мятеж, бежал из империи на Восток, долгое время жил в Иконии и лишь незадолго до описываемых событий вернулся в Константинополь. Командуя частью армии, Исаак вторично бежал к сельджукам и выдал им план кампании. Свою роль в поражении ромеев под Неокесарией сыграла и безрассудная отвага наследника престола Мануила, который затеял без ведома отца крупное сражение, обескровившее войска (за что и был выпорот разгневанным Иоанном II).

Как и Алексей I, Иоанн Комнин опирался на родственников и «клиентов». Большое влияние при его дворе

приобрели за счет своих способностей окрещенный пленный мусульманин Иоанн Аксух, ставший великим доместиком, и логофет дрома Стефан Мелит, оба – люди незнатные. По инициативе последнего василевс произвел реформу флота. Установившаяся практика комплектования экипажей кораблей по принципу фемного набора прекратилась, флот стал полностью наемным.

В апреле 1143 г., охотясь на вепрей в окрестностях только что отбитого у турок Аназарва, Иоанн II случайно ранил себя в кисть руки отравленной стрелой. Лечение оказалось неудачным, рука воспалилась и сильно распухла. Не доверяя больше врачам, василевс отверг предложение ампутации. 7 апреля он собрал у себя в своей палатке военачальников и произнес перед ними речь. Умиравший монарх сетовал на то, что мало успел свершить на благо государства. Так как старшие его сыновья (соправитель Алексей и Андроник) умерли, а следующий по старшинству Исаак не обладал нужными качествами, власть Иоанн передал младшему сыну Мануилу.

Время Иоанна II – эпоха наивысшего могущества Византии Комнинов.

Мануил I Комнин

(ок. 1118 – 1180, имп. с 1143)

Василевс Мануил I, вознесший и затем погубивший мощь Империи ромеев, был человек незаурядный уже внешне. Светловолосый, как и все Комнины, и очень красивый, он, сын мадьярской принцессы, отличался настолько темной кожей, что однажды венецианцы, после ссоры с греками при осаде Корфу, насмехаясь над Мануилом, посадили на галеру разряженного под императора негра и возили его под шутовские славословия.

Мануил I был откровенным «западником», по характеру и привычкам более напоминал рыцаря, нежели греческого василевса. Любитель веселых пиров, турниров, музыки, гурман и галантный кавалер, он казался людям, его знавшим неглубоко, бесцельным прожигателем жизни.

С юных лет Мануил Комнин отличался необыкновенной воинственностью, но в бою лучше управлял своим копьем, чем целой армией. Человек неприхотливый, он мог спать на земле и питаться наравне с воинами самой неизысканной пищей.

Физически он был весьма силен. Однажды, приглашенный поучаствовать в турнире в Антиохии, император ударом копья вышиб из седла рыцаря с такой мощью, что тот, вылетев, сбил с коня другого к немалому удивлению крестоносцев. В другой раз, уже в настоящем бою, Мануил рукой поймал за волосы пустившего в него стрелу турецкого лучника и привел в лагерь.

Комнин хорошо владел не только мечом, но и пером, написал трактат в защиту астрологии, неплохо знал хирургию. В конце 60-х гг. XII в., планируя церковную унию (эта затея провалилась из-за всеобщей неприязни греков к «схизматикам»-латинянам), Мануил спорил на публичных диспутах с патриархом Михаилом III. При дворе василевса в чести были ученые люди – такие, как митрополит Афинский Михаил Хониат, его брат историк Никита, митрополит Фессалоники (Солуни) Евстафий и другие.

В столице император построил много величественных сооружений.

Мануил грезил возрождением великой Римской империи. При этом мечты не мешали ему быть трезвым политиком и дипломатом. Широко привлекая в Византию западных купцов (после смерти василевса в Константинополе оказалось около шестидесяти тысяч католиков) и наемников, Мануил никогда не забывал об опасности их для империи¹⁰⁶. «Многочисленных народов западных он очень боялся. Это, говорил он, люди высокомерные, неукротимые и вечно кровожадные» (Хон., [59, т. I, с. 266]). Может быть, именно желанием предупредить натиск западных держав и объяснялись его упорные попытки подчинить Италию.

Василевс преобразовал суды и армию. Катафракты Мануила по вооружению приблизились к западным рыцарям, которых он предпочитал ромеям и сравнивал со «стальными котлами», в противовес грекам – «глиняным горшкам».

Вениамин из Тудели, еврей-путешественник, посетивший Константинополь около того времени, составил самую нелестную характеристику вооруженным силам Византии: «Для войны с турецким султаном они [греки] нанимают людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления» [3, с. 214]. С неудовольствием писал о прониарских дружинах Мануила и способах их комплектования и содержания Никита Хониат: «У ромеев принято за правило ... давать на содержание солдатам жалованье и делать им частые смотры, чтобы видеть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащим образом о лошадях, а людей, вновь вступающих в военную службу, наперед испытывать, здоровы ли и сильны они телом, умеют ли стрелять и владеть копьем, и потом уже вносить в военные списки. Но этот царь все деньги, какие должны были идти на содержание солдат, собирал к себе в казнохранилища, как воду в пруд, а жажду войск утолял так называемыми даровыми приношениями обывателей, воспользовавшись делом, придуманным прежними царями и только изредка

допускавшимися для солдат, которые часто разбивали врагов. Через это он, сам того не замечая, и ослабил войско, и перевел бездну денег в праздные утробы, и привел в дурное положение ромейские провинции. При таком порядке вещей лучшие воины утратили соревнование в опасности, так как то, что побуждало их выказывать воинскую доблесть, не было уже, как прежде, чем-то особенным ... а сделалось доступным для всех. И жители провинций, которые прежде имели дело с одним лишь государственным казначейством, терпели величайшие притеснения от ненасытной жадности солдат, которые не только отнимали у них серебро и оболы, но и снимали последнюю рубашку ... Оттого всякому хотелось попасть в число солдат [прониаров. – С.Д.], и одни, простившись с иголкой, потому что она с трудом доставляла скудные средства к пропитанию, другие, бросив ходить за лошадьми, иные, отмыв кирпичную грязь, а иные, вычистив с себя кузнечную сажу, – являлись к вербовщикам и, подарив им персидского коня или несколько золотых монет, зачислялись безо всякого испытания в полки, тотчас же снабжались царской грамотой и получали в дел десятины орошенной земли, плодоносные нивы и податных ромеев, которые должны были служить им в качестве рабов» [59, т. I, с. 269 сл.]. Впрочем, другой современник императора, Евстафий Солунский, его военные нововведения хвалил, а описывая дипломатическое мастерство Ма-нуила (следовавшего традиционному римскому принципу «разделяй и властвуй»), не скрывал восхищения: «Кто умел с таким неподражаемым искусством сокрушать врагов одного посредством другого, чтобы приготовить нам невозмущаемый мир и желанную тишину ... так царская политика поднимала турка на турка и мы пели торжественный гимн мира; так скифы уничтожали скифов, а мы наслаждались покоем ... Язык не может назвать народа, которым он бы не воспользовался к нашей выгоде. Одни поселены в нашей земле на правах колонистов, другие же, воспользовавшись милостивыми пожалованиями, обильно расточаемыми царской щедростью, вступили на службу государства из-за жалованья и стали считать чужую землю своим отечеством ... Он перевел в

ромейское государство, ради защиты его, множество военных людей из среды наших закоренелых врагов, привил к их дикости нашу мягкость и образовал такой годный плод, который мог произрасти разве что в Божьем саду» [233, с.21 сл.].

С переходом власти к Мануилу Византия, казалось, вернулась к политике меча, памятной по временам Иоанна Цимисхия и Василия Болгаробойцы. Более того, и в делах внутренних этот император во многом следовал их путем. Боясь центробежных устремлений крупных провинциальных магнатов, он дважды- в 1158 и 1170гг.-запретил приобретать землю всем, кроме стратиотов и членов синклита. В 1158 г. возобновлено было действие известной новеллы Никифора Фоки против увеличения монастырских угодий. Церковь, уstraшенная крутым нравом государя (только за первые десять лет правления Мануил сменил пять патриархов), и не пыталась протестовать.

Внешняя политика Мануила отличалась крайней агрессивностью. Василевс-рыцарь не упускал случая показать соседям мощь Византии, порою даже не заботясь о предлоге. Первым последствием императорского гнева ощутил на себе князь Антиохии Раймунд. В 1143 г. он организовал нападение на богатые города Киликии, надеясь, что юный царь, не успевший даже короноваться, спасует, и рейд сойдет князю с рук. Но спешно высланные легионы империи пресекли все попытки антиохийцев утвердиться в спорной области. Раймунд, повинувшись требованию василевса, отправился в Константинополь и покался в своей неудачной аванюре над гробом Иоанна II.

В 1147 г. половцы перешли Дунай и заняли крепость Демничик. Мануил направил вверх по реке византийский флот, но кочевники ушли. Греки настигли их недалеко от Галицкой земли и разгромили. Урок степняки получили хороший, и теперь только слух о приближении армии Мануила заставлял половцев поворачивать вспять свои телеги и скрываться в бескрайних степях Приазовья, а после 1160 г. их набеги прекратились вообще.

Окончательно уничтожить половецкую угрозу императору помешал затевавшийся тогда II крестовый поход. На сей раз

воинов Христа вели французский король Людовик VII и германский император Конрад III. Как и прежде, крестоносцы, двигаясь по Фракии, подвергали опустошению и грабежу греческие земли, доходило и до открытых столкновений с отрядами византийского императора. Мануил предложил опередившему Людовика Конраду переправиться через Геллеспонт, минуя Константинополь, но строптивый германец избрал путь через Босфор. За ним последовали и французы. Не желая терпеть в столице сосредоточения западных рыцарей, греки пустили слух о якобы свершившихся победах немцев в Малой Азии, и Людовик со своими баронами, боясь опоздать к дележу добычи, заторопился на Восток. На самом деле немцы потерпели несколько поражений, а следом оказались разбитыми и французы. Крестовый поход завершился в 1149 г. неудачной попыткой Конрада вкупе с иерусалимскими рыцарями взять Дамаск. Промахи крестоносцев упрочили положение Мануила, и он сумел добиться от турок передачи Византии нескольких крепостей.

В 1147 г. в результате крупного народного восстания от империи отложился остров Корфу. Два года объединенный византийско- венецианский флот безуспешно пытался овладеть островом. Ссоры между союзниками приводили к вооруженным схваткам между греками и итальянцами. Лишь прибытие после разгрома половцев самого императора, сумевшего сгладить противоречия, позволило в августе 1149 г. подавить мятеж и подчинить остров константинопольскому престолу.

С 50-х гг. XII столетия василевс наибольшее внимание начал уделять Европе. Сначала он привел к покорности сербов, отвыкших от контроля со стороны Константинополя, а затем император, в жилах которого текла венгерская кровь, начал войну против короля Венгрии Гейзы II. Вмешательство Мануила в дела этого государства не прекращалось на протяжении полутора десятилетий. 8 июля 1167 г. военачальник империи Андроник Кондостефан одержал над «уграми» решительную победу под Землином. В результате спорные территории –

Хорватия и Далмация со многими городами – на несколько десятков лет подпали под власть ромеев.

В 1154 г. Комнин начал боевые действия в Италии. Но стратег Константин Ангел, возглавивший кампанию на Апеннинском полуострове, попал в плен, а германский король Фридрих Барбаросса, вопреки заключенным ранее соглашениям, не собирался поднимать меч на норманнов. Оставшись без союзника, Мануил стал действовать на свой страх и риск. В 1156 – 1157 гг. византийские полководцы Михаил Палеолог и Иоанн Дука, используя в равной мере и оружие, и подкуп, отняли у норманнов многие города, в том числе Бари и Трани. Однако назначенный после смерти Палеолога Алексей Вриенний проиграл несколько битв, а вскоре сам попал к норманнам в плен, вместе с Иоанном Дукой. Посланный в Италию domestik Алексей Аксук не сумел добиться перевеса, крахом завершилась в 1157 г. попытка греков овладеть Бриндизи.

Италийская кампания истощила казну, огромные людские потери вызвали рост недовольства императором. Мануил круто изменил курс, примирился с норманнами и даже заключил с ними союз против Фридриха Барбароссы. Дипломатическими мерами Комнин добился значительных успехов.

Оставив Италию, император устремился на Восток. В 1158–1159 гг. он совершил поход в армянскую Киликию, и ее правитель признал себя вассалом империи. Антиохийский князь Рено в знак покорности явился в лагерь василевса с веревкой на шее, защиты Мануила просил иерусалимский король Балдуин III, а преемник последнего Амальрих объявил Византию сюзереном королевства. В 1161 г. император скрепил договоры с крестоносцами своей женитьбой на Марии, дочери покойного Раймунда Антиохийского.

В 1168 г. Андроник Кондостефан и король Амальрих осадили Дамием. Тяготы войны, отвратительное снабжение, осуществляемое иерусалимцами, и их откровенное нежелание воевать вынудили ромеев снять осаду. Изнуренные солдаты, едва слышав о приказе, побросали оружие, сожгли осадные

машины и, сев на весла, безо всякого строя и порядка повели корабли домой через штормовое море.

Мануил посадил на трон Рашки жупана Стефана Неманю, а тот уступил ромеям кое-какие спорные территории. Через пять лет он восстал, но, покоренный, вторично принес присягу на верность императору и до конца жизни последнего оставался ей верен.

Вначале 1176г. император затеял поход на владения сельджуков. Отстроив крепости Дорилею и Сувлей, он приказал войску двигаться прямо на Иконий. 17 сентября огромная армия Мануила прошла мимо развалин замка Мириокефал, направляясь по горным дорогам к востоку. Колонна, включавшая большой обоз с припасами и осадной техникой, растянулась на многие километры. Арьергард отделяли от авангарда четыре часа пешего пути. В центре, защищая обоз, находились наемники во главе с императорским шурином Балдуином и лучшие полки греческой тяжелой кавалерии. Передовые отряды возглавляли Иоанн и Андроник Ангелы, а также один из удачливейших полководцев василевса, храбрый Андроник Лапарда. Тыл прикрывал мегадука Кондостефан. В середине дня войско достигло клисуры Циврица. Император, полагаясь на страх турок перед такой мощной армией, не позаботился должным образом о разведке. И вот, совершенно неожиданно, по всей длине ромейской колонны с вершин окрестных скал из засад ударили главные силы Кылич-Арслана. Застигнутые врасплох, греки принялись мужественно сражаться.

Турки разрезали армию Мануила на три части. Кондостефан сумел повернуть назад арьергард, который закрепился на равнине перед входом в ущелье, успела вырваться и голова войска под командованием Лапарды. Основная же часть армии, отборные части, наемники, гвардия, штаб и огромное число невооруженных рабочих обоза и машин оказались избиваемы в узкой теснине, где было невозможно даже построить отряды к бою. Напрасно Балдуин бросал своих западных латников в отчаянные атаки – наемники почти все, вместе с командиром, погибли под тучами стрел. Напрасно сам Мануил громким голосом сзывал к своему знамени катафрактов – в неразберихе

оказались потеряны все нити управления гибнущим войском. «И вот падал вол от персидской стрелы, а подле него испускал дух и погонщик. Конь и всадник вместе низвергались на землю... Кровь мешалась с кровью, кровь людей – с кровью животных» (Хон., [59, т. I, с. 233]). Основной удар приняли на себя отряды гвардии василевса. Бойцы подняли клубы пыли, сражение с обеих сторон превратилось в свалку. Не в силах как-либо влиять на ход битвы командами, император дрался как простой кавалларий. На глазах царя уничтожалась армия, умирали его родственники и лучшие друзья.

К вечеру император остался один, без знамени и телохранителей. В щите василевса торчали три десятка стрел, застывшей рукой он сжимал обломок копья и был избит мечами и палицами до такой степени, что не мог самостоятельно поправить съехавший на сторону шлем. Какой-то турок узнал Мануила в лицо, схватил его коня под уздцы и повел в плен. Император очнулся и так хватил врага древком по голове, что тот свалился замертво. Случайно встретившийся катафракт довел государя до укрепленного лагеря Лапарды. Желая пить, изможденный Мануил зачерпнул воды из ручья, но после первых же глотков его вырвало – вода текла пополам с кровью. Император не выдержал и зарыдал, проклиная день, в который довелось ему испытать христианской крови. Некий воин в ответ разразился упреками, что кровь ромеев он-де пьет давно, разоряя их войнами, а ныне – возмездие. Мануил ничего не ответил. Невиданная отвага Мануила была сломлена, он распорядился подать свежего коня и решил спастись бегством. Услышав такое, воины стали шумно поносить императора, по чьей вине они оказались в ловушке. Комнин опомнился и остался.

Византийцы дорого продали свои жизни: сельджуки, полностью обескровленные, не могли продолжать битву. Утром Кылич-Арслан согласился на мир, потребовав лишь скрыть укрепления Дорилеи и Сувлея. Днем Мануил возглавил отступление по месту вчерашнего сражения: «Зрелище, представшее глазам, было достойно слез, или, лучше сказать, зло было так велико, что его невозможно оплакать: рвы,

доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов; все трупы были скальпированы, а у многих вырезаны детородные части. Говорят, это сделано было с тем, чтобы нельзя было отличить христианина от турка, чтобы все тела казались греческими, ибо многие пали и со стороны турок. Никто не проходил без слез и стонов, рыдали все, называя по именам своих погибших друзей и родственников» (Хон. [59, т. I, с. 244]).

Разгром при Мириокефале, унесший цвет армии, подорвал господство византийцев в Малой Азии, завоевания первых двух Комнинов пошли прахом. На восточных границах империя могла теперь только обороняться.

29 мая 1176 г. в сражении при Леньяно объединенная армия папы, сицилийского короля и итальянских городов разбила силы Фридриха Барбароссы. В следующем году в Венеции собрался конгресс, на котором посольства враждующих сторон сумели достичь взаимопонимания. Разногласий, на которых столько лет играл византийский император, более не существовало. Итальянская политика Византии оказалась в тупике, венецианский конгресс нанес Мануилу I удар, сравнимый с поражением при Мириокефале.

После этих двух тяжелых событий Мануил I, император Венгерский, Хорватский, Сербский, Болгарский, Грузинский, Хазарский, Готский (столько почетных титулов присвоил он себе в ознаменование побед ромейского оружия), оказался сломленным. Столько лет его держава напрягала силы, тратила средства в тяжелых войнах – и все зря! Теперь речь шла уже не о возрождении мировой империи, а о спасении надорвавшейся Византии.

К концу жизни император охладел к политике и увлекся вместо нее астрологией до такой степени, что как-то, ожидая вычисленного столкновения двух звезд, распорядился в целях предосторожности вынуть из дворцовых окон рамы со стеклами – чтобы не раскололись от сотрясения. Умер он в Константинополе 24 сентября 1180 г. «Со смертью василевса Мануила Комнина, – скорбел Евстафий Солунский, – погибло

все, что оставалось целым у ромеев, и всю нашу землю окутал мрак, как бы при затмении Солнца» [106, т. I, с. 55].

Алексей II Комнин

(1169 – 1183, имп. в 1180 – 1183)

Сын второй жены Мануила Комнина, одиннадцатилетний Алексей, стал лишь ширмой для настоящих правителей: матери, красавицы императрицы-регентши Марии Антиохийской, и ее фаворита протосеваста Алексея Комнина, племянника покойного василевса. По свидетельству Никиты Хониата, картина в правление юного царя, нуждавшегося в дядьках и няньках, сложилась безрадостная: «Даже хуже, чем когда Фаэтон, взошедши на отцовскую, обложенную золотом колесницу, взялся пройти между небесными звездами. Сам государь, по незрелости возраста и недостатку благоразумия, не обращал никакого внимания на свои обязанности; занятый единственно пустыми удовольствиями и не совсем еще умевший отличить горе от радости, он забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время с молодыми товарищами своих игр и развивая в себе самые дурные привычки. А те, которые по отцу были ему друзьями или находились в каком-либо родстве с ним, нисколько не аботились о том, чтобы дать ему возможно лучшее воспитание и образование, и не обращали никакого внимания на расстройство общественных дел. Одни из них были влюблены в царицу и ... явно ухаживали за ней; добиваясь взаимности, они с искусством Венеры завивали свои волосы, ребячески намащивались благовониями, подобно женщинам украшались ожерельями из дорогих камней и смотрели на нее во все глаза. Другие, люди жадные до денег и народные грабители, обкрадывали казну; они без всякой бережливости тратили назначенные в расход суммы и придумывали новые расходы, чтобы через то мешок, вчера пустой и тощий, сегодня наполнить и битком набить. А иные, имея виды на царство, все отправляли к этой цели... все пришло в беспорядок, потому что каждый преследовал свою цель и все друг другу противодействовали... Люди, которые имели тогда большую силу и находились в родственных связях с царем, не

признавали прав на должности и почести, и потому заботы об общественных делах были покинуты, собрания и советы прекратились... А когда таким образом все в царском дворце было исполнено смут и всякого рода тревог, то и в самих государственных делах можно было видеть то, что говорится в сказках о драконе, который бедствовал оттого, что управлялся в своих движениях глухой и слепой своей частью – хвостом» [59, т. I, с. 288 – 290].

«Западники» Мария и протосеваст Алексей в своих политических симпатиях меры не знали и вызывали потворством иноземцам, в ущерб интересам Византии, справедливый гнев мыслящей части общества. Столичную оппозицию возглавили дочь Мануила I, тоже Мария, и ее муж, деятельный и популярный человек, кесарь Раймунд Монферратский. Кроме того, из Пафлагонии через своих сыновей-придворных на ситуацию в Константинополе активно влиял известный интриган, кузен Мануила I Андроник (будущий император). Зимой 1181г. на протосеваста было запланировано покушение. Заговор провалился, но популярность его участников была такова, что правительство не сочло возможным предать их казни. Ни Мария Антиохийская, ни Алексей надлежащих выводов не сделали. Казна по-прежнему разбазаривалась на пиры и увеселения или просто расхищалась, государственные дела пришли в полное запустение. Предприимчивый сосед Византии, а когда-то наследник ее короны (см. «Андроник I»), венгерский король Бела III в союзе с сербами навсегда отобрал у нее далматинские города.

На Пасху 5 апреля 1182 г. Мария Комнина вместе с мужем бежали в св.Софию и потребовали у второго опекуна Алексея II патриарха Феодосия свержения ненавистного протосеваста, человека бесстыдного и позорящего трон своими выходками. Пока Мария-императрица и ее любовник размышляли, что же делать, к Константинополю, возбуждая население патриотическими лозунгами, двинулся с пафлагонским войском Андроник Комнин. 2 мая по приказу императрицы наемники-латиняне пошли на штурм св.Софии. В городе начались бои,

подогреваемые одновременно патриотизмом и жадой наживы жители накинудись на латинские кварталы. Несчастных «франков» убивали на порогах их собственных жилищ, женщин насиловали, дома расхищали и жгли. Безжалостная толпа перебила даже больных католического госпиталя. Немногие спасшиеся от ужасов этого погрома, получившего название «Константинопольской бани», покинули город морем, разнося по западным странам призывы отомстить за поруганных братьев По вере. Столица сделалась неуправляемой, единственной надежной силой в руках правительства оставались уцелевшие наемники и флот под началом Андроника Кондостефана. Последний, недолго думая, увел корабли к Андронику Комнину. Власть в свои руки на десять месяцев взял синклит, а затем узурпатор Андроник беспрепятственно вступил в столицу и овладел престолом. Императрица Мария была осуждена на казнь, и Алексей II подписал приговор собственной матери.

Лишенный и тени власти, Алексей II по приказу своего двоюродного дяди был тайно задушен тетивой лука в сентябре 1183 г. Тело его утопили в море.

Андроник I Комнин

(ок.1120 – 1185, имп. с 1183)

Сын севастократора Исаака Андроник был известен каждому ромене своей необычной судьбой. Будучи ненамного моложе своего двоюродного брата Мануила Комнина, он воспитывался вместе с ним, и окружающие могли легко убедиться, что остроумный красавец Андроник кое в чем превосходил императорского сына. Со временем Андроник завоевал прочные симпатии столичного общества, удивляя всех красноречием, силой, ловкостью и так высоко ценившимся тогда умением владеть оружием. «При прекрасном телосложении он имел завидную наружность. Стан у него был пышный, рост величественный, лицо, даже в глубокой старости, моложавое. Он был необычайно здоровый человек, потому что чуждался изысканных лакомств, не был ни обжора, ни пьяница» (Хон., [59, т. I, с. 445]). Страстью Андроника были любовные похождения, и мало кто мог сравниться с ним успехами на этом поприще. За связь с племянницей Мануила, ставшего императором, и за подозрительные политические интриги с венграми он был смещен с поста сербского наместника и на несколько лет угодил в башню Анемы – самую страшную тюрьму Константинополя. Просидев несколько лет, Андроник благодаря своей исключительной смелости и сообразительности совершил оттуда побег, был опознан, схвачен, вторично бежал и сумел добраться до русского князя Ярослава Осмомысла Галицкого. В 1165 г., получив от императора гарантии безопасности, Андроник вернулся в Византию, храбро сражался при осаде Землина и вернул себе тем самым расположение Мануила I. Однако из-за яростных протестов по поводу назначения венгерского королевича Белы наследником ромейского трона и непрекращающихся козней против царственного кузена его отправили в ссылку, наместником далекой Киликии. В 1166 г. он был разбит сельджуками и, страшась обвинений в предательстве (вполне вероятно, не лишенных основания), вторично покинул империю.

Теперь беглец укрылся в Антиохии, у крестоносцев. Из-за скандальной истории с дочерью князя Рай-мунда Филиппом (сестрой императрицы Марии), которую Андроник соблазнил и бросил, ему пришлось перебраться в Иерусалим. Король Амальрих отнесся к опальному Комнину благосклонно, даже дал в лен город Верит. Андроник отличился и здесь, совратил знатную даму, вдову короля Балдуина III Феодору, и, прихватив безумно влюбленную в него женщину с собой, вновь отправился в скитания, еще дальше, к мусульманам, так как Мануил I добивался у Амальриха выдачи и ослепления Андроника. За десять лет он побывал в Багдаде, Икони, Дамаске и, наконец, обосновался в пограничном с Византией замке Колонии. Набрав дружину головорезов, кузен ромейского василевса занялся разбоем и в короткий срок сделался грозой купеческих караванов. Константинопольский патриарх отлучил его от церкви. От регулярно посылаемых против него византийских войск Андроник либо прятался в неприступных горах, либо отбивался мечом. Карательные экспедиции против непокорного родича испортили Мануилу I немало крови, прежде чем около 1177 г. ромейский стратиг Никифор Палеолог в одном из походов не захватил Феодору и ее детей от Андроника. Тогда последний сдался Мануилу и со слезами на глазах (а в деле притворства он был великий мастер) валялся в ногах у императора, умоляя о снисхождении. «Блудного брата» Мануил простил и на этот раз, но из Константинополя отправил, поручив управление богатым городом Энеем в Пафлагонии. Восторженно встреченный недовольными Мануилом, Андроник стал вождем греческой оппозиции. Император скрепя сердце терпел рост влияния кузена, но потребовал от него принести клятву на верность наследнику Алексею, что тот с легкостью и сделал.

Весной 1182 г. пафлагонские войска двинулись на столицу. По пути армия Андроника обрастала как снежный ком жителями восточных провинций, приветствовавшими приход Комнина, освободителя от засилья «латинян». Одно имя Андроника вызывало в столице ликование, про его достоинства народ слагал восторженные песни. Посланный для организации

борьбы с мятежом константинопольский сановник Андроник Ангел переметнулся на сторону восставших.

Получив известие о свержении клики Марии Антиохийской, Андроник Комнин долго не вступал в столицу, выжидая удобный момент. Стремясь заручиться симпатиями венецианцев, он заранее пообещал возместить им убытки, понесенные купцами Республики в результате указов Мануила I.

Лишь в апреле 1183 г., когда синклит и народ все настойчивее стали призывать его в столицу, Андроник торжественно въехал в Константинополь. Первое время этот хитрый и опытный демагог не выказывал своих истинных намерений. Посетив гробницу Мануила I, с которым он всю жизнь враждовал, Андроник рыдал, желая произвести хорошее впечатление в глазах синклитиков, а с его сыном Алексеем II он обходился подчеркнуто вежливо, называя себя «недостойным советником» юного государя. Лишь почувствовав себя стоящим у власти достаточно твердо, Андроник сбросил личину смирения. В сентябре 1183 г. он короновался как соправитель Алексея II, которого тут же изолировал в одном из дворцов. Кесарису Марию и ее мужа Раймунда он распорядился отравить, невзирая на протесты своего благоразумного сына Мануила. Андроник Кондостефан и Андроник Ангел, выказавшие неудовольствие по поводу действий нового императора, были незамедлительно объявлены опасными бунтовщиками и приговорены к ослеплению. Патриарх Феодосий, также не проявивший особой покорности, лишился кафедры – его заменил послушный воле монарха Василий Каматир.

Андроник существенно ограничил расходы двора, блиставшего при Марии, и принялся решительно искоренять злоупотребления чиновников и знати. В борьбе против них василевс активно опирался на торгово-ремесленные круги и крестьянство. Чиновники стали получать очень большое жалованье, но горе было проворовавшимся! Василевс устраивал над такими громкие процессы, посылая на казнь за малейшие злоупотребления властью. Предупреждая лихоимцев, он слал нешуточные угрозы провинциальным

наместникам: «Что вы обижаете [подданных], и [еще] живете, это и Богу не угодно, и мне, его рабу, несносно». «Он до такой степени обуздал хищничество вельмож и так стеснил руки, жадные до чужого, что в его царствование население во многих районах увеличилось... От одного имени Андроника, как от волшебного заклинания, разбежались алчные сборщики податей; оно было страшным пугалом для всех, кто требовал сверх должного, от него цепенели и опускались руки, привыкшие только брать» (Хон., [59, т. I, с. 409]).

Василевс отменил так называемое «береговое право», разрешавшее прибрежным жителям и прежде всего динатам грабить потерпевшие крушение суда, карая виновных смертью. Меры Андроника I позволили в короткий срок возродиться захиревшей было торговле, промышленности и сельскому хозяйству империи. Простой народ ликовал, приветствуя «своего» царя. Тонко чувствовавший настроение толпы, император приказал в одной из церквей изобразить себя в крестьянской одежде, с косой в руках, попирающим Алексея II. Жалобщикам он был доступен всегда.

Умевший находить удовольствия и в науках, автократор щедро одаривал поэтов и ученых, особо при этом покровительствуя юристам, так как сам имел страсть выступать обвинителем в суде.

Недовольная знать стала поднимать против Андроника мятежи. Зимой 1184 г. восстали восточные города – Филадельфия, Никея, Лопадий.

Во главе бунтовщиков встали представители аристократии – Андроник Лапарда, Ангелы и другие. Император лично возглавил против них поход и организовал осаду всех этих городов, проявляя незаурядную осведомленность и сноровку в деле изготовления боевых машин. Василевса не волновали нормы морали – при осаде Никеи он, например, чтобы жители, возглавляемые Исааком Ангелом, не смогли поджечь таран, распорядился посадить на него мать Ангела Ефросинью. Император организовал неслыханный доселе по масштабам террор против знати. «Неумолимый в наказаниях, – отмечал Никита Хониат, – он забавлялся несчастьями и страданиями

ближних и, думая погибелью других утвердить свою власть... находил в том особое удовольствие» [59, т. I, с. 408]. Сочетая свирепость Фоки с энергией Юстиниана, он успел посадить на кол, сжечь, повесить, обезглавить или каким-нибудь другим жестоким образом казнить десятки аристократов. Даже этериарх Константин Трипсих, верный слуга императора, убийца Марии и Алексея II, подвергся ослеплению за какие-то проступки.

Вскоре волна репрессий захлестнула и простых граждан. Теперь каждый мог ощутить на себе тяжелый нрав государя. В стране расплодились доносчики, и «брат не смотрел на брата, и отец бросал сына, если так было угодно Андронику... Этот человек считал для себя тот день погибшим, когда он не захватил или не ослепил какого-нибудь вельможу, или кого-нибудь не обругал, или, по крайней мере, не устрасил грозным взглядом и диким выражением гнева» (Хон., [59, т. I, с. 331, 407]).

Ненависть граждан вызывали и амурные забавы императора, считавшего допустимым затаскивать к себе в постель любую понравившуюся женщину. В насмешку над страданиями мужей, не смевших возражать, венценосный сластолюбец прибывал на форуме рога убитых им на охоте оленей. Народ прозвал лысого императора-развратника Приапом. Казнив Алексея II, шестидесятилетний Андроник женился на его тринадцатилетней невесте Агнессе (правда, династические соображения благоприятствовали браку). По словам историка, во время своих загородных прогулок василевс «любил забираться, подобно зверям, в расщелины гор и прохладные рощи и водил за собой любовниц, как петух водит кур, или козел-коз на пастбище» [хон., 59, т. I, с. 405].

Свирепая тирания Андроника отвратила в конце концов от него сердца тех, кто раньше его приветствовал, и заставила позабыть даже его заслуги, которых, по утверждению Никиты Хониата, у императора было немало: «Кратко сказать, если бы Андроник несколько сдерживал свою жестокость и не тотчас прибегал бы к раскаленному железу и мечу, если бы не осквернял постоянно свою царскую одежду каплями крови и не

был неумолим в казнях (чем он заразился у народов, среди которых долгое время жил во время скитальчества), он был бы не последний между царями из рода Комнинов» [59, т. I, с. 445]. Не желая давать однозначную оценку столь противоречивому человеку и государю, Хониат написал про Андроника, что тот, «будучи отчасти зверем, украшен был и лицом человеческим» [там же].

Падение Андроника I подготовила внешняя агрессия. Осенью 1185 г. норманны под началом графа Танкреда, племянника сицилийского короля Вильгельма II, взяли Фессалонику, несмотря на ожесточенное сопротивление ее гарнизона. Рассказы о действиях захватчиков будоражили столичных граждан. Мало того, что западные варвары перерезали в Фессалонике множество греков, они оскверняли и их православные святыни. Дикари, у которых «один и тот же сосуд служил и урыльником, и кувшином для вина» [59, т. I, с. 388], мочились на иконы древних фессалоникийских храмов и горланили пьяные песни в их алтарях. Андроник не почувствовал перемены настроения в Константинополе и, отдав распоряжение готовить войска к походу, удалился из столицы развлекаться. 12 сентября в результате почти стихийного переворота власть в Константинополе захватил Исаак II Ангел. Андроник со свойственной ему решительностью прорвался во дворец, надеясь организовать сопротивление, но восставший народ перебил немногочисленную варяжскую стражу василевса – его единственную опору в бушующем городе – и тот скрылся, переодевшись русским купцом. Сев на корабль в сопровождении Агнессы (верный себе, он прихватил еще и любимую наложницу-флейтистку), Андроник I отплыл в Малую Азию. Буря задержала парусник, и посланная вдогонку Ангелом эскадра боевых кораблей захватила беглеца. Комнину отрубили кисть руки, выкололи глаз и бросили в темницу на несколько дней без воды и пищи. Затем голым его посадили на облезлого верблюда и под свист и проклятия толпы повезли по улицам к ипподрому. Каждому желающему не возбранялось ударить Андроника. Особенно в этом усердствовали

мужья и родители растленных им женщин. Аристократ Никита Хониат с неодобрением вспоминал это шельмование плебсом человека, два года носившего императорские кампагии: «Жалкое то было зрелище, исторгавшее ручьи слез из кротких глаз. Но глупые и наглые жители Константинополя, особенно колбасники и кожевники, и все те, кто проводит целый день в мастерских, кое-как живя починкой сапог и с трудом добывая хлеб иголкой, сбегались на это зрелище, как слетаются весной мухи на молоко или сало, нисколько не подумав о том, что это человек, который недавно был царем и украшался царской диадемою, что его все прославляли как спасителя, приветствовали благожеланиями и поклонами, и что они дали страшную клятву на верность и преданность ему. С бессмысленным гневом и в безотчетном увлечении они злодейски напали на Андроника, и не было зла, которого они не сделали ему [как, впрочем, не было зла, которого не причинял своим подданным Андроник в своей необузданной жестокости. – С.Д.]; одни били его по голове палками, другие пачкали его ноздри калом, третьи, намочив губку скотскими и человеческими извержениями, выжимали ему их на лицо. Его и его родителей поносили срамными словами... Его кололи рожнами и бросали камни. Какая-то развратница вылила ему в лицо горшок с горячей водой...» [59, т. I, с. 440]. На ипподроме Комнина подвесили за ноги к перекладине и принялись избивать еще яростнее. Какие-то латинские наемники кололи его в пах кинжалами и пробовали на теле императора свое искусство наносить удар мечом. Андроник оказался удивительно стоек и, не теряя сознания, повторял: «Господи, помилуй! Зачем же вы ломаете сломанный тростник!» Наконец он забился в агонии, и, когда в предсмертной конвульсии император поднес к лицу свою изуродованную палачом руку, на которой открылась рана, кто-то закричал: «Смотрите, он и перед смертью хочет напиться крови!»

После гибели Андроника I его не успевшие закрепиться реформы пошли прахом. Последняя возможность спасти великую Византию была упущена, империя начала быстро хиреть. Кризис, подстегнутый правлением не менее жестоких,

но совершенно бездарных императоров из рода Ангелов, спустя два десятилетия поставил ромейскую державу на колени.

В 1185 г. от империи отпал о.Кипр, где объявился самозванный «император» Исаак Ангел Кипрский, которого пленил впоследствии Ричард Львиное Сердце.

Исаак II Ангел

(ок. 1056 – 1204, имп. в 1185 – 1195 и с 1203)

Исаак Ангел, хотя и занимал ряд важных должностей, при дворе считался человеком, не заслуживающим внимания, поэтому император Андроник Комнин его не опасался, простив Исааку даже участие в мятеже. Иначе полагал Стефан Агиохристофорит, начальник царской охраны: напуганный предсказанием астрологов, что в сентябре 1185 г. опасность трону исходит от человека, чье имя начинается на «и» и «с», он сам решил проявить инициативу. Но когда Стефан с несколькими товарищами прибыл в дом Исаака и попытался его схватить, Ангел, которому терять было нечего, убил мечом Агиохристофорита и верхом примчался в св. Софию, требуя убежища. Народ охотно поддержал Исаака, и разгоревшийся бунт вознес на трон новую династию Ангелов, окончательно погубившую Византию.

Исаак II Ангел был, в общем, человек образованный, но даже по византийским меркам начисто лишенный совести. Нарушить слово или организовать тайное убийство было для василевса делом вполне обычным. К тому же, добравшись до казны, он показал себя чудовищным мотом. Страстный любитель роскоши, он каждый день натирался дорогими восточными благовониями и никогда не надевал одного и того же хитона дважды. Для еды царь использовал священную утварь, ссылаясь а то, что у Бога с монархом-де все заодно, и небо не обидится. Его стол был истинно соломоновский... и каждый его пир представлял собой горы хлеба, царство зверей, море рыб и океан вина» (Хон., [59, т. II, с. 117, сл.]. Оргии, к которым двор приучил еще Андроник I, Ангел, не стесняясь, предпочитал всем другим развлечениям.

За дела император брался от случая к случаю, и державой управляли временщики – сначала Феодор Кастамонит, обладавший такой властью, что в его присутствии даже высшие чиновники не смели садиться, а затем некий молодой человек, по словам Хониата, едва познакомившийся с употреблением

пера и чернил, но уже обучившийся брать взятки всем, от денег до спелых дынь. Должности продавались, словно овощи на рынке, монета обесценивалась, а император вовсю сорил деньгами, раздавая их столичным нищим или возводя ненужные пышные здания. Решая всякого рода проблемы, василевс зачастую обращался не к разуму, а к различным прорицателям и астрологам, среди которых наибольшую силу имел хитрый патриарх Досифей, одно время занимавший вопреки нормам восточной церкви сразу два патриарших престола – Константинопольский и Иерусалимский.

Вступая на трон, Исаак II посулил отменить смертную казнь, но клятву эту, как и многие другие, не сдержал. Человеческую жизнь автократор ценил мало. Однажды он повелел ослепить военачальника, осмелившегося жаловаться на дурное снабжение армии, а в 1190 г., попав во время похода на болгар в засаду, распорядился для себя и знати пробивать дорогу мечами сквозь толпу своих воинов.

Первое время Исааку Ангелу везло. Войска, организованные еще Андроником I, нанесли ряд существенных поражений норманнам. 7 ноября 1185 г. последние были разбиты греками, графы Ричард и Балдуин – предводители захватчиков – попали в плен. Тогда же брак василевса с дочерью Белы III несколько упорядочил расстроженные отношения империи с Венгерским королевством.

В 1186 г. период удач на Западе закончился – под руководством трех братьев – Иоанна, Петра и Асеня – восстала Болгария. Год войска империи пытались без особого успеха подавить мятеж, а переговоры весной 1187 г. завершились фактическим признанием Византией II Болгарского царства.

Восточным врагам империи было пока не до нападений. Иконийский султанат погряз в распрях своих эмиров, а наиболее способному вождю мусульман, властителю Египта Салах-ад-Дину, хватало дел с крестоносцами. 5 июля 1187 г. в сражении у берегов Тивериадского озера практически полностью погибли войска иерусалимского короля. Спустя непродолжительное время Салах-ад-Дин овладел Иерусалимом. Европа спешно собирала волонтеров под

знамена III крестового похода. Его возглавили французский (точнее, парижский) король Филипп II Август, король Англии, Анжу, Нормандии, Турени и Пуату Ричард I Плантагенет (Ричард Львиное Сердце) и германский император Фридрих I Барбаросса. Последний, враждебно относившийся к Византии, заключил договор с иконийским султаном. В ответ правительство Исаака II обеспечило себе расположение Салах-ад-Дина, чем привело крестоносцев в ярость. Продвигаясь на Восток, Барбаросса счел себя вправе с боем брать византийские города. Смерть Фридриха I (1190) нимало не улучшила положения. В 1192 г. Ричард I захватил о.Кипр, самозваного «императора» Исаака Ангела Кипрского заковал в серебряные цепи, а остров отдал Ги де Лузиньяну, титулярному королю Иерусалимскому ¹⁰⁷.

Тем временем Исаак II продолжал воевать во Фракии. Потерпев сперва поражение при Веррии (1190), император к 1193 г. оттеснил болгар к северо-западу за Софию и разбил союзных им сербов. Однако год спустя под Аркадиополем болгары разгромили ромейские войска.

По обвинению в попытке захвата власти император приказал ослепить своего кузена, талантливого полководца Константина Ангела. Узнав об этом событии, болгары искренне обрадовались, считая, что лучшего благодетеля Исаак II не оказал бы им и при желании.

Неудачам военным сопутствовали внутренние неурядицы. Бушевали церковные распри, торговля, задушенная привилегиями итальянских купцов, замерла. Товары западных «варваров», бывшие в силу этих привилегий дешевле ромейских, с конца XII столетия стали превосходить их и по качеству. Всеобщим недовольством пользовалась знать, поднимая против Исаака Ангела частые мятежи ¹⁰⁸.

Весной 1195 г. во главе сильной армии василевс отправился в очередную антиболгарскую экспедицию. Опредив войско на марше, Исаак II неожиданно получил тревожную вестъ: на стоянке в Кипселах его вельможи взбунтовали солдат и провозгласили императором старшего брата василевса, Алексея. В середине апреля Исаак II укрылся

в одном из фракийских монастырей, но по распоряжению воцарившегося Алексея III был ослеплен, отправлен в Константинополь и заточен в башню.

18 июля 1203 г. Исаак Ангел вернулся на трон (см. «Алексей IV»). Больной и сломленный духовно, он уже не правил, а все время проводил с гадалками и астрологами, страсть к которым превратилась у царя в манию. Те же беззастенчиво обманывали несчастного слепца, обещая ему скорое прозрение и власть над всем миром.

Свергнутый Алексеем V, Исаак II не вынес своего вторичного падения и умер в конце января 1204 г. Современники и потомки удивлялись не столько тому, как такой кровожадный, ленивый и неспособный человек десять лет владел престолом, сколько тому, что среди императоров династии Ангелов Исаак II оказался не самым худшим.

Алексей III Ангел

(ок. 1153 – после 1211, имп. в 1195 – 1203)

Едва весть о низложении Исаака II Ангела достигла столицы, вельможи поспешили заочно выказать свою приверженность новому василевсу и отправились на поклон к супруге Алексея III Ефросинье. «Все, как рабы, побежали во дворец прямо к царице и прежде, чем увидели нового властителя, или узнали в точности, что сделалось с прежним... согнулись в три погибели перед женой человека, о котором им сказали, что он царь, подложили ей под ноги, как скамеечки, свои головы, бросились ... подобно твякающим собачонкам, лизать кожу ее башмаков», – негодуя, вспоминал Никита Хониат [59, т. II, с. 143, сл.].

В пору дворцовых переворотов Византия видела многое, но чтобы брат ослепил брата – такого не случалось уже несколько веков. Потому с самого начала правления Алексей III в глазах значительной части общества покрыл себя позором. С течением времени такое мнение лишь укрепилось, так как император оказался человеком слабым, беспринципным и бесстыжим. Клятвопреступления, тайные казни, откровенное вымогательство были для него в порядке вещей. Венцом таких деяний василевса стал пиратский рейд боевой эскадры флота ромеев, которую он послал для грабежа богатого торгового каравана, идущего в Амис. Навархи Ангела переусердствовали и обобрали все встретившиеся им корабли, в том числе и купцов иконийского султана. В результате между сельджуками и империей вспыхнула война. Не отставали от монарха его приближенные. Начальник тюрьмы Лагос по ночам выпускал на свободу наиболее дерзких воров «на промысел», а те, возвращаясь утром, делились с ним добычей. Состоятельных граждан он бросал в темницу и там занимался вымогательством. В конце концов, когда Лагос попытался проделать такую операцию с одним из богатейших ремесленников, горожане восстали и закидали камнями столичного эпарха. Муж одной из сестер императрицы, мегадука

Михаил Стрифн по кличке «толстопузый», вкупе с друнгарием флота Стирионе открыто торговал имуществом из арсеналов военно-морского ведомства. В ход шло все – якоря, паруса, канаты, гвозди, весла. К моменту похода крестоносцев на

Константинополь (1204) в столичной гавани не нашлось ни одного крупного военного корабля, способного выйти в море!

Если верить Никите Хониату, Алексей III был в делах управления абсолютно бездарен. «Какую бумагу кто ни поднес бы царю, он тотчас подписывал, будь там бессмысленный набор слов, и [пусть] требуй посетитель, чтобы море пахали, по земле плавали, а горы поставить в середину моря» [59, т. II, с. 140]. Ответственные должности император раздавал родственникам – своим и супруги, развратной и умной Ефросиньи Дукены. Титулами торговали еще шире, чем ранее, и даже высшие из них за деньги доставались «скифам и сирийцам». Безумные налоги душили промышленность и торговлю, а жители сельских районов Малой Азии массами переходили в подданство иконийского султана, предпочитая власть ислама голодной смерти.

Внешнеполитическое положение империи оказалось не менее плачевным. Сын Барбароссы, Генрих VI Гогенштауфен, император германский и король сицилийский, потребовал в ультимативной форме вернуть норманнам земли от Диррахия до Фессалоники, угрожая войной. Обещанием дани ромеи умиловостили грозного врага, но денег на ее выплату в разоренной Ангелами казне не хватило. Попытка Алексея III ввести чрезвычайный налог – «аллеманикон» – вызвала беспорядки в столице, и от этой затеи пришлось отказаться. Средства изыскали, ограбив захоронения прежних императоров. Впрочем, собранное золото не успело покинуть Византию – осенью 1197 г. Генрих VI умер. На смену ему пришли другие шантажисты – дож Венецианской республики Энрико Дандоло и Лотарио Конти, граф Сеньи, которого мир больше знает под именем папы Иннокентия III. Оба они оказывали на василевса постоянное давление, грозя предоставить помощь Исааку II и его семье. Тем временем анкирский эмир Моэддин беспрепятственно разорял Пафлагонию. Огромную опасность

представляла и Болгария, где с 1196 г. правил энергичный и чудовищно жестокий царь Калоян. Поклявшись отомстить за деяния Василия II, он, оправдывая прозвище «Ромеебойцы», наносил в 1199 – 1201 гг. ощутимые удары византийцам. Взяв в марте 1201 г. Варну, Калоян приказал живыми закопать в землю пленных греков. Напуганный его активностью, Алексей Ангел заключил с ним тягостный для империи мир.

В 1197 – 1198 гг. во Франции началась подготовка Четвертого крестового похода. Иннокентий III благословил его участников, среди которых оказались многие самые знатные рыцари Европы. В апреле 1201г. послы крестоносцев заключили с Венецианской республикой договор о подготовке мощного флота для нужд «воинов Христа». Летом следующего года первые «пилигримы» начали прибывать в Венецию. Возглавил поход Бонифаций, маркиз Монферратский.

За перевозку морем в Египет рыцари обязались выплатить венецианцам восемьдесят пять тысяч марок серебром. Когда же участники собрались, выяснилось, что более пятидесяти тысяч марок собрать они не могут. Тогда венецианцы в качестве компенсации за недостающую сумму предложили Бонифацию покорить далматинский город Задар, отпавший из-под власти Республики к венгерскому королю и сделавшийся ее торговым конкурентом в Адриатике. Крестоносцы согласились, и тогда к ним присоединилось большое количество венецианцев во главе с престарелым Дандоло.

В ноябре 1202 г. союзный флот подошел к Задару. Горожане прибили на башнях кресты, папа проклял венецианцев, но город это не спасло – Задар был разгромлен. У здравомыслящих людей не оставалось сомнений в истинных мотивах похода на Восток, поэтому, когда флот рыцарей подошел к стенам византийской столицы ¹⁰⁹, это казалось закономерным.

18 июля 1203 г., бросив окруженный крестоносцами город, Алексей III Ангел бежал в Адрианополь, прихватив с собой десять кентинариев золота, с одной только любимой дочерью. «Трусливейший из людей! Его не остановило нежное родительское чувство к [остальным его. – С.Д .] детям; его не

удержала любовь к жене, его не тронула судьба великого города, и ничего подобного не пришло ему на ум; но в малодушии, в трусости он променял благо всех городов, областей и всего народа [империи] на свое личное спасение, да и то – сомнительное» (Хон., [59, т. II, с. 283, сл.]). В августе 1203 г. Бонифаций оттеснил экс-императора в Мосинополь. Через два года маркиз захватил не прекращавшего попыток вернуть престол Алексея и заточил в Монферрате. Выпущенный оттуда через несколько лет, неутомимый Ангел искал поддержки где только мог – у Льва Сгура (см. «Алексей IV»), в Эпире, Фессалии, а затем отправился в Иконий ко двору султана Кей-Хюсрева I, которому когда-то давно оказал важные услуги. Султан не забыл благодеяний и во главе сильной армии двинулся к Никее, на которую покушался теперь экс-государь. В бою с ничтожными (по сравнению с турецкими) силами никейского императора Феодора I Ласкариса султан погиб, а Алексей III попал в плен. Ласкарис распорядился постричь его и до самой смерти содержать в одном из малоазиатских монастырей.

Алексей IV Ангел

(ок. 1183 – 1204, имп. с 1203 г.)

Сын Исаака II Алексей после низложения отца находился в Константинополе фактически на положении узника, но весной 1202 г. сумел бежать из-под стражи на Запад к мужу своей сестры, Филиппу Швабскому, искать помощи против узурпировавшего трон Алексея III. По свидетельству рыцаря Робера де Клари, побег Алексея-младшего организовал его воспитатель, опасаясь козней императора. Русский летописец сохранил рассказ о подробностях этого бегства: «И приведен он был на корабль [который предоставили пизанцы. – С.Д.], и посажен в бочку, имевшую с одного конца три дна, там, где сидел Исаакович, а с другого конца, где затычка, была налита вода: ибо нельзя было иначе бежать из города. И так покинул он греческую землю. И, узнав об этом, цесарь [Алексей III. – С.Д.] послал искать его, и стали искать его повсюду, и пришли на тот корабль, где он был, и все на нем обыскали, и из бочек повыбивали затычки, но, видя, что течет вода, ушли, так и не найдя его» [37, с. 130].

Неразборчивый в средствах царевич с просьбой посодействовать в низложении царственного дяди обратился к участникам IV крестового похода. Можно представить себе радость алчных рыцарей и венецианских торгашей, когда Алексей Ангел дал им такой превосходный предлог для вмешательства в дела Империи ромеев! Сокровища «золотого моста между Востоком и Западом»¹¹⁰ служили на протяжении столетий приманкой для разного рода захватчиков, и паладины Гроба Господня не составили исключения, заняв в этом ряду достойное место между Аттилой, мусульманскими халифами, турками и прочими «варварами».

Алексей пообещал за свое утверждение на троне выплатить крестоносцам колоссальную сумму в 200 000 марок, год содержать их флот, выставить десять тысяч воинов для участия в походе и на свои средства организовать полутысячный гарнизон в одном из городов Палестины. Блеск золота оказался

сильнее сияния креста: весной 1203 г. католический флот от причалов разрушенного Задара вместо того, чтобы взять курс на холмы Земли Обетованной, отплыл к берегам Босфора. 9 июля западная эскадра появилась у стен византийской столицы. 17 июля начался штурм, и к утру следующего дня охваченный пожаром город сдался. 1 августа Алексей IV Ангел был коронован соправителем слепого отца, возвращенного на престол рыцарями. За короткий срок двадцатилетний василевс снискал всеобщее презрение. Греки всегда (и небезосновательно) считали католиков варварами, а он, лживый и трусливый, заискивал перед латинянами, пьянствовать в компании которых считал наилучшим развлечением. Найдя казну практически пустой, он для уплаты долга «еретикам» обложил экстраординарным налогом всех, в том числе и православный клир. Воины-крестоносцы безраздельно хозяйничали в окрестностях столицы, по настоянию императора патриарх Иоанн Каматир вынужден был пойти на ряд уступок папе. Все это до предела возмущало умы столичных жителей, не забывавших об исключительности Империи ромеев (во всяком случае, пока дело не дошло до отстаивания этого положения с оружием в руках).

22 августа пизанцы, обнаглев до крайности, среди бела дня принялись за грабеж мусульманского квартала столицы. Правительственным дружинам удалось прекратить разбой, и в ответ католики подожгли мечеть. Сильный ветер понес огонь в центр города. За два дня выгорело огромное пространство, пламя бушевало у стен ипподрома и Большого дворца. Огонь пожрал лучшие торгово-ремесленные кварталы, погибли сотни людей и неисчислимые ценности. Константинопольской торговле, и без того не блестящей, был нанесен удар, от которого она так и не смогла уже оправиться. Итальянские конкуренты греков торжествовали, глядя на пепелище.

Осенью, выплатив рыцарям не более половины требующейся по договору суммы, Алексей IV Ангел принялся хитрить и увиливать, видя, что заплатить остального не в состоянии. Назрел конфликт, а когда греки прямо объявили крестоносцам, что денег они в ближайшее время от

императоров не дождутся, отношения обострились до предела. Рыцари были недовольны и отвратительным содержанием своего войска. Между латинянами и ромеями начались вооруженные стычки, греки даже пытались сжечь флот крестоносцев, пустив на него брандеры. В этой обстановке Ангелы очутились между молотом и наковальней – растущим народным гневом (горожане не могли забыть поведения Алексея) и раздражением своих вчерашних заступников. 25 января 1204 г. часть синклитиков, собравшихся в храме св.Софии, объявили двух «ангелов зла» низложенными. Страхась восстания, к которому, не таясь, призывали в Константинополе многие, Алексей IV снова решил пойти на поклон к Бонифацию Монферратскому, обещая отдать ему город. Миссию переговоров василевс опрометчиво поручил Алексею Дуке Мурзуфлу, а тот объявил о планах императора варяжской гвардии и взбунтовал ее. Возмущенные солдаты в ночь на 28 января окружили дворец. Насмерть перепуганный Алексей IV упробил Мурзуфла, лицемерно явившегося к василевсу с сообщением о мятеже, спасти его. Мурзуфл успокоил государя и повел, полуодетого, по коридорам дворца. В конце пути Алексей IV вместо спасения обрел оковы и камеру в подземельях, а в начале февраля по приказанию уже императора Алексея V Дуки Мурзуфла был убит.

Пользуясь слабостью центральной власти, поднял мятеж, отложился от империи и принялся захватывать ее территории в Греции архонт города Навплия Лев Сгур.

Никита Хониат назвал царствование Алексея IV «акробатическим».

Алексей V Дука Мурзуфл

(? – 1205, имп. в 1204)

После низложения Ангелов вокруг вакантного престола закипели страсти. 28 января часть жителей Константинополя провозгласила императором воина знатного рода Николая Канава. Знать не признала его и на следующий день выдвинула контркандидата – протовестиария Алексея Дуку, из-за густых сросшихся бровей носившего прозвище «Мурзуфл» («Мурчуфл») – насупленный. Алексей предложил Канаву титул проэдра синклита, тот дал согласие, но на переговорах воины Дуки схватили его, и больше о Канаве не слышали; в начале февраля Мурзуфл стал автократом ромеев.

Алексей V был человек решительный, жестокий и хитрый, убежденный противник «латинян». Он отказался выплачивать крестоносцам какие-либо суммы по обязательствам Ангелов и принялся укреплять город, готовясь к войне. Собирая средства для этой цели, он обложил налогами всех, включая высших титулованных особ – кесарей и севастократов, не давая поблажки даже своим родственникам. Вскоре, посчитав, что у него достаточно сил для противостояния рыцарям, василевс предложил крестоносцам убраться восвояси. Получив отказ, император организовал нападение на отряды Генриха Фландрского, добывавшие во Фракии продовольствие католическому ополчению, но фуражиры Генриха разбили войско Мурзуфла наголову, греки и наемники бежали, в спешке оставив врагам палладиум Византии – древнее знамя с изображением Богоматери. Война стала открытой. В марте предводители крестового похода решили штурмовать Константинополь. Земли Византии и ее столицу католики заранее поделили: три восьмых должны были отойти к венецианцам, две восьмых – будущему королю, а оставшееся – крестоносному войску.

Формальным основанием для вмешательства рыцари объявили убийство Алексея IV (по западным меркам, умертвив сюзерена, Алексей Мурзуфл поставил себя вне закона). Каноны

Нарбоннского собора (1054), согласно которым нападение на христианский Константинополь считалось тяжким грехом, не помешали.

Еще раз – и вновь неудачно – ромеи пытались сжечь латинский флот брандерами. Наступил апрель. Со стен города хорошо было видно, как в лагере крестоносцев готовились к штурму.

То, что двадцатитысячное европейское войско решилось брать прекрасно укрепленный город с огромным населением (одних только мужчин, способных носить оружие, было в столице не менее нескольких десятков тысяч, не считая наемников), свидетельствовало либо о безумии вождей похода, либо, наоборот, о точном расчете. Конечно, свою роль сыграли оба обстоятельства – и безрассудная смелость рыцарей, и верная оценка ими политической ситуации в империи и ее столице. Девяносточетырехлетний дож Энрико Дандоло, главный «советчик» Бонифация Монферратского и самый активный сторонник решительных мер по отношению к основному торговому конкуренту Венецианской республики, коим была в те поры Византия, понимал, что чувство патриотизма у измученных кризисом ромеев заметно притупилось, и навряд ли они поднялись бы на защиту обветшавших лозунгов, за которые упрямо цеплялась некогда великая империя. Василевс Мурзуфл мог рассчитывать только на укрепления и наемников. Что касается первого, то, несмотря на свою некультурность, воевать рыцари умели хорошо, и стены не являлись для них непреодолимым препятствием, а для наемников у императора греков не было денег, следовательно, и с этой стороны активного сопротивления Дандоло не ждал. Так и случилось.

9 апреля 1204 г. флот рыцарей под рев труб и барабанный бой, с распушенными по ветру знаменами помчался в атаку на Морскую стену. Первые приступы осажденные (немногочисленные добровольцы и отборная царская охрана) отбили с помощью артиллерии и «греческого огня», но это были последние их успехи. Днем 12 апреля штурм продолжился. В клубах дыма, окутавшего Золотой Рог, под ливнем стрел из

луков и крепостных «скорпионов» корабли двинулись вперед. Два из них («Пилигрим» и «Парадиз», под началом епископов Суассона и Труа) ветром навалило на одну из башен стены в квартале св. Петра. Солдаты Мурзуфла не смогли противостоять закованным в сталь «латинянам» и бросили ее. Вскоре пала еще одна башня, а к вечеру сухопутный отряд «франков» выбил ворота в северо-восточной части города, и на улицах показались конные рыцари.

Укрепления столицы сдавались католикам одно за другим. Гвардия Алексея V стояла в боевом порядке в центре города и требовала от василевса денег. Однако их не было, а уговорить наемников сражаться даром Мурзуфл не смог. Город, без малого девятьсот лет выдерживавший нашествия варваров всех мастей, отдавал себя латинскому мечу. Крестоносцы зажгли город, сильный пожар вспыхнул за этот год в третий раз.

Отчаявшись, Алексей V вечером покинул столицу. В ночной суматохе знать отдала трон то ли Константину, то ли Феодору Ласкарисам. Но корону потребовал и Феодор Дука, родственник бежавшего Мурзуфла. Пока длились бессмысленные препирательства, драгоценное время ушло. С рассветом вторника 13 апреля наемная гвардия, не получив золота, сдалась. Византийская империя была разгромлена собратями по 'вере на восемьсот девятом году своего существования с ничтожными потерями для захватчиков.

Три дня длился грабеж города. Даже после пожаров, уничтоживших две трети Константинополя, наживы хватало за глаза. Рыцари брали все, не щадя даже христианских святынь. В церковь св. Софии они ввели мулов, чтобы нагрузить их сокровищами, и животные пачкали древнюю мозаику пола своими испражнениями, драгоценные украшения храма, золотые и серебряные подсвечники и сосуды рубились мечами, чтобы после быть задешево проданными торговцам. «А прочие церкви в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесать, ни рассказать о красоте их» [37, с. 134]. На улицах лилась кровь, понравившихся женщин победители насиловали чуть ли не на мостовых.

Западных варваров не интересовали книги, и бесценные сокровища человеческой мысли гибли в огне или уличной грязи. Веками накопленное талантом, искусством и трудом византийцев исчезло в три дня...

Повальный грабеж прекратило лишь лунное затмение, которое суеверные рыцари сочли знаком свыше. Все ценности были собраны под надежной охраной и поделены. Три четверти получили венецианцы (в счет долга Алексея IV), остальное было поделено между участниками похода. «И истинно свидетельствует Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, что с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе. Каждый выбрал себе жилище по вкусу, и было их там достаточно ... тот, кто доселе был беден, стал богат и имущ» [34, с. 115]. Многие жители, изгнанные из своих домов, оставили город навсегда. После долгих споров на трон Византийской империи вступил Балдуин, граф Эно и Фландрии (16 мая 1204 г).

Не следует думать, будто леденящие душу описания грабежей – плод фантазий разъяренных православных хронистов. Сам Иннокентий III, узнав о подробностях взятия греческой столицы (особенно его обеспокоили, конечно же, святотатства рыцарей), обратился к Балдуину с гневным письмом: «Вы, не имея никакого права, ни власти над Грецией, безрассудно отклонились от вашего чистого намерения, устремились не на завоевания Иерусалима, а на завоевание Константинополя, предпочтя земные блага небесным ... И недостаточно было вам исчерпать до дна богатства императора и обирать малых и великих, вы протянули руки к имуществу церквей и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии, для того, чтобы греческая церковь отказалась возвратиться к апостольскому престолу, усматривая со стороны латинян лишь изуверства и дела диавольские, и была бы вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам» ¹¹¹.

Падение Константинополя наиболее искренне переживала греческая интеллигенция, для которой это событие было

равносильно концу света. Крестьяне же его окрестностей, за бесценок обменивая вещи у вырвавшихся из трехдневного ада голодных горожан, злорадствуя, приговаривали: «Слава Богу, наконец-то и мы обогатились!»

Константинопольские античные медные, бронзовые и серебряные статуи пошли на переплавку в монету. Лишь четверка бронзовых коней (авторство их приписывалось Лисиппу), украшавшая ипподром, избежала этой участи и навеки успокоилась на кровле собора св. Марка в Венеции.

Император Алексей V не собирался складывать оружия. Зимой 1204/05 г. он явился к экс-императору Алексею III и предложил ему сотрудничество, надеясь, что два изгнанника, объединившись, сумеют вернуть престол. Ангел согласился и поначалу даже выдал дочь за убийцу племянника, но потом, видимо, передумал, пригласил Мурзуфла на пир и распорядился едва ли не за столом выколоть ему глаза (Акрополит пишет, что в бане – см. [26, с. 10]).

Ослепленный Алексей V пытался бежать в Малую Азию, был схвачен крестоносцами и за убийство Алексея IV осужден и казнен – слепца сбросили с высокой колонны.

Феодор I Ласкарис

(ок.1175 – 1221 или 1222, в 1204 – 1206 деспот, с 1205 или 1206 имп. Никейский ¹¹²)

После разгрома Константинополя – разгрома, по сути дела, навсегда прекратившего существование Византии как империи мирового масштаба, огромное количество греков потянулось прочь с оккупированной латинянами родной земли. Чиновники без постов, военные без армий, динаты без земель, крестьяне, священники, ремесленники – все кто мог, стали оседать в городах, не захваченных крестоносцами. Мощнейшим греческим центром стала Никея, отделенная от столицы Босфором и горным хребтом. Туда же явился и Феодор Ласкарис, носивший титул «деспота» – «владыки». Однако горожане Никеи, наученные горьким опытом общения с императорской властью Ангелов, не пустили Ласкариса в город, хотя и позволили после долгих препирательств укрыться его семье – жене (дочери Алексея III) и трем дочерям.

Итак, в 1204 г. «держава ромеев, как грузовое судно, подхваченное злыми ветрами и волнами, раскололась на множество мелких частей, и каждый, разделив ее как кому досталось, унаследовал: один – одну, другой -другую часть» (Григора, [63, с. 12, цит. по 121, т. 3, с. 29]). Наибольшему дроблению подверглась европейская часть бывшей Византии. Эпир захватили Ангелы, Фракию – латиняне, Лев Сгур взял Коринф (еще до захвата столицы крестоносцами) и держал в осаде Афины. В Константинополе, ставшем на долгие годы столицей Латинской империи, после пленения в апреле 1205 г. в битве с Калояном императора Балдуина I воцарился его брат Генрих, граф Геннегау – «второй Арес», как прозвали его за военные таланты греки. Бонифаций Монферратский основал в завоеванной Фессалонике вассальное Константинополю королевство (около 1206); побережье Мраморного и Эгейского морей, а также большинство островов прибрали к рукам венецианцы, основав свои порты и торговые фактории от Коринфа до Адрианополя. В Адрианополе же с 1206г., по сути

дела на правах короля, утвердился Феодор Врана – единственный крупный греческий аристократ, сохранивший влияние при латинянах. В Малой Азии, не считая мелких уделов, образовались четыре самостоятельных греческих владения: Родосом правил бывший критский архонт Лев Гавала, Филадельфией с окрестными городами – Феодор Манкафа, а наиболее значительными государствами стали Трапезундская и Никейская империи. Первую основали при поддержке знаменитой грузинской царицы Тамары внуки Андроника I Алексей и Давид, принявшие титул Великих Комнинов. События в Никее 1204–1206 гг. малоизвестны. Феодор Ласкарис, деятельно взявшийся за организацию отпора латинянам, опирался сперва на более гостеприимную Брусу. Однако за год-два энергичный деспот завоевал симпатии никейцев, и те согласились признать его своим государем. В марте 1205 или 1206 г. Феодор I Ласкарис был провозглашен императором ромеев в Никее. Так как патриарх Константинополя Иоанн X Каматир наотрез отказался покинуть приютившую его Дидимотику, а вскоре отрекся и умер (в Константинополе патриарший трон занимал не признанный православными наместник папы, кровожадный Томмазо Морозини), церковную коронацию не могли провести до Пасхи (8 апреля) 1208 г., когда избранный в той же Никее патриарх Михаил IV Авториан возложил на голову Ласкариса императорскую стемму.

Феодор I отличался многими достоинствами. Маленького роста, подвижный и удивительно работоспособный, этот человек снискал себе всеобщее уважение. Вступив на трон, деспот поклялся «выбить из восточных [византийских. – С.Д.] городов западную проклятую рать, безвозбранно вторгшуюся в ромейскую державу, истребившую ее и опустошившую, как тучи саранчи, отразить наступающее латинское войско, которое всегда захватывает ближайшее, как гангрена» (цит. по [231, т. III, с. 557]).

Слово свое василевс старался держать. Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, автор хроники о взятии Константинополя, указывал, что Феодор I вступал в схватки с

католическим войском при всяком удобном случае. И, хотя реальные успехи Никейской империи в вооруженном противостоянии латинянам нужно назвать скромными, первому ее императору удалось отстоять ее самостоятельность и провести серьезные реформы, создав фундамент греческой Реконкисты.

«Что же касается царя Феодора ... то был этот царь стремительный и неудержимый боец, он подвергал себя опасностям во многих битвах; этот царь поправил множество городов, не жалел издержек на прекраснейшие здания и укрепления, чтобы организовать и сдерживать движение латинян. Но нередко он помрачал свою славу, поступая неосмотрительно» (Григора, [63, с. 22]).

Георгий Акрополит охарактеризовал Ласкариса достаточно незамысловато: «Был отважен в бою, склонен к гневу и любовным наслаждениям и чрезвычайно щедр на дары» [26, с. 37].

Феодор I владел обширными землями – собственно рода Ласкарисов, казны и теми, которые он включил в императорский домен по праву государя. Прежде всего это были территории, оставшиеся без хозяев, – владения церквей и монастырей столицы (в частности, огромные поместья храма св.Софии), погибших или перешедших на сторону латинян византийских динатов. Из этого фонда василевс и черпал упомянутые Акрополитом «щедрые» награды для сторонников и раздавал пронии. Пронин – аналог западного бенефиция – была широко известна со времен Комнинов, но именно Ласкарис превратил ее в инструмент формирования почти всей армии. Прослойка наемников в вооруженных силах Никейской империи оказалась несоизмеримо меньше, нежели в старой Византии, и основу войск Феодора I составляли вотчинники-прониары, получавшие в управление надел на условиях обязательной воинской службы.

Феодор I создал систему тройной обороны границ. Внешнюю линию составляли акриты, сословие которых император возродил, освободив от всех налогов и предоставив земельные льготы. Поселения акритов опирались на мощную

цепь крепостей и замков с сильными наемными гарнизонами – вторая линия. И, наконец, внутри государства в случае опасности появлялась третья – ополчение катафрактов-прониаров (позже их называли «каваллариями») со своими дружинами. Вспомогательные части – артиллерия, пехота, а также инженеры были в основном наемными, но комплектовались почти исключительно из коренного населения. Возобновилось и деление на фемы.

Государственный аппарат империи также претерпел существенные изменения по сравнению с таковым времен Комнинов и Ангелов. Штат никейского двора был сокращен и приближен к более жизнеспособной западной организации. Во главе гражданского ведомства стоял великий логофет, военного – великий стратопедарх. Оба они могли замещать императора во время его болезни или отсутствия. Наемной гвардией, расквартированной в столице, командовал великий коноставл (искаженное «коннетабль»).

Мало-помалу Никея стала и выдающимся центром культуры. Лишенная при Ласкарисах универсалистских замашек, империя превратилась в средневековое греческое государство с высоким уровнем национального самосознания и патриотизма. В силу этого ее саму вполне можно считать законной наследницей «крепкой» Византии, а ее василевсов, несмотря на меньший их «масштаб», – стоящими в одном ряду с Юстинианом и Василием Болгаробойцей.

Несмотря на ряд неудач в 1205 – 1214 гг. дальнейшее продвижение крестоносцев на Восток греки остановили. Под ногами католических захватчиков буквально горела земля, война с латинянами стала всенародной. Реальные силы Ласкариса на первых порах были ничтожны, но мужество достойно противостояло числу и железу. При осаде, например, крепости Лентиян (1212) греки ели кожу со щитов и седел, но не сдавались – факт, за каких-то восемь лет до того невероятный! С огромным трудом достигнув в 1212 г. Нимфея, Генрих I заключил с Феодором мирный договор, да еще и выдал за него сестру, принцессу Марию.

Ласкарис путем войн и политических интриг довольно быстро превратил свою страну в сильнейшее греческое государство Малой Азии. Сперва под ударами никейцев и латинян пало владычество Феодора Манкафы. На очереди была Трапезундская империя, борьба с которой длилась около десятилетия. В 1205 г. полководец Давида Великого Комнина, Синадун, напал на Пафлагонию. Совершив молниеносный марш по горным кручам Тавра, Феодор настиг непрошенных гостей и одержал над ними победу. Спустя два года Давид и его брат Алексей – «отроки с Понта», как их называли в Никее, трижды вступав в конфликт с Ласкарисом, потеряли все свои земли к западу от реки Галис, с Амастридой и Понтийской Гераклеей.

Вначале 1211 г. василевс во главе всего двухсот каваллариев и восьмисот наемников выступил навстречу сельджукам, которых в разгар войн никейцев с Генрихом I и Великокомнинами повел в тыл империи экс-император Алексей III Ангел. В жестоком бою люди Ласкариса пали почти все, буквально сметенные массой турок, но василевс в поединке сразил султана Кей-Хюсрева I, и сельджуки бежали. После такого поражения они не тревожили Никею лет тридцать.

Не менее турок для Никейской империи по-прежнему были опасны трапезундцы. Они постоянно тревожили Ласкариса своими набегами на границы. Мало того, в стремлении поживиться за счет соседа неразумно жадные Великокомнины дошли до признания себя вассалами злейшего врага греков – Латинской империи, но это принесло им немного пользы. В 1214 г. василевс отнял у агрессивных трапезундцев еще часть их западных земель. Разгромленное турками-сельджуками в середине 1210-х гг., Трапезундское государство навсегда вышло из крупной политики и незаметно просуществовало до 1461 г., когда было аннексировано османами.

В 1219г. Феодор I заключил с венецианцами договор, дав им старое право льготной торговли. В тексте хартии император назван был «царем греков» – Никейская империя обрела признание. Георгий Акрополит дал такую оценку успехам царя: «Войны с персами [турками.– С.Д .] и итальянцами часто

ставили его в трудное положение; тем не менее он положил начало восстановлению ромейской империи, за что и обязаны ему ромеи великой благодарностью» [26, с. 37].

Феодор I Ласкарис умер в Никее в конце 1221г. Верный себе, он, страхуя государство от возможных смут, завещал престол не малолетнему единственному сыну ¹¹³, как следовало бы по традиции, а человеку, таланты которого не вызывали у императора сомнений – зятю Иоанну Дуке Ватацу.

Константин XI Ласкарис, Иоанн III Дука Ватац

Константин XI Ласкарис (? – ок. 1211, имп. в 1204 – 1205)

Факт избрания на трон погибавшей империи Константина Ласкариса довольно спорный. Трудно даже выяснить, был ли Константин XI коронован в официальном порядке, или в сражающейся столице этого просто не успели сделать. Согласно некоторым исследованиям (см.[130]), венчание на царство все-таки имело место, и Константин, успевший бежать на Восток раньше нескоро отпущенного из плена латинян деспота Феодора (правда, Жоффруа де Виллардуэн пишет, что в плен к латинянам попал как раз Константин), действовал там как законный император. Однако, не сумев приобрести симпатий у греческого населения Малой Азии и не найдя общий язык с братом, Константин XI быстро утратил авторитет. Весной 1205 г. император, выступивший в союзе с Феодором Манкафой против войск Генриха Фландрского, потерпел поражение от латинян и укрылся в Филадельфии. Город некоторое время спустя сдался Феодору Ласкарису, и, по-видимому, Константин XI отрекся тогда от трона в пользу более даровитого брата. В 1211 или 1212 г. Константин Ласкарис погиб при обороне крепости Лентиан.

Иоанн III Дука Ватац (ок. 1192 – 1254, имп. никейский с конца 1221 или нач. 1222)

Феодор Ласкарис не ошибся в своем выборе – муж его дочери Ирины Иоанн Дука Ватац обладал всеми необходимыми василевсу качествами. Однако братья покойного, Алексей и Исаак, считали иначе. Бежав в Константинополь, они весной 1224 или 1225 г. вернулись, ведя с собой западных рыцарей. Попытка свергнуть Иоанна III с престола завершилась для братьев Ласкари-сов печально. В битве при малоазиатском местечке Пиманион Ватац вдребезги разбил латинское войско, Ласкари-сов поймали и лишили зрения.

Пиманионский разгром ознаменовал перелом в ходе латино-никейских войн. Отныне уже не грекам приходилось отбивать натиск католиков, а наоборот. Одно за другим владения крестоносцев в Малой Азии сдавались Ватацу, быстро стяжавшему славу грозного полководца. Сразу после победы над Ласкари-сами Иоанн III снарядил флот и отвоевал острова Лесбос, Самос, Хиос и несколько мелких. Окрыленный успехом, он начал было готовиться к походу на Константинополь, но в Никее поднял мятеж племянник императора Андроник Нестонг. Корабли пришлось сжечь, дабы они не достались латинянам, а василевс поспешил в столицу для борьбы с заговорщиками. Нестонга и его сообщников после подавления бунта приговорили к наказанию путем различного рода членовредительства, но всем оставили жизнь. Георгий Акрополит, современник Ватаца, пишет, что император «всегда отличался человеколюбием» [26, с. 119].

Если Феодор I основное внимание уделил организации Никейской империи как таковой, то Иоанн III видел свою задачу в усилении страны, мечтая при этом довести до конца дело предшественника и отнять у врагов Константинополь. Чтобы собрать необходимые средства, василевс воспользовался землями своего обширного домена. На этой территории создавались императорские поместья, работу которых Иоанн III взял под личный контроль. Благодаря разумной налоговой

политике и, видимо, широкому применению новых методов хозяйствования производство достигло в них невероятно высокого уровня. Достаточно сказать, что доходов, вырученных от продажи одних только яиц за год, императору хватило на то, чтобы изготовить золотой венец для своей жены!

Правительство приняло меры для прекращения утечки монеты за рубеж. Специальный эдикт императора предписывал, угрожая в противном случае «бесчестием» (юридический термин, означавший лишение ряда гражданских прав), воздерживаться от покупки иноземных предметов роскоши и довольствоваться тем, что «производит земля ромеев и умеют готовить их руки» [63, с. 42]. Даже своего сына Феодора Ватац, увидев в заморском шелковом одеянии, выбранил.

В результате этих и других реформ Никейская империя при Иоанне III в короткий срок сказочно разбогатела. А так как из-за наступления монголов у соседей империи, турок, настали тяжелые времена и толпы беженцев искали себе защиты от кочевников во владениях греков, ее население еще и увеличилось.

Если у первого Ласкариса просто руки не дошли до заботы о культуре и науках, Иоанн III уделил этому немало сил и внимания. При его дворе получил возможность работать выдающийся философ средневековья Никифор Влеммид.

«Соединяя с богатством умственных дарований благородство и твердость характера, – хвалит императора Никифор Григора, – он прекрасно вел и устроил дела правления; в короткое время он увеличил и внутреннее благосостояние ромейского царства, и в соответствующей мере военную силу. Он ничего не делал, не обдумав, не оставлял ничего, обдумав; на все у него были своя мера, свое правило и свое время ... он ... располагал и других, чтобы никто не смел налагать корыстолюбивую руку на людей простых и неимущих» [63, с. 22, 41]. Ватац не любил пользоваться чьими-либо советами. Щедрый к церкви (император поддерживал деньгами не только свое, но и бедствовавшее духовенство Антиохии, Иерусалима и даже

Константинополя), он тем не менее не терпел ее вмешательства в свои дела и при случае с ней не церемонился. В 1232 г. василевс, невзирая на сопротивление ортодоксов, пытался вести с римской курией переговоры об унии, чтобы предотвратить казни православных (прежде всего клириков), не желавших поклоняться Богу по католическому обряду и из-за этого подвергавшихся в Латинской империи жестоким гонениям. По смерти патриарха Мефодия II (1240) он оставил православную церковь без верховного пастыря на четыре года, так как не мог найти подходящего кандидата.

Прочное положение страны позволило Иоанну III в середине 30-х гг. XIII столетия начать широкую кампанию по изгнанию католиков с Балкан (от малоазиатских владений «франков» к тому времени не осталось почти ничего). В 1235 г. он утвердился во Фракии, заключив союз с царем болгарским Иоанном II Асенем. Сблизился василевс и с ярым противником папства германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном. Мощный флот – тоже плод усилий Ватаца – обеспечил Никейской державе господство на море, хотя искусство ведения морских сражений у итальянцев оставалось выше, и в 1239 г. они разбили тринадцатью галерами эскадру греков, насчитывавшую тридцать боевых кораблей.

Последним успехом «франков» стал захват ими в 1240 г. Цурула. После этого территория Латинской империи только сокращалась. Иоанн III с успехом применял нехитрую тактику брать противника измором и уклонялся от решительных сражений. Отвоеванные крепости он отстраивал заново и оснащал сильными, прекрасно снабженными гарнизонами, а захваченных в плен переселял на свои земли. Мало-помалу влияние Никеи в Европе усиливалось. Напуганный успехами смелого государя, папа Григорий IX отправил ему полное оскорблений письмо, угрожая крестовым походом. Иоанн III ответил мудрым и очень язвительным посланием, недвусмысленно указывая западному духовенству на то, что, как всегда, они «благовидными предложениями прикрывают ... жажду власти и золота» [231, т. III, с. 263].

В 1242 г. власть Ватаца признала Фессалоника, и спустя четыре года василевс с большой пышностью посетил этот город.

Балканы в XIII в. напоминали бурлящий котел. На этой многострадальной земле всю мерялись силами властители Болгарии, Эпира, Константинополя, Никеи, Сербии и много других более мелких любителей потрясать по любому поводу оружием. В 1251 г. вероломный деспот эпирский Михаил II Ангел напал на владения Иоанна III, за что вскоре и поплатился: разгромленный, в следующем году он признал свое государство вассалом Никейской империи. После такого значительного успеха Иоанн III мог смело считать себя крупнейшим монархом среди христианских государей Восточного Средиземноморья.

Умер Иоанн III Ватац 3 ноября 1254 г. в Нимфее – второй столице Никейской империи. Население города Магнесии, куда из Сосандрского монастыря был в 1307 г. перенесен его прах, чтит его могилу как гробницу святого. Взяв город в начале XIV в., турки уничтожили его останки, но до сих пор в этой местности отмечают день святого «Иоанна Дукса Ватадзи» – 4 ноября по юлианскому календарю. «Время царя Феодора требовало поспешности, – сравнивал Ватаца с его предшественником Никифор Григора, – оттого он и был тороплив; а следующее затем время царствования Иоанна требовало обдуманности, оттого он и отличался ею» [63, с. 22].

Георгий Акрополит, свидетель деяний императора, составил ему восторженную эпитафию (см. [27]).

Феодор II Ласкарис

(1221 – 1257, имп. с 1254)

Сын Иоанна Ватаца Феодор взял фамилию матери – Ласкарис. Никогда еще со времен Константина Багрянородного трон не занимал человек более образованный. «Богopodobным из-за мудрости» назвал его Георгий Акрополит [27, с. 225]. Никейский василевс оставил после себя трактаты, речи и письма. Казалось, философски настроенный государь был бы идеалом для окружающих. Но увы – хотя в общем как правитель Феодор II оказался неплох, его раздражительность и нервозность, усилившиеся под влиянием хронических болезней, делали императора для близкого окружения человеком невыносимым. К тому же с годами он стал очень подозрителен, чему немало способствовала глубокая вера василевса в колдовство – бич, от которого в средневековье (да нередко и в наши дни) даже образованные люди застрахованы не были. «Поэтому, – сообщает Георгий Пахимер, – многие в то время люди важные, лишь только кто хрюкнул на них обвинением, забираемы были под стражу, и кому хотелось отомстить за себя или ближнему, тому только стоило обвинить его в чародействе, и он подвергался наказанию... Подсудимого спасало только одно – если он решился взять рукою кусок раскаленного железа ¹¹⁴ из горящего огня» [29, с. 25]. Марфу, сестру будущего императора Михаила Палеолога, по такому обвинению подвергли ужасному мучению – посадили в мешок со злыми царапающимися голодными кошками. Преследованию за «чародейство» подвергались в основном люди знатные, так как Феодор II, как и его отец, видел в усилении местной знати угрозу сильной императорской власти и всеми силами старался этого не допустить. «Для своих сановников [Феодор II. – С.Д.] казался... властелином тяжелым, потому что назначал людям должности и удостоивал их надлежащих почестей, смотря не на благородство происхождения и родственные связи с царским домом, а на личные качества. Кто был с ним в родстве и одной крови, тому,

по мнению царя, уже довольно было и этого преимущества (Пах., [29, с. 30]. Наиболее влиятельные при нем люди – великий стратопедарх Георгий Музалон, а также великий логофет и наместник во Фракии Георгий Акрополит – были не слишком высокого происхождения.

Феодор II вел не слишком успешные войны в Европе с болгарами и деспотом Эпира, Михаилом II Ангелом. Большинство завоеваний Ватаца его сын сохранил, но кое-что потерял, особенно в конце правления. Михаил Болгарский отнял у Никеи ряд городов в Северной Фракии, а деспот Эпира – почти все западные ее владения до реки Вардар и захватил в одной из крепостей Георгия Акрополита.

Василевс копил деньги, строго взыскивал налоги, а в целях экономии средств казны даже своих сокольничих зачислил в войско и уменьшил плату наемникам.

Умер Феодор II 16 августа 1258 г. Эпоха Никейской империи и мудрых Ласкарисов, строителей греческого национального государства, по сути дела, завершилась. Далее, несмотря на отдельные (и часто немалые) успехи, империю ждали сокрушительные удары врагов, раздробленность, гражданские войны и крах...

Михаил VIII Палеолог

(ок. 1224 – 1282, имп. с 1259 в Никее, с 1261 – в Константинополе)

Основатель последней византийской династии Михаил VIII происходил из рода Палеологов ¹¹⁵, известного с середины XI столетия. За два века Палеологи сумели породниться почти со всеми императорскими семьями Византии, и полным именем новый василевс гордо величался как Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог. Сын наместника Фессалоники, он с юных лет вращался в сфере никейской аристократии, и, будучи человеком крайне хитрым, изворотливым, умевшим внушать – смотря по надобности – и страх, и любовь, Михаил приобрел значительное влияние еще при Иоанне III. В 1252 г. во время похода Ватаца во Фракию пронесся слух, что Палеолог затевает мятеж. Возвратившийся с полпути император приказал произвести дознание. Митрополит филадельфийский Фока, известный недруг обвиняемого, предложил испытание огнем. Однако последний со свойственным ему остроумием нашел оригинальный выход. «Это должно быть нечто святое, – заявил он обвинителям, – а я человек грешный и не могу творить чудеса». Впрочем, прибавил Палеолог, если святой митрополит сам вложит ему раскаленное железо в руку, то он, Михаил, отважится его принять. Фока поспешил отказаться от такого предложения, а василевс вскоре снял обвинение, удовлетворяясь честным словом Михаила.

В 1256 г., назначенный во время отлучки Ласкариса наместником столицы, Михаил вдруг неожиданно бежал к туркам якобы из опасения перед угрозами императора в свой адрес. Василевс вынужден был торжественно дать ему гарантию личной безопасности. Палеолог вернулся, и царь возвел его в сан великого коноставла. Умирая, Феодор II потребовал с высших сановников, в том числе и с Михаила, присягу на верность малолетнему Иоанну IV и его опекунам. Коварный Палеолог не сдержал слова (см. «Иоанн IV»). После уничтожения Георгия Музалона и его братьев – наиболее

видных своих противников – Михаил, по сути дела, беспрепятственно сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Осенью 1258 г. он уже деспот, а в начале января 1259 г. патриарх Арсений венчал Михаила Палеолога на никейский престол.

Провозглашение императором Михаила не было случайным. Он целенаправленно стремился к власти, причем развернул целую предвыборную кампанию, всем обещая все: «возвысить церковь... достойнейших сановников украсить величайшими титулами; устроить справедливое решение всех дел в судах... почтить также ученость и людей ученых возвысить над другими; более всего любить войско и содержание воинов [т.е. и прони. – С.Д.] – пали ли они в битве или умерли дома, передавать их детям... не давать места наговорам, отменить по этому поводу поединки, отменить и [раскаленное] железо... Гражданскую же жизнь оградить чуждым страхом миром...» (Пах., [29, с. 84]).

Вступив на трон, узурпатор стал сорить деньгами и землями, заискивая перед простым народом и подкупая знать. Он увеличил прони и признал их наследственными, сделав тем самым шаг от централизованного государства к раздробленности. Сразу же после коронации Михаил VIII женил своих братьев на знатных невестах, «... чтобы посредством брачных союзов привлечь на свою сторону дома главных сановников империи (Пах., [29, с. 88]. ...Что же касается войска и народа, то людям военным назначил он ежедневное довольствие, выполнил все, что обещано было им хрисовулами... А народу услужил он тем, что отворил тюрьмы, снял с должников казенные недоимки... защищал обиженных и вознаградил их своей щедростью, так что едва поступала на кого жалоба, тотчас был готов царский указ, повелевавший удовлетворить желание просителя; хотя через два года все эти указы были отменены... Палеолог исчерпывал казну обеими руками и мотовски расточал то, что собираемо было скряжнически» (Пах., [29, с. 88 сл.]).

Все эти меры несколько упрочили положение Палеолога, но для окончательного утверждения на троне требовалась

победоносная война. Михаил II Ангел Эпирский, словно угадывая желание своего тезки, организовал антиникейскую коалицию и сам дал василевсу повод к началу открытого конфликта. Внешнеполитическая ситуация в то время явно сложилась в пользу Никеи. Константинопольский император Балдуин II, в равной степени опасавшийся и никейского, и эпирского войска, держал нейтралитет. С турками Палеолог сперва заключил договор о дружбе, а затем и вообще укрыл в Никее иконийского султана, бежавшего вместе с казной, гаремом и слугами от мятежей подданных и монгольской оккупации. Не упустил василевс и случая заручиться поддержкой влиятельных греков Константинополя, в расчете на скорый его захват раздавая им деньги и хрисовулы с различными обещаниями.

Весной 1259 г. севастократор Иоанн Палеолог, брат императора, нанес мощный удар по северо-восточным владениям эпирского деспота. Сочетая военные предприятия с дипломатическими интригами против Эпира, Палеолог добился главного – союз, созданный Ангелом, затрещал по швам. Осенью, когда у Пелагонии (во Фракии) для решающей битвы сошлись армии двух Михайлов, в рядах противников никейцев царили раздоры и взаимное недоверие. Измотанные стычками с конницей севастократора Иоанна и соблазненные блеском вражеского золота, отряды Ангела проиграли сражение до его начала. Михаил II и его сын Никифор бежали с поля боя, не дожидаясь исхода, Иоанн Фессалийский, побочный сын деспота, со своими влахами так и не вступил в схватку. Расплачиваться за хитрых греков пришлось союзникам-«франкам». Рыцари сицилийского короля Манфреда и тяжелая конница Гийома де Виллардуэна, князя Ахайи, бесславно погибли, а их предводитель князь Гийом попал в плен. В конце года никейцы заняли Арту – столицу деспотата. Их жестокость спровоцировала мощное народное восстание, вскоре Михаил II Арту вернул, но мирный договор, заключенный им с Палеологом, был для Эпира крайне невыгодным.

Расправившись со своим главным внешним врагом, Михаил VIII всерьез начал подумывать о захвате Константинополя.

Весной 1260 г. была проведена рекогносцировка – его солдаты овладели Силимврией. Фракийскую территорию Латинской империи можно было окинуть взглядом с башен ее столицы, но осторожный Палеолог не осмелился на штурм и отступил в Малую Азию.

Стремясь обеспечить себе господство на море, Михаил VIII заключил соглашение с основным конкурентом Венеции ¹¹⁶ – Генуей. Итальянский флот так и не понадобился, но генуэзская колония в Галате была-таки впоследствии основана и два века отравляла существование реставрированной Византии, всячески вмешиваясь в ее политику, а порой и воюя против империи.

Летом 1261 г. василевс греков послал своего военачальника кесаря Алексея Стратигопула с восемьюстами половецких конных лучников совершить военную демонстрацию близ константинопольских стен. У местных жителей Стратигопул выяснил, что недавно прибывший в город новый венецианский подеста уговорил латинян совершить набег на остров Дафнусий – одно из владений никейского императора и что войск в Константинополе нет. В ночь на 25 июля патриоты-горожане тайком провели через проходы в обветшалых городских стенах нескольких храбрецов Алексея. На рассвете стража у ворот Пиги была молниеносно ими перебита, и весь отряд никейцев ворвался в Константинополь. Получив известие о событиях в столице, Балдуин II и венецианцы поспешили назад. Стратигопул, сознавая ничтожность своих сил и стремясь избежать боя, поджег дома католиков. Латинское войско бросилось спасать добро из своих пылающих жилищ, не помышляя о каком-либо организованном сопротивлении. Полуодетые женщины и дети в ужасе побежали в гавань, под защиту прибывших кораблей. Никейцы беспрепятственно пропустили их к судам, чтобы те садились на них и плыли куда угодно. Позабыв свои инсигнии – диадему и меч, одним из первых город покинул сам император Балдуин.

Михаил Палеолог был в это время в своей замке Метеории. Император спал, когда его сестра Евлогия вбежала к нему,

крича: «Государь! Ты взял Константинополь! Христос даровал тебе Константинополь!» [26, с. 217].

15 августа 1261 г. василевс торжественно вступил в древнюю столицу через ее Золотые Ворота, а вскоре короновался как автократор ромеев в храме св.Софии. Восстановление Византийской империи, для всех греков неотделимо связанной с Константинополем, свершилось. «Этот акрополь Вселенной, царственная столица ромеев, бывшая, с соизволения Божия, под властью латинян, снова очутилась под властью ромеев. Это дал им Бог через нас [т.е. самого императора. – С.Д.]» , – хвастался в дошедшей до нас автобиографии Михаил Палеолог [51]. Синклит утвердил за Алексеем Стратигопулом на целый год право требовать почести, отдававшиеся императору. В стране царило ликование. Однако наиболее дальновидные сокрушались, говоря, что как раз теперь-то все и погибло. И как ни странно, эти последние оказались правы. Палеологи вновь извлекли на свет Божий пребывавшие в справедливом забвении универсалистские идеи, но груз «Богохранимой Империи ромеев», повелительницы мира, восстановленной Византии оказался не по плечу – и раздавил ее.

Константинополь представлял собой плачевное зрелище. «Ничто иное, как равнина разрушения, наполненная обломками и развалинами», – писал позже Никифор Григора [63, с. 83]. Город, бывший еще не так давно крупнейшим среди христианских городов, лежал в запустении – огромные пространства внутри стены поросли травой, всюду пасся скот, и жители разводили овощи на месте когда-то многолюдных улиц и площадей. Население столицы сократилось до нескольких десятков тысяч человек. Вместе с тем, по масштабам тогдашней Европы, Константинополь оставался одним из крупнейших ее городов. Но от Михаила VIII восстановление столицы, куда потянулись вместе с никейским двором потомки изгнанных латинянами, потребовало колоссальных затрат. Номисма первого Палеолога более чем на треть состояла из лигатуры. Налоги с сельского населения возросли, и уже в 1262 г. в ответ вспыхнул крестьянский бунт в

Вифинии. Внутренняя политика Палеологов (быстро разрушивших многое из того позитивного, что было сделано их предшественниками – Ласкарисами), начиная с первого представителя этой династии, неумолимо ослабляла греческую державу.

Немало сил начали отнимать у империи и ее внешние враги. После взятия Константинополя антивизантийские коалиции стали возникать как грибы после дождя не только на Балканах, но и по всей католической Европе. Даже недавний союзник греков генуэзский подеста Гверчио пытался наладить связи со злейшим врагом империи, сицилийским королем Манфредом, за что разгневанный василевс приказал на три года изгнать всех итальянцев за пределы столицы. Не прекращал своих интриг и эпирский деспот, в 1265 г. номинально признавший сюзеренитет империи. Опасаясь нового крестового похода, Михаил VIII решил пойти на заключение унии с католической церковью. 6 июля 1274 г. посол василевса ко двору папы Григория X Георгий Акрополит на соборе в Лионе прочел католический символ веры – Credo. Фактически эта уния представляла собой просто ряд уступок папству. Патриарх Иосиф I отказался ее утвердить наотрез, большая часть клира поддержала владыку. В ответ император прибег к террору. Наиболее авторитетный богослов той поры хартофилак Иоанн Векк и многие высшие чины государства и церкви, даже родственники государя, были посажены в тюрьмы. Кое-кто, побыв «в камере, согласился изменить свои убеждения. Среди таких «новообращенных» оказался Векк, которого император вскоре возвел на патриаршество.

Настойчивость Михаила VIII в деле насаждения унии в какой-то мере объяснялась и его крайне натянутыми отношениями с православной церковью, оппозицию которой он намеревался сломить с помощью нового веяния. Дело в том, что после взятия Константинополя Палеолог ясно показал, чего стоили все его клятвы в отношении Иоанна IV Ласкариса. После ослепления мальчика-царя возмущенный патриарх Арсений подверг автократора церковному отлучению. В 1265 г.

император лишил трона строптивного патриарха, но его преемника Германа большая часть духовенства не признала. Сменивший Германа Иосиф I длительное время отказывался снять наложенную на василевса епитимью, и сделал это лишь после унижительной для монарха процедуры, когда тот ползал на коленях перед патриархом и публично каялся в своих грехах.

Попытку унии со «схизматиками», память о владычестве которых была еще так свежа, византийское общество отвергло практически единогласно. Церковные устремления Михаила VIII поддержала лишь малая часть интеллигенции. Репрессии возбуждали ненависть народа к патриарху Векку и императору – «второму Юлиану». Начались волнения и эмиграция населения из столицы. Католическая церковь, в свою очередь, не выполнила взятых обязательств – в той части, которая касалась прекращения антивизантийской кампании на Западе и раздувания ненависти к греческой империи. В результате к началу 1280-х гг. Михаил VIII сам прекратил попытки насадить «единение». Западное духовенство незамедлительно обвинило императора в провале унии, а папа Мартин IV в 1281 г. отлучил его от церкви – на этот раз католической – и открыто призвал к крестовому походу на Византию.

К тому времени военно-политические мероприятия Палеолога в какой-то мере стабилизировали положение империи. Он сумел отвоевать острова Наксос, Кос, Карист, захватил высоты Пелопоннеса близ Монеувасии, Мистру. В 1278 г. греки выиграли очередную войну с Ангелами и заключили союз с Болгарией. Но антивизантийский союз, включавший Рим, Неаполь и Венецию, возглавленный папой и сицилийским королем Карлом I Анжу, все-таки возник. И хотя уже в 1281 г. войско анжуйского полководца Руссо де Сюлли было выбито из Фракии великим доместиком Михаилом Тарханиотом, ситуация в начале 1280-х гг. сложилась драматическая. Однако умелый политик Михаил VIII сумел обеспечить Византии весьма мощного союзника в лице арагонского короля Педро III. Случившееся 31 марта 1282 г. не без влияния Арагона народное восстание в Южной Италии,

известное как «Сицилийская вечерня», которое закончилось избиением и изгнанием анжуйцев, лишило Карла возможности вмешиваться в дела на Балканах.

Император выдал двух своих незаконнорожденных дочерей за татарских правителей Абагу и Ногая, рассчитывая на возможную помощь византийцам кого-либо из них (Абага и Ногай враждовали). И действительно, монгольские отряды нередко воевали в составе армии Михаила.

Очевидные внешнеполитические успехи, достигнутые империей при Михаиле VIII, к концу его правления обернулись полным ее финансовым банкротством. Плата за возрождение Великой Византии оказалась слишком тяжела. Малая Азия за два десятка лет достигла катастрофической степени нищеты, сословие акритов, обложенное поборами, по сути дела, прекратило существование, войны в Европе поглотили имперские войска, и система обороны рубежей, созданная Ласкарисами, рухнула. Турки завоевывали малоазийские районы с ничтожными для себя потерями, а порою просто колонизируя опустевшие территории. Восточная граница стремительно покатила на запад. Окруженная со всех сторон врагами, Византия подходила к началу XIV столетия...

Состарившись, Михаил VIII превратился в жестокого и подозрительного тирана. По самым разным, зачастую просто вздорным обвинениям лишались жизни придворные да и простые граждане. Эйфория реставрации империи прошла, в столице царили запустение и голод. На смену восхищению императором пришла ненависть. Когда 11 декабря 1282 г. василевс, находясь во Фракии при идущем на очередную войну с латинянами войске, скончался, его сын Андроник, опасаясь беспорядков, даже не посмел организовать отцу торжественные похороны.

Спустя почти семьдесят лет историк Никифор Григора написал о Михаиле VIII следующее: « С природной кротостью лица он соединял в себе сановитость и повелительный вид, крепость телосложения и опытность в воинских делах... Если бы он хотя на короткое время сдержал в себе нетерпеливость, если бы соблюл свой язык от клятвопреступлений, а руки от крови,

если бы наконец не решился на нововведения в церкви, то, без сомнения, далеко оставил бы за собою всех своих царственных предшественников во всем, что превозносят похвалами...» [63, с. 148–149].

Иоанн IV Ласкарис, Андроник II Палеолог Старший

Иоанн IV Ласкарис (1250 – ок. 1305, имп. в 1258 – 1261)

Умирая, Феодор II Ласкарис оставил восьмилетнему сыну Иоанну в качестве опекунов Георгия Музалона и, по традиции, патриарха Арсения. Почувствовав, что сдержать магнатов, осмелевших после смерти властного Феодора II, он не сможет, Музалон попытался отказаться от регентства. Мегадука Михаил Палеолог намеренно убедил синклит не принимать отставки, расхвалив опекуна в лъстивых речах.

На девятый день поминовения Феодора II, на панихиде в Сосандрском монастыре, Георгий Музалон и два его брата были окружены наемниками великого коноставла в церкви и там же по его приказу зарублены. Новый опекун, Михаил Палеолог, вскоре сам провозгласил себя императором и короновался, а торжественное венчание на царство Иоанна IV было отложено. Патриарх поставил условие, что по достижении совершеннолетия Ласкарис станет автократом.

Однако этого не случилось. После взятия Константинополя Михаил VIII Палеолог короновался вторично, а затем по его приказу одиннадцатилетнего Иоанна Ласкариса ослепили и сослали в один из укрепленных замков Вифинии. Во время крестьянского мятежа 1262 г. некий слепой юноша выдавал себя за императора. Настоящий Иоанн IV бежал в 1272 г. к Карлу Анжуйскому, но впоследствии вернулся. Император Андроник II, преемник Михаила VIII, отнесся к нему хорошо. В середине 1280-х гг. Андроник встретился с Иоанном. Последний подтвердил свой отказ от прав на трон и простил Андронику грех его отца.

Андроник II Палеолог Старший (ок. 1260 – 1332, сопр. с 1272, имп. в 1282 – 1328)

Сыну Михаила VIII Андронику не только не удалось сдержать развал империи, но скорее наоборот – современникам казалось, что при этом добром и отзывчивом, но слабом государе вернулись времена Ангелов.

В первые годы царствования Андроника II натиск врагов на Византию ослаб. В это относительно спокойное время василевс занялся церковными делами. Он торжественно провозгласил отказ от унии, патриаршую кафедру взамен низложенного Иоанна XI Векка снова занял Иосиф I. Но борьба церковных партий «иосифлян» – сторонников патриарха и «арсенитов» – тех, кто не мог забыть низложение Арсения и обвинял Иосифа в узурпации власти, продолжала лихорадить общество. Для примирения неугомонных клириков пришлось созвать специальный собор в Адрамиттии.

Откровенно говоря, Андронику II не везло с патриархами, которых при нем сменилось рекордное количество – десять (учитывая интронизовавшихся дважды). После скорой смерти Иосифа престол занял Григорий II Кипрский (1283 – 1289). Низложенный Векк развернул пропагандистскую кампанию против нового владыки. Так как Иоанн был много образованней Григория, ему удалось обвинить «прожорливого кита, восставшего с берегов Кипра», в невежестве, и тот со стыда оставил кафедру. Новый патриарх Афанасий I (1289 – 1293 и 1303 – 1309) оказался чересчур суров. Он выслал в свои епархии всех провинциальных епископов, наслаждавшихся прелестями столичной жизни, потребовал запретить работу в воскресные и праздничные дни мест излюбленных развлечений народа – кабаков и бань. Кроме того, Афанасий не умел закрывать глаза на факты неблагочестивого поведения столичной аристократии и направо и налево раздавал строгие епитимьи. В припадке ярости он даже написал грамоту об отлучении «за разврат» всех (!) жителей Византии от церкви – эту грамоту позже случайно нашли в тайнике храма св.Софии. В

конце концов между двором и патриархом назрел конфликт, и главой константинопольской церкви в 1294 г. стал полуграмотный священник Иоанн XII Косьма. В 1303 г. этот малозначительный патриарх умер, на престол до 1309 г. возвратился не изменивший своих убеждений Афанасий. Полной противоположностью ему оказался Нифонт (1310 – 1314), человек не только совершенно необразованный (не умел своей рукою написать даже букв азбуки), но вдобавок алчный, женолюб и горький пьяница. Терпение василевса лопнуло, когда ему донесли, что патриарх ворует церковное добро – влекомый ненасытной жадностью, высший иерарх православия сдирал с икон драгоценные оклады и продавал их. За такие «художества» Нифонта с позором изгнали, но его преемник – культурный, образованный и спокойный Иоанн XIII Глика (бывший прежде логофетом дрома) скончался всего через четыре года; полуглухой от старости Герасим I (1318 – 1321) и Исайя (1323 – 1332) прославили себя исключительно своими интригами в пользу врагов императора.

Андроник II находил гораздо больше прелести в занятиях литературой и музыкой, нежели в грохоте сражений, а высшие государственные посты при нем занимали люди сугубо гражданские – например, астроном и физик Никифор Хумн и философ Феодор Метохит. Делами армии заведовал воинственный сын и соправитель автократора Михаил IX Палеолог. Современники отмечали телесную красоту, величественность и несомненную одаренность Андроника П. Он покровительствовал наукам, открыл в Константинополе «Царскую школу» – подобие университета, при его дворе в чести были просвещенные люди.

В 1297 г. византийцы заняли Диррахий, и это стало их последним военным успехом при Андронике Старшем. Около 1300 г. он вмешался в конфликт между Венецией и Генуей на стороне последней. Генуэзцы потерпели поражение, и Палеологу пришлось уплатить значительную контрибуцию венецианцам. В начале XIV столетия у империи появился еще один грозный западный враг – король Франции Филипп IV Красивый. Французский монарх замыслил

организовать новый крестовый поход против Византии, и, хотя дальше планов не пошло, послушный его воле папа Климент V в 1307 г. отлучил Андроника от церкви.

Как и отец, Андроник II поддерживал мир с монголами. Его дочь Мария стала женой хана Тохты.

Слабая и плохо обеспеченная (оприметливо полагая, что лучше будет сберечь казну, Андроник II уменьшил содержание морских и сухопутных вооруженных сил до минимума), византийская армия оказалась не в состоянии справиться с набегами турок и сербов. Император решил нанять крупный воинский контингент за рубежом, посчитав, что наемники обойдутся дешевле организации своих войск. По всей Европе тогда гремела слава о каталонской тяжелой пехоте, альмугаварах, чьи спаянные суровой дисциплиной отряды обладали высокими боевыми качествами. К ним и обратился император, пообещав за услуги высокую плату. В 1303 г. рать каталонцев во главе с кондотьером Рожером де Флор прибыла в Константинополь. Переправившись в Малую Азию, каталонцы в нескольких сражениях уничтожили огромные силы турок, и обескровленные полчища мусульман отхлынули на восток. Однако скупой платит дважды – всю громя «османов», Рожер де Флор стал буквально терроризировать императора требованиями денег и земель. Каталонцы же фактически организовали свое самостоятельное государство на малоазиатских землях империи, не проявляли ни малейшего намерения подчиняться ее властям и творили всяческие насилия над греками. После убийства неистового вымогателя де Флора (см. «Михаил IX»), по словам Григоры в деле грабежа превосходившего самых знаменитых разбойников, между каталонцами и ромеями вспыхнула война. Несмотря на то, что альмугаваров было немногим более трех тысяч, они разорили европейское побережье Пропонтиды и на этом не успокоились. Наняв в помощь турок, каталонцы перебрались во Фракию и в короткий срок опустошили ее так, что там не осталось не только земледельцев, но и плодовых деревьев. Покинув пределы Византии около 1308 г., разбойники направились в Среднюю Грецию и обосновались на землях Афинского герцогства.

Измученная этой глупой войной, Византия не смогла спасти Родос, захваченный в 1310 г. рыцарями-иоаннитами, и Брусу, отнятую турками.

Свою лепту в разграбление страны вносили и императорские чиновники. Сбор и без того высоких налогов был отягощен многочисленными злоупотреблениями, и царские практоры, увозя из ограбленных сел и городов деньги, оставляли там людей, ненавидевших Андроника II. Григора писал, что царь «нашел нужным увеличить ежегодные поборы со своих подданных, чтобы часть ежегодно употреблять на разные нужды, а другую потратить на врагов-соседей и на нее покупать мир с ними. В этом случае он поступал точно так, как если бы кто, желая подружиться с волками, перерезал бы себе во многих местах жилы и позволил волкам пить его кровь и насыщаться» [63, с. 308 – 309]. При этом нехватка золота вынудила Андроника II снизить его содержание в номисме до половины еще в 1295 г.

К старости характер самодержца испортился и он стал подозрителен и жесток. Брата Константина император уморил в тюрьме, а в 1321 г. решил погубить и наследника престола, своего порочного внука Андроника Младшего. Василевс пригласил последнего на прием и в присутствии высших сановников государства обвинил его в тяжком грехе «неправославия». Уже готовы были цепи, чтобы заковать младшего Палеолога, но тут императору сообщили, что дворец окружен почуявшими неладное солдатами одного из друзей внука – Иоанна Кантакузина. Превосходный актер, Андроник II со слезами стал обнимать наследника, убеждая его «исправиться», и превратил сцену обвинения в сцену прощения. Но автократ не оставил надежды расправиться с родственником. Напрасно великий логофет Феодор Метохит убеждал его прекратить распрю. По вине строптивого деда конфликт между двумя Андрониками перерос в гражданскую войну, длившуюся семь лет. Эта война довела и без того истощенную страну до совершенно плачевного состояния, а в 1325 г. император вынужден был, изыскивая средства, продать западным купцам часть своих украшений.

В 1328 г., после окончательной победы Андроника Младшего, низложенный Андроник II был оставлен в столице с мизерным содержанием от казны. Год спустя экс-император ослеп, а еще через год Андроник III заставил деда принять схиму во избежание козней с его стороны. «Я стал чужим для братьев моих ... друзья мои и ближние восстали против меня», – словами 68-го псалма жаловался старший Палеолог немногим верным слугам [63, с. 437]. Скончался он 13 февраля 1332 г., в крайней бедности, так как то немногое, что имел, успел раздать своим обнищавшим сподвижникам, превратившимся при Андронике III из богачей в таких же ненужных опальных стариков, как и он сам.

В царствование Андроника II в 1291 г. пала последняя цитадель крестоносцев в Палестине, крепость Акра (Сен-Жан д'Акре).

Михаил IX Палеолог, Андроник III Палеолог Младший

Михаил IX Палеолог (1277 – 1320, сопр. с 1295)

Сын и соправитель Андроника II Михаил был храбрым воином, но бесталанным полководцем. Посланный в 1302 г. против турок с шестнадцатитысячным войском, он потерпел при Магнесии тяжелое поражение. В апреле 1305 г. сын вождя аланов, служивший в ромейском войске, мстя за убийство отца, буквально на пороге императорской палатки зарезал предводителя каталонских наемников Рожера де Флор. Михаил IX если не сам был организатором покушения, то, по крайней мере, ничем не выразил своего недовольства, чего каталонцы ему не простили. Посланный усмирять их буйство во Фракии, Михаил – в который раз – был разбит и сам при этом ранен.

В государственные дела, не касавшиеся армии, Михаил IX практически не вмешивался. Умер он в Фессалонике 12 октября 1320 г., не выдержав известия о трагической гибели старшего сына Мануила (см. «Андроник III»).

Андроник III Палеолог Младший (1297 – 1341, имп. с 1325, факт. с 1328)

Сын Михаила IX Андроник был некогда любимым внуком императора Андроника II. В юные годы младший Палеолог проявлял большую склонность к мотовству и разгульной жизни. В конце концов он оказался в долгах у генуэзских банкиров, а его скандальные любовные похождения гремели по всей столице. Распутство цесаревича привело к печальному результату. Однажды, узнав, что у его любовницы завелся некий таинственный поклонник, Андроник приказал слугам расправиться с ним. Темной ночью незнакомца подстрелили из арбалета у порога дома оспариваемой женщины. Убитым оказался Мануил Палеолог, наследник трона и старший брат Андроника. Эта трагическая история свела в могилу Михаила IX, и император Андроник II, потеряв разом и сына, и наследника, отвратился от виновника их смерти. Он приставил к внуку официального соглядатая – военачальника Сиргиана. Последний, некогда обиженный василевсом, начал подбивать своего воспитанника к восстанию. Тот же, снедаемый властолюбием, без труда поддался на уговоры. Весной 1321 г., едва избежав тюрьмы, наследник скрылся из столицы в Адрианополь и поставил перед дедом ряд условий. Он потребовал себе полноту власти в Северной Фракии, а также деньги, обязуясь взамен охранять рубежи Византии от сербов и болгар. Андроника Младшего поддержала военная знать империи – доместик Запада Алексей Апокавк, Сиргиан, наместник Западной Македонии Феодор Синадин и, наконец, один из влиятельнейших магнатов страны великий доместик Иоанн Кантакузин. На стороне Андроника Младшего оказалось и местное население Фракии, так как мятежники отменили введенные императором высокие налоги. Поставленный в безвыходное положение, Андроник II согласился. Вскоре среди мятежников начались разногласия, в результате чего Сиргиан с внушительными силами вернулся в Константинополь. Понадеявшись на войско перебежчика,

Андроник Старший воспрянул духом и отказался соблюдать условия мира с внуком. Но уже весной 1322 г. император потерял почти всю Фракию и Македонию. В руки Палеолога-младшего перешла Фессалоника.

Летом 1322 г. дед примирился с внуком, и по обоюдному согласию Палеологов дважды переметнувшийся Сиргиан оказался в темнице. Андроник Младший, получивший 36 000 гиперпиронов для себя и 45 000 – для своего войска, надежно закрыл границы империи от северных соседей, а в 1324 г. справился с татарской ордой, пытавшейся форсировать Дунай. В одной из стычек с неприятелем он был серьезно ранен.

В 1325 г. Андроник II объявил внука соправителем. Оправившись от ран, молодой император занялся охотой и иными развлечениями. Он содержал тысячу конных ловчих, а у казны не хватало средств обеспечить всем необходимым три тысячи каваллариев и двадцать боевых кораблей! Пьяные оргии Андроника III быстро истощили его кошелек, и фракийское войско стало голодать. Автократор наотрез отказался оплачивать кутежи легкомысленного соправителя, и он повел подчиненные отряды на Константинополь. Столичные граждане столь явно выказали нежелание впустить мятежников в город, что Андроник III отступил. Между войсками двух императоров возобновились стычки. Императоры обменивались инвективами – младший говорил, что дед не способен оборонять страну от врагов, а старший возмущался тем, что приходится иметь дело с соправителем, который ничего не хочет знать, кроме забав с ловчими птицами да собаками.

22 мая 1328 г. Андроник III подошел к столице. В ночь на 24 мая его сторонники внутри города открыли ворота, и, когда успокоенный речами Феодора Метохита Андроник II укладывался спать, солдаты его родственника и врага уже шагали по Месе.

Став автократором, Андроник III дал волю своим наклонностям. Человек это был, несмотря на известную образованность и ум, невозддержанный и буйный. Отличаясь воинственностью, он не раз лично водил в бой конницу, а на

своих монетах приказал изобразить себя в доспехах. Андроник III тяготился придворным этикетом, был очень самонадеян и верил в расположение к себе Бога до такой степени, что, уповая на него, воздерживался от услуг телохранителей. До 15 000 иперпиронов ежегодно он издерживал на охоту (после смерти Андроника Иоанн VI отменил эти траты).

Реальное управление страной император разделил между собой и Кантакузинами – Иоанном и его матерью Феодорой. Год спустя после захвата власти василевс отправился на Восток выручать Никею, осажденную турками османского эмира Урхана. 10 июня 1329 г. в Малой Азии в бою при Филокрене войско Андроника III было разбито. Правда, на обратном пути императору удалось утвердиться на острове Хиос.

Зимой 1330 г. Андроник III опасно заболел. Его мать Ксения и Сиргиан при слухах о возможной кончине василевса бежали, опасаясь Кантакузинов, в Фессалонику и заняли город. Однако император поправился, мятежники сложили оружие, а высвободившиеся войска были посланы воевать с Болгарией. На протяжении десяти последующих лет империя вела частые и кровопролитные войны во Фракии и Эгейском море, уже не пытаясь восстановить своего влияния в Малой Азии, где в марте 1331 г. пала безуспешно взывавшая к правительству о помощи Никея, а шесть лет спустя – Никомидия. Византия быстро превращалась в державу Балканского полуострова. Андронику III удалось присоединить к империи о.Лесбос (1336), Эпир (1337), отстоять границы от разорительных набегов сербского властителя (деспота) Стефана Душана. В 1336 г. Палеолог распорядился срыть укрепления Галаты. Эти успехи, однако, были весьма непрочными. Владения империи в Европе постоянно тревожили соседи, в первую очередь сербы, а на другом берегу Пропонтиды грозная османская держава с каждым годом набирала силу, и, несмотря на разгром в 1337 г. крупной военной экспедиции турок, их набеги на Фракию стали систематическими. Могильщик Империи ромеев готовился шагнуть в Европу...

В атмосфере постоянной бедности, войн и междоусобиц в интеллектуальной жизни Византии стал преобладать мистицизм в одной из самых завершенных его европейских форм – исихазме ¹¹⁷ (от греческого исихиа – безмолвие, покой, отрешенность). Истоки этого учения и аскетической практики возникли еще в раннем средневековье в монашеских обителях Египта и Сирии. В начале XIV в. монах Георгий Синаит возродил исихазм на Афоне. Основой практики исихазма служила идея погружения в себя и слияния с Богом через мистическое озарение. Достигалось такое состояние путем долгой тихой молитвы, повторяемой много раз подряд, в сочетании с особой позой, регулировкой дыхания и кровообращения, что сближало поздний исихазм с йогой. Пламенный ученик Синаита, Григорий Палама (1296 – 1354), расцвет деятельности которого пришелся на конец правления Андроника III, подвел под это учение теоретическую базу. Отталкиваясь от практики аскетов-исихастов, Григорий выработал сложную теолого-философскую систему – паламизм, которая во многом определила интеллектуальную направленность православия.

С позиций рационализма Паламу и его учеников – паламитов критиковал Варлаам родом из Калаврии (1290–1357). Крупный математик (возродивший, например, изобретенный Львом (см. «Михаил III») способ записи численных величин буквами), Варлаам Калаврийский был и философом, чье влияние испытали первые итальянские гуманисты – Петрарка и Боккаччо. Отстаивая примат разума над верой, Варлаам обрушился на исихазм ¹¹⁸. Однако в прениях, состоявшихся на Константинопольском соборе 1341 г., Палама одержал над Варлаамом убедительную победу.

Андроник III умер 15 июня 1341 г., завещав трон сыну Иоанну V, а опеку – своей жене Анне Савойской и Иоанну Кантакузину.

При Андронике III в 1329 г. был учрежден «вселенский суд» из четырех человек с весьма обширными правами – в юрисдикции этого института была вся территория империи и все ее граждане, вплоть до членов императорской фамилии или даже самого государя. При этом любой ромей, будучи

притеснен, мог апеллировать к этому суду. Трудно сейчас наверняка решить, была ли эта мера действенной, но факт существования учреждения с такими полномочиями в эпоху, когда ордалии и феодальный беспредел были нормой жизни окружающих стран, безусловно достоин упоминания.

Иоанн VI Кантакузин

(ок. 1295 – 1383, имп. в 1341 – 1354)

Иоанн Кантакузин и его мать Феодора по знатности и богатству вполне могли соперничать с занимавшими трон Палеологами. Во время гражданской войны 1321 – 1328 гг. Кантакузины долгое время содержали на свои средства армию Андроника Младшего. Центром их владений была мощная фракийская крепость Дидимотика, в округе которой располагались многочисленные замки и поместья этой семьи.

Отстаивая свои интересы, Кантакузин опирался на крупных землевладельцев и собственную исключительно боеспособную армию. «Богато наделенный дарами природы и украшенный глубоким умом, – писал Никифор Григора, – этот человек был любим всем войском; так что не было ни одного воина, который бы не предпочитал его жизнь своей собственной» [63, с. 547].

В самом начале регентства при малолетнем Иоанне V Кантакузин поссорился с временщиком при дворе Анны Савойской, дукой флота Алексеем Апокавком, человеком незнатного происхождения, но благодаря немалым способностям достигшим высокого положения. Когда-то Алексей предлагал Иоанну поднять мятеж против Андроника III, получил отказ и после этого более никогда не доверял Кантакузину. Ссора привела к вспышке интриг при дворе, обстановка вокруг юного василевса и его матери сложилась крайне нервная, и Кантакузин уже подумывал было отказаться от регентства, благо и так его влияние в Византии было значительным. Апокавк тем временем подготовил самый настоящий путч. В одну из ночей дома многих знатных сторонников Иоанна Кантакузина в столице были разграблены солдатами и хорошо организованными группами горожан, а сами они погибли или оказались в тюрьме. Иоанну удалось бежать в Дидимотику, и там 26 октября 1341 г. он был провозглашен императором собравшимися крупными землевладельцами, просившими его защиты от Апокавка.

Современники и сам Кантакузин утверждали, что согласился он на это безо всякого желания, так как властолюбием был чужд и при своем и без того громадном могуществе не видел смысла брать на себя опасный груз правления ромейской державой.

Иоанн Кантакузин обладал многими достоинствами. Энергичного и неглупого, его можно несомненно признать самым незаурядным византийским государем XIV столетия, да и, наверное, всей Византии Палеологов. Остается лишь сожалеть, что в силу многих причин таланты этого монарха в конечном итоге не принесли Византии добра.

Апокавк, ставший главным лицом в правительстве Анны Савойской, организовал коронацию малолетнего Иоанна V (19 ноября 1341). Спустя некоторое время стычка двух придворных группировок превратилась в войну, по распространенному среди позднейших историков мнению имевшую отчетливо классовый характер. На стороне Палеолога оказались чиновники, городская знать, торгово-ремесленные круги, Кантакузина поддерживали крупные землевладельцы. Сложилось противостояние, типичное для европейского средневековья ¹¹⁹.

Так как сам Иоанн VI Кантакузин принадлежал к числу исихастов, ситуацию усугубила вновь вспыхнувшая церковная борьба.

В стране, окруженной со всех сторон врагами, началась гражданская война – самая тяжелая и разорительная за всю ее историю.

В результате новых погромов в Константинополе дворцы кантакузини-стов, незадолго до того пострадавшие, были сожжены. К весне 1342 г. землевладельческая знать была изгнана из двух следующих крупнейших городов империи – Фессалоники и Адрианополя. Оформился выраженный антифеодальный (учитывая традиции империи, лучше назвать его антидинатским) союз городов, крестьянства с законной императорской властью, которую представляло правительство Анны Савойской. Со временем народные выступления зачастую стали проходить под лозунгом избиения всех богачей. В стране началась революционная анархия. Сам Иоанн VI уже на склоне

лет писал в своей «Истории»: «Многие хотели использовать это движение народа в собственных интересах. Многие же, которым должны были деньги, обвинялись должниками в кантакузинизме ... Восставшие состояли из бедняков и грабителей. Побуждаемые бедностью, они решались на все и толкали к этому народ, лицемерно показывая свое расположение к Палеологу и называя себя его вернейшими слугами. Как будто злокачественная, ужаснейшая болезнь охватила всю империю ... Те, кто ненавидел Кантакузина и выступал против него с обвинениями и проклятиями, считались верными гражданами ... Все благоразумные, умеренные речи тотчас брались под подозрение» [3, с. 274].

В Фессалонике власть оказалась в руках общественного движения «зилотов» – «ревнителей», отстаивавшего интересы торгово-ремесленных кругов. Во главе города встали архонты Михаил Палеолог и родственник (сын или брат) Алексея Апокавка, Иоанн. Наиболее влиятельные зилоты принадлежали к интеллигенции и средним горожанам. Богатые граждане и монастыри подверглись с согласия народа секвестру в пользу неимущих и на нужды казны. «Что особенного, – писал кто-то из зилотов, оправдывая конфискацию части церковного имущества, – в том, что, взяв от монастырского достояния, прокормим нескольких бедняков, да и священникам [церквей, не имевших земель. – С.Д.] доставим нужное и украсим храмы? Не будет от этого вреда обителям, для их нужд останется довольно, и не будет нарушена воля жертвователей, имевших в виду угодить Богу и прокормить бедных ... Если же на эти доходы мы вооружим воинов, которые идут на смерть за эти святыни, законы и [городские] стены, то разве это не лучше, чем если бы монахи и священники тратили их вотще ...» [231, т. III, с. 713].

Первое время ошеломленные всеобщей ненавистью Кантакузин и его соратники пытались договориться о мире. Иоанн VI вел себя удивительно корректно, признал Анну и ее сына, и свои декреты всегда подписывал и их именами. Апокавк, напротив, занял непримиримую позицию, даже

парламентеров и послов Кантакузина приказывал убивать или заковывать в цепи.

В 1342 г. после неудачной осады Фессалоники Иоанн VI потерпел несколько серьезных поражений и с остатками своей армии ушел в Сербию, под защиту деспота Стефана Душана. В окруженной врагами Дидимотике осталась править его супруга Ирина. Весной следующего года Кантакузин возобновил наступление на Фессалонику, но взять ее не смог и на этот раз. Его отношения с Душаном ухудшились, сербы перешли македонскую границу, а болгары, пользуясь моментом, осадили Дидимотику. Войска Иоанна VI, прижатые к побережью, готовились погибнуть в сражении, но неожиданно подоспела подмога – три сотни кораблей с наемниками Умура, правителя турецкого эмирата Айдин. В конце осени кантакузинисты и турки перешли в наступление и овладели многими фракийскими городами и замками, разорив их. Несмотря на то что часть сил турок отвлекла морская война, затеянная тогда папой Климентом VI против мусульман, к лету 1345 г. у правительства Анны Савойской остались лишь Константинополь, полуостров Галлиполи и Фессалоника, которая, правда, сильно тяготела к самостоятельности, больше воевала против Иоанна VI, нежели за Иоанна V. Частью опустошенной турками Фракии овладел Кантакузин, а северные и юго-восточные ее области оказались под властью сербов, болгар, турок и всякого сомнительного качества разбойников, имевших собственные войска и не признававших над собой никого. Анна, видя ужасные последствия войны, склонялась к миру с Кантакузином, но Апокавк, для которого признание Иоанна VI равносильно было самоубийству, отказывался. В союзе со своим единомышленником, патриархом Иоанном XIV Калеккой, Алексей прибег к свирепому террору против оставшейся знати и кантакузинистов. Вопреки протестам Анны даже старая Феодора Кантакузина погибла в темнице ¹²⁰.

11 июня 1345 г. Алексей Апокавк пожелал взглянуть на сидящих в тюрьме врагов. Заключенные, воспользовавшись халатностью стражи, набросились на него и убили цепями. В ответ горожане устроили третий, самый сильный погром

знати и их домов в городе. Одновременно начались волнения в Фессалонике, Иоанн Апокавк, желавший сдать город Кантакузину, и сотня его единомышленников, представителей городского нобилитета, погибли. Ни о каком мире с кантакузинистами горожане не желали и слышать. Так как старый союзник Кантакузина Умур прочно увяз в военных кампаниях в Малой Азии (а в 1348 г. погиб там в бою с латинянами), Иоанн VI нашел себе новых соратников. И снова это оказались турки – на этот раз османы под водительством эмира Урхана. Стремясь заручиться его дальнейшей поддержкой, Иоанн VI отдал свою красавицу дочь Феодору в гарем эмира – «неверного и варвара».

21 мая 1346 г. доставленный из Иерусалима патриарх короновал Иоанна VI в Адрианополе, а собравшиеся там епископы объявили низложенным столичного патриарха Калеку «за лишения свободы многих архиереев». Однако Константинополь не собирался сдаваться, сзывая под знамена Палеологов окрестную бедноту. По словам Григория, Кантакузин, не ожидавший такой упорной борьбы, в гневе воскликнул: «Если не я, то и он [Иоанн V] пусть не царствует! Пусть вообще не над кем будет царствовать!»¹²¹ Во Фракию снова хлынули полчища турецких солдат, используемых обеими сторонами, повсюду неся ужас и смерть. Анна, в поисках денег для своих наемников, заложила венецианским банкирам драгоценные камни императорской диадемы (впоследствии Византия так и не сумела их выкупить). Но сопротивлению Палеологов наступал конец. В Константинополе свирепствовал голод, и 3 февраля 1347 г., подойдя к Золотым воротам города, Иоанн VI Кантакузин нашел их открытыми. Проявив достойную твердость, император удержал победившее войско от грабежа и объявил амнистию всем выступавшим против него. 13 мая во Влахернском храме состоялась официальная коронация. Иоанн VI обещал сложить диадему через определенный срок – десять лет.

После утверждения Иоанна VI на престоле исихасты одержали еще одну победу над своими противниками – собор,

избравший нового патриарха Исидора, осудил как еретические взгляды Варлаама и его последователей.

Гражданская война истощила и казну, и средства самого Кантакузина (о его богатствах можно было судить по перечислению убытков: тысячи быков, волов, кобылиц, сотни мулов, верблюдов и многое другое). В императорском дворце столовое золото и серебро сменили олово и глина, в императорской короне вместо камней блестели разноцветные стекляшки. Обезлюдившая Фракия лежала в руинах, на дорогах свирепствовали свои и иноземные разбойники, большинство островов Эгейского моря Византия потеряла. Фессалоника не подчинялась Кантакузину, не признала она и нового патриарха Исидора, а назначенного митрополитом фессалоникийским Григория Паламу жители, настроенные против исихастов, не впустили в город.

Если война двух Андроников серьезно пошатнула империю, то война двух Иоаннов окончательно подрывала ее силы, а в 1348 г. до Византии добралась «черная смерть» - крупнейшая эпидемия чумы, в 1347 – 1353 гг. унесшая в Европе жизни двадцати четырех миллионов человек; империя потеряла до трети своего населения.

В 1349 г. генуэзцы Галаты потребовали для строительства новых укреплений передать им возвышенность за северной стеной Константинополя. Кантакузин, лежавший больным в Дидимотике, передал свой отказ. Тогда галатцы заняли спорный участок, сожгли дома и склады греков на побережье Золотого Рога, а в самой бухте уничтожили верфь и те несколько обветшалых боевых кораблей, которые гордо именовались ромейским флотом. Вернувшийся император созвал собрание виднейших граждан и убедил их пожертвовать деньги – казна была пуста – на строительство нового флота, чтобы обуздать генуэзцев. 5 марта построенные на эти деньги девять кораблей буквально на глазах у горожан были сожжены в морском бою с эскадрой Галаты. Тогда неумолимый император увеличил пошлину с товаров итальянских купцов (и впятеро снизил ее для отечественных). На вырученные средства построили еще

один, более мощный флот, и генуэзцы сами поторопились заключить мир.

Опора фессалоникийских зилотов, городские моряки, была уничтожена восставшей беднотой, которую архонт Алексей Метохит, тайный кантакузинист, натравил на их корпорацию. Осенью ослабленная внутренними раздорами Фессалоника пала – Метохит сдал ее подошедшим войскам обоих императоров Иоанна V и Иоанна VI.

Пользуясь тяжелым положением страны, Душан отнял у нее Фессалию. В 1351 г. Кантакузин позволил втянуть себя в войну между Венецией и Генуей и, как в свое время Андроник II, оказался в проигрыше и выплатил большую контрибуцию.

Иоанн VI начал активную борьбу с силами децентрализации, укоренившимися среди господствующего класса империи нравами феодальной вольницы. «Кантакузин – глава империи XIV века – не мог совместить своих интересов с Кантакузином – главой крупной землевладельческой аристократии» [132., т. III, с. 151]. Недовольные перешли от него в лагерь оппозиции, группируясь вокруг молодого Иоанна V Палеолога. В 1352 г. Палеолог восстал, претендуя на владения императорского сына Матфея – Адрианополь. Попытка овладеть городом ему не удалась, он бежал сначала в Дидимотику (и «родовое гнездо» Кантакузинов дало ему приют!¹²²), а затем к итальянцам на о. Тенедос и, базируясь там, принялся захватывать острова Эгейского моря. Патриарх Каллист, поддержавший молодого императора, лишился кафедры. Кантакузин по-прежнему рассчитывал на помощь мусульман и начал селить турецких наемников вокруг столицы. На уплату жалованья им ушли все средства казны, церковная утварь и даже деньги, пожалованные московским князем Симеоном Гордым на ремонт св.Софии (еще при Андрониках у основного здания начали возводить пристройки, игравшие роль контрфорсов, так как две стены храма опасно просели). Все громче звучали среди греков призывы к свержению узурпатора, говорившего по-турецки, выдавшего за турка дочь и продававшего туркам страну. Последний упрек был несправедлив, но небезоснователен. Османы, которых Иоанн

Кантакузин, не будучи в действительности «туркофилом», привлекал в качестве военных партнеров, к тому времени вышли из-под его эфемерной власти и стали прибирать к рукам земли Византии. Еще в 1352 г. ими была захвачена крепость Цимпе на европейском берегу Дарданелл. Через два года землетрясение разрушило город Галлиполи. Жители и гарнизон бежали, а их опустевшие дома заняли турки, которых спешно перевез через пролив сын Урхана эмир Сулейман. Ужаснувшись тому, как его вчерашние заступники по-хозяйски утверждаются в Европе, император отправился в Никомидию к Урхану с выкупом за Галлиполи. Ни за десять, ни за сорок тысяч обесцененных ромейских иперпиронов эмир не согласился уйти обратно, а самого василевса не принял, сказавшись больным. Подавленный случившимся, Кантакузин вернулся в столицу. Джинн турецкой угрозы вырвался из бутылки, и загнать его обратно не представлялось для греков ни малейшей возможности, а Запад в своей политической близорукости не горел желанием им помочь... Вскоре Сулейман захватил Кипселы и окрестности Редесто.

Летом 1354 г. Иоанн VI решил справиться хотя бы с внутренними врагами. Однако попытка захватить Тенедос не удалась, и Кантакузин вернулся в столицу. В ноябре Иоанн V Палеолог на судах итальянца Франческо Гаттилузи подошел к стенам Константинополя. Их друзья ночью открыли ворота, солдаты Палеолога вошли в город и заняли арсенал. Каталонская дружина Иоанна VI оказалась отрезана от дворца, в столице в который раз началось избиение родственников и друзей старшего императора. Уставший от бесчисленных кровавых междуусобиц, Иоанн VI не захотел использовать имевшихся возможностей к сопротивлению, отрекся от трона и принял постриг.

Даже в монастыре Кантакузин продолжал следить за важнейшими событиями политической жизни Византии. Когда, например, вождь исихастов Палама попал в плен к туркам, он собрал деньги и выкупил его. Со временем Иоасаф – такое имя получил экс-император при постриге – примирился с Иоанном V, и немалое влияние Кантакузина при дворе Палеолога

приходилось учитывать и греческим царедворцам, и иноземным дипломатам (см. «Иоанн V»). Кроме того, он занялся писательской деятельностью, блестяще доказав, что умел владеть не только мечом и пером с красными чернилами. Кантакузин оставил после себя трактаты в защиту исихазма, против Мухаммеда и язычников, а также «Историю», в которой описал современные ему события. Умер этот удивительный по своим дарованиям человек в Мистре ¹²³ почти девяностолетним 15 июня 1383 г.

Крупным территориальным приобретением Византии при Иоанне VI стала Морей, значительную часть земель которой (вся Морей была захвачена греками лишь в 1432 г.) отвоевал у потомков крестоносных баронов сын императора Мануил Кантакузин.

Матфей Кантакузин, Иоанн V Палеолог

Матфей Кантакузин (ок. 1325 – 1383, имп. в 1353 – 1357, с 1354 – вне Константинополя)

Сын Иоанна VI Кантакузина Матфей в 1352 г. получил в удел Адрианополь. Годом позже отец короновал Матфея и стал упоминать его имя в документах вместо имени восставшего Иоанна V Палеолога. После отречения старшего Кантакузина Матфею в течение трех лет удавалось отражать натиск Палеолога и его союзников – сербов, болгар и турок, которых василевс, правивший в Константинополе, посылал против василевса, правившего в Адрианополе. В 1357 г. сербскому полководцу Воихне удалось оттеснить Матфея в Родопы и взять его в плен. Против ожидания Иоанн V обошелся с соперником милостиво, удовольствовавшись его отречением от трона. Спустя несколько лет Матфей получил назад императорский титул. В 1380 г. Матфей сменил своего умершего брата Мануила, получив деспотат Морей. Он давал хрисовулы от своего имени и подписывался как василевс ромеев. Умер Матфей Кантакузин в 1383 г.

Иоанн V Палеолог (1332 – 1391, имп. в 1341 – 1376 и 1379 – 1391)

Окончив изнурительную борьбу с Кантакузинами, Иоанн V Палеолог занял долгожданный престол. Правда, деспот Мореи Мануил Кантакузин отбил от Палеолога и сохранил за собой власть на византийской части Пелопоннеса.

Безрадостную картину представляла собой империя после гражданской войны двух Иоаннов. Фракия, вдоль и поперек исхоженная наемными отрядами, превратилась в пустыню, казна иссякла, армии не существовало, Константинополь лежал в руинах.

Положение самого Иоанна V на троне было в достаточной степени двусмысленным. Очень скоро после его воцарения в Константинополе сложилась ситуация, для средневековья удивительная. Дело в том, что Иоанн-Иоасаф Кантакузин, несмотря на постриг, фактически остался у руля правления. Если светскую власть в империи олицетворял Иоанн V Палеолог, то умами ромеев (используя в первую очередь такую могущественную силу, как церковь) владел Иоасаф Кантакузин. «Став монахом, Кантакузин вовсе не порвал с двором... Он по-прежнему продолжал свою политическую деятельность, сменив лишь ее методы. Если прежде его политика служила богословию, то теперь посредством богословия он проводил свою политику» (Г. М. Прохоров, [38, с. 322]). Более того, Палеолог, женатый на дочери Кантакузина Елене, официально признал за тестем титул василевса-отца и свои письма Иоасаф подписывал как «Иоанн, во Христе Боге верный император и самодержец ромеев, ради божественного монашеского чина переименованный в монаха Иоасафа» ([38, с. 341]). По словам патриарха Филофея Коккина, Кантакузин после отречения обладал едва ли не большим авторитетом, нежели во времена своей светской автократии. Иоанн V, в отличие от Иоасафа, этим авторитетом не обладал. «Был он весьма легкомысленный человек и не глубоко интересовался иными

делами кроме хорошеньких и красивых женщин и [вопроса], которую из них и как поймать в свою сеть» (Дука, [200, с. 62]).

В 1359 г. турки напали на столицу империи. Этот натиск был отбит – древние стены города были еще способны внушать варварам почтение, но зато вскоре из-за чудовищной неспособности начальников крепостей османы

с промежутком менее года овладели Дидимотикой и Адрианополем (1361 и 1362). В 1365 г. Мурад I, принявший титул султана, сделал Адрианополь своей второй (первой была Бруса) столицей. Захват оставшихся земель турками стал отныне лишь делом времени.

Нужен был какой-то выход, и окруженный врагами Иоанн V решил вымолить помощь у Запада. Весной 1366 г. он прибыл ко двору венгерского короля Лайоша (Людовика) I. Ничего существенного император выпросить не сумел (католики-венгры отказались помогать «схизматикам»), а на обратном пути его захватили в плен болгары. Спас Палеолога из беды его дядя по матери – Амадей, герцог Савойский. Во главе крестоносного войска он не только освободил василевса из плена, но и выбил османов с полуострова Галли-поли. Большого герцог делать не стал и ушел восвояси.

Вместе с войском Амадея в Константинополь прибыл папский легат Павел. Он во всеуслышание объявил грекам, что до тех пор, пока церкви Рима и Константинополя разобщены, западных войск Византия не получит. Нужна была уния. А как раз по поводу унии мнения Иоанна V и Иоасафа оказались диаметрально противоположны. Палеолог считал, что Константинополь «стоит мессы», и чтобы получить солдат и отстоять империю, нужно заключить унию любой ценой, в том числе подчиниться всем требованиям папы. Кантакузин с такой постановкой вопроса согласен не был. Он полагал недопустимой измену истине – православию – и заявил, что единственный путь к объединению церквей – созыв вселенского собора в Константинополе. Если собор докажет правоту латинян, говорил Иоасаф Павлу на переговорах в июне 1367 г., он сам первый подпишет хартию унии. Легат, быстро разобравшись, от кого зависит решение

проблемы, обращался только к Кантакузину: «Ибо ты [Иоасаф] подобен вертелу, на котором все, как куски мяса, висят; и если ты сдвинешься, они вместе с тобой повернутся» [38, с. 331]. Иоанну V слышать это было нелегко, но ничего поделать с существующим положением вещей он не мог.

Надо сказать, что в позиции православного течения, интересы которого отстаивал Кантакузин, несправедливо видеть (как часто это делают наши современники) политическую близорукость и предательство интересов Византии. Признание супрематии папы могло стать гибельным для православия, которое Кантакузин рассчитывал спасти, так как, во-первых, «в последний период Византии церковь унаследовала престиж исчезающей империи» (Мейендорф, [183, с. 302]), а во-вторых, согласно Писанию, для верующего страшнее погубить душу, нежели тело, и потому существование церкви (и чистота ее от «латинской ереси») для большинства византийцев было гораздо важнее, чем бытие или небытие преходящего государства. Турки, конечно, были злом, но навряд ли худшим, нежели латиняне, так как при всей своей дикости и хищности на веру (то есть душу) христиан мусульманские захватчики не посягали (по крайней мере, в XIV в.). Выяснив точку зрения ромеев на унию, Павел уехал в Рим.

Стараниями Кантакузина большую часть епископских и митрополичьих кафедр занимали его единомышленники-исихасты, а патриархом тогда был его давний друг Филофей Коккин. В апреле 1368 г. в Константинополе собрался поместный собор, который канонизировал Григория Паламу и осудил как сопричастного ереси Варлаама и его ученика Акиндина иеромонаха Прохора Кидониса. А ведь братом Прохора был Дмитрий Кидонис – первый советник и друг Иоанна V. Помешать этому император не смог (кстати, и сам собор Иоасаф и патриарх Филофей созвали если не вопреки воле василевса, то, по крайней мере, без его одобрения). Иоанну V ясно дали понять, что его латинофильскую политику церковь не поддержит. Однако Палеолога это не остановило.

Турки продолжали теснить византийцев, и Иоанн V в сопровождении Дмитрия Кидониса, такого же латинофила, как и он сам, вторично отправился в Европу, на сей раз – в Италию. Летом 1369 г. он посетил Рим, куда перебрался из Авиньона папа Урбан V. 18 октября Иоанн V принял католичество и подписал решение об объединении двух церквей под властью римского первосвященника. Однако ни одного греческого иерея при подписании не было! Пользуясь как предлогом поступком автократора, папа наотрез отказался принять участие во вселенском соборе.

Отчаянный шаг Палеолога не принес ромеям добра – кроме обещаний и незначительных денежных субсидий император не получил ничего. По пути домой он подвергся неслыханному позору – византийского государя задержали венецианцы и стали требовать от него уплаты долгов, угрожая как последнему нищему долговой тюрьмой. Остававшийся регентом престола Андроник IV не приложил никаких усилий для избавления отца. Несчастливого самодержца выручили средний сын Мануил, деспот Фессалоники, и Иоасаф Кантакузин – они набрали требуемую сумму, и в октябре 1371 г. Иоанна V отпустили.

Заклученная «дефенсором церкви» без согласия последней уния умерла, по сути дела, сразу после рождения. Не желая неприятностей, Палеолог по возвращении отрекся от своего перехода в католичество. В отличие от Лионской унии, акт 1369 г. не вызвал в Константинополе бурной реакции, к действиям государя там отнеслись равнодушно: во-первых, потому что он, несмотря на прозападные симпатии, в общем был достаточно лоялен к православию, а во-вторых, возможно, по причине вмешательства Иоасафа, который, будучи «в дружеских отношениях как с Иоанном V, так и с непоколебимым приверженцем православия патриархом Филофеем, способствовал тому, что этот эпизод предали забвению» (Мейендорф, [182, с. 211]).

26 сентября 1371 г. при Черномене турки разбили ополчение сербского деспота Ивана Угleshа. Османская держава набирала силу, и наконец весной 1373 г. Иоанн V признал себя вассалом султана Мурада I. Титул «автократор

ромеев» отныне стал фикцией даже юридически – какой же самодержец дает вассальную присягу чужеземцу! Василевсу пришлось теперь вместе со своим войском принимать участие в походах султана. В Малой Азии под властью империи оставались лишь отдельные города, которые турки по мере надобности захватывали.

С 1376 по 1379 г. Иоанн V, свергнутый сыном (см. «Андроник IV»), томился в заключении.

15 июня 1389 г. в кровавой битве на Косовом поле погибло войско сербского князя Лазаря. Перед боем серб Милош Обилич под видом перебежчика проник в ставку султана и зарезал Мурада I. Однако христиан это не спасло – сражение возглавил и выиграл наследник турецкого престола, ставший в тот день султаном – Баязид I. Новый повелитель османов был талантливым воином и носил прозвище Йиллырдым – Молниеносный. Баязид вообще перестал церемониться с ромеями, и в 1390 г. наследник трона Юстиниана и Василия Болгаробойцы Мануил Палеолог вынужден был вместе с султаном штурмовать последний византийский город в Малой Азии – Филадельфию.

В конце 1390 г. император приказал возвести у Золотых ворот столицы новые укрепления, употребив на них мрамор обветшавших церквей города. По окончании работ Баязид, грозя войной, потребовал их срыть. Палеолог подчинился распоряжению сюзерена, но не вынес такого унижения и, по свидетельству историков, от нервного потрясения умер 16 февраля 1391 г.

При Иоанне V начал свою деятельность в Мистре неоплатоник Георгий Гемист Плифон (ум. в 1452), последний крупный философ Византии. С него и дипломата Мануила Хрисолора, отправившегося в начале 90-х гг. XIV столетия на Запад, началась активная передача туда сокровищ греческой философской мысли.

Андроник IV Палеолог, Иоанн VII Палеолог

Андроник IV Палеолог (1348 – 1385, имп. в 1376 – 1379)

До 1371 г. Андроник, старший сын Иоанна V (род. 11 апреля 1348 г.), считался наследником престола. После истории с отказом Андроника выплатить венецианцам деньги за отца обиженный император лишил его прав на трон и передал их второму сыну Мануилу. В 1373 г., когда Иоанн V находился вместе со своим сюзереном Мурадом I в Малой Азии, Андроник и сын султана, Санджи, сговорились и подняли мятежи против отцов. Мурад подавил восстание, своего сына он ослепил и посоветовал сделать то же самое с Андроником и его сыном (будущим императором Иоанном VII). Однако Иоанн V не последовал такому совету (Палеологи всегда старались не быть жестокими по отношению к родственникам) и, рискуя навлечь на себя гнев султана, распорядился произвести ослепление не до конца (когда раскаленный металлический прут – орудие казни – держали перед глазами ослепляемого непродолжительное время, зрение ухудшалось, но совсем не исчезало). Андроник потерял один глаз, а вскоре бежал из заключения и укрылся в Галате.

Летом 1376 г. он выпросил помощи у генуэзцев и обратился с такой же просьбой к Мураду I. «Хороший момент для меня!» – обрадовался султан и дал мятежнику десять тысяч воинов. 12 августа после недолгой осады Константинополь был взят, отца и брата Мануила узурпатор посадил в темницу. За предоставленных наемников Андроник IV вернул под власть османов города на полуострове Галлиполи, захваченные в свое время Амадеем Савойским.

В 1379 г. Иоанн V и Мануил Палеологи сумели бежать к тому же Мураду I. На этот раз султан выделил войска против Андроника. 1 июля 1379 г. солдаты Иоанна и Мануила ворвались в Константинополь. Андроник не сдавался, целый месяц в городе шли бои. 28 июля законные императоры предприняли первую попытку штурма Влахернского дворца, 4 августа дворец пал.

Андроник IV вновь перебрался в Галату, прихватив с собой в качестве заложника престарелого Иоасафа Кантакузина. Спустя два года султан, которому выгодна была нестабильность в верхах империи, заставил Иоанна V «простить» Андроника, снова объявить его наследником и дать в удел северные города Мраморного моря. Дмитрий Кидонис, комментируя все эти события, с горечью писал: «Продолжает свирепствовать старое зло, которое причинило общее разорение. Я имею в виду раздоры между императорами из-за призрака власти. Ради этого они вынуждены служить варвару [султану. – С.Д.] » [132, т.3, с. 166].

В 1385 г. Андроник снова восстал против отца, был разбит, сдался и вскоре умер.

Иоанн VII Палеолог (ок. 1370 – 1408, имп. в 1390, регент в 1399 – 1403)

Внук Иоанна V (сын Андроника IV) ¹²⁴. До мятежа 1390 г. владением Иоанна была Силимврия. 14 апреля 1390 г. он при поддержке Баязида I захватил Константинополь и короновался ¹²⁵. Правление Иоанна VII длилось всего несколько месяцев – его дядя Мануил, подоспев на выручку к отцу, выбил узурпатора из столицы. Спустя восемь лет Иоанн VII вновь поднял восстание, но тот же Мануил II и на этот раз не дал реализоваться честолюбивым мечтам родственника. Иоанн VII откровенно предлагал французам свои туманные права на трон империи в обмен на более осязаемое – замок в Европе и ежегодную ренту в 25000 флоринов, однако те отказались от сомнительной сделки.

Во время отъезда Мануила II симвасилевс Иоанн VII остался за него. Получив «в наследство» турецкую осаду, регент повел себя достаточно храбро. Когда в 1402 г. султан в очередной раз потребовал сдать ему Константинополь, Иоанн VII сдержанно ответил, что греки-де и слабы, но уповают на Бога, который может сделать их сильными.

По возвращении Мануила II Иоанн VII получил в удел остров Лемнос и Фессалонику, а также титул «василевс Фессалии».

Мануил II Палеолог

(1350 – 1425, сопр. с 1371, имп. с 1391)

Средний сын Иоанна V короновался весной 1391г. Новый император был непримиримым противником турок. Еще будучи деспотом Фессалоники, он замышлял поднять восстание против султана, и лишь угроза похода Мурада I заставила отважного деспота прекратить подготовку мятежа. Султан, видя в Мануиле врага, настоял вначале на передаче прав наследника его брату Андронику IV (1381), а затем приказал именно Мануилу возглавить греческие отряды, посланные согласно вассальной обязанности Византии на подмогу туркам в Малую Азию. Можно себе представить, что испытывал Мануил, вынужденный в ходе операций султана принимать участие в осадах греческих городов! «На мой вопрос, как эти города назывались, – дышат болью строки его писем домой, – те, кого я спрашивал, отвечали: «Как мы их уничтожили, так время уничтожило их названия»; и тотчас же меня охватывает печаль. Но я печалюсь молча, будучи еще в силах сдерживать свои чувства... Ведь мы сражаемся с ними и за них [турок], а это значит увеличивать их силу и уменьшать силу нашу» [105, т. III, с. 17]. Воистину, если последним Палеологам выпала тяжкая доля видеть агонию своей державы, то Мануил II оказался несчастен вдвойне, ибо природа наделила его несомненным умом и талантами, а политическая ситуация часто оставляла бессильным наблюдателем. Как ни старался василевс сдержать экспансию османов, получалось это у него, не имевшего ни денег, ни солдат, плохо. «Единственным оружием императора была дипломатия, оружием Баязида – кривая сабля. Перевес всегда оставался на стороне султана» [132, т. III, с. 168]. Даже на свою коронацию Мануилу пришлось тайком бежать из лагеря султана под Брусой.

В 1392 г. турки оккупировали Македонию, через год – Болгарию. Население столицы болгар Тырново после взятия города османы вырезали без малейшей жалости. В 1394 г. пала Фессалоника, а вскоре Баязид Йиллырдым предъявил Мануилу

II заведомо невыполнимый ультиматум, требуя, чтобы кадию (судье) мусульманского квартала Константинополя в случае тяжб с мусульманами было бы подсудно и христианское население столицы. «Если же не хочешь повиноваться мне, – вещал султан, – запри ворота своего города и правь внутри, а за стенами все мое» [132, т. III, с. 168]. Император, естественно, отказался, и Баязид начал войну.

Почти восемь лет (с перерывами) длилась блокада греческой столицы. Большую часть припасов доставляли в город по морю, свободному от турок, но этого было явно недостаточно. Жители страдали от голода, на отопление разбирали дома, однако Константинополь держался, надеясь на себя, Бога и западную помощь. Мануил Хрисолор (см. «Иоанн V») обивал пороги католических государей, выпрашивая солдат и денег для спасения единоверцев. Несмотря на царивший в западной церкви разброд и «великую схизму» (престол св.Петра оспаривали тогда папа Бонифаций IX в Риме и Бенедикт XIII в Авиньоне), после захвата турками Валахии венгерский король (и будущий император Священной Римской империи) Сигизмунд смог организовать антиосманский крестовый поход. Основную силу крестоносцев составили польские, чешские, немецкие, французские и венгерские рыцари. Осенью 1396 г. христианская армия достигла дунайского города Никополя. Среди рыцарей не было единства, венгры ссорились с французами, дисциплина в войске отсутствовала. 25 сентября на холмистой равнине близ Никополя армии османов и крестоносцев выстроились для решающего боя. Сигизмунд Люксембург (Жигмонд) обладал несомненными полководческими способностями, и вначале, несмотря на двукратный перевес в силах, турки несли большие потери. Судьбу сражения решило безрассудство французских рыцарей, так ничему и не научившихся даже после Кресси и Пуатье. Храбро опрокинув цепи янычар, они, вопреки отчаянным призывам Сигизмунда вернуться, вырвались вперед, сочтя битву выигранной, сошли с коней и оказались лицом к лицу с пятнадцатитысячной свежей конницей неприятеля. Опрокинув французов, не успевших даже сесть в седла,

турки и их сербские союзники превратили сражение в настоящее избиение христиан. Десять тысяч крестоносцев попали в плен. Взбешенный огромными потерями мусульман, Баязид распорядился казнить их, кроме трехсот наиболее знатных рыцарей, за которых потребовал выкупа. И когда Сигизмунд, нашедший спасение в Константинополе, возвращался в Европу через Дарданеллы, султан выстроил пленников по обоим берегам пролива и те посылали вслед королевской галере проклятия.

Вскоре после никопольской битвы армии Баязида вторглись на Пелопоннес. Ситуация казалась настолько безрадостной, что деспот Феодор I

Палеолог с согласия брата продал почти весь деспотат (кроме города-порта Монеувасии) ордену госпитальеров ¹²⁶.

Петля осады Константинополя затянулась еще туже, и Мануил II принялся снова забрасывать христианских государей письмами с мольбой о спасении. Но ни короли Арагона и Англии, ни дож Венеции ничего византийцам не дали. Лишь французский король Карл VI отрядил на выручку «столицы городов» тысячу двести латников во главе с вырвавшимся из турецкого плена отважным маршалом Бусико, да православный великий князь московский Василий I прислал деньги. Тогда василевс, по примеру своего отца, решил лично отправиться в Европу. 10 декабря 1399 г., оставив регентом племянника Иоанна VII, а семью препоручив морейскому деспоту Феодору I (двор которого находился тогда в Монеувасии), Мануил II Палеолог отплыл на кораблях Бусико из осажденной столицы. Он побывал в Венеции, Падуе, Флоренции, Милане и в начале июня 1400 г. прибыл в Париж. Двор Карла VI дал обнищавшему монарху некогда великой державы ренту в 30 000 серебряных монет ежегодно и обеспечил роскошный прием. Окрыленный надеждой на значительную помощь войсками, обещанными в Париже, Мануил в октябре пересек Ла-Манш, просить солдат у английского короля. Однако занятый борьбой с непокорными баронами и соседями-шотландцами Генрих IV Ланкастер не изъявил ни малейшего желания слать армии на далекий Восток, хотя отнесся к царственному гостю радушно.

В феврале 1401 г. василевс вернулся во Францию. Палеолога снова начали развлекать и выказывать ему всяческое участие. Так как византийский император обладал весьма эффектной внешностью («Некогда Баязид, враг его, сказал о нем, что даже тот, кто не знает, что это василевс, по одному только виду сказал бы, что ему пристало быть царем» (Сфрандзи, [81, с. 191]), живописцы Парижа написали его портрет.

Карл VI Валуа не торопился исполнить обещанного. Грекам становилось ясно, что воспоминания о хорошем отношении и подарки – это все, что они сумеют увезти из Франции. У короля участились припадки безумия, и с каждым днем надежда Мануила вернуться домой во главе западных армий таяла.

Византийское посольство произвело известное впечатление на просвещенную часть европейской аристократии. Сам Мануил II блистал образованностью и писательскими способностями. В условиях жесточайшей нехватки средств этот император никогда не забывал поддерживать константинопольскую науку деньгами. Папа (1458 – 1464) Пий II писал впоследствии, что во времена его молодости (середина и конец правления Мануила II) любой итальянец, желавший произвести впечатление образованного человека, должен был утверждать, что обучался в Константинополе, – это было лучшей рекомендацией.

Греческую столицу спас, сам того не желая, Тимур. 28 июля 1402 г. в одном из крупнейших сражений средневековья, битве при Анкире, армии «железного хромца» нанесли сокрушительное поражение Баязиду I. Большая часть войска султана погибла, сам он попал в плен и в железной клетке был отправлен в ставку победителя. Конечно, ни о какой осаде Константинополя речи уже не шло.

В ноябре 1402 г. Мануил Палеолог покинул Париж, так и не получив солдат короля, и к лету 1403 г. вернулся в Константинополь.

Пользуясь смутами, вспыхнувшими среди османов, ромеи вернули Фессалонику ¹²⁷.

В 1411 г. турки снова осадили Константинополь, на этот раз по инициативе султана Мусы, брата султана Мехмеда I Челеби («благородного»).

Спустя два года Мехмед I разбил Мусу и снял осаду. Междуусобная война в османской державе, которую в немалой степени питали интриги византийцев, длилась до 1418 г. Используя передышку, за это время существенно увеличили свои владения деспоты Морей. Император принял в этом деятельное участие, целый год (с лета 1415 по лето 1416) провел в Мистре; под его руководством был восстановлен Гексамилион – стена с башнями, с давних времен преграждавшая перешеек Истм.

В 1421 г. Константинополь поддержал династические претензии Кючук-Мустафы, брата только что воцарившегося султана Мурада II. Это оказалось крупной ошибкой Мануила II и его соправителя Иоанна VIII. Мустафа, разгромленный и попавший в плен, указал на них как на возбудителей мятежа, и разгневанный султан в июне 1422 г. подошел с войском к Константинополю. Над Босфором зазвучали выстрелы первых пушек, повисли дымы от первых пороховых мин. Греки сражались храбро. Решительный штурм у ворот св.Романа был отбит в августе, османы бежали, оставив почти все свои орудия. Вскоре в Малой Азии началось мощное народное восстание, и Мурад II отступил.

Мануил, которого разбил паралич, лежал тогда при смерти во Влахерн-ском дворце. Затем император оправился, но теперь уже не он, полупарализованный старик, определял политику двора ромеев, а Иоанн VIII.

В следующем году султан напал на Морею, разрушив возведенную греками на Истме стену. Наемники деспотов явили удивительную трусость, мусульманские завоеватели огненной лавиной прошли по Пелопоннесу. 23 февраля 1424 г. под угрозой нового нашествия Мануил II и Иоанн VIII подписали мирный договор с султаном на крайне тяжелых условиях – дань в 30 000 иперпиров ежегодно и значительные территориальные уступки. После этого старший Палеолог полностью отошел от

дел. Умер Мануил II 21 июля 1425 г., не дожив до своего семидесятилетия шести дней.

Иоанн VIII Палеолог

(1392 –1448, сопр. с 1421, имп. с 1425)

Мануил II Палеолог имел шестерых сыновей: Иоанна, Феодора, Андроника, Константина, Фому и Дмитрия. Феодор умер в 1438 г. деспотом Мореи, Андроник – еще ранее в монастыре, двое, Иоанн и Константин, стали последними василевсами тысячелетней империи, а Фоме и Дмитрию престол уже не достался.

Фактически Иоанн VIII управлял тем, что осталось от Византии с 1421 г., когда отец сделал его соправителем. Царствование этого императора прошло в атмосфере постоянной борьбы греков с потомками западных феодалов, владевшими Ахайей и Мореей (в 1428 –1432 гг. воинственный деспот Константин изгнал последних из Мореи, где лишь четыре города – Аргос, Навплий, Кротон и Модона остались под протекторатом Венеции).

Однако не менее существенными для истории Византии оказались конфликты внутри страны – между так называемыми «православным» и «латинофильским» движениями. Во главе первого, наиболее влиятельного, стоял Марк Евгеник, митрополит Эфесский. Ортодоксы утверждали, что поклониться папе, нарушив тем самым исключительность православия, пусть даже во имя спасения державы от мусульманской угрозы, – тяжкий грех и предательство веры.

Точку зрения «латинофилов» (сторонников контакта с Западом и даже подчинения ему), позиции которых разделяли и последние Палеологи, отстаивали политики и ученые-гуманисты (после 1440 г. их главой был ученик Плифона, Виссарион, митрополит Никейский).

Империю вновь, как и во времена Иоанна V, охватили споры о вере. И как тогда, каждому пришлось решать, что же важнее спасти – православие или государство...

Ясно видя, что без опоры на западные страны Константинополь и Морея рано или поздно окажутся проглочены османами, Иоанн VIII сделал свой

выбор и решился, как некогда его отец и дед, искать поддержки у католического мира. Цена ее была известна – уния. Переговоры о ней шли еще во времена Мануила II, но были прерваны турецкой осадой 1421 г. Новый этап начался в 1431 г. и длился семь лет.

Предполагаемая уния была важным политическим моментом в жизни не только Византии, но и самой Западной Европы. В те поры авторитет папства, после «великой схизмы» и владычества таких «пастырей», как садиста Бартоломео Приньяно (Урбан VI) или убийцы и развратника, бывшего пирата, Балтазара Коссы (Иоанн XXIII), пал невероятно. На соборе в Констанце (1414 –1418) был установлен принцип супрематии собора над папой. 23 июля 1431 г. в Базеле начал работу следующий собор католических епископов, подтвердивший это положение. Папа Евгений IV распустил собор, но «соборные отцы» не подчинились приказу и продолжили работу. В этой плачевной для владычества римской курии ситуации объединение церквей Запада и Востока, свершись оно под эгидой римского первосвященника, могло стать великолепным политическим капиталом престола св. Петра. Это понимали и «базельские отцы». Каждая из сторон стремилась перетянуть на свою сторону «императора греков» и его клир, в ход шли дипломатические уловки, подкуп и щедрые обещания. Дошло до того, что галеры, присланные базельцами, едва не начали в виду башен Константинополя морской бой с галерами папы.

Евгений IV показался Палеологу более склонным к компромиссу партнером, да и место предполагаемого вселенского собора – Феррара, – на которое согласился папа, лучше подходило грекам, чем далекий Базель.

24 ноября 1437 г., на восьми изукрашенных судах, сопровождаемый патриархом Иосифом II, православной церковной делегацией (патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима назначили от себя по два полномочных представителя) и прихватив с собой брата, деспота Дмитрия, которого по буйству характера опасно было оставлять в столице, Иоанн VIII Палеолог пустился в плавание. 8 февраля

1438 г., через месяц после того, как папа собрал подчинявшихся ему епископов в Ферраре (соответствующий приказ-приглашение был отправлен и в Базель), Палеолог прибыл в Венецию. 4 марта посольство добралось до Феррары.

Неприятности для греков начались почти сразу. Евгений IV потребовал от Иосифа II целования туфли. Патриарх отказался: «Если папа, – сказал он, – преемник апостола Петра, то мы [главы восточных церквей. – С.Д.] преемники других апостолов. А прочие апостолы лобызали ли ногу Петру? Кто слышал это?» [188, с. 46]. В требовании целования туфли Евгений IV уступил, но в остальном ясно дал понять, кто здесь хозяин. Грекам задерживали выплату обещанного содержания, на приемах им, даже императору, уделяли не самые почетные места.

9 апреля, в Великую среду, торжественно начались совместные заседания латинской и греческой делегаций. Сначала было решено провести предварительные обсуждения наиболее спорных вопросов – об исхождении Св.Духа, о евхаристии, о чистилище и главенстве папы, – а заодно и подождать представителей базельцев и светских западных государей. Для выработки взаимоприемлемых позиций католическая и православная делегации выбрали комиссии из десятка иерархов. По указанию императора точку зрения греков излагали и отстаивали наиболее образованные – Марк Евгеник и Виссарион, митрополит Никейский. Обсуждение начали с наименее сложного, как казалось, вопроса – о существовании чистилища.

С первых совместных заседаний выяснилось упорное нежелание той и другой стороны признать правоту противников. Споры велись с похвальной сдержанностью, поведение всех было, в общем, корректным, но дело с мертвой точки не сдвинулось. Прошло три месяца, а к единому мнению «рабочие группы» иерархов не пришли. По настоянию Евгения IV прения завершили.

Император запретил православным покидать собор (некоторые уже порывались это сделать). Однако день шел за днем, не принося ничего нового. Палеолог тянул время, одновременно убеждая свое окружение поспешить в выяснении

истины. Начавший нервничать папа торопил своих оппонентов, требуя заседаний уже не предварительных комиссий, а собственно собора. Отношения между католиками и православными ухудшились, и среди как тех, так и других стало заметно неверие в способность вселенского собора вынести какое-либо решение. Ни один из послов западных государей не прибыл, пренебрегли велениями папы и базельские отцы ¹²⁸.

Собор продолжил заседать 8 октября 1438 г. в обстановке взаимного недоверия и растущей предубежденности. На этот раз исходным пунктом дискуссий служил вопрос об исхождении Св.Духа. Греки предложили обсудить не собственно *filioque*, а вопрос о том, правильно ли было вообще делать прибавку к установленному первыми соборами символу веры. Латиняне ссылались на то, что «и от Сына» – не прибавление, а толкование. Два месяца велись диспуты, но и на этот раз единства не было достигнуто. Ни греки, ни латиняне не признавали ссылок оппонентов на мнения авторитетов церкви, каждый говорил об испорченности текстов, имевшихся в распоряжении противной стороны.

Под предлогом начавшейся чумы собор решили перенести во Флоренцию. Греки не желали удаляться в глубь Италии, но папа был непреклонен.

26 февраля 1439 г. начался второй, флорентийский период заседаний. Евгений IV подвергал православных прямому нажиму – им вообще перестали выдавать денежное содержание, и греки потихоньку принялись распродавать личные вещи, книги и церковную утварь, чтобы как-то поддерживать существование. Василевс Иоанн подтвердил запрещение членам своей делегации покидать собор и, в свою очередь, убеждал их быть поуступчивее, недвусмысленно говоря уже не о выяснении истины, а о тех политических выгодах, которые получит империя, если они заключат унию. Нервозная атмосфера с особой силой ощущалась во взаимоотношениях между греками. Их мнения об унии разделились. Марк Евгеник, которого не удовлетворяли аргументы латинян и императора, твердо противился ей, но

Виссарион Никейский его уже не поддерживал. Точку зрения иерархов, склонявшихся к унии, высказал Григорий Мамма, будущий патриарх Константинополя: «Я знаю, что, если мы приступим к единению с римской церковью, нас проклянут прежде, чем мы доберемся до Венеции; если не приступим, проклянут все равно. Так лучше соединимся, и пусть проклинают!» [188, с. 136]. Дебаты между греками доходили до взаимных оскорблений.

Шаг за шагом православные сдавали свои позиции в главном вопросе – о filioque. Папа не принял компромиссной формулы «исходит от Отца через Сына». На митрополитов и епископов Востока по-прежнему оказывалось давление, им не давали денег, и при этом сам Евгений IV усердно приглашал на пиры тех, кто казался ему наиболее податливым, обещал им (прежде всего Виссариону) богатство и кардинальские шапки. Делегаты Валахии, Трапезунда и Грузии тайно бежали с собора.

К началу июня почти все греки, кроме Марка и его немногих единомышленников, признали верность формулы «и от Сына». В ответ папа согласился считать действительной евхаристию не только на опресноках, но и на квасном хлебе.

10 июня умер престарелый Иосиф II. Император, на которого легла теперь главная ответственность за будущее православия, стал вести себя гораздо более осторожно и на уступки латинской стороне шел с трудом – чего нельзя было уже сказать о большинстве его делегатов. Снова разгорелись жаркие дебаты о чистилище и верховенстве папы, но к началу июля заключительные постановления собора были в основном выработаны. Иоанн VIII и православная делегация (кроме Марка Евгеника и нескольких ее членов) признали католический символ веры, по трем другим главным вопросам – о чистилище, примате папы и дарах евхаристии решения были приняты также в латинской редакции, но с оговорками ¹²⁹.

5 июля 1439 г. сорок прелатов и папа Евгений IV, с одной стороны, и византийский император со своими тридцатью тремя иерархами – с другой, подписали текст унии. Отказались поставить свои подписи продолжавший упорствовать Евгений, а

также представители набравшей силу Руси ¹³⁰. На следующий день свершился акт, о котором папы три-четыре сотни лет назад не могли и мечтать – василевс Империи ромеев прилюдно преклонил колена перед наместником св.Петра и поцеловал ему руку. От имени западных государств Евгений IV обязался содержать в Константинополе три сотни солдат и две галеры, а в случае нужды дополнительно дать двадцать галер сроком на полгода или десять – на год.

1 февраля 1440 г. император вернулся в Константинополь. Первое, что он узнал, – это то, что его горячо любимая жена умерла за несколько дней до его прибытия.

Решения Ферраро-Флорентийского собора вызвали самую негативную реакцию у греков. Духовенство всех церквей православия единодушно отвергло унию как чуждую отеческой вере. Восточные патриархи направили Палеологу осуждающее письмо, выразив трезвое понимание истинных причин объединения церквей: «Если ты, – писали они, – на время уступил латинянам, думая получить от них помощь своей империи, а теперь отказываешься от нечестивого учения и опять держишься православной веры своих предков, то мы будем молиться за спасение твоей империи и особенно души твоей... Если же будешь упорствовать и защищать догматы, чуждые церкви нашей, то не только прекратим воспоминание твоей державы в молитвах, но и присовокупим ... тяжкую епитимью, дабы язык чужого и пагубного учения не распространился во Христовой церкви. Мы не можем пасти церковь православную, как наемники...» [188, с. 189]. Подписавшие текст унии иерархи один за другим начали в этом каяться и отказываться от своих подписей.

Султан Мурад II, узнав о результатах собора, пришел в ярость.

Одним из обещаний папы был (в перспективе) крестовый поход против турок. Этот один из последних крестовых походов тридцатитысячного католического войска действительно начался в 1443 г. Вначале рыцарям способствовал успех и они без больших трудностей освободили значительную часть Болгарии. Султан, занятый войной с албанским полководцем

Скандербегом и трансильванским воеводой Яношем Хуньяди, предпочел заключить с крестоносцами мир. Однако вожди похода – кардинал Джулиано Чезарини и Владислав III Ягеллон, король Польши и Венгрии, а также присоединившийся к ним Хуньяди сочли заманчивым нарушить перемирие и напасть на ничего не ожидавшего Мурада II. Иоанн VIII отказался открыто поддержать «клятвопреступников», хотя, конечно же, действовали они в его интересах. Холодным днем 10 ноября 1444 г. на берегу Черного моря близ Варны во многом из-за горячности Владислава III христиане потерпели одно из самых тяжелых поражений XV столетия. Их армия была уничтожена, Чезарини погиб, король – тоже. Известие о варнском разгроме повергло Константинополь в глубокое уныние. Последняя возможность отстоять город руками латинского войска исчезла.

Немного радости приносили Иоанну VIII и раздоры среди членов семьи. Еще во время отлучки императора взбунтовался морейский деспот Феодор Палеолог. Между Константинополем и Мистрой вот-вот должна была начаться война, но пришло известие о чуме в Италии. Феодор решил не тратить попусту силы, а дожидаться кончины брата, однако эти надежды не оправдались. В конце концов, по соглашению с Иоанном VIII и другими своими братьями, Феодор II отказался от прав на деспотат Мистры в обмен на удел – город Силамврию. В 1442 г. Константинополем попытался (правда, безуспешно) овладеть беспокойный честолюбец деспот Дмитрий.

Иоанн VIII Палеолог скончался 31 октября 1448 г. от горя, получив сообщение о разгроме христианского ополчения Яноша Хуньяди на злополучном Косовом поле.

Константин XII Палеолог Драгаш (Драгас)

(1405 – 29 мая 1453 г., имп. с 1449)

Последний автократор Византии Константин XII (род. 8 февраля 1405 г.), сын Мануила II и сербской княжны Елены Драгаш, вступил на престол древней империи в январе 1449 г. Константин уже управлял страной – во время отъезда Иоанна VIII на Ферраро-Флорентийский собор, а до того снискал известное уважение среди греков как храбрый деспот Мореи. Он не блистал образованием, предпочитая книгам воинские упражнения, был вспыльчив, но обладал здравым рассудком и даром убеждать слушателей. Кроме того, Константину Драгашу были присущи такие редкие для правителей качества, как честность и благородство души.

Когда Иоанн VIII умер, деспот Константин находился в Мистре. Беспокойный Дмитрий Палеолог попытался опередить брата и морем добрался до Константинополя, надеясь, что престол достанется ему. Правительство сумело отклонить претензии Дмитрия, имевшего репутацию авантюриста. 6 января 1449 г. в Мистре Константин XII Палеолог Драгаш был провозглашен императором, а в начале марта прибыл в столицу.

Бог плохо хранил Империю ромеев – по сути дела, последний византийский василевс унаследовал столицу с ее окрестностями, несколько островов в Эгейском море и обескровленную войной с турками Морею, откуда султан в 1446 г. увел множество пленных. Путешественники, бывавшие в Константинополе, удивлялись безлюдности великого города. Население столицы со времен античности сократилось в 10 – 12 раз и составляло 35 – 50 тысяч человек. Многие кварталы были необитаемы, большинство дворцов лежало в руинах еще со времен гражданской войны 1341 – 1347 гг. Не составлял исключения и величественный Большой Императорский дворец, на восстановление которого у Палеологов не хватало денег – василевсы жили во Влахернском.

Но Византия, и особенно ее столица, выгодно расположенная и неплохо защищенная, по-прежнему манила османских завоевателей. Да и не только их – на Западе продолжали заявлять о своих правах на ее трон потомки властелинов Латинской державы.

Внутреннее положение империи было очень тяжелым. Торговлю контролировали итальянцы, греков – от поденщика до монарха – терзала бедность ¹³¹. Обострилось противостояние латинофильской и туркофильской партий. Первые стояли за унию и спасение страны ценой покорения папе, вторые (в основном страдавшее от католиков купечество) заявляли, что только турки могут навести в государстве порядок и вышвырнуть из него жадных католиков. И находились еще люди, до сих пор считавшие Константинополь с окружающими его огородами мировой империей. Вплотную к таким взглядам примыкала наиболее многочисленная группировка – православная, не имевшая, в отличие от первых двух, кроме лозунгов, никакой ясной программы действий.

Стоя на пороге многовековой национальной трагедии, греческий народ был разобщен политической борьбой. Попытки Константина XII заставить православную церковь признать унию, без чего невозможна была западная подмога, наткнулись на упорное сопротивление иерархов и простых граждан. Сторонника унии патриарха Григория III Мамму признавала лишь ничтожная часть духовенства, а состоявшийся осенью 1450 г. собор при участии патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима низвел Мамму с патриаршества и последний бежал в Италию. По причине униатства (то есть неправославия, по мнению большинства ромеев) самого Константина XII так и не состоялась его официальная церковная хиротония. Последний император Византии правил и погиб, не будучи венчан на царство. В довершение всего до междуусобных войн доходили ссоры младших братьев василевса, деспотов Фомы и Дмитрия.

Пока в Адрианополе правил Мурад II, Византия пользовалась отсрочкой. Но в феврале 1451 г. султан умер, и османский престол занял его двадцатилетний побочный

сын Мехмед II Фатих – «завоеватель», личность в высшей степени удивительная. Он владел, кроме турецкого, четырьмя языками, в том числе латынью и греческим, знал философию и астрономию. При этом Мехмед был патологически жесток, хитер, лжив и вероломен. Это он приказал обезглавить человека, чтобы работавший при его дворе итальянский живописец Беллини увидел, как отличается гримаса лицевых мышц отрубленной головы от изображаемых на картинах. Это он велел вспороть животы четырнадцати слугам, желая найти похитителя дыни из султанского сада. Бисексуал, он имел два гарема – из женщин и красивых мальчиков. И если целью Константина Драгаша было спасение Византии, то Фатих, мечтая о военных подвигах во имя Пророка и лаврах Тимура, поклялся ее уничтожить. Скрытный, как все государи Востока, султан держал замыслы в тайне и набирал войска, пытаясь усыпить бдительность греков ложными уверениями в дружбе и покровительстве.

В Константинополе тогда жил принц Урхан, один из родственников султана и возможный претендент на османский трон, которого Мехмед казнить почему-то не торопился, но отослал от двора подальше, к христианам. Император заявил о необходимости увеличить выплату на содержание Урхана, Фатих счел требование оскорбительным и поводом к разрыву мирных соглашений с Византией. Никто не сомневался, что султан просто использовал, как в известной басне Эзопа про волка и ягненка, первый попавшийся предлог.

С апреля по август 1452 г. османские инженеры с поразительной быстротой возвели на европейском побережье Босфора, в одном из самых узких мест, мощную крепость Румели-Хиссар. С другой стороны пролив уже стерегла выстроенная при Баязиде I цитадель Анатоли-Хиссар. Теперь батареи турок держали под прицелом весь Босфор, и ни один корабль без ведома султана не мог пройти к Константинополю из Черного моря, Геллеспонт же стерег мусульманский флот. Император, протестуя против строительства крепости на греческой территории, направил Мехмеду посольство, но совершенно напрасно. «Я могу делать все, что мне угодно, – с

явным презрением ответил Фатих грекам. – Оба берега Босфора принадлежат мне, тот восточный – потому что на нем живут османы, а этот западный – потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он еще раз вздумает прислать ко мне с подобным вопросом, я велю с посла живьем содрать кожу» [5, т. III, с. 294].

Первой силу орудий Румели-Хиссар ощутила на себе итальянская эскадра, не пожелавшая подчиниться приказу спустить паруса. Часть кораблей прорвалась, но самая крупная галера венецианцев, получив несколько каменных ядер, затонула, все спасшиеся моряки во главе с капитаном были казнены.

Снабжение столицы греков продовольствием султан мог прервать в любой момент. В конце августа он лично осмотрел ее величественные укрепления и начал снаряжать армию для кампании, намеченной на следующую весну.

В Константинополе готовились к отпору захватчикам. Город запасался хлебом, дровами и оружием, спешно чинились стены и башни.

Осенью 1452 г. василевс начал переговоры с папой Николаем V. К императору явился папский посланник, ловкий кардинал Исидор Русский, но без солдат, только со своей небольшой охраной. Запад не торопился реально помочь Византии, лишний раз не желая тратиться. Мысль о возможном падении Константинополя казалась в Риме, Париже, Лондоне или Венеции абсурдной, настолько все свыклись с его незыблемостью. Помощь, конечно, готовились прислать, но немного и позже. Фактически она не была готова даже тогда, когда город был взят. Не выделили войск брату и морейские деспоты. Лишь отчаянный генуэзец Джованни Джустиниани Лонг привел семьсот добровольцев на двух галерах, и Константин XII пообещал ему остров Лемнос, если столицу удастся отстоять.

12 декабря 1452 г. кардинал Исидор отслужил в св.Софии мессу по униатскому обряду. Жители шумно выражали свое недовольство: «Не нужно нам ни помощи латинян, ни единения с ними». Глава туркофилов мегадука Лука Нотара бросил в те

дни пророческую фразу: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару!»

Во Фракии вовсю шла подготовка к штурму греческой столицы. В мастерской близ Адрианополя венгр по имени Урбан, не согласившийся в свое время остаться на службе у нищего Драгаша, делал султану пушки. В начале 1453 г. была готова самая большая, способная палить каменными ядрами в 1200 фунтов (ок. 400 кг) ¹³² ! Для передвижений этого монстра требовались две сотни людей и шестьдесят пар волов.

К середине марта огромная (по данным различных историков, от восьмидесяти до трехсот тысяч человек) турецкая рать была готова. Эскадра в несколько сот военных и вспомогательных кораблей ждала только приказа выйти в море. Месемврия, Анхиал и Виза были без особого труда покорены султаном, из фракийских городов под властью Палеолога остались Силим-врия и Эпиваты. Секретарь и друг императора Георгий Сфрандзи, оставивший впоследствии яркие воспоминания об осаде Константинополя, произвел по указанию государя перепись всех мужчин города, способных носить оружие. Результаты подсчетов – 4973 грека и около двух тысяч иноземцев ¹³³ – оказались настолько удручающими, что Константин велел хранить их в тайне.

На рейде столицы, за вычетом нескольких бежавших в преддверии турецкой осады, осталось двадцать шесть кораблей: по пять – венецианских и генуэзских, три – с Крита, по одному – из Анконы, Каталонии и Прованса, и десять императорских. Их команды поклялись не бросать Константинов град в беде и стоять до конца. Все трудоспособные жители с воодушевлением приводили в порядок заваленные разным хламом рвы и латали древние стены. И только население Галаты держало граничивший с предательством нейтралитет. Впрочем, к концу осады галатцы уже открыто помогали Мехмеду.

В конце марта 1453 г. на окрестных холмах появились первые разъезды султанской кавалерии, а вскоре и части легкой турецкой пехоты. Османы полагали, что греки в страхе перед ними попрячутся по домам, но просчитались. Утром

второго апреля христиане, руководимые своим храбрым императором, предприняли вылазку, перебили несколько десятков врагов и, ликую, возвратились в город. Настроение осажденных поднялось, и когда в четверг 5 апреля к стенам города подошли заплонившие предместья главные турецкие силы, мысли защитников не были мрачными.

Надежды осажденных имели под собой основание. Во-первых, все солдаты Драгаша – как греки, так и латиняне, были превосходно вооружены и более или менее обучены вести бой. Во-вторых, город имел мощные двойные стены с пушками (правда, старыми) и метательными машинами. В распоряжении христиан имелись и запасы «греческого огня». Столица была заранее снабжена всем необходимым – от хлеба до арбалетных стрел, парусов и селитры. В-третьих, большинство населения горело решимостью скорее погибнуть, чем сдаться. И наконец, в-четвертых, император рассчитывал на обещанные папой и венецианцами войска. Султан предложил Константину XII оставить Константинополь в обмен на удел в Морее, за неприкосновенность которого мусульманский владыка клятвенно ручался, но василевс отверг план Мехмеда.

7 апреля заговорили турецкие пушки – началась долгая бомбардировка Константинополя. Мехмед II расположил армию вдоль всей линии стен – от Пиги до Золотого Рога. В центре, на наиболее уязвимом участке против ворот св.Романа, на холмах, была разбита ставка султана, окруженная десятью тысячами янычар. Против укреплений Феодосиевой и Ираклиевой стены действовали четырнадцать батарей, а возле ставки Мехмеда Урбан установил суперартиллерию – своего рода монстра и два других орудия, немногим поменьше.

Первое время обстрел не давал желаемого эффекта. Бомбарда Урбана – надежда Фатиха – могла стрелять всего три-четыре раза в день, а наводчики у этого, да и прочих орудий были плохие. Большая часть ядер не долетала до стен, придвинуть батареи к городу было опасно из-за возможных подкопов и вылазок христиан, а увеличивать заряд турки боялись – не выдерживали стволы. Османы сумели лишь взять приступом два небольших замка в предместьях –

Ферапии и Студиос. Несколько десятков пленных, оставшихся от их гарнизонов, султан распорядился посадить на кол. Греки же предпринимали частые нападения на зазевавшиеся турецкие отряды, и эти вылазки, проводимые нередко при участии самого василевса, приносили османам значительное беспокойство.

Однако вскоре вылазки прекратились – солдат катастрофически не хватало даже для отражения частых приступов по всей линии укреплений. «Турки же все места бьяхуся без опочивания, не дающе нимала опочити грацким, но да ся утрудят, понеже уготовляхуся к приступу...» – записал русский летописец Нестор Искандер, в те дни – солдат турецкого вспомогательного войска [57, с. 8].

18 апреля Мехмед сделал первую попытку организованного штурма. Шедшие на приступ турки, ожидая легкой победы, куражились и горланили песни «и прикатиша пушкы и пищали многие, начата бити град, такоже стреляти из ручниц¹³⁴ и из луков тмочисленных; гражане от бесчисленного стреляния не можаху стоати на стенах, но западше ждаху приступу, а инии стреляху из пушек и пищалей ... и многы турки убиша» [57, с. 8]. Османы бежали, оставив гнить во рву и периволосе сотни трупов. Точно так же завершились и другие приступы, защитники с завидным постоянством сбрасывали штурмующих в ров. «Было удивительно, – вспоминал Сфрандзи, – что, не имея военного опыта, они [греки] одерживали победы, ибо, встречаясь с неприятелем, они делали то, что выше сил человеческих» [132, III, с. 192]. И действительно, приходится удивляться. Осада Константинополя была крупнейшим событием XV в., по масштабам применения новейших способов ведения войны, связанных с пороховой артиллерией, она не знала равных, перевес турецких сил был десяти- и более кратный, а на городских стенах, выстроенных еще в V столетии, под началом Константина XII и его придворных сражались в основном даже не профессиональные воины, а одетые в доспехи горожане – купцы и их слуги, ремесленники, монахи и даже ученые. Малочисленные солдаты Палеолога после боя валились с ног от усталости, а Морские стены стояли без охраны, так как на них вообще не хватало людей.

20 апреля среди волн Пропонтиды показались четыре корабля с крестами на мачтах, три генуэзских и греческий, груженные продовольствием и с несколькими сотнями волонтеров на борту ¹³⁵. Османы выстроили перед ними полторы сотни судов, и почти на целый день затянулся неравный бой. На христиан, метр за метром пробивавшихся к перегороженному стальной на деревянных поплавах цепью входу в Золотой Рог, обрушился ливень стрел и камней. Однако умение вести морское сражение у ромеев и итальянцев оказалось несоизмеримо выше, да и в техническом отношении их галеры далеко превосходили турецкие. Одно за другим суда османов, получая повреждения, отваливали из боевой линии, на некоторых вовсю бушевали пожары. Мех-мед II, наблюдавший с берега за неуклюжими действиями своих капитанов, пришел в ярость. Не помня себя, он направил коня в море и очнулся лишь когда вода подступила к седлу. Вечером все четыре христианских корабля, выбрав момент, проскочили в бухту, и цепь завели снова. Ликованию жителей города, на чьих глазах свершилась блистательная победа, не было предела. Византийцы и генуэзцы потеряли лишь несколько человек, мусульмане несоизмеримо больше, а султанского адмирала от неминуемой казни спасли лишь полученные в бою тяжелые раны.

Через день, построив сухопутный волок, турки ночью перетасили в Золотой Рог восемьдесят своих кораблей, которые защитники с ужасом увидели на рассвете 22 апреля. Генуэзцы Галаты, мимо стен и башен которой мусульмане перемещали суда, не сделали и попытки воспрепятствовать им. Когда же спустя неделю отважный капитан Тревизано попробовал ночью с несколькими добровольцами сжечь флот турок, галатцы, которым этот план стал известен, выдали его султану. Османы заблаговременно навели пушки и ночью расстреляли смельчаков в упор. Галера Тревизано затонула у берега, захваченных матросов турки казнили утром на глазах императора. В ответ взбешенный Драгаш распорядился обезглавить две с половиной сотни пленных мусульман и выставить их головы на стены.

В Золотом Роге Мехмед II приказал возвести плавучие батареи. Однако стрельба с воды, как и сухопутная, шла плохо. Ядра летели мимо целей, орудия срывало и бросало в залив при отдаче. Но в начале мая в лагерь Фатиха прибыли венгерские послы. Кто-то из них, сведущий в артиллерии, был подкуплен турками и научил их пушкарей искусству правильной наводки. Для греков настали тяжелые времена. Каменные ядра разрушали кладку стен и башен, а пущенные из трех крупнокалиберных орудий глыбы обваливали стены целыми участками. По ночам воины и горожане заваливали проломы камнями, землей и бревнами. Утром стена оказывалась исправной, и неприятеля, практически каждый день шедшего на приступ, снова встречали стрелы, пули, камни и струи «греческого огня». Самыми страшными последствиями турецкой стрельбы оказались людские потери. Они казались ничтожными в сравнении с уроном, который несли осаждающие, но защитников было слишком мало...

Несмотря на тяжелейшее положение, Драгаш не собирался сдавать город. Варвары по-прежнему устилали периволос и ров своими телами. Солдаты императора, закованные в крепкие латы, бесстрашно выдерживали стрелы и пули. 7 мая был отбит кровопролитный штурм у Месотихиона, 12 – у Влахерн. «Падаху трупия обоих стран, яко снопы, с заборол ¹³⁶ и кровь их течааше, яко реки по стенам; от вопля же и крычания люцкого обоих и от плача и от рыдания грацкого, и от звуку клаколного и от стуку оружия и блистания мяшесе всему граду от основания превратитися; и наполнишася рвы трупия человека до верху, яко через них ходитя турком, акы по степеням, и битись: мрътвыа бо им бяху мост и лесница к граду... и аще бы не Господь прекратил день той [погиб бы город. – С.Д.], понеже гражане вси уже бяху изнемогите» (Искандер, [57, с. 14]).

18 мая греки взорвали и сожгли огромную передвижную осадную башню – гелеополу, сооруженную турецкими специалистами по всем правилам военной науки. Через пять дней, 23 мая, христиане обнаружили и взорвали подкоп, шедший под городские стены. Десятки землекопов и инженеры

султана нашли смерть под землей. Ярость Мехмеда II сменилась унынием. Уже полтора месяца его гигантская армия находилась у византийской столицы, и конца этому видно не было. Как выяснилось впоследствии, султан и не догадывался об истинной численности своих противников. Желая запугать императора, Фатих отправил ему и горожанам послание, предлагая на выбор сдачу или саблю, а василевсу – смерть или переход в ислам. Кое-кто предлагал эти условия принять. Как ни странно, в числе сторонников капитуляции оказались даже такие непримиримые противники, как мегадука Нотара и кардинал Исидор.

Духовенство, недовольное Исидором и конфискацией средств клира на нужды осады, роптало, участились стычки венецианцев с генуэзцами, и императору стоило немалых трудов удерживать союзников от кровопролития. Военный совет отклонил ультиматум султана. На укреплениях гибнущей столицы о сдаче помышляло меньшинство. Отважно бились не только мужчины, но и их жены и дети, способные держать копье или арбалет.

23 мая в город возвратился корабль, ранее отправленный Палеологом на поиски долгожданного венецианско-папского флота. Капитан сообщил василевсу, что в Эгейском море его нет, да и навряд ли будет. Запад предал своих братьев по вере. В то время как с башен обескровленного Константинополя дозорные тщетно высматривали в дымке Мраморного моря паруса христианских галер, венецианцы препирались с папой, ссорясь из-за каждого затраченного на подготовку экспедиции дуката.

26 мая турки под рев труб, грохот барабанов и пламенные зазывания дервишей пошли на стены всей армией. Три часа кипел жестокий бой. Забыв о распрах, бок о бок сражались греки, генуэзцы, венецианцы, каталонцы, французы, даже турки – слуги принца Урхана, предложившего императору свои услуги. «... сквернии ... проповедником их окликавшие скверную свою молитву, абие взкричавшие все воинство скакажу к граду, и прикатившие пушки и пищали, и туры, и лесница, и грады деревянные, и ины

козни стенобит-ные, им же не бе числа, также и по морю двинувшие корабли... начаху бити град отовсюду, и мосты на рвех наряжати, и яко уже сбита со стен всех граждан, вскоре придвинута грады деревянные и туры высокия и лесница тмочисленныя, нуждахуся силою взойти на стены, не даша им Греки, но сечаахуся с ними крепко ... и бысть сеча премрачна, зане стрелы их [турок. – С.Д.] помрачи свет» (Искандер, [57, с.27 – 29]). Вдоль периметра сухопутных стен громоздились сотни мертвых тел, в воздухе слышались крики умиравших от ран и смертельных ожогов мусульман. Остаток ночи Мехмед II провел в размышлениях. Утром следующего дня султан объехал войска и пообещал им отдать город для грабежа на три дня. Солдаты приветствовали сообщение восторженными криками. Ночью лагерь османов затих – шла подготовка.

На рассвете 28 мая 1453 г. автократор ромеев Константин XII Палеолог собрал последний военный совет. Выступив перед командирами, император умолял их не посрамить знамени Константина Великого, не отдавать в жестокие руки измаилитов святынь и беззащитных женщин и детей. Кончив речь, Палеолог медленно обошел строй израненных, изможденных рыцарей и тихо просил каждого о прощении – если в чем-нибудь обидел. Многие плакали. Вечером в храме св.Софии состоялся торжественный молебен. Впервые за долгие недели осады все священники – и католические, и православные, совершали службу, вместе молились вчерашние спорщики и противники. По словам Стивена Рансимена, автора великолепной монографии о взятии Константинополя, только тогда, на пороге страшного, произошло действительное примирение двух церквей. Император и, по его примеру, многие другие воины причастились и надели лучшие одежды, готовясь к смерти.

Из церкви Константин XII поехал во Влахернский дворец и попрощался с близкими. В каждом доме мужчины расставались с женами и детьми, и почти всем им не суждено уже было увидеться. Друзья и малознакомые люди обнимались на улицах, не надеясь встретить зарю...

После захода солнца защитники встали на укрепления внешней стены. В турецком стане загорелись костры, оттуда

понеслись музыка и крики – османы ужинали, поднимая дух песнями. Город же погрузился в молчание. В тусклом ночном свете Константин обозревал равнину с крайней башни стены во Влахернах...

В час ночи, оглашая местность дикими воплями, с фашинами и лестницами на плечах вперед ринулись отряды вооруженных чем попало башибузуков – иррегулярной пехоты. Задачей этой самой малоценной части армии султана (башибузуки вербовались из всякого сброда, преступников, бродяг, среди них встречалось немало христиан-ренегатов) было измотать осаждающих, и Мехмед II без колебаний послал полуодетых разбойников против тяжеловооруженных латников Драгаша. Атака башибузуков, длившаяся два часа, захлебнулась в крови. С башен неслись стрелы и камни, в свете луны и звезд находя свою цель, турок рубили мечами и кололи копьями, они десятками падали с многометровых лестниц. Низвергавшиеся с громким ревом потоки «греческого огня» заливали периволос пламенем, добивая раненых и искалеченных. С обеих сторон трещали выстрелы тяжелых аркебуз. Над обреченным городом плыл тревожный гул колоколов – ударил набат св.Софии...

Уцелевшие башибузуки отхлынули от стен. После нескольких залпов батарей на склонах холмов показалась вторая волна атакующих. Теперь на приступ шли, поблескивая панцирями, отряды анатолийских турок. Греки и католики, не успев отдохнуть, снова взялись за оружие.

Бой кипел вдоль всей стены, но самый упорный натиск Мехмед организовал между воротами св.Романа и Полиандровыми. Император с дружиной прикрывал слабейший участок – Месотихион (там, где в город втекал ручей Ликос), справа от него сражались наемники Джустиниани, слева – генуэзцы и отряд родственника императора, перешедшего в католичество математика Феофила Палеолога. Ожесточенная схватка шла и во Влахернах, где держались венецианцы.

За час до рассвета ядро обрушило большой участок стены близ ворот св.Романа. Около трех сотен турок прорвались в Паратихион, но василевс со своими греками выбил их оттуда.

При свете восходящего солнца стрелы и пули, летевшие сверху, стали разить точнее, воины султана бежали назад, но стальные палки офицеров вновь и вновь гнали их на стены. После четырех часов боя, когда греки и их союзники изнемогали от усталости и ран, к воротам св.Романа двинулись лучшие турецкие части – янычары. Мехмед II лично довел их колонну до рва.

Этот третий приступ стал наиболее яростным. В течение часа янычары несли большие потери, казалось, что и на этот раз штурм кончится провалом. Фатих, понимая, что после этого единственным выходом будет только снятие осады, снова гнал и гнал своих людей вперед, под пули, камни и стрелы. И тут, раненый, упал Лонг Джустиниани. Кондотьер приказал отнести себя на галеру.

Оказавшись без предводителя, итальянцы начали бросать свои посты и уходить в город. Огромного роста янычар Хасан забрался на стену, отбиваясь от греков, подоспевшие его товарищи закрепились наверху.

Еще до штурма для какой-то из вылазок защитники использовали Керкопорту – маленькую калитку в стене. Она осталась незапертой, и отряд из полусотни янычар проник сквозь нее внутрь. Вскрабавшись на стену с тыла, турки побежали по ней, сбрасывая вниз измученных христиан. На башне св.Романа забился зеленый стяг. С криками «Город наш!» османы ринулись вперед. Первыми дрогнули и побежали итальянцы. Император приказал отступать за внутреннюю стену и остальным. Но многие ее ворота оказались заперты, в начавшейся панике возникли пробки, люди падали в ямы, из которых брали землю для заделки проломов. Внутреннюю стену никто не защищал, вслед за последними греками в город ворвались турки...

Константин XII, Феофил Палеолог и двое других рыцарей бились у ворот св.Романа (по другой версии – у Золотых). Когда толпа янычар повалила прямо на них, василевс крикнул родичу: «Пойдем, сразимся с этими варварами!» Феофил ответил, что хочет скорее умереть, чем отступить и, размахивая мечом, бросился навстречу врагам. Вокруг математика образовалась

свалка, и у Драгаша появилась возможность спастись. Но последний правитель Византии предпочел разделить участь своей империи. Вслед за Феофилом он шагнул в гущу боя, и больше живым его не видел никто...

На улицах завязывались стычки, в которых османы расправлялись с уцелевшими защитниками города. Одновременно начался грабеж, сопровождавшийся всеми теми ужасами, которые несла озверелая солдатня.

Сотни детей, женщин и стариков сбежали в св.Софию, веря, что в грозный час Бог не оставит их. «О, несчастные ромеи! – вспоминал Георгий Сфрандзи. – О, жалкие: храм, который вчера и позавчера вы называли вертепом и жертвенником еретиков и внутрь которого ни один человек из вас не входил, чтобы не оскверниться, потому что внутри его священнодействовали лобызавшие церковную унию, – теперь, по причине проявившегося гнева Божия, вы ищите в нем спасительное избавление...» Люди, молясь, ждали явления ангела-хранителя с огненным мечом. Янычары топорами выломали двери и с веревками в руках ворвались внутрь, хватая каждый своих пленников «ибо не было там возражающего и не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов – кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел себе красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, уже вязал ее ... Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачились грабителями; а если они с силой отталкивали от себя, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить и вторую жертву и третью...» [18, с. 402]. В Золотом Роге обезумевшие от ужаса люди, давя и сталкивая в воду друг друга, пытались спастись на уцелевших кораблях. Турки, занятые грабежом, не препятствовали бегству, и корабли смогли уплыть, оставив на пристанях тех, кому не хватило места.

К вечеру в залитый кровью город въехал Мехмед II. Султан приказал офицерам следить за сохранностью зданий, ставших его собственностью. Из св.Софии султан, пораженный ее величием, сам выгнал громивших ее фанатиков. Фатих посетил опустевший Влахернский дворец. Глядя на пятна крови в его покоях, он пропел персидский стих:

Паук свершает службу стражника в палатах царя,

Сова затягивает военную песнь во дворце Афрасиаба...

... Византия пала во вторник 29 мая 1453 г. Константина Палеолога вечером опознали в огромной груде трупов по маленьким золотым двуглавым орлам на пурпурных сапогах. Султан приказал отрезать царю голову и выставить ее на ипподроме, а тело похоронить с императорскими почестями. Могила эта (или то, что за нее принимали) по крайней мере до начала XX в. содержалась на площади Вефа в Стамбуле казной. Последний Палеолог – князь Джованни Ласкарис Палеолог – умер в 1874 г. в Турине. Город, основанный Константином I, сыном Елены, оказался навсегда поработщен варварами при Константине XII, сыне Елены. В этом Рим Второй повторил судьбу Рима Первого.

Русь. Рим третий. Эпилог

Зоя (Софья) Палеолог

(ок. 1456 – 1503)

Младшим ребенком в семье деспота Фомы была Зоя Палеолог. В 1466 г. по инициативе папской курии ее обручили с римским аристократом Карра-чоло, но тот вскоре умер. В феврале 1469 г. грек кардинал Виссарион в стремлении найти бедствующей племяннице последнего императора подходящую пару отправил своего эмиссара далеко на северо-восток, в Москву. Иван III, великий князь московский, правитель набиравшего силу русского государства, отлично понял, какие выгоды смог бы он извлечь из такого союза. Посол «московита» итальянец Джамбатиста Вольпе (Иван Фрязин), прибыв в Рим, быстро договорился с папским двором, в Москву была отвезена писанная с Палеологини «икона», а в середине лета 1472 г. Зоя отправилась в Россию через Данциг, Таллинн, и наконец, Псков, куда она прибыла в октябре, поразив русских своей тучностью и обрадовав множеством книг, которые привезла с собой.

Палеологиню сопровождал папский легат Антоний. Рим лелеял надежду утвердить в Московии уния. Однако хитрая Зоя венчалась по православному обряду, приняв имя Софьи, чем открыто порвала с унией и престолом св.Петра.

12 ноября 1472 г. Софья Фоминична Палеолог стала женой Ивана III. По свидетельству барона Герберштейна, посетившего Москву в начале XVI столетия, женщина эта была хитрая, властолюбивая, и под ее влиянием князь сделал многое. На Руси «деспину» не любили – за страсть к интригам и потворство родственникам в ущерб интересам Руси. Впоследствии князь Курбский, упрекая внука Софьи Ивана Грозного в незаконности его царствования, положил начало легенде об отравлении ею наследника московского великокняжеского стола Ивана Молодого (сына Ивана III от первого брака), чтобы утвердить трон за собственным сыном Василием.

Вместе с Софьей Москва получила в каком-то смысле право считаться духовной преемницей Византии. Двор великого

князя Московского многое перенял из этикета двора ромейских василевсов, династический знак Палеологов – двуглавый орел – стал гербом московского государства.

«Стоянием на Угре» в 1480 г. окончательно завершилась эпоха татарского владычества. Влияние Москвы среди других русских княжеств стремительно росло. Присоединив после упорной борьбы Тверь, Новгород, Ярославль, Вятку и другие города, Иван III стал называть себя Великим князем Всея Руси. Внук его и Софьи Иван IV Грозный в 1547 г. официально принял титул царя – искаженное римское *caesar*. На Востоке занялось утро Третьего Рима, но это – тема совсем другого рассказа...

Софья Палеолог умерла 7 апреля 1503 г.

Приложения

Императоры Византии 306–1453 (список)

Приводится по изданию: Дашков С.Б. Императоры Византии. М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1996.

Императоры Византийской Империи до завоевания ее крестоносцами

Константин I Великий (306–337)
Лициний (308–324)
Констант I (337–350)
Констанций II (337–361)
Юлиан II Отступник (361–363)
Иовиан (363–364)
Прокопий (узурпатор, правил ок.365)
Валент II(364–378)
Феодосий I Великий (379–395)
Аркадий (395–408)
Феодосий II Младший (408–450)
Маркиан (450–457)
Лев I Макелла Фракианин (457–474)
Лев II (474)
Зинон (474–491, 475–476 – вне Константинополя)
Василиск (475–476)
Анастасий I Дикор (491–518)
Юстин I (518–527)
Юстиниан I Великий (527–565)
Феодора I (527–548)
Юстин II (565–578)
Тиверий II (574–582)
Маврикий (582–602)
Фока (602–610)
Ираклий I (610–641)
Константин III (641)
Ираклеон (Ираклий II) (641)
Констант II (641–668)
Константин IV Погонат (668–685)
Юстиниан II Ринотмет (685–695 и 705–711)
Леонтий (695–698)
Тиверий III (Апсимар) (698–705)
Фнлиппик (Вардан) (711–713)

Анастасий II (Артемий) (713–716)
Феодосий III (715–717)
Лев III Исавр или Сириец (717–741)
Константин V Копроним или Каваллин (741–775, 742–743 –
вне Константинополя)
Артавазд (742–743)
Лев IV Хазар (775–780)
Ирина (780–790 и 797–802)
Константин VI Слепой (790–797)
Никифор I Геник (802–811)
Ставракий (811)
Михаил I Рангаве (811–813)
Лев V Армянин (813–820)
Михаил II Травл (820–829)
Феофил (829–842)
Феодора (II) (842–856)
Михаил III Пьяница (856–867)
Василий I Македонянин (867–886)
Лев VI Философ (886–912)
Александр (912–913)
Зоя I Карвонопсина (914–919)
Роман I Лакапин (919–944 16 дек.)
Константин VII Порфирогенет (самостоят. с 27 янв. 945 –
†959 ноябрь)
Роман II (959– †963 марта 15)
Феофано (963)
Никифор II Фока (963–969)
Иоанн I Цимисхий (969–976)
Василий II Булгароктон (976–1025)
Константин VIII (1025 –1028)
Роман III Аргир (1028 –1034)
Михаил IV Пафлагон (1034–1041)
Михаил V Калафат (1041 –1042)
Зоя II Порфирогенита (1042)
Константин IX Мономах (1042–1055)
Феодора (III) Порфирогенита (1042 и 1055 –1056)
Михаил VI Стратиотик (1056–1057)

Исаак I Комнин (1057 –1059)
Константин X Дука (1059 –1067)
Евдокия Макремволитиса (1067 и 1071)
Роман IV Диоген (1068 –1071)
Михаил VII Дука Парасинак (1071 –1078)
Никифор III Вотаниат (1078–1081)
Алексей I Комнин (1081 –1118)
Иоанн II Комнин (1118 –1143)
Мануил I Комнин (1143 –1180)
Алексей II Комнин (1180–1183)
Андроник I Комнин (1183 –1185)
Исаак II Ангел (1185 –1195 и 1203–1204)
Алексей III Ангел (1195 –1203)
Алексей IV Ангел (1203 –1204)
Алексей V Дука Мурфузл (1204)
Константин XI Ласкарис (1204–1205)

Императоры Никейской Империи

Феодор I Ласкарис (ок. 1205–1221/22)

Иоанн III Дука Ватац (1221/22–1254)

Феодор II Ласкарис (1254 –1258)

Иоанн IV Ласкарис (1258 –1261)

Михаил VIII Палеолог (1259–1261)

Императоры Латинской империи крестоносцев

Балдуин I Фландрский (1204–1205)
Генрих I Фландрский (1205–1216)
Пьер де Куртене (1217)
Иоланта де Куртене (1217 –1219)
Роберт де Куртене (1219 –1228)
Балдуин II (1228 –1261)
Иоанн де Бриень (регент в 1231–1237)

Императоры после восстановления Византийской Империи

Михаил VIII Палеолог (1261–1282)
Андроник II Палеолог Старший (1282 –1328)
Михаил IX Палеолог (1295–1320)
Андроник III Палеолог Младший (1325–1341)
Иоанн V Палеолог (1341 –1391, с перерывами в 1376 – 1379 и 1390)
Иоанн VI Кантакузин (1341–1354)
Матфей Кантакузин (1353 –1357, с 1354 – вне Константинополя)
Андроник IV Палеолог (1376–1379)
Иоанн VII Палеолог (1390, регент в 1399 –1403)
Мануил II Палеолог (1391–1425)
Иоанн VIII Палеолог (1425–1448)
Константин XII Палеолог Драгаш (1448–29 мая 1453)

Деспоты Морей

Мануил Кантакузин, сын Иоанна VI (1348 –1380)

Матфей Кантакузин, сын Иоанна VI (1380 –1383)

Дмитрий Кантакузин, сын Матфея (1383)

Феодор I Палеолог, сын Иоанна V (1383–1407)

Феодор II Палеолог, сын Мануила II (1407 –1439, с 1428
-совместно с братьями Константином и Фомой)

Константин Палеолог (1428–1449)

Фома Палеолог (1443 –1460)

Дмитрий Палеолог (1449 –1460)

Патриархи Константинополя. Список

Приводится по изданию: С.Б.Дашков. Императоры Византии. М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1996.

Нектарий (381 – 397)
Иоанн I Златоуст (398 – 404)
Арсакий (404 – 405)
Аттик (406 – 425)
Сисиний (426 – 427)
Несторий (428 – 434)
Прокл (434 – 446)
Флавиан (446 – 449)
Анатолий (449 – 458)
Геннадий I (458 – 471)
Акакий (472 – 489)
Фравита (489 – 490)
Евфимий I (490 – 496)
Македоний II (496 – 511)
Тимофей I (511 – 518)
Иоанн II Каппадокийский (518 – 520)
Епифаний (520 – 535)
Анфимий I (Анфим) III (535 – 536)
Мина (Мена) (536 – 552)
Евтихий (552 – 565)
Иоанн III Антиохийский (Схоластик) (565 – 577)
Евтихий (повторно) (577 – 582)
Иоанн IV Ниститис (Постник) (582 – 595)
Кириак (595/6 – 606)
Фома I (607 – 610)
Сергий I (610 – 638)
Пирр (638 – 641)
Павел II (641 – 653)
Пирр (повторно) (654)
Петр (654 – 666)
Фома II (667 – 669)

Иоанн V (669 – 675)
Константин I (675 – 677)
Феодор I (677 – 679)
Георгий I (679 – 686)
Феодор I (повторно) (686 – 687)
Павел III (688 – 694)
Каллиник I (694 – 706)
Кир (705 или 706 – 712)
Иоанн VI (712 – 715)
Герман I (715 – 730)
Анастасий (730 – 754)
Константин II (754 – 766)
Никита I (766 – 780)
Павел IV (780 – 784)
Тарасий (784 – 806)
Никифор (806 – 815)
Феодот Мелиссин Касситерра (815 – 821)
Антоний I Кассимата (821 – 837)
Иоанн VII Морохарзаний (Грамматик) (837 – 843)
Мефодий I (843 – 847)
Игнатий (847 – 858)
Фотий (858 – 867)
Игнатий (повторно) (867 – 877)
Фотий (повторно) (877 – 886)
Стефан I (886 – 893)
Антоний II Кавлеа (893 – 901)
Николай I Мистик (901 – 907)
Евфимий (907 – 912)
Николай I (повторно) (912 – 925)
Стефан II (925 – 927)
Трифон (927 – 931)
Феофилакт (933 – 956)
Полиевкт (956 – 970)
Василий I Скамандрин (970 – 974)
Антоний III Студит (974 – 979)
Николай II Хрисоверг (979 – 991)
991 – 996 – вакантен

Сисинний II (996 – 998)
999 – ок.1001 – вакантен
Сергий II Мануилит (1001 – 1019)
Евстафий (1019 – 1025)
Алексей Студит (1025 – 1043)
Михаил I Кирулларий (1043 – 1058)
Константин III Лихуд (1059 – 1063)
Иоанн VIII Ксифиллин (1064 – 1075)
Косьма I Иерусалимит (1075 – 1081)
Евстратий Гарида (1081 – 1084)
Николай III Кирдиниат (Грамматик) (1084 – 1111)
Иоанн IX Агапит (1111 – 1134)
Лев Стиппиот (1134 – 1143)
Михаил II Куркуас (Оксеит) (1143 – 1146)
Косьма II Аттик (1146 – 1147)
Николай IV Музалон (1147 – 1151)
Феодот II (Феодосий (?)) (1151/2 – 1153/4)
Неофит I (1153 – 1154,1 месяц)
Костантин IV Хлиарин (1154 – 1157)
Лука Хрисоверг (1157 – 1169/70)
Михаил III Анхиальский (1170 – 1178)
Харитон Евгениот (1178 – 1179)
Феодосий Ворадиот (1179 – 1183)
Василий II Филакопул Каматир (1183 – 1186)
Никита II Мунтан (1187 – 1189)
Досифей Иерусалимский (февраль 1189)
Леонтий Феотокит (февр. – окт. 1189)
Досифей (повторно) (1189 – 1191)
Георгий II Ксифиллин (1191 – 1198)
Иоанн X Каматир (1198 – 1206)
Михаил IV Авториан (ок. 1208 – 1214)
Феодор II Иреник (1214 – 1216)
Максим II (1216)
Мануил I Харитопул Сарантин (ок. 1216/17 – 1222)
Герман II (1222 – 1240)
Мефодий II (1240)
ок. 1240 – ок. 1243/4 – вакантен

Мануил II (1243/4(?) – 1254)
Арсений Авториан (1254 – 1260)
Никифор II (1260 – 1261)
Арсений Авториан (повторно) (1261 – 1265)
Герман III (1265 – 1266)
Иосиф I (1266 – 1275)
Иоанн XI Векк (1275 – 1282)
Иосиф I (повторно) (1282 – 1283)
Григорий II (Георгий Кипрский) (1283 – 1289)
Афанасий I (1289 – 1293)
Иоанн XII Косьма (1294 – 1303)
Афанасий I (повторно) (1303 – 1309)
Нифонт I (1310 – 1314)
Иоанн XIII Глика (1315 – 1319)
Герасим I (1320 – 1321)
Исайя (1323 – 1332)
Иоанн XIV Калека (1334 – 1347)
Исидор I (1347 – 1350)
Каллист I (1350 – 1353)
Филофей Коккин (1353 – 1354)
Каллист I (повторно) (1355 – 1363)
Филофей (повторно) (1364 – 1376)
Макарий (1376/7 – 1379)
Нил (1380 – 1388)
Антоний IV (1389 – 1390)
Макарий (повторно) (1390 – 1391)
Антоний IV (повторно) (1391 – 1397)
Каллист II Ксанфопул (1397)
Матфей I (1397 – 1402)
1402 – 1403 – вакантен
Матфей I (повторно) (1403 – 1410)
Евфимий II (1410 – 1416)
Иосиф II (1416 – 1439)
Митрофан II (1440 – 1443)
Георгий III Мамма (1443 – 1450) ¹³⁷
Афанасий II (1450)
Геннадий II Схоларий (1454 – 1456, 1463, 1464 – 1465)

При папском престоле существовали (по крайней мере до начала XX века) основанные еще во времена крестоносцев «латинские» патриархии Иерусалима, Александрии, Антиохии и Константинополя.

Словарь византийских терминов

Приводится по изданию: С.Б.Дашков. Императоры Византии. М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1996.

Невозможно в одном глоссарии дать объяснения всем понятиям византийского мира. Интересующийся читатель может для сравнения воспользоваться [246] (см. раздел Библиография), а также глоссариями, составленными Я.Н. Любарским [53 и 69], А.А. Чекаловой [70, новое изд.] и авторами [4].

Августал (префект августал)– наместник (префект) Египта с IV в. В византийскую эпоху было два А. – Верхнего и Нижнего Египта.

Автократор– самодержец.

Агридий– хутор, отделившийся от общины; в XIII–XV вв. – зависимое от землевладельца поселение.

Адскрипций (энапограф)– приписной колон,

Акакия– принадлежность парадного императорского облачения – мешочек с прахом, который император носил в руке в напоминание о бренности всего земного.

Акриты– землевладельцы, получавшие землю и право на налоговые льготы в обмен на обязательства по охране границ.

Акростих– общая сумма податей с данной податной единицы; писалась в ряд на полях писцовой книги.

Акривия канонов– противоположный экономии принцип византийского церковного права; выражался в признании того, что церковные каноны выше светских законов.

Актимоны (капникарии)– податная категория неимущих крестьян.

Акуфий– оружие: длинный и тонкий меч, по форме напоминавший клюв цапли; предназначался для пробивания распространенных на Востоке кольчужных доспехов.

Аллиленгий– «круговая порука», уплата общиной налогов за своих неимущих членов (или *динатом* – за своих зависимых людей).

Алониатикон– «гуменный сбор», денежная повинность в пользу землевладельца в поздней Византии.

Амвон– в раннехристианской церкви – возвышение для чтецов св. Писания и произносившего проповедь. Сначала располагался в середине храма, с XV в. – на севере. В настоящее время А. – выступ *солеи*, выдвинутый в центр храма.

Анаграфевс– должность, во многом сходная с должностью *эпопта*.

Анахорет– отшельник, пустынножительник (монах).

Ангария– повинность; первоначально – поставка волов для государственной почты, чиновников, послов; позже – преимущественно пахотная отработка в пользу землевладельца.

Анепигност– см. *ксенопарик*.

Аннона– 1) поставка продовольствия из Египта в Рим и Константинополь; 2) обеспечение продуктами (деньгами) войска и аппарата провинции.

Антиканфар– вид подати.

Анфипат – титул выше *патрикия*; соответствовал римскому *консуляру*.

Апокрисиарий– посол.

Апор– бедняк.

Аргировул– жалованная грамота, скрепленная серебряной печатью. Давалась императором, чаще – *деспотом*.

Аргиропрат– ювелир. А. называли также менял и ростовщиков.

Ариане– последователи александрийского пресвитера Ария (? – 336), в отличие от ортодоксальной церкви учившего, что Бог-Сын рожден, не мог существовать до своего рождения и, значит, имел начало и не равен Богу-Отцу. Начавшись с Ария, это учение приобрело множество направлений – вплоть до того, что некоторые ариане считали Сына не одной из ипостасей Троицы, а лишь «превосходным творением» Отца, ему не единосущным (омоофбиос; в ортодоксальном толковании), а подобносущным (омоиофбиос;), подобным (омоиос) т.п. Арианство было осуждено на Никейском соборе 325 г., но впоследствии возобладало в церкви Востока, особенно при имп.

Констанции II и Валенте II. В 381 г. арианство окончательно признано ересью. Христос некоторых ариан – не Бог, но герой; эта точка зрения была понятна и близка варварским народам империи, и многие (вандалы, готы, отчасти франки и др.) восприняли христианство в изложении последователей Ария.

Аристон– первая трапеза дня (завтрак).

Арифм– «числа», одна из *тагм*.

Архонт– «начальник», понятие, часто употреблявшееся византийскими историками в самом широком смысле по отношению к своим и иноземным чиновникам, правителям и т.д.

Асикрит– секретарь.

Аспрон трахи (аспр, трахи) – 1) низкопробные разменные монеты неопределенного номинала (от 1/48 до 1/184 *иперпирона*). Чеканились всеми императорами после Алексея I из серебра с большим количеством лигатуры (при содержании серебра менее 50% процентов такой сплав называют биллоном). 2) монеты из электра (сплава золота с большим количеством серебра) в 1/3 *номисмы-иперпирона* (после реформы 1092 г.). Под определение А. попадают и *номисмы* периода 1040 – 1080-х годов, когда они содержали до 70% серебра. 3) называемые чаще просто «трахи» серебряные и биллонные монеты Ласкарисов и Палеологов, чеканившиеся по образцу А.т. (1) и (2). Во времена последних Палеологов трахи содержали ничтожное количество серебра (лигатура, в основном медь, олово, свинец – до 95%) и имели темный цвет.

Афесия– вид налога.

Аэрикон– вид налога.

Банд– кавалерийская часть во главе с *комитом* Б. В разное время численность Б. колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

Баптидион – знак отличия *магистра*: украшенная перевязь на оба плеча.

Безант (византин)– так в Европе называли восточные золотые монеты, первоначально – византийские, затем арабские и пр. От обычая крестоносцев украшать щит по периметру этими монетами, привезенными из Святой Земли,

второе значение – геральдический знак: золотой (серебряный) кружок на гербе.

Богомилы– одна из самых распространенных ересей в XIII в., преимущественно в Болгарии; идеологически близка альбигойцам и катарам. Ср. *павлиниане*.

Букеллarii (вукеллarii)– 1) в ранней Византии – личная дружина частного лица, обычно полководца; 2) название одной из *фем*.

Василевс– император.

Василиса– императрица.

Василикон– серебряная монета Палеологов; по весу и содержанию серебра близка к *милиарисию*.

Венеты– см. *димы*.

Вестиарий– 1) чиновник, ведавший императорским гардеробом и особой казной; протовестиарий – старший В., высокая должность; 2) собственно натуральная казна императора.

Вест, вестарх– высокие титулы, значение которых менялось в X-XII вв.

Вестиопрат– торговец шелковыми и др. дорогими одеждами.

Викарий– 1) наместник *диоцеза*; 2) офицерский чин в пехоте; 3) лицо, замещавшее высшего церковного иерарха.

Виндик– наместник правительства в городах поздней Римской империи.

Властель– представитель землевладельческой знати, *динат*.

Воидат– податная категория крестьян, имевших участок земли, который можно было обработать с помощью одного вола.

Гексаграм– тяжелая (2 *милиарисия*) серебряная монета, чеканившаяся в сер. VII в.

Геникон– финансовое ведомство.

Гинекей– женская половина дома, женская мастерская.

Гистаменон– см. *номисма*.

Декан– 1) в римской армии – начальник десятка; 2) привратник.

Декархия– десяток, небольшой отряд византийской армии.

Декурион– см. *куриалы*.

Деспот– «владыка», высокий титул; в поздней Византии – наместник *деспоти*, обычно – ближайший родственник императора.

Деспотия (деспотат)– в поздней Византии область, находившаяся под властью *деспота* и относительно независимая от константинопольского императора (Д. Мореи, Фессалоники).

Диадема– одна из разновидностей императорских *корон*. Часто синоним слова «*корона*».

Дизевгарат– податная категория крестьян, имевших участок земли, который можно было обработать при помощи двух пар волов.

Дикастирии– учреждения светского суда в Константинополе.

Дикератион(2 *кератия*) – дополнительный налог к каждой *номисме* государственной подати. Взимался на ремонт городских стен.

Димарх– лицо, возглавлявшее один из *димов*.

Димы– спортивные партии цирков римских городов, к V в. трансформировались в политические. Сохраняли известную значимость до IX в. Были четыре основных цвета партий (в одежде этих цветов выступали возникшие на ристаниях) – венеты (голубые), прасины (зеленые), русии (красные) и левки (белые). Наибольшее значение имели первые две.

Динафы – «могущественные»; землевладельческая знать.

Диикит (практор)– высший налоговый чиновник *фемы*.

Диоцез– административное подразделение, меньше *префектуры*, но включавшее несколько провинций.

Дипнон– вторая трапеза дня (обед).

Диэтарий– старший какого-либо помещения царского дворца.

Домен– земля, находившаяся в собственности магната.

Доместик– титул: 1) в IV-VI вв. – помощник наместника провинции или военачальника; 2) в VIII-X вв. командир *тагмы* (кроме Т. арифм); 3) Д. схол Востока или Запада – фактически

командующий войсками этих областей; 4) Д. великий – командующий войском в XI-XIV вв.; 5) Д. фемы – адъютант *стратига*. Доместик богоугодных заведений – управитель казенными монастырями, больницами и т.д.

Доместикий– в поздней Византии – чиновник, следивший за исполнением приказов императора.

Докатив– денежный подарок, дававшийся воинам, новоизбранным императором.

Дорифор– копьеносец.

Дромон– «бегун», основной вид виз. боевого корабля, до 200 гребцов и 70 воинов, мог нести машины для применения огнесмесей.

Друнгарий– 1) Д. флота – командующий имп. флотом; 2) Д. Кивирреотов – стратиг *фемы* Кивирреотов, часто командовал всем фемным флотом; 3) Д. виглы – начальник ночной стражи Константинополя; 4) Д. арифма – командир этой *тагмы*.

Дука (дукс) – 1) наместник провинции в поздней Римской империи; 2) в X-XII вв. – наместник дуката (адм. единица, объединявшая несколько удаленных фем); 3) высокий титул в армии и на флоте (Д. флота).

Дулопарики– близкая *парикам* категория крестьян.

Евдомарий– «недельщик» – должность, носителям которой поручалось нести дежурства при дворе. Епискепит – надсмотрщик в поместьях.

Зевгаратикий– денежная рента с владельцев упряжек волов.

Зевгарий– 1) пахотная упряжка из пары волов; 2) участок, который можно было обработать парой волов, в зависимости от местности – от 80 до 270 *моднее*.

Зилоты– «ревнители»; 1) название народной партии в Иерусалиме I в.н.э.; 2) партия, стоявшая у власти в восставшей против Иоанна VI Фессалонике. Игемон (эгемон) – градоначальник, господин.

Идик– 1) начальник государственных мастерских; 2) императорская сокровищница Большого дворца.

Иканаты– см. *тагмы*

Икос– поместье.

Иллюстрий– «сиятельный»; высший гражданский титул в позднем Риме и ранней Византии. К разряду И. принадлежали *префекты префектур* (в Византии – Востока и Иллирика) и городов Рима и Константинополя.

Индикт– (индиктион) – пятнадцатилетие. По И. в Византии велось летоисчисление. Для установления года И. нужно число лет «от сотворения мира» (год от Р.Х. плюс 5508) разделить на 15, в остатке – год индикта (если деление без остатка – пятнадцатый И.). Год по И. начинался с сентября.

Ипаснист– щитоносец.

Ипат– титул ниже *спафария*

Иперпирон– (иперпир, перпер) – см. «*номисма*».

Ипостратиг– помощник *стратига*.

Исихазм– определение «исихазм» неоднозначно. Согласно, например, взглядам Иоанна Мейендорфа [183] И. – четыре не тождественных, но тесно связанных явления: 1) монашеско-отшельническая практика конца III–IV вв. в Малой Азии, связанная с полным уходом от мирской жизни; 2) психосоматический метод творения «Иисусовой молитвы»; 3) паламизм -система богословских понятий, выработанная Паламой в процессе полемики с Варлаамом и его учеником Григорием Акиндиным; 4) политический И. – социальная и культурная программа, проводимая с XIV в. некоторыми византийскими политическими деятелями. С.С.Аверинцев ([242], «Исихазм») понимает под И. аскетическую практику византийского монашества, оформившуюся к концу XIII в., и паламизм. В центре системы мира св.Григория Паламы – Бог, надбытийный, надсущностный, невидимый, непознаваемый и неназываемый, высшее благо и форма форм (Палама в этом следует неоплатоникам). В мире Бог проявляется лишь через свои действия – энергии, которые не есть его ипостаси, не сущность и не природа Бога, но не сотворены и вечны, так как они – сущее в Боге, источник и причина всего тварного. Человек, по Паламе, имеет тело и душу, «царя тела». И если душа впадает в зло, она гибнет, ибо Зло, являясь альтернативой Богу как Благу, Добру, Свету, – смерть. Вслед за мистиком X-XI вв. Симеоном Новым

Богословом Григорий учил, что души, исполнившиеся добра, чистые (в первую очередь, души святых), могут приблизиться к Богу и особой функцией, дарованной человеку, – «духовным разумом» – узреть его энергии (например, Фаворский свет, явленный апостолам). Как один из путей к такому очищению Григорий признавал безмолвную молитву, исихию. Развивал Григорий и тезис христианских писателей об «обожении» человека, о том, что человек призван спасти мир так же, как Христос спас человечество. Среди позднейших исследователей, к сожалению, нередко та ходульная формула, что исихазм вел к полному уходу от мирской жизни, пассивности, и что чуть ли не обезоруживающему его влиянию следует приписать быстрые успехи османов. Это далеко не так. И сам Палама, и его последователи ясно учили, что спасти и очистить душу возможно не только монаху, но любому – лишь бы искренне стремиться к высшему. Активная жизнь могла и не быть тому помехой. Пример такого деятельного исихазма (кроме самого Паламы) – император Иоанн VI Кантакузин.

Кадастр– податный список (села, владения, округа, *фемы* и пр.), куда заносились сведения о налогоплательщиках – число членов семьи, площадь и количество им принадлежавших угодий, поголовье их скота, недоимки и т.д.

Кампидуктор– в позднеримской армии должность, соответствовавшая *центуриону*.

Кандидат– 1) в IV–VIII вв. – солдат императорской охраны; 2) титул ниже *стратора*

Каниклий– «хранитель чернильницы», придворная должность.

Канон– поземельный налог. Каноникон – церковная подать. Капникарий – см. *актимон*.

Капникон– 1) в IX-X вв. – небольшая подать на военные нужды; 2) основной вид земельной ренты (с семьи).

Кастроктисия– повинность крестьян по ремонту и строительству военных сооружений.

Катафракт (кавалларий)– конный воин, одетый броней. В римской армии К. (клибанарии) были заимствованы у персов в II-III вв.

Катепан– 1) наместник *катепаната*; 2) начальник стражи Хрисотриклиния – «Золотой палаты», одной из главных зал Большого дворца.

Катепанат– в X–XI вв. – крупная отдаленная область (напр., К. Италия – на месте *фем* Калаврии и Лонгивардии).

Катерга– корабль.

Катергоктисия– повинность по строительству военных судов.

Кафисма– трибуна на ипподроме, предназначенная для императора. На К. столичного ипподрома из Большого дворца вела отдельная галерея.

Квестор– 1) римская магистратура, в Византии IX–X вв. – высокая судебная должность; 2) К. священного двора – главный юрист империи, председатель *консистория*.

Кентинарий– сто *либр* золота, 7200 *номисм*.

Кератин– серебряная монета с содержанием серебра, стоимость которого эквивалентна 1/1728 золотой либры (римская единица веса – *силиква*), т.е. 1/24 *номисмы*.

Кесарь (цезарь)– один из самых высоких *титулов*, первоначально – «младшего» императора (при Диоклетиане), с V в. давался в знак исключительного отличия и (или) наследникам трона. С начала VII в. титул К. перестал быть только императорским, хотя и остался достаточно высоким.

Кесарикий (стефания)– кесарский венец.

Кир– господин.

Китонит– придворная должность. К. охраняли китон – императорские покои.

Клавы– 1) у римлян – пурпурные полосы на тоге сенатора или всадника; 2) в Византии – должностные знаки отличия в виде нашивок на одежде (чаще всего на рукавах) различной формы и цвета. Императорским К. был *тавлион*.

Клариссим– «светлейший»; титул, носить который в эпоху принципата могли только сенаторы, а в позднем Риме и ранней Византии титул К. давался обычно наместникам провинций.

Клисура– 1) автономная адм. единица менее *фемы* (обычно – стратегически важная крепость и ее район) во главе с *клизурархом*;– 2) ущелье.

Кодик– копии с ценных документов, используемые для повседневных нужд.

Колон– в ранней Римской империи – поселенец, арендатор земли; с IV в. – лично свободный крестьянин, который тем не менее, как правило, не мог покинуть обрабатываемую землю. Во времена позднего Рима, особенно на Западе, колонат, наряду с рабским трудом, – основа сельскохозяйственного производства. С VII в. К. в византийских источниках не упоминаются.

Комит– титул многих должностных лиц в ранневизантийскую эпоху (К. *экскувитов* – начальник имп. телохранителей, К. дворцовых щедрот ведал раздачей наград, К. *банда* – командир отряда и т. д.); на Западе К. (*comes*) – граф.

Коммеркий– пошлина с лиц, занимающихся торговлей.

Коммеркиарий– сборщик *коммеркия*.

Консисторий– государственный совет при императоре из высшего чиновничества, верхов армии и духовенства.

Коноставл– великий К. – командующий войском наемников в Никейской империи и при Палеологах. Один из высших военных чинов.

Консул– высшая гражданская должность в римской республике. Два К., управлявшие государством, избирались на год, по именам К. в Риме велось летоисчисление. Во времена империи К. – почетный титул, в позднем Риме и Византии консулат стал чисто формальным, смена К. происходила до 10 раз в году. Юстиниан I прекратил назначение К., но и после его смерти некоторые императоры объявляли себя К.

Консуляр– бывший *консул*, в императорскую эпоху это почетное звание давалось в знак отличия и не отправлявшим консулат. См. *анфипат*.

Корона– важнейший атрибут императорской власти, ведет происхождение от венков, которыми награждали победителей в Греции и Риме. «Лучистая» императорская корона появляется на монетах поздних Антонинов. В ранней Византии К. представляла собой расшитую жемчугом повязку (диадема). Со времен Юстиниана I императоры носят стемму – металлический

обруч, украшенный золотом, драгоценными камнями и эмалями. Стемму венчал крест, по бокам стеммы свисали жемчужные подвески – катасесты (пропендулии). Венец кесаря (кесарикий) не имел креста и подвесок. В поздней империи К. имела вид стеммы с тульей и крестом наверху. Императоры носили и калиптру – шапку из дорогой материи, украшенную драгоценными камнями. С XIV в. известна и корона деспотов, называвшаяся стемматогионом.

Ксенохейон– странноприимный дом, обычно при монастыре.

Ксенопарик (анепигност)– парик, не внесенный в *кадастры* (например, только что осевший на новых землях).

Ктитор– основатель монастыря, пользовавшийся по отношению к нему рядом прав (доля в доходах и т.д.). Права ктиторства сходны с *харистикием*, но наследственные.

Кувикуларий– придворный охранник (обычно евнух), ночевавший рядом со спальней императора.

Куратория– *домен* императора.

Куриалы– (*декурионы*) – третье (после сенаторов и всадников) привилегированное сословие императорского Рима, провинциальные землевладельцы. На К. лежала ответственность за сборы налогов (недоимки они выплачивали из своих средств), им было запрещено покидать свои *курии*. В X в. сословие упразднено Львом VI.

Курия– орган муниципального управления в провинции, в состав которого входили *куриалы*.

Куропалат– «начальник охраны дворца», высокий титул, обычно – родственников императора, часто *синекура*.

Ланциарии– копьеносцы.

Легат– 1) в императорском Риме – командир легиона; 2) доверенное лицо императора в провинции; 3) чрезвычайный полномочный посол римского папы; 4) распоряжение завещателя об отказе к.-л. лицу (обычно рабу) некоторого имущества.

Лефтер (элевтер)– 1) (либер) юридически свободный (в отличие от *адскрипция*) *колон* в позднеримскую эпоху; 2) крестьянин, не записанный в государственный кадастр и не

плативший гос. налогов (как правило живший на земле к.-л. *дината*). Почти то же, что и *ксенопарик*.

Либра (*литра, римский фунт*)– мера веса, ок. 327,45 г. Из Л. золота чеканились 72 *номисмы*.

Лимес– римский пограничный вал; наиболее известен Л. рейнско-дунайский. Вдоль Л. жили солдаты и лимитаны – крестьяне, которые в обмен на обязательства по защите границы пользовались налоговыми льготами.

Литра– см. *либра*.

Логофет– должность, управляющий ведомством (**логофисией**) : Л. геникона – казны, Л. дрома – почты и внешних сношений, Л. стад – имп. поместий, Л. солдат или стратиотской казны – снабжения армии. Великий Л. – глава правительства в Никейской империи и поздней Византии.

Лохаг– командир лоха, небольшого пехотного отряда в несколько десятков воинов.

Лор– деталь парадного императорского облачения – украшенная длинная полоса ткани. В ранней Византии Л. (происходивший от **трабеи** римских *консулов*) надевался спереди на правое плечо и сложным образом обматывал тело, а свободный конец Л. свешивался с левой руки. Позднее, когда Л. стал очень тяжелым от золота и камней, его разъединили на несколько деталей – оплечья (**маниакий**, похожий на бармы русских царей) и нашивки – спереди по центру платья и на левом рукаве.

Магистр– 1) (*magister militum, стратилат*) в позднем Риме – высшая военная должность, в Византии – один из высших *титулов* в VII-XI вв.; первоначально М. было два, затем – до 12, и эта должность стала синекурой; 2) М. оффиций – начальник служб двора, первый министр в позднеримскую эпоху.

Мандатор– «вестник», одна из низших должностей военных или гражданских ведомств.

Манихеи– восточная дуалистическая секта. Мегадука – великий дука, в эпоху поздней Византии – командующий флотом.

Медимн— первоначально два *таланта*, ок. 72 кг. Для сыпучих тел – ок. 72 л. В Византии в разное время вес М. изменялся.

Метаксопрат— торговец шелком.

Месадзон— главный советник императора в поздней Византии.

Метох— поселение из небольшой обители и нескольких крестьянских дворов; как правило, в ведении крупного монастыря или *дината*.

Милиарисий— серебряная монета, первоначально содержащая серебро стоимостью 1/1000 золотой либры (примерно 14 М. на номисму, что соответствовало денарию Римской республики), затем меньше – 12 (т.е. 2 *кератия*). В поздневизантийское время вес М. упал с 4,5 до 2, 5 г. Выпускались монеты достоинством в 2/3 и 1/3 М., а также 1/2 (*кератий*).

Мина— античная монетная и весовая единица, 1/60 *таланта*.

Мистий— наемный работник.

Мистик— личный секретарь (как правило, царя).

Митат— повинность по приему на постой солдат и чиновников.

Митрокомия— большая деревня-община.

Модий— 1) мера сыпучих тел, 1/6 *медимна*; 2) мера земли, ок. 0,084 га, но его размеры сильно варьировались.

Моливдовул— грамота, скрепленная свинцовой печатью (*моливдулом*).

Монетарий— работник монетного двора.

Монозевгарат— податная категория крестьян, владелец *зевгария*.

Моностратиг— *стратиг* крупной *фемы*, которому подчинялись другие стратиги окрестных фем.

Монофиситы (монофизиты)— приверженцы монофизитства – еретического учения, что в Иисусе Христе человеческая природа (*физио*) полностью растворилась в Его божественной природе. Монофизитство было осуждено в 451 г. на четвертом Вселенском Соборе в Халкидоне.

Морта– десятина урожая.

Мортит– крестьянин, арендующий надел за *морту*.

Наварх– командир соединения кораблей.

Навикуларий– морской купец.

Навклир– собственник корабля.

Новелисим– один из высших *титулов*.

Новелла– закон, изданный после составления кодекса.

Номисма (солид, иперпир)– основная денежная единица Византии, *1/72 либры*; около 4,55 г. золота (24 римских силиквы; выпускались облегченные Н., от 23 до 20 силикв). По мнению П. Гриерсона [252], для монет от Диоклетиана до Никифора Фоки лучше употреблять термин «солид», а монеты от Алексея I (после реформы 1092 г.) называть иперпирами. На протяжении веков, с конца III в. до 960-х гг., вес Н. (реально дошедшие до нас несколько легче стандарта – около 4,4–4,45 г.) и проба (примерно 950) не менялись. Никифор II ввел двойной номинал Н. – гистаменон (стандартные Н. прежнего веса) и тетар-терон, примерно на 10 % легче, сначала немного, а затем сильно отличавшиеся друг от друга по внешнему виду (по толщине, диаметру и рисунку). При Михаиле IV началась порча Н., содержание золота к 1070 г. упало примерно до 30 %. В 1092 г. Алексей I произвел монетную реформу, стабилизировав Н. высокой, но несколько худшей, чем ранее, пробы (примерно 850) – иперпирон. До 1204 г. проба Н. оставалась практически такой; затем, на протяжении XIII-XV вв., проба Н.-иперпиринов неуклонно снижалась (667 – при Иоанне III, 625 – при Михаиле VIII, 583-при Андронике II до 1295г. и 500 – после 1295 г.). Иперпиры Андроника III (проба менее 500), Иоанна V и Иоанна VI, по сути дела уже не золотые, а из электра. С середины XIV в. чеканка Н. была прекращена. Византийская Н. IV – XI вв. стала образцом для монет Европы и Востока, почти тысячу лет являлась международной валютой.

Номофилакс– судья.

Нотарий– писец, составлявший и заверявший документы.

Нуммия (обол) – медная монета, см. *фолл*.

Ойкист– чиновник *куратории*.

Опсоний– довольствие, обычно натуральное (продукты, фураж), выплачиваемое из казны военным, чиновникам, церкви.

Опцион (оптион)– 1) младший командир в поздне-римской армии; 2) начальник отряда *федератов*’, 3) помощник военачальника, выбранный им самим.

Оргия– сажень.

Орфанотроф– «кормилец сирот», должность смотритель сиротских домов.

Павликиане– секта, идеологическая предшественница *богомил*ов; наибольшее число П. в VII-X вв. проживало в Армении.

Палатины– дворцовая стража.

Папий– комендант императорского дворца.

Парадинаст– «управитель», временщик.

Паракимомен – высокая придворная должность, начальник *китонитов*; часто евнух.

Паранзониум– оружие высших командиров в римской армии: очень короткий и широкий меч.

Параталассит– чиновник, судья по делам, связанным с морской торговлей и перевозками.

Парик– зависимый крестьянин в эпоху развитой Византии. По сравнению с крепостными крестьянами Запада, П. пользовались большей свободой.

Паррисия– право доклада непосредственно императору.

Патриарх– духовный глава автокефальной церкви Востока (в византийскую эпоху было четыре П.: Константинополя, Иерусалима, Александрии и Антиохии). П. Константинополя в табели о рангах X в. стоял сразу после императора.

Патрикий– высокий (в ранней Византии – высший) титул, дававший право занимать важнейшие посты, напр., *стратиг*ов *фем*.

Пекулий– собственность (обычно – земельный надел, жилье), дававшаяся рабу.

Периволос– пространство между крепостной стеной и рвом.

Перпер– *иперпирон*, см. *номисма*.

Пилатикии– императорские штандарты.

Пинакий– четверть *медимна*

Пинкертн– чашник: придворная должность.

Питтакий– вид грамоты.

Плефр– мера площади (1261,9 кв. м), половина римского югера.

Подеста– глава итальянской (Венеции или Генуи) колонии.

Портарий– младший офицер в пехоте.

Практик– опись имущества.

Препозит– распорядитель придворного церемониала (часто евнух).

Претор– в Риме – один из высших магистратов, отправлявший судебную власть. В Византии П. или судья *фемы* – высший гражданский чиновник фемы (с XI в.).

Преторий– палатка военачальника в римской армии, позже – штаб императорской гвардии, в византийскую эпоху – городская тюрьма.

Префект– высокая военная и административная римская должность, П. *претория* в иерархии империи следовали после государя. Иногда П. называли наместника к.-л. области или *архонта* крупного города.

Префектура– крупнейшая адм. единица поздней Римской империи. При разделе империи к Востоку отошли две: Восток (*диоцезы* Азия, Понт, Восток, Египет и Фракия) и Иллирик (*диоцезы* Дакия и Македония).

Примикирий– 1) старшина коллегии (напр., ремесленной); 2) в поздней Византии великий П.– начальник имп. свиты, носил и подавал василевсу скипетр.

Проексим– адъютант *доместика тагмы*.

Прения– пожалование земли (с крестьянами) в обмен на несение военной или административной службы императору. Аналог западноевропейского бенифиция.

Проскафимен– крестьянин, арендующий землю на срок, недостаточный для приписки его к земле по действующему законодательству.

Протевон– провинциальный городской архонт (П. Херсонеса).

Протиктор– младший офицер.

Прото— приставка «старший» — протомандатор, протопапа и др.

Протоканкелларий— *нотарий фемы.*

Протонотарий— старший *нотарий*; П. двора докладывал новости императору.

Протопала— главный священник имп. дворца.

Протоспафарий— 1) титул ниже *патрикия*; 2) П. фиалы — судья моряков.

Проздр синклита— высокий титул X-XII вв., глава *сената*. До XI в. давался обычно евнухам.

Птохи— «убогие», неимущие.

Руга— жалование (деньга, драгоценная одежда и пр.) чиновникам, солдатам. Высшим чиновникам и командирам Р. раз в год (обычно на Пасху) в торжественной обстановке вручал лично император.

Сакеллий— императорская казна, **фиск**.

Сакелларий — 1) хранитель *сакеллия*; 2) императорский контролер логофисий.

Севаст— высокий титул XI-XIII вв.

Севаста— высокий женский *титул* XI-XIII вв.

Севастократор — один из высших *титулов*.

Севастофор— императорский герольд. Должность, дававшаяся евнуху.

Семисс— ранневизантийская золотая монета, 1/2 *номисмы*.

Серикарий— ткач по шелку, пурпуру.

Силенциарий— «хранитель тишины», в ранней Византии — придворная должность (С. обеспечивал порядок по пути следования императора), позже — невысокий чин.

Силенций— конфиденциальное совещание императора и высших чинов империи по какому-либо важному вопросу.

Симвасилевс— император-соправитель.

Синифия— «обычное», пошлина в пользу сборщиков налога (1 *милиарисий* с каждой *номисмы* подати).

Синклит— сенат.

Ситаркий— хлебная подать.

Ситолог— сборщик *ситаркия*.

Скарамангий– вид одежды, кафтан с полами спереди.

Скифаты– общее название византийских монет, имевших вогнутую форму («чашечки»; появились после 1-й трети XI в.). Причина появления в Византии монет такой формы – предмет дискуссии. По остроумному замечанию Е.В. Дашковой, «чашечками», да еще с неровными (как правило) краями было просто удобно пользоваться (брать рукой с гладкой поверхности).

Содемний– выдача продуктов и денег из казны (как правило, духовенству).

Солея– возвышение перед иконостасом в православном храме.

Солид– см. *номисма*.

Спафарий– титул между *спафарокандидатом* и *ипатом*.

Спафарокандидат– титул ниже *протоспафария*.

Спектабиль – «высокородный»; титул в позднем Риме и ранней Византии. Титул С. носили *викарии диоцезов*, *августалы* и некоторые другие чиновники.

Спортула– судебная пошлина.

Стратиг– наместник *фемы*, командир фемного войска.

Ставратон– тяжелая (ок. 8 г.) серебряная монета последних Палеологов. Иногда ее называют «серебряным иперпиром». Известны монеты номиналом в 1/8, 1/2, 2/3 и 3/4 С.

Стратиот– крестьянин, владеющий землей на условии несения воинской повинности. В X в. конный воин-С. выставлялся с участка стоимостью в 4 *литры*, солдат и моряк – в 2–4, если участок дробился, воина снаряжали совладельцы в складчину.

Стратор– 1) титул ниже *ипата*; 2) конюший.

Стратопедарх– начальник военного лагеря, полководец. Великий С. – командующий войском в эпоху Никейской империи, позже – интендант армии.

Схолы (схоларии)– одна из *тагм*.

Тавуларий– член коллегии юристов.

Тавлион – нашивка; золотой ромб на императорском плаще.

Тагмы– гвардия; в порядке убывания котировки: кавалерийские (*схолы, зкскувиты, арифм и иканаты*), пехотные (нумера и стен). Т. стен охраняла «Длинные стены».

Таксиот– «тысяцкий», старший офицерский чин.

Талант– мера веса, от 26,2 до 37 кг.

Тарий – монета, имевшая хождение в южноитальянских владениях Византии в средние века, 1/4 номисмы.

Тахидромон– разведывательное судно.

Титулы– в Византии существовала одна из самых развитых бюрократий. Например, «Табель о рангах» X в. насчитывает следующие основные Т. (в порядке убывания): 1) вне классов: патриарх Константинополя, *кесарь, новелисим, куропалат*, василеопатор, зоста *патрикия* (высший женский титул), ректор, синкелл, архиепископ Болгарии; 2) I класс: *анфипаты, патрикии, протспафарии*, дисипаты; 3) II класс: *спафаро-кандидаты*; 4) III класс: *спафарии*; 5) IV класс: *ипаты, страторы, кандидаты, мандаторы*, веститоры, *силенциарии*, апоэпархи. Носители титулов различных классов могли претендовать на соответствующие положению титула должности. «Табель о рангах» XIV-XV вв. отлична от первой. В порядке убывания: *деспот, севастократор, кесарь, великий доместик, протовестиарий, паниперсеваст, мегадука, протостратор, великий логофет, доместикий, великий стратопедарх, великий примикрий, великий коноставл, протосеваст, пинкерн, куропалат, паракимомен печати, паракимомен китона, доместик стола* и т. д. Т. могли быть пожизненными. Возможно, более правильно переводить слово «титлос» не как «титул», а как «сан».

Топотирит– старший (после *доместика*) офицер *тагмы*.

Трапезит– меняла.

Тремисс (триенс)– ранневизантийская золотая монета, 1/3 *НОМИСМЫ*.

Тривун (трибун)– 1) трибунат – важная магистратура Римской республики. Т. представлял интересы народа перед сенатом и высшими магистратами. В эпоху империи потерял значение; 2) в Византии VIII-X вв. – старший офицерский чин в пехоте.

Триклиний– 1) столовая римского дома; 2) трапезная во дворце, зал приемов.

Турма– 1) в римскую эпоху на Т. делилось сословие всадников, при императорах Т. называли кавалерийский отряд; 2) в Византии – подразделение фемной армии (несколько *банд*) во главе с турмархом.

Туника– у римлян Т. называлась рубашка до колен, надеваемая под тогу. У греков подобная одежда называлась «хитон». В Византии существовало много разновидностей Т.: далматика, коловий, стихарь, саккос, иматий (гиматий).

Федераты– варварские племена, поступавшие под руководством своих вождей на римскую военную службу. Признавали над собой власть империи, жили на ее территории, получали жалованье из казны.

Фемы– 1) округ, вся полнота власти в котором принадлежала *стратигу* Ф.; 2) ополчение, которым командовал *стратиг*.

Filioque – «филиокве»– прибавка в символе веры, в части, касающейся вопроса об исхождении Св.Духа («и от Сына»), принятая в католицизме.

Фолл (фоллис)– основная медная монета; 40 нуммий (по Анастасиевой реформе). Выпускались монеты достоинством в 30, 20, 12, 10, 5 нуммий. В 1 *номисме* от 180 (VI в.) до 288 (X в.) Ф.

Фоникон– штраф, взимаемый за убийство.

Харистикий– права светского лица или монастыря управлять владениями (как правило, другого монастыря).

Хартофилак(с)– глава канцелярии константинопольского патриарха и судья по церковным делам.

Хартулларий– высокий чин, офицер, в чьем ведении были списки солдат *фемы* или *тагмы*.

Хеландий– небольшой боевой или транспортный корабль.

Хиротония– возведение в сан, духовный или светский (см. «*титулы*»). В X. высших должностных лиц принимал участие император.

Хитон– см. *туника*.

Хламида– плащ, оставлявший свободной правую руку.

Хорафий– надел, обычно пахотной земли.

Хрисаргир– налог, отмененный Анастасием I.

Хрисовул– императорская грамота с золотой печатью.

Хрисотелия– вид налога с землевладельцев в ранней Византии.

Хронограф– летопись.

Центурион– в римской армии младший офицер, командир центурии (ок. 100 солдат). Назначался из опытных легионеров.

Экдик– «попечитель», представитель наместника; судебный исполнитель.

Экзархат– административная единица в VI–VIII вв. в отдаленных районах империи (Африканский или Карфагенский Э., Итальянский или Равеннский Э.), в которых вся полнота власти принадлежала одному чиновнику, экзарху.

Эксафоллон– дополнительный налог на ремонт местных укреплений (6 фоллов с *номисмы* гос. подати).

Эконом (иконом)– 1) управляющий поместьем; 2) монах, ведавший хозяйством церкви, монастыря, епархии.

Экономия (икономия)– принцип византийского светского права, оправдывавший наличие в светском законодательстве статей, противоречивших церковным канонам. Согласно принципу Э., человек -существо несовершенное и, снисходя к его слабостям, а так же желая путем позволения свершить меньший грех помочь ему избежать искушения большего, императоры вводят менее строгие, нежели каноны, правила общества (например, развод есть грех, но хуже, когда супруги живут в ненависти и в конце концов доходят до убийства, значит, власть светская разрешает разводы). Ср. акривия канонов.

Экскувиты (экскувиторы)– дворцовая стража, впоследствии – одна из *тагм. Комит* Э. – высокая должность.

Экскуссия– налоговый и судебный иммунитет.

Элатикон– дополнительная подать в пользу низших сборщиков «за утомление ног» – 0,5 *милиарисия* с *номисмы* гос. подати.

Эмфитевсис– долгосрочная аренда.

Энапограф– приписной колон.

Энномий– пошлина за пастбище. Эпарх – градоначальник.

Эпибола (эпиболэ)– приписка в принудительном порядке пустующих участков земли соседям, обязывавшая их платить за новые «владения» поземельные налоги.

Эпопт– ревизор.

Эргастерий– 1) мастерская; 2) мельница.

Этерия– наемная иноземная гвардия, телохранители императора.

С.Б.Дашков. Библиография

Библиография к книге: С.Б.Дашков. Императоры Византии. М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1996.

К оглавлению

1. Источники

1. Памятники византийской литературы IV-IX вв./ Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М, 1968.
2. Памятники византийской литературы IX-XIV вв./Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1969.
3. Сборник документов по социально-политической истории Византии/ Отв. ред. акад. Е.А.Косминский. М., 1951.
4. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. 3. М, 1953.
5. Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т./Под ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина. М., 1949–1953.
6. Хрестоматия по истории средних веков: В 2 т./Под ред. акад. С.Д.Сказкина. М., 1961–1963.
7. Агафий. О царствовании Юстиниана/Пер. М.В.Левченко. Л., 1953.
8. Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных/Пер. М.А.Поляковской/ВВ. Т. 33. 1972.
9. Анна Комнина. Алексиада/Пер., комм. Я.Н.Любарского. М., 1965.
10. Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов»/Пер., прим., указ. С.В.Поляковой и И.В.Феленковской/ ВВ. Т. 8. 1956.
11. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов/ Пер. Н.В.Пигулевской/ТИВ. Т. 7. 1939.
12. Антиох Стратег. Пленение Иерусалима персами в 614году/Подг. НЛ.Марр/Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. VI, IX, 1909.
13. Асохик. Всеобщая история/Пер. Н.Эмина. М., 1864.
14. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.)/ Пер., вступ. ст. В.С.Шандровской /ВВ. Т. 9. 1956.
15. Византийская книга Эпарха/Пер., комм. М.Я.Сюзюмова. М., 1962.
16. Византийская любовная проза/Подг., пер. С.В.Поляковой. Л., 1965.
17. Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр,

- Ноннос и Феофан Византиец/Пер. С.Дестуниса. Спб., 1868.
- 18.** Византийские историки Дука, Сфрандзи, Лаоник Халкокондил о взятии Константинополя турками/Пер., предисл. А.С.Степанова и Е.Б.Веселаго/ВВ. Т. 7. 1953.
- 19.** Византийские легенды/Пер. С.В.Поляковой. Л., 1972.
- 20.** Византийский земледельческий закон/Подг. Е.Э.Липшиц, И.П.Медведева, Е.К.Пиотровской; под ред. И.П.Медведева. Л., 1984.
- 21.** Византийский медицинский трактат XI-XIV вв. /Пер., комм. Г.Г.Литаврина/ВВ. Т. 31. 1971.
- 22.** Византийский сатирический диалог/Подг. С.В.Поляковой и И.В.Феленковской. Л., 1986.
- 23.** Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века/Пер., комм. Е.Э.Липшиц. Л., 1960.
- 24.** Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах/ Пер. Б.Т.Горянова/ВВ. Т. 6. 1953.
- 25.** Георгий Гемист Плифон. О законах/Пер. И.П.Медведева/ Медведев И.П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- 26.** Георгий Акрополит. Летопись Великого Логофета Георгия Акрополита/Пер. И.Троицкого/ ВИПДА. Спб., 1863.
- 27.** Георгий Акрополит. Эпитафия Георгия Акрополита императору Иоанну Дуке [Ватацу] /Подг. П.И.Жаворонкова/ВВ. Т. 48. 1987.
- 28.** Георгий Амартол. Книги временные и образные Георгия Мниха (Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе)/Подг. В.М.Истрина. Т. 1–3. Пг.-Л., 1920–1930.
- 29.** Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах/Пер. под ред. С.П.Карпова /ВИПДА. Спб., 1868.
- 30.** Две византийские хроники X века.
а) Псамфийская хроника; б) Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники/Пер., комм. А.П.Каждана. М., 1959.
- 31.** Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма/Пер., комм. А.Я.Сыркина. М., 1960.
- 32.** Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты/Пер., прим. И.С.Перетерского. М., 1984.

- 33.** Евагрий Схоластик. Церковная история/УХЧ. №4, 1853; №4, 1854.
- 34.** Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984. (Новое издание: Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя/Пер., комм. М.А.Заборова. М., 1993).
- 35.** Избранные жития святых III–IX вв. Т. 1. М., 1992.
- 36.** Иешу Силит. Сирийская хроника/ Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. ТИВ. Т. 31. 1940.
- 37.** Изборник. Повести древней Руси/ Сост. Л.А.Дмитриева и Н.В.Понырко. М., 1987.
- 38.** Иоанн Кантакузин/Г.М.Прохоров. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367–1371 гг./ВВ. Т. 29. 1968.
- 39.** Иоанн Киннам. Краткая история царствования Иоанна и Мануила Комнинов/ Пер. под ред. В.Н.Карпова/ ВИПДА. Спб., 1859.
- 40.** Иоанн Цимисхий. Письмо к армянскому царю Ашоту III/ Пер. Хр. Кучук-Иоаннеса/ВВ. Т. 10. 1903.
- 41.** Иоанн Эфесский. Отрывки из хроники/Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.
- 42.** Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)/Пер. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.
- 43.** Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в./Пер., комм. Г.Г.Литаврина. М., 1972.
- 44.** Константин Багрянородный. О фемах. О народах/Пер. Г.Ласкина. М., 1899.
- 45.** Константин Багрянородный. Об управлении империей/ Текст, пер., комм. под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1991.
- 46.** Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора (отрывки)/Памятники византийской литературы IV–IX вв./Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1968. С. 75–78.
- 47.** Ластивертци Аристокэс. Повествование вар-дапета Аристокэса Ластивертци/ Пер. К.Н.Юзбашян. М., 1968.

- 48.** Лев Диакон. История/Пер. М.П.Копыленко. М., 1988.
- 49.** Либаний. Речи: В 2т./Пер. С.Шестакова. М., 1914–1916.
- 50.** Маврикий. Тактика и стратегия. С латинского перевел капитан Цыбышев. Спб., 1903.
- 51.** Михаил Палеолог. Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Дмитрия/Изд. И.Троицкий. 1886 (или ХЧ. 1885. №6).
- 52.** Михаил Панарет. Трапезундская хроника/ Подг. А. Хаханова/Труды по востоковедению Лазаревского ин-та вост. языков. Вып. 23. М., 1905.
- 53.** Михаил Пселл. Хронография/ Пер. Я.Н.Любарского. М., 1978.
- 54.** Михаил Пселл. О сочетании частей речи. Обзор риторических идей. Ипертима Пселла слово, составленное для вестарха Пофоса, просившего написать о богословском стиле. Сравнение Еврипи-да с Писидой (спросившему, кто лучше писал стихи, Писида или Еврипид) /Пер. Т.А.Миллер/ Античность и Византия: Сб. статей/Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1975. С. 156–171.
- 55.** Михаил Пселл. Обвинительная речь против Михаила Кируллария/Безобразов П.В.. Материалы для истории Византийской империи. ЖМНП. Ч. 265. 1889. С. 23–84.
- 56.** Морской закон/Пер. МЛ.Сюзюмова/АДСВ. Вып. 6. 1969.
- 57.** Нестор Искандер. Повесть о Царьграде, его основании и взятии турками в 1453 году/ Сообщ. архимандрит Леонид. Спб., 1886.
- 58.** Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле/Подг. Ф.А.Петровский. М., 1969.
- 59.** Никита Хониат. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина/ Пер. под ред. В.И.Долоцкого (1 т.) и И.В.Чельцова: 2т./ВИПДА. Спб., 1860–1862.
- 60.** Никита Хониат. Речь, составленная и прочитанная перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли/ Пер. П.И.Жаворонкова/ ВО. М., 1991.

61. Никифор. Никифора, патриарха Константинопольского, «Краткая История»/Пер. Е.Э.Липшица/ВВ. Т. 3. 1950.

62. Никифор Вриенный [Кесарь]. Исторические записки Никифора Вриенния/Пер. под ред. В.Н.Карпова/ ВИПДА. Спб., 1858.

63. Никифор Григора. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами/Пер. М.Л.Шалфеева/ ВИПДА. Спб., 1862.

64. Олимпиодор. Олимпиодора «История» в записях и выборках Фотия/Подг. Е.И.Скржинская/ ВВ. Т. 8. 1956.

65. Паллад Александрийский. Эпиграммы/Публ. Ю.Ф.Шульца/ВВ. Т. 24. 1964.

66. Петр Сицилийский. Полезная история/ Бар-тикян Р.М. Петр Сицилийский и его «История павликиан».ВВ. Т. 18. 1961.

67. Повесть о Скандербеге/Подг. Н.Н.Розова, Н.А.Чистякова. М., 1957.

68. Приск Панийский. Сказания Приска Паний-ского/ Пер. Г.С.Дестуниса/ Ученые записки II отд. Имп. Акад. Наук. Кн. VII, вып. 1. Спб., 1861.

69. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей/Подг. Я.Н.Любарского. Спб., 1992.

70. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готфами/Пер. С. и Г. Дестунисов/ Зап. Историко-филологического ф-та

Спб. ун-та. Т. 1–3. 1876–1891. (Новое издание: Про-копий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/Пер., ст., комм. А.А.Чекаловой. М., 1993.)

71. Прокопий Кесарийский. Война с готами/Пер. С.П.Кондратьева. М., 1950.

72. Прокопий Кесарийский. О постройках Юстиниана/Пер. С.П.Кондратьева/ВДИ. №4(9). 1939.

73. Прокопий Кесарийский. Тайная история/ Пер. С.П.Кондратьева/ВДИ. № 4(5). 1938. (Новое издание: см. [70].)

74. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики раннего христианства. М., 1990.

- 75.** Робер деКлари. Завоевание Константинополя [в 1204г.]/ Пер., комм. М.А.Забонова. М., 1968.
- 76.** Себеос. История императора Иракла/ Пер. К.П.Патканова. Спб., 1862.
- 77.** Синезий Киренский. О царстве/Пер. М.В.Левченко/ВВ.Т. 6. 1953.
- 78.** Сметанин В.А. Перечень изданий поздневизантийских писем с 1502 по 1917 г. АДСВ. Вып. 6. 1969.
- 79.** Созомен Эрмий. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. Спб., 1851.
- 80.** Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1911 (на шмуцтитуле-1912).
- 81.** Сфрандзи Георгий. Хроника/Пер. и прим. Е.Д.Джагацпанян/ Кавказ и Византия. Т. 5. 1987.
- 82.** Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского. М., 1890.
- 83.** Феофилакт Симокатта. История/Пер. С.П.Кондратьева. М., 1957.
- 84.** Филосторгий. Сокращенная церковная история Филосторгия, сделанная патриархом Фотием/ ХЧ, 1854. № 4.
- 85.** Чичуров М.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора¹ /Текст, пер., комм. М., 1980. (Переводы даны в сокращенном по ср. с [61] и [82] виде).
- 86.** Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Пер., комм. Е.Э.Липшиц. М., 1965.
- 87.** Эпиграммы Павла Силенциария и Македония Консула/ ВВ. Т. 30. 1969.
- 88.** Яхья Антиохийский/Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского/Зап. Имп. Акад. Наук. Т. 44, ч. 1. Спб., 1883.
- 89.** Номоз Зтротиотикоз (Воинский закон)/ Пер. В.В.Кучмы. ВВ. Т. 32. 1971.

2. Литература

- 90.** Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- 91.** Азаревич Д.И. История византийского права. Т. 1, ч. 1, 2. Ярославль, 1876–1877.
- 92.** Алексеев Ю.Г. Государь Всея Руси. Новосиб., 1991.
- 93.** Алексей (Дородницын), еп. Чистопольский. Византийские церковные мистики XIV века (Препод. Григорий Палама, Николай Кавасила и преп. Григорий Синаит)/ Православный собеседник. Казань, 1906.
- 94.** Античность и Византия: Сб. статей/Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1975.
- 95.** Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X века и крещение княгини Ольги/ВВ. Т. 41. 1980.
- 96.** Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза:Альбом репродукций. Л.; М., 1966.
- 97.** Барабанов Н.Д. Византия и Русь в начале XIV века. Некоторые аспекты отношений патриархата и митрополита/ ВО. М., 1991.
- 98.** Беляев Д.Ф. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX-X вв./Записки Имп. Русск. Археологического О-ва. Т. 5, вып. 1–4. Спб., 1893.
- 99.** Беляев Д.Ф. Обзор главных частей Большого императорского дворца/Записки Имп. Русск. Археологического О-ва. Т. 5, вып. 1–2. Спб., 1891.
- 100.** Бычков В.В. Византийская эстетика. М., 1977.
- 101.** Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.
- 102.** Бычков В.В. Смысл искусства в византийской культуре. М., 1991.
- 103.** Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии/ Зап. Историко-филологического ф-та Спб. ун-та. Т. 56. 1900.

- 104.** Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии/ Зап. Историко-филологического ф-та Спб. ун-та. Т. 66. 1902.
- 105.** Васильев А.А. История Византии: В 3 т. Л., 1923–1925.
- 106.** Васильев А.А. Лекции по истории Византийской империи. Т. 1. Пг., 1914.
- 107.** Васильев А.А. Передача Андреем Палеологом своих прав на Византию французскому королю Карлу VIII/Сб. в честь Н.И.Кареева. Петроград, 1914.
- 108.** Васильев А.А. Происхождение императора Василия Македонянина/ВВ. Т. 12. 1906.
- 109.** Васильев А.А. Путешествие императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399 –1403 гг.). Спб., 1912.
- 110.** Васильевский В.Г. Труды. Т. 1 – 4. Спб.; Л., 1908–1930.
- 111.** Византийская литература: Сб. ст. М., 1974.
- 112.** Византийское искусство и литургия. Новые открытия. Л., 1991.
- 113.** Всеобщая история архитектуры: В12 т. Т. 2, 3. М., 1963–1966.
- 114.** Герцберг Г.Ф. История Византии/Пер., прим. П.В.Безобразова. М., 1897.
- 115.** Гийан Р. Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV-VI вв.)/ ВВ. Т. 24. 1964.
- 116.** Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
- 117.** Глушанин Е.П. Военно-государственное землевладение в ранней Византии (к вопросу о генезисе фемного строя)/ ВВ. Т. 50. 1989.
- 118.** Горянов Б.Т. Византийский город XIII-XIV вв./ВВ. Т. 13. 1958.
- 119.** Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- 120.** Диль Ш. Византийские портреты: В 2 т./ Пер. М. Безобразовой. М., 1914. (Новое издание: Диль Ш. Византийские портреты/Пер. М. Безобразовой, пред. П.Безобразова. М., 1994.)
- 121.** Диль Ш. История Византийской империи/ Пер. А.Е.Рогинской. М., 1948.

- 122.** Диль Ш. Основные проблемы византийской истории/ Пер., предисл. Б.Т.Горянова. М., 1947.
- 123.** Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке/ Пер. с французского. Спб., 1908.
- 124.** Дьяконов А.П. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI-VII вв./ВДИ. №1.1946.
- 125.** Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. Спб., 1908.
- 126.** Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М, 1992.
- 127.** Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-х гг. XIII в.)/ВВ. Т. 39. 1978.
- 128.** Жаворонков П.И. Никейская империя и Запад/ ВВ. Т. 36. 1974.
- 129.** Жаворонков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита/ВО. М., 1991.
- 130.** Жаворонков П.И. V истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря)/ ВВ. Т. 38. 1977.
- 131.** Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
- 132.** История Византии: В 3 т./Отв. ред. акад. С.Д.Сказкин. М., 1967.
- 133.** История средних веков: В 2т.)/Под ред. З.В.Удальцовой и С.П.Карпова. Т. 1. М., 1990.
- 134.** История древнего мира: В 3 т./Под ред. И.М.Дьяконова. Т. 3. Упадок древних обществ. М., 1966.
- 135.** История Италии/Ред. С.Д.Сказкин и др. Т. 1.М., 1970.
- 136.** Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI -XII вв. Ереван, 1975.
- 137.** Каждан А.П. Загадка Комнинов (опыт историографии)/ ВВ. Т. 25. 1964.
- 138.** Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.
- 139.** Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI-XII вв. М., 1974.

- 140.** Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
- 141.** Ковальский Я.В. Папы и папство. М, 1991.
- 142.** Корсунский А.Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI-VII вв./ВВ. Т. 12. 1957.
- 143.** Корсунский А.Р. От Восточной Римской империи к Византии/ ВВ. Т. 29. 1968.
- 144.** Кулаковский Ю.А. История Византии: В 3 т. Киев; Спб, 1910–1913.
- 145.** Кулаковский Ю.А. Стратегика императора Никифора/ Зап. Имп. Акад. Наук. Т. 8, № 9. Спб., 1908.
- 146.** Культура Византии. IV-первая половина VII в./Отв. ред. З.В.Удальцова. М., 1984.
- 147.** Культура Византии. Вторая половина VII-XII в./Отв. ред. З.В.Удальцова. М., 1989.
- 148.** Культура Византии XIII–первой половины XV в. /Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М., 1991.
- 149.** Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.
- 150.** Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты (к истории общественно-политической мысли). Л., 1991.
- 151.** Курганов Ф.А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань, 1881.
- 152.** Кучма В.В. Византийские военные трактаты как памятники культуры/АДСВ. Свердловск, 1987.
- 153.** Кучма В.В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX – X вв. (по «Тактике Льва»)/ АДСВ. Вып. 9. 1973.
- 154.** Кучма В.В. Теория и практика военного дела Византийской империи по данным трактатов X в. /ВО. М., 1982.
- 155.** Кучма В.В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX -X в./ВО. М., 1971.
- 156.** Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986.

157. Ласкин Г. А. Ираклий. Византийское государство в 1-й половине VII века. Харьков, 1899.

158. Латышев В.В. К вопросу о литературной деятельности Константина Багрянородного/ ВВ. Т. 22 за 1915–1916 гг., изд. в 1916.

159. Лебедев А.П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца X до половины XV века. Собр.соч. Т.7. М. 1902.

160. Лебедева Г.Е. Социальная структура ранне-византийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.

161. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

162. Липшиц Е.Э. Византийский ученый Лев Математик: из истории византийской культуры в IXв./ВВ. Т. 2. 1949.

163. Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX-X вв. М., 1981.

164. Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII-первой половины IX в. Л., 1961.

165. Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV-VIII вв. Л., 1976.

166. Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X – XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977.

167. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974.

168. Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора/ВО. М., 1982.

169. Литаврин Г.Г. Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI-X вв./ ВВ. Т. 46. 1986.

170. Лихачев Н.П. Моливдулы греческого Востока. М., 1991.

171. Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. М., 1911.

172. Лихачев Н.П. Печати патриархов Константинополя. М., 1899.

173. Лихачева В.Д. Искусство Византии IV – XV веков. Л., 1981.

174. Лихачева В.Д. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX-XV веков в собраниях Советского

Союза. М., 1977.

175. Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII-IX вв./ВВ. Т. 17–19. 1911–1915.

176. Лопарев Хр. Об униатстве императора Мануила КомнинаУ/ВВ. Т. 143а 1907, изд. 1909.

177. Лопарев Хр. Повесть об императоре Феодосии II/ВВ. Т. 5, вып. 1/2. 1898.

178. Любарский Я.Н. Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма.М., 1978.

179. Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

180. Медведев И.П. Византийский гуманизм XIУ-ХУвеков.Л., 1976.

181. Медведев И.П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

182. Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Париж, 1990.

183. Мейендорф И. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в./ ТОДРЛ. Т. 29. 1974.

184. Митрофанов П. Изменение в направлении IV Крестового похода/ ВВ. Т. 4, вып. 3/4. 1897.

185. Морозов Н.А. История возникновения Апокалипсиса. Откровение в грозе и буре. М., 1991 (репринт).

186. Оскар Пио. Из жизни римских императриц2. М., 1991 (репринт). Ко многому изложенному у г. Пио стоит относиться критически).

187. Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования/ Византия, южные славяне, Древняя Русь, Западная Европа. Сб. статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973.

188. Остроумов И.Н. История Флорентийского собора. М., 1847.

189. Паравян Н.А. Греческий огонь/Химия и жизнь. 1993. №3.

190. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.

- 191.** Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. Л., 1964.
- 192.** Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков/ТИБ. Т. 46. Л., 1946.
- 193.** Пигулевская Н.В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
- 194.** Писарская Л.В. Памятники византийского искусства V-XV вв. в Государственной Оружейной палате. Л.-М., 1964.
- 195.** Полевой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников)/ВВ. Т. 28. 1961.
- 196.** Поляковская М.А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV века)/Социальное развитие Византии/АДСВ. Свердловск, 1979.
- 197.** Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
- 198.** Попов Н.Г. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892.
- 199.** Попов Н.Г. Очерки по гражданской истории Византии (за время Македонской династии). М., 1913.
- 200.** Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
- 201.** Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983.
- 202.** Регель В.Э. Хрисовул Андрея Палеолога/ ВВ. Т. 1, вып. 3/4. 1894.
- 203.** Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы; к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- 204.** Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.
- 205.** Сиротенко В.Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395–425 гг. и ее последствия/АДСВ. Вып. 8. 1972.
- 206.** Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке (от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина). Спб., 1884.
- 207.** Сметанин В.В. Византийское общество XIII-XV веков: по данным эпистолографии. Свердловск, 1987.

- 208.** Сметании В.В. Расходы Византии на армию и флот(1282–1453)/АДСВ. Свердловск, 1975.
- 209.** Соколов И.И. Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV в. Спб. 1907.
- 210.** Соколов И.И. Крупные и мелкие властители в Фессалии в эпоху Палеологов/ВВ. Т. 24 за 1923 –1926 гг., изд. в 1926.
- 211.** Соколов И.И. О поводах к разводу в Византии с половины IX до половины XV в. Спб., 1911.
- 212.** Сокольский Вл. О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории византийского права/ ВВ. Т. 1.Вып. 1/2. 1894.
- 213.** Стасюлевич М.М. Осада и взятие Византии турками. Спб., 1854.
- 214.** Суворов Н.С. Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902.
- 215.** Сюзюмов М.А. Византийский город (середина VII-середина IX в.)/ВВ. Т. 27. 1967.
- 216.** Сюзюмов М.А. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии)/ВВ. Т. 29. 1968.
- 217.** Сюзюмов М.А. Экономические воззрения ЛьваУИ/ВВ. Т. 15. 1959.
- 218.** Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- 219.** Удальцова З.В. Борьба партий на Флорентийском соборе/ВВ. Т. 3. 1950.
- 220.** Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1989.
- 221.** Удальцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана/ ВВ. Т. 27. 1967.
- 222.** Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV-VII веков). М., 1974.
- 223.** Удальцова З.В. Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии/ ВО. М., 1982.
- 224.** Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
- 225.** Удальцова З.В. Советское византиноведение за пятьдесят лет. М., 1969.
- 226.** Удальцова З.В. Церковные историки ранней Византии/ ВВ. Т. 43. 1982.

- 227.** Удальцова З.В., Котельникова Л.А. Власть и авторитет в средние века/ВВ. Т. 47. 1986.
- 228.** Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах/ИРАИК. Т. 3. София, 1898.
- 229.** Успенский Ф.И. Константинопольский эпарх/ИРАИК. Т. 4, вып. 2. София, 1899.
- 230.** Успенский Ф.И. Военное устройство Византийской империи. ИРАИК. Т. 6, вып. 1. София, 1900.
- 231.** Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.;Л., 1913–1948 (т. 2, ч. 2 не выходил).
- 232.** Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. Спб., 1911.
- 233.** Успенский Ф.И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний/ ВВ. Т. 22 за 1915–1916 гг., изд. в 1916.
- 234.** Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М., 1990.
- 235.** Флоринский Т.Д. Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIV в. Киев, 1883.
- 236.** Франчес Э. Народные движения осенью 1354 года в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина/ВВ. Т. 25. 1964.
- 237.** Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991.
- 238.** Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986.
- 239.** Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990.
- 240.** Obolensky D. The Byzantine commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. London, 1971.
- 241.** Ostrogorsky G. Geschichte der Byzantinischen Staates. Munchen, 1940.

3. Энциклопедическая литература

- 242.** Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. 1968–1978.
- 243.** Большая энциклопедия/Под рук. С.Н.Южакова. Спб., 1896–1909.
- 244.** Энциклопедический словарь/Изд. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Спб., 1890–1904.
- 245.** Энциклопедический словарь. 7-е изд. /Изд. «Гранат», М., 1914–1940.
- 246.** The Oxford Dictionary of Byzantium/ Ed. A.P.Kazhdan. 1991.
- 247.** The New Encyclopaedia Britannica. 15-th edition, 1991.

4. Основные источники иллюстративного материала

- 248.** Толстой И.И. Византийские монеты. Барнаул , 1991.
 - 249.** Alram M. et. al. Die Munzsammlung der Augustinerchorherrenstiftes Klosterneuburg. Wien, 1989.
 - 250.** Beckwith J. The art of Constantinopel. London, 1961.
 - 251.** Byzantinische Schatzkunst/ Red. J. Flemming. Berlin, 1979.
 - 252.** Grierson P. Byzantine coins. Los Angeles, 1982.
 - 253.** Sear D.R. Byzantine coins and their values. London, 1971.
 - 254.** Whitting P.D. Monnaies Byzantines. Fribourg, 1973.
-

Примечания

- ¹ - В электронной версии все иллюстрации опущены.
- ² - В подписях к монетам указаны номинал, материал изготовления, номер источника (каталога) по списку литературы и номер монеты в этом источнике.
- ³ - Ошибка. Феодосий I родился в 347 г.
- ⁴ - Августул – «августенок». «августишка».
- ⁵ - Сословие «достойных» далее разделилось, в свою очередь, на три класса – иллюстриев (имели право заседать в верхней курии сената), клариссимов и спектабилей.
- ⁶ - Последним осколком Западной империи оставалась часть Галлии (между Луарой и Маасом) под властью римского наместника Сиагрия. В 486 г. вождь приморских франков Хлодвиг разбил Си-атрия при Суассоне. Наместник бежал в Тулузу, к вестготам, но те вскоре выдали его Хлодвигу. В 487 г. Сиагрий был казнен. В начале VI в. на территории бывшей римской Британии вспыхнуло восстание местного населения, успешно возглавленное потомком римлян Анастасием Аврелианом. История его борьбы и правления спустя много веков трансформировалась в цикл легенд о короле Артуре.
- ⁷ - Отношение к этому было неоднозначным у самих ромеев. «Я полагаю, – писал еще в V в. Сине-сий, – что ничто и никогда не причиняло Римской империи такого вреда, как та театральная пышность, окружающая фигуру императора, которая втайне подготавливается священнослужителями и выставляет нас в варварском облике» [77, с. 345].
- ⁸ - По мнению Г.Острогорского. Иногда полагают, что обряд миропомазания появился в Византии значительно раньше.
- ⁹ - При провозглашении последнего императора Константина XII Палеолога на изготовление щита была использована последняя серебряная дверь Большого дворца.
- ¹⁰ - И не даром в мае 1453 г. в ответ на предложение султана Мехмеда II сдать уже обреченную столицу последний

василевс Константин Драгаш ответил: «Император готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли; город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может передать император – лучше умереть» [148, с. 360].

¹¹ - Ромейские писатели именовали свою столицу также Византий, Царственная, просто Полис (город) и даже Новый Иерусалим.

¹² - Именно так впоследствии сделал Стилихон, выдав дочь за императора Гонория.

¹³ - Интересно, что граждане избрали его на этот высокий церковный пост, дававший власть над окрестными епископами Киренаики, из уважения к уму и способностям Синесия, хотя тот не был крещен!

¹⁴ - С конца III в. императоры (за небольшим исключением) не делали неудобный в плане стратегического расположения Рим своей резиденцией, и двор, как правило, пребывал в более подходящих городах – Медиолане, Падуге, Равенне, Никомидии, Ахвилее и др.

¹⁵ - Св. Кирилл Александрийский стоял у истоков христологической ереси, получившей позднее название монофиситства от греческого «μία φύσις» – одна природа . Так как монофиситство, развиваясь, рождало множество несхожих течений, однозначно и вкратце охарактеризовать это учение (что в полной мере относится и к несторианству, и к арианству) сложно да и вряд ли правильно. Например, по Кириллу, «единая природа Бога-Слова воплощенная», строго говоря, не отсутствие человеческой природы во Христе вообще, а ее умаление, своего рода поглощение низшей человеческой природы природой высшей, божественной. Монофиситы другого направления признавали у Христа наличие человеческой природы, отличной от нашей, людской. Иногда под монофиситством, калькируя этот термин, понимают учение о наличии во Христе только одной природы – такое было, но, кстати, наиболее авторитетные монофиситы столь упрощенную точку зрения отвергали. Пожалуй, наиболее четкой гранью,

отделяющей развитое монофиситство от ортодоксии, можно считать отношение к IV Вселенскому собору в Халкидоне – монофиситы его не признают. Подробнее о сути проблем христологических и тринитарных споров, монофиситстве, арианстве, несторианстве, монофелитстве заинтересованный читатель может узнать из книги А. В. Карташева «Вселенские соборы». М., «Республика», 1994.

¹⁶ - Некоторые исследователи считают, что это портрет не Маркиана, а более позднего императора – может быть, Ираклия!.

¹⁷ - Первоначальное имя Зинона имеет у историков массу вариантов написания.

¹⁸ - Против «Henoticon'a» вынул папа Симплиций (ум. в 483 г.). а его преемник Феликс III обострил конфликт и довел его до схизмы.

¹⁹ - Когда солдаты, производившие похороны, слышали вопли из закрытого саркофага, они доложили о такой «странности» начальству и Ариадне. Но приказ вскрыть гроб был намеренно отдан не сразу, и император успел задохнуться.

²⁰ - Старший сын Зинона от первого брака пошел в делах разгула по стопам отца, но излишества подорвали его здоровье, и он умер молодым.

²¹ - Он, например, из гуманных соображений запретил показывать в цирках борьбу людей с дикими зверями (чем, кстати, вызвал открытое недовольство ромеев).

²² - Собор Санта-Мария дель Фьоре, Флоренция, архитектор Филиппе Брунеллески.

²³ - В 989 г. храм частично обрушился при землетрясении, но его восстановили. Новый купол, сооруженный армянским архитектором Трдатом, стал несколько меньше прежнего. Храм серьезно повреждало землетрясениями и позже.

²⁴ - Название утвердилось в XVI столетии.

²⁵ - Была и третья – на Западе, в Риме.

²⁶ - «Ника!» («побеждай!») – клич, которым во время скачек болельщики подбадривали возничих.

²⁷ - Савватий – отец Юстиниана.

²⁸ - Двумя днями ранее народ хотел облечь в императорские одежды другого племянника Анастасия – патрикия Прова (Проба), но Пров скрылся, и толпа разорила его дом.

²⁹ - До 537 г. в Константинополе не проводилось ристаний, подъем активности димов наблюдается лишь в конце 40-х гг. VI столетия.

³⁰ - Три года спустя философы вернулись обратно.

³¹ - Агафий имел в виду таких императоров, как Август, Траян или Марк Аврелий.

³² - Именно так переводится с греческого ее имя.

³³ - Авары носили длинные, заплетенные в косы волосы.

³⁴ - Тиверий I – римский принцепс Тиберий (14 – 37 гг. н.э.).

³⁵ - Союз с аварами византийцы заключили впервые в 558 г. против гуннов.

³⁶ - Тиверий носил и традиционное для восточноримских владык имя «Флавий».

³⁷ - Т.е. не преследовать христиан.

³⁸ - По-видимому, это сын того самого Юстина, что был убит Юстином II.

³⁹ - Арзаненна – область в Армении.

⁴⁰ - Евагрий писал «Церковную Историю» в царствование Маврикия, поэтому его панегирические характеристики неувидительны.

⁴¹ - В нарушение римской традиции.

⁴² - Он женился на сестре императора, Гордии.

⁴³ - Персию охватило мощное народное восстание под началом талантливого воина Бахрама Чубина, который, изгнав Хосрова II, на короткое время занял трон в Ктесифоне.

⁴⁴ - Еретик, сторонник ереси марконитов.

⁴⁵ - Кентавр и киклоп служили для греков символами буйства и грубости.

⁴⁶ - По свидетельству «Пасхальной хроники» – в св.Софии.

⁴⁷ - Их империя потеряла при императрице Ирине.

⁴⁸ - На малоазиатском берегу Босфора.

⁴⁹ - Специалисты по обслуживанию военных машин и снаряжения.

⁵⁰ - Константин I – римский император, основатель Константинополя, Константин II – его сын, правивший некоторое время империей совместно с братьями Константом и Констанцием II.

⁵¹ - Обычай уродовать, а не убивать возможных кандидатов на трон (обычно детей свергнутых императоров), видимо, пришел с Востока, так как в Риме он неизвестен. Это связано с распространенным в средние века принципом «увечный не наследует престола».

⁵² - Констант I – сын имп. Константина I, см. прим. 1 к гл. «Константин III».

⁵³ - Бронза статуи Гелиоса работы ученика Лисиппа, Хареса из Линда (одно из семи чудес света – «Колосс Родосский»), лежавшей на берегу, была продана на металл какому-то еврейскому купцу, и тот нагрузил ею караван в несколько сот (по разным источникам – от 600 до 980) верблюдов.

⁵⁴ - Духовное лицо теряло право на трон.

⁵⁵ - Жидкие огнесмеси существовали и в более древние времена, но секрет их изготовления к VII веку был утерян.

⁵⁶ - Обычай посвящать волосы – свои или своих родственников Богу восходил еще ко временам язычества.

⁵⁷ - Отсюда и кличка Ринотмет – «безносый».

⁵⁸ - Впервые императорский титул в Византии получил варвар-язычник.

⁵⁹ - В 705 г. это делали равеннские жители, гостившие в Константинополе.

⁶⁰ - Следующим папой, совершившим поездку во Второй Рим, стал Павел II в 1967 г.

⁶¹ - Непонятно почему. Впрочем, по одной из версий, Феодосий III был отнюдь не низкого рода, а сыном Тиверия III.

⁶² - Римские императоры Валент II (364 – 378) и Юлиан II Отступник (355 – 363) считались врагами православия. Первый,

ярый арианин, воздвиг гонения на ортодоксальный клир, второй вообще пытался возродить язычество.

⁶³ - Впрочем, живых преступников выдавали для вскрытия врачам и в просвещенной Александрии Птолемеев.

⁶⁴ - От нее Константин имел двух дочерей.

⁶⁵ - Гвардейцам зачитали подложный приказ Ирины, которая якобы назначала Никифора соправителем, чтобы оградить трон от происков Аэция. Так как евнуха при дворе не любили и действительно подозревали в злоумышлениях по отношению к василею, приказу поверили, заговорщиков не только не попытались задержать, но и помогли доставить все необходимое для венчания Никифора на царство.

⁶⁶ - Прозвище Рангаве, возможно, славянского корня и значит «сильнорукий».

⁶⁷ - 25 декабря 811 г. Михаил I объявил соправителем своего сына Феофилакта. После низложения Рангаве Феофилакт и его брат Никита были оскотелены.

⁶⁸ - Например, восстание персов (816 – 837 гг.), во главе которого стоял талантливый организатор Бабек.

⁶⁹ - Фурка – орудие казни, двурогие вилы.

⁷⁰ - Интересно, но сам Травл вторым браком был женат на монахине – дочери Константина VI Ефросинье.

⁷¹ - Впоследствии Кассия ушла в монастырь и прославилась как талантливая поэтесса.

⁷² - По установлении мира Борис торжественно крестился, приняв имя василевса – Михаил.

⁷³ - По установлении мира Борис торжественно крестился, приняв имя василевса – Михаил.

⁷⁴ - Тривиум: грамматика, риторика, диалектика и квадривиум: арифметика, геометрия, астрономия и музыка.

⁷⁵ - Отдельная глава в жизнеописаниях «Продолжателя Феофана», см. [69].

⁷⁶ - Иногда называемая также «Эпанагога».

⁷⁷ - Сын от первого брака.

⁷⁸ - Андрей носил кличку Скиф, возможно, это был русский.

⁷⁹ - Многосвечный светильник.

⁸⁰ - Праздник брумалий был восстановлен – или в конце правления самого Романа, или уже во времена автократии Константина VII.

⁸¹ - Багрянородного, буквально – «рожденного в Порфире». Порфирой называлась палата Большого дворца, в которой рожали императрицы. Титул Багрянородного означал, что в момент рождения будущего василевса его отец занимал престол. Это было важным козырем в доказательстве легитимности власти монарха.

⁸² - Никифор был доместиком схол Востока, Лев – Запада.

⁸³ - Звание стратига-автократора давало очень широкие полномочия – вплоть до права объявления войны и заключения мира.

⁸⁴ - А.Н.Сахаров [204] склоняется к другой точке зрения, а именно той, что целью посольства было отговорить князя от нападений на Крым и Херсонес, а Фока обещал не препятствовать походу русских войск в богатую Болгарию за добычей.

⁸⁵ - Об армии западных государств Фока имел самое презрительное мнение. По словам Лиутпранда, василевс как-то заявил ему: «Воины твоего государя не умеют ни ездить на конях, ни вести пеший бой. Их длинные копья и огромные щиты, тяжелые панцири и каски мешают им в сражении». И, рассмеявшись, присовокупил: «Им мешает их обжорство, их бог – чрево, они пьяницы и трусы!» [3, с. 209].

⁸⁶ - По иронии судьбы постройка этого укрепления была закончена в тот день, когда император был убит.

⁸⁷ - Это – метафора. В спартанской армии жрец-факелоносец, пирефор, охранялся наиболее тщательно, и если доходило до его гибели, то это значило, что все войско разгромлено.

⁸⁸ - После гибели Никифора II, своего патрона, Калокир побратался – неслыханное для ромей-ского патрикия дело – со

Святославом по языческому обычаю и стал его союзником в борьбе против Цимисхия.

⁸⁹ - Не исключено, что данное место заимствовано Скилицей у Плутарха. В «Сравнительных жизнеописаниях» подобный диалог ведут Пирр и Антигон (см: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1990. Т. I, с. 504).

⁹⁰ - По закону Романа Лакапина, через сорок лет пользования землевладельцем земель, даже если приобретена она была незаконно, всякие иски по ней прекращались, и он становился, «по сроку давности», ее собственником.

⁹¹ - Здесь и далее по тексту римскими цифрами указана нумерация глав издания.

⁹² - Даже Пселл, искренне признательный ему за оказанные щедрые благодеяния и самым доброжелательным образом настроенный к нему.

⁹³ - Причиной похода была откровенно антирусская политика, проводимая императором в начале 1040-х годов. Позже отношения между Киевом и Константинополем наладились, и дочь Константина IX стала женой князя Всеволода Ярославича.

⁹⁴ - Гумберт обличил патриарха в сопричастности девяти (!) ересям. Одновременно кардинал «радовался» благочестию императора, клира, сената и народа ромеев – шаг чисто политический, т.к. Кируларий исповедовал ту же веру.

⁹⁵ - Примечательный факт: когда в 1089 г. Алексей I Комнин потребовал предоставить ему документы, относившиеся к событиям 1054 г., их в патриаршей канцелярии не оказалось.

⁹⁶ - Первым и последним римским императором, живым попавшим в плен к врагам, был Валериан (260 г.).

⁹⁷ - Пселл дал своему воспитаннику характеристику просто восторженную, но действия (а точнее бездействие) самого Михаила Дуки ее никак не подтверждают. Потому в этой книге нет этого утомительного панегирика, а читатель, интересующийся указанным стилем, может самостоятельно найти его в [53].

⁹⁸ - «Никифорица» переводится как «Никифорчик» – такое пренебрежительное прозвище евнух получил за малый рост.

⁹⁹ - Все правление римского императора Галлиена (253 – 268) было заполнено борьбой Рима против разного рода узурпаторов. Традиционно считают, что Галлиен не обращал на бедственное положение страны ни малейшего внимания, предпочитая развлекаться и проводить время в беседах с придворными философами.

¹⁰⁰ - В 1081 г. Константин Дука погиб при осаде Диррахия.

¹⁰¹ - Папа просил у норманнов, ленников Рима, помощи против императора Генриха IV и антипапы Климента III.

¹⁰² - Почтовый перегон.

¹⁰³ - Не исключено и то, что письмо Алексея – подлог, сделанный западными дипломатами.

¹⁰⁴ - Особенно это касается военной элиты. Знать гражданская (в том числе церковная) сохраняла относительную мобильность, хотя и в меньшей степени, чем ранее. Подробнее см. [139].

¹⁰⁵ - Алексей плохо произносил звук «р».

¹⁰⁶ - Латиняне на службе империи при Мануиле I, как правило, не занимали высоких постов ни в армии, ни в гражданском управлении.

¹⁰⁷ - Иерусалимом к тому времени владели мусульмане.

¹⁰⁸ - Победитель норманнов Алексей Врана еще в 1186 г. едва не лишил императора трона.

¹⁰⁹ - Многие крестоносцы, особенно простые воины и рыцари были недовольны тем, что вместо скорейшего освобождения Гроба Господня им пришлось воевать с христианами в угоду венецианцам. Часть пилигримов, среди которых были и несколько знатных сеньоров, покинула войско еще до взятия Задара. Раскол произошел и во время вторичного изменения направления похода на Константинополь. Однако вождям, или, лучше сказать, главарям Бонифацию и Дандоло удалось привести к Константинополю большую часть крестоносцев.

¹¹⁰ - По выражению К.Маркса.

¹¹¹ - Цит. по:Герье В. Расцвет западной теократии. М., 1916. Т. II. Ч. 2. С. 81.

¹¹² - Датировка провозглашения и коронации Феодора I, избрания Михаила Авториана и сражения при Пиманионе затруднительны – см.[128 – 130], [132], [231]. Считают даже, что Феодор Ласкарис не был в Константинополе в 1204 г. –см., например, [149, ст. 32], [246].

¹¹³ - Который вместе с матерью (разведенной женой Феодора) был в Грузии.

¹¹⁴ - Данная процедура, заимствованная греками у латинян, известна как «испытание огнем» (разновидность ордалии, «Божьего суда»). Наличие таких варварских обрядов, шедших вразрез со всей традицией римской и византийской культуры, свидетельствует о заметном снижении интеллектуального уровня греков после латинского завоевания.

¹¹⁵ - Палеолог – переводится как «древлечерчивый».

¹¹⁶ - Именно венецианцы владели в память своих заслуг в IV крестовом походе тремя восьмыми Константинополя, и их подеста занимал положение немногим ниже латинского императора.

¹¹⁷ - См. «Словарь терминов».

¹¹⁸ - Варлаам и его апологеты критиковали Григория Паламу по многим пунктам (см., например, ответы Иоанна Кантакузина, [38]), в частности обвиняя его в том, что, отделяя энергии от Бога, паламиты создают новых богов, которым и поклоняются. Над практикой исихастов Варлаам смеялся, называя монахов, сутками молившихся в особой позе (глядя на живот) и ждавших явления Фаворского света, «омфалонпсихами», «пуподушниками», тщащимися телесными очами узреть Господа.

¹¹⁹ - Вопрос о социальной базе этой гражданской войны не имеет однозначного решения, и стоит говорить лишь о тенденциях того или иного класса. В лагере Палеологов имелось немало магнатов, среди кантакузинистов встречались и чиновники, и купцы, и конечно же люди из престопадаря.

¹²⁰ - Был арестован и Григорий Палама.

¹²¹ - Следует учитывать, что Григора был антикантакузинистом.

¹²² - Поступок Иоанна V можно объяснить тем, что Дидимотика была его родиной, – именно там он появился на свет 18 июня 1332 г. И если в борьбе против временщика Алокавка город безоговорочно держал сторону Кантакузинов, то лично Иоанн V – не только законный царь, но и земляк горожан – получил поддержку.

¹²³ - Византийский город и крепость, расположенный недалеко от древней Спарты, столица Морей.

¹²⁴ - Мурад I приказал ослепить Иоанна вместе с отцом и, как и в отношении Андроника IV, это сделали не полностью – Иоанн VII сохранил зрение, хотя видел плохо, косил и часто моргал.

¹²⁵ - Это была вторая коронация – как соправителя Иоанна VII венчал на царство его отец еще в 1376 г.

¹²⁶ - Рыцари не смогли утвердиться в Морее из-за сильнейшего противостояния местного населения, в первую очередь духовенства. Через несколько лет сделка была аннулирована, ромеи деньги вернули.

¹²⁷ - В 1423 г. сын Мануила II деспот Андроник, видя невозможность отстоять город от турок, продал Фессалонику венецианцам и ушел в монастырь. Османы захватили город в 1430 г.

¹²⁸ - Правители стран Европы так и не прислали своих делегатов. Лишь под конец работы собора явились послы герцога Бургундского, которые даже не поприветствовали Иоанна VIII. Базельцы также не прибыли на собор, а в 1439 г. они объявили Евгения IV узурпатором трона св.Петра и избрали последнего в истории церкви антипапу – Феликса V.

¹²⁹ - Грекам удалось отстоять правомочность евхаристии на квасном хлебе наряду с евхаристией на опресноках; епископ Рима признавался первым, но за патриархами Востока было оставлено право окончательного решения по любым вопросам веры без обращения к папе, нельзя также было подавать на

императора ромеев и патриархов апелляции в Рим. Решение по вопросу о чистилище сильно запутано. В общем, Флорентийская уния стала если не полной, то значительной победой католичества и компромиссности в ней мало.

¹³⁰ - Митрополит московский и одновременно кардинал римской курии грек Исидор, глава русской делегации, единственный из «москвитов», кто подписал хартию унии, по возвращении в Москву великим князем Василием II был в наказание посажен в тюрьму.

¹³¹ - Несмотря на бедность государства в целом, отдельные греки обладали обширным состоянием.

¹³² - Пушка (точнее, бомбарда) Урбана превосходила калибром знаменитую Царь-пушку. Длина ее составляла 40 пядей, диаметр ствола в казенной части – 4, жерла – 9, толщина стенок – 1 пядь (пядь – 17 – 20 см, римский фунт – 327,45 г).

¹³³ - [18]. По другому сообщению Сфрандзи [81, с. 91], 4773 грека и 200 «иноземных мужей».

¹³⁴ - Ручница – короткоствольное оружие, прообраз пистолета; иногда так называли ручную пищаль.

¹³⁵ - Как и в случае с числом защитников, число кораблей также определяют неодинаково: в ряде работ рассказывают о пяти – четырех генуэзских и одном греческом – кораблях.

¹³⁶ - Заборола – деревянные щиты, установленные на гребне стен.

¹³⁷ - В 1454 – 1459 гг. Георгий Мамма был «латинским» патриархом Константинополя.